

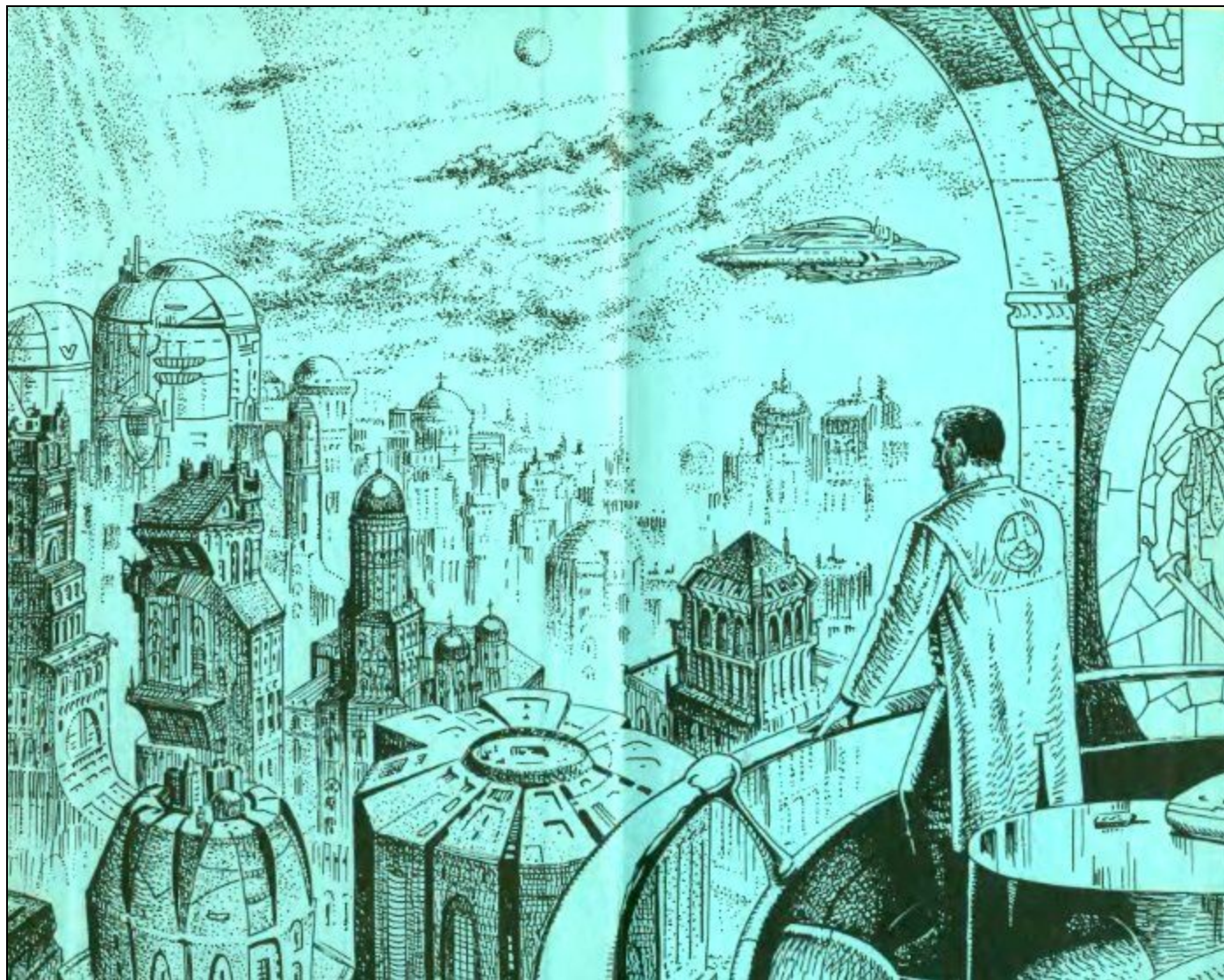
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ХРОНИКИ ХХХІІІ МИРОВ

БОРИС ИВАНОВ
НОЧЬ ПСА

Annotation

На планете Прерия ожидают важного Гостя. Причем ждут не только официальные лица. Два жулика сговариваются и выкрадывают Гостя — известного ученого, изобретателя оружия... На поиски похищенного отправляются Агент на Контракте Ким Ясное и комиссар Жан Роше. Поиски заводят их в совершенно немыслимые места и сводят с невероятными созданиями.

Борис Федорович Иванов

Ночь пса

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

БОРИС ИВАНОВ

**НОЧЬ
ПСА**

РОМАН

ARMADA
Москва, 1999
&
«Издательство Альфа-книга»

Мы с вами одной крови, вы и я.

Р. Киплинг, «Книга Джунглей»

ПРОЛОГ

— На борту... на борту нехорошо, капитан!.. Убитые... Там... В переходе к грузовому модулю. Четверо... Четверо убитых, капитан...

Лицо секунда было белее мела. Рука, поднятая к козырьку, дрожала, другая — машинально ощупывала расстегнутую кобуру бластера.

Узкое, упрямое в черную, как смоль бороду, лицо капитана Юсефа осталось бесстрастным. Лицом потомка древних мюридов. Верных Исламу и фанатичных, как чокнутые роботы.

— Спокойнее, Шон... — кэп с досадой закрыл томик древнего автора, за чтением которого застал его насмерть испуганный помощник. — Наш Пассажир не пострадал? Вы поняли, о ком я говорю?

Секонд, конечно, понял о ком. Из семидесяти семи пассажиров межзвездного лайнера «Дункан» только один из них был Пассажиром, все остальные — с маленькой «п» — не в счет.

— Это первое, что я проверил, капитан. В пассажирском — полный порядок! Наш м-м... подопечный спал и остался очень недоволен, что я его потревожил... И все остальные на борту в порядке, судя по биоиндикации...

— Значит погибли члены команды?

Взгляд кэпа Юсефа стал неприязненно остр.

— Никак нет, — голос помощника дрогнул. — Это... Этих людей нет в стартовой ведомости... Они...

— Вы... Вы хорошо себя чувствуете, офицер? — кэп поднялся из-за стола и отодвинул переплетенный в кожу томик в сторону. — Вы понимаете, что на корабле не может быть посторонних? Им просто негде здесь поместиться...

— Они... По всей видимости они вышли... Они были, судя по всему, в самом грузовом модуле. Он вскрыт... Изнутри...

Слова давались Шону с трудом.

— Вы хотите сказать, что в нашем грузовом отсеке во время Броска находились четверо людей в вакуумных скафандрах и мы их не заметили все это время?...

Говоря это, капитан быстро, но без суеты натягивал на себя комплект активной защиты. Лицо его было по-прежнему бесстрастно. Секонду, однако, не хотелось встречаться с ним взглядом и он уставился в поверхность стола и на томик древних стихов, украшавший ее. «Хафиз» — прочитал он имя любимого автора кэпа Юсефа.

— Дело в том, капитан, что на них нет никаких скафандров... Обычная одежда... И там много крови, капитан... И темнота... Темнота — пятнами...

Последнее было уже полной бессмыслицей. Но кэп воспринял ее вполне спокойно. Даже наклонил голову в знак внимания.

— Вы не скажете мне, наконец, чем убиты эти... Как они выглядят, эти трупы...

— В том-то и дело, капитан... Там... Там — ничего огнестрельного... Они... Они — разорваны, сэр... Разорваны в клочья... Нет, это не взрыв, сэр... Это... Там ничего не разрушено... Это — звери... На борту — дикие звери... Я не знаю откуда...

Капитан вынул из держателя стандартный регистратор, включил его и стал прилаживать на пояс.

— Шон, вы читали стартовую ведомость? У нас на борту нет и не может быть никаких диких зверей. Есть ручные животные общим числом — три... Вы проверили их? Они — в спецотсеке. Две кошки и одна собака...

— Кошки — не в счет, сэр... Это — вполне домашние твари. А вот за пса я бы не поручился... Это — еще та зверюга... Пес с Чура...

Капитан молитвенно соединил кончики пальцев.

— Но клетка животного была заперта?

— Не клетка, сэр. Скорее — такой контейнер... Но он, конечно, был заперт... Заперт снаружи, сэр...

— А разве этот контейнер можно запереть изнутри, Шон? Или отпереть?

— Нет, конечно... Это... это — полная чушь. Простите меня, сэр...

Не было в голосе секунда какой-то совсем малой толики уверенности... Доверия самому себе... О, Господи, как было бы ему легко, как просто все было бы, если бы он мог честно дать себе самому отчет о событиях этой ночи. Хотя бы о тех сорока минутах, что предшествовали тому моменту, когда он вставил ключ в замок переходного отсека — чтобы войти в мир крови, смерти и мерцающей тьмы. Кто и что привело его туда? «А сейчас, — подумал Шон, — кэп спросит меня, что я делал до того, как... До того как — что? До того, как оказался перед дверью межмодульного перехода? До того, как в твоих руках, Шон, оказался тот ключ?..»

Но капитан ни о чем не спрашивал его.

— Сейчас я распоряжусь, чтобы никто не покидал своих отсеков, — кэп положил свою широкую ладонь на клавиши коммутатора. — Подготовка к маневру и все такое... А вы, Шон, пойдете в научный сектор и подгоните к переходнику четыре контейнера с заморозкой... Мы с вами уберем покойников в криокамеру, запрем ее на шифрозамок и тщательно — вы слышите меня, тщательно — приведем в порядок переход и грузовой отсек. Только вы и я — больше никто. А потом осмотрим корабль. Тоже — только вдвоем... И вы дадите расписку о неразглашении. Вы все поняли?

— Я все понял, сэр... — заверил капитана секунд.

Часть 1
НА ЗАКАТЕ

Глава 1

ГОСТЬ, ПСЫ И НЕУДАЧНИКИ

— Закат здесь хорош — вы им будете любоваться еще часов шесть — но рассвет будет прекрасен. Прекраснее во сто крат! — объявил господин секретарь и принял благоговейную позу перед распахнутым окном Ратуши.

Ким из вежливости поднялся из-за осточертевшего ему письменного стола и присоединился к церемонии созерцания панорамы столицы. По всей видимости, это занятие входило в его обязанности агента на контракте. Неоговоренные в его трудовом соглашении с Федеральным Управлением Расследований, но, необходимые для честной отработки командировочных.

Окно открывало прямо-таки хрестоматийный вид на гневное, захлестнутое закрученными закатными облаками, безмерно высокое небо Прерии. Ниже — над россыпями крыш белокаменных корпусов Центра — сказочным золотым блеском сияли маковки многочисленных церквей, в большинстве своем — православных. В бездонных небесах, словно их отражение — там, далеко над облаками, золотой мишурой поблескивали огоньки Колонии Святой Анны. Довольно плотно населенный архипелаг астероидов и малых лун нестройным роем обращался вокруг огромного ядра Прерии-2 — планеты бескрайних степей и редких пресноводных озер, зажатых между утопленными во льдах громадами полярных хребтов. А заодно и неплохо украшал ее небосвод.

Свой оборот вокруг оси неспешная Прерия совершала за неполные сто двадцать два часа и в старину — до того, как переделанные генетиками земные злаки освоили-таки ее просторы — слыла местом унылым и суровым. Местом ссылки и каторги.

Вспомнив про это обстоятельство, Ким со вздохом вернулся к заваленному бумагами столу.

«Вот так и получается, — невесело думал он, бесшумно барабаня пальцами по листкам разложенных перед ним распечаток. — В детстве и юности — захлеб читаешь «золотую серию», начиная с По и Конан Дойля, повзрослев, увлекаешься мемуарами столпов разведки и сыска, документальной и исторической прозой... В юности с остервенением сдаешь экзамен за экзаменом в последнем из университетов Метрополии и, в конце концов, украшаешь стенку над своим столом рамочками с ксерокопиями ужасно красивых дипломов юриста и эксперта-криминалиста. И что в результате?

Нет, к тому времени ты, конечно, уже не питаешь тех иллюзий, что тешили тебя в годы отрочества: ты, конечно, уже не мнишь себя крутым волком сыска — из тех, что запросто берут за хобот крестных отцов Галактической Мафии, и тебе уже давно вовсе не улыбается перспектива один на один сойтись в схватке с каким-нибудь крепким орешком преступного мира. Вовсе нет. Но ты еще мечтаешь найти себе место в рядах Следовательского Корпуса или в штате авторитетного сысканого агентства — с хорошей перспективой роста...

Но все эти мечты — пустое: твои «резюме», разосланные во все государственные службы, нуждающиеся в услугах криминалистов, самую малость не дотягивают до того, чтобы всерьез участвовать в конкурсах на замещение вакансий. Ну, а солидные адвокатские конторы и детективные агентства — даже то, в котором ты с наилучшими отзывами прошел стажировку, — отвечают тебе любезнейшими письмами, где сетуют на удручающе низкий уровень преступности в Секторе, не позволяющий им расширять штат своих сотрудников —

тем более, за счет специалистов не имеющих рекомендаций от предыдущего работодателя...

И вот ты вешаешь над столом третью ксерокопию, тоже очень красивую — «лицензии на ведение частной следственной и правоохранительной практики» и проводишь за этим столом время, щелкая кнопкой электрокарандаша до тех пор, пока у того не сядет микроаккумулятор. Со временем ты или уходишь в бизнес — мир не без приятелей со связями — или обучаешься искусству крутиться. Чтобы платить налоги и чтобы, вообще, не положить зубы на полку ты становишься «агентом на контракте» и узнаешь много для себя нового.

Научаешься делать черную работу для «дяди» из Управления — ворошить имперских времен бумажные завалы и читать доносы мертвых стукачей на давно в бозе почивших сепаратистов. Служишь Богу Теней. Мотаешься по командировкам, утрясая деликатные делишки за господ из кабинетов — там, наверху — между людьми, что не хотят «светиться» в сводках новостей. И все такое...

Со временем у тебя даже складывается определенная репутация и образуется некий спрос на твои услуги — но, Бог мой! — до какой же степени не та репутация и не те услуги... Узкий круг лиц — из тех, что «известны тем, что неизвестны никому» сватает тебе, порой, довольно выгодные хлопоты, передают тебя из рук в руки. И ты уже не пропадешь на этом свете...

И даже приключения со временем даст тебе хлопотливый Бог Теней. Только это будут не твои приключения. И пули, что тебе тоже достанутся — дай только срок — это тоже будут не для тебя, в общем-то, приготовленные пули...

Разве это то, к чему ты стремился?

И так со всеми: мечтавшие об открытиях новых миров и о поединках с гравитационными полями «черных дыр» отроки, стали почтенными мужами, зарабатывающими свой хлеб насущный орбитальным каботажом. Метившие в светила психологии юные Фрейды и Юнги ныне пользуются страдающих синильным психозом престарелых леди, а он — несостоявшийся король галактического сыска, Ким Яснор, — сидит в пыльном кабинете у черта на куличках и роется в доносах мертвых вертухаев... Вот так все и получается...»

— А ночь здесь, должно быть, довольно скучное время? — предположил он вслух, чтобы как-то поддержать разговор с господином секретарем комитета безопасности Объединенных Республик.

Честно говоря, появление и настырное присутствие столь высокого чина здешней администрации в кабинете, отведенном для работы заезжего порученца, было для Кима загадкой. Следовало, видимо, поддерживать начатый разговор до тех пор, пока господину секретарю не будет угодно объяснить цель своего визита в низлежащие административные сферы.

— Ночь? — задумался господин секретарь. — Ночь, здесь — это, знаете ли, совсем другие шестьдесят часов, чем те, что проходят при свете здешнего светила... Хотя мы тут и живем по двадцатичетырехчасовому циклу, в те двое с половиной земных суток, что протекают в темноте, мы — немного другие существа...

— Вряд ли мне удастся близко познакомиться со здешней ночной жизнью... — вздохнул Ким, пошевелив разложенные на столе бумаги. — Управление ждет экспертного заключения в срок...

— Как говорят старики, — повернулся к нему лицом господин секретарь, —

неотложные дела останутся неотложными, если их отложить немного... Ведь согласно условиям вашего контракта вы можете и даже должны взаимодействовать с администрацией на месте — при необходимости использования агента вашей квалификации... Поверьте, у администрации Объединенных Республик найдется для вас более интересное занятие на пару-другую «малых» дней. По сравнению с составлением экспертного заключения по проекту «Мальтус», я имею ввиду...

— Но, как я понимаю, вы, однако, не предлагаете мне провести вечерок в ресторане? — криво улыбнулся Ким.

Господин секретарь изобразил на лице живейшее недоумение.

— А почему бы нет, дорогой мой? Почему бы и нет? Я как раз и хочу предложить вам провести эту пару дней в обществе довольно интересного м-м... человека. По возможности вы будете с ним всюду — в том числе и там, где гость будет знакомиться с особенностями местной кухни... Не беспокойтесь, — секретарь чуть скосил левый уголок рта, — вам не придется сопровождать гостя в ватерклозет, — вам в помощь дадут людей...

Ким испытал легкое потрясение.

— Простите, разве у Объединенных Республик нет службы сопровождения э-э... гостей планеты? Боюсь, что человек с моим стажем пребывания на Прерии — не самая удачная кандидатура для той работы, что вы мне сватаете...

Лик государственного мужа затуманился. Он с сомнением всмотрелся в лицо Кима, собравшись, видно, разочароваться в нем.

— Вы, я вижу, не нашли времени для того, чтобы поинтересоваться текущими делами нашей Прерии? И не поняли, кого я имею ввиду, когда говорил о госте, с которым вам придется работать?

— Честно говоря — нет, — признался Ким, не чувствуя за собой особой вины.

— О-о... — огорченно махнул рукой секретарь. — Значит вы не представляете, какой сыр-бор разгорелся здесь, когда стало известно, что к нам летит человек с Чура... Да еще — не кто-нибудь, а Тор Толле...

Вот теперь Ким остолбенел.

— Так Прерия решила, все-таки, участвовать в разработке гравитационного оружия? И приглашает к себе главного специалиста по таким вещам прямо с Чура? — Ким высоко поднял плечи. — И Метрополия проглотила все это?

— Господин Толле посещает Прерию по личному приглашению доктора Федина. Визит является неофициальным... — господин секретарь сделал успокаивающий жест. — Два ученых обсудят свои проблемы... А Метрополия... Если бы Метрополия не желала разрабатывать коллапс-бомбу, то не было бы ничего проще, как подписать соответствующий договор... Как вы знаете, никаких таких договоров никто подписывать не собирается. Но и иметь создателя супероружия в качестве официального гостя — жест непопулярный в преддверии очередных выборов. Поэтому Толле принимают в нашем захолустье, и поэтому нет ни официального приема, ни официальной охраны... Только наемная машина из Департамента Туризма и сопровождающий — лицо совершенно цивилизованное. Господин Братов — вам с ним придется э-э... взаимодействовать.

— Ну, а я...

— А вы — человек тоже ни сном ни духом не причастный к м-м... официальным кругам. И — большой друг народа Чура. Ведь это вы были посредником при освобождении

заложников на «Саратоге»? Именно поэтому мы и попросили ваших э-э... работодателей поручить вам какое-нибудь дельце в наших краях.

Ким почесал затылок. Потом скулу. Пожал плечами:

— Простите, но на Прерии обитает не менее сотни людей, побывавших на Чуре... И не просто побывавших... Например, Крюге — да он же полжизни провел там... Ведь Прерия — основной перевалочный пункт от Метрополии к Чуру...

Снова тень посетила лик господина секретаря.

— К сожалению, наша, так сказать, диаспора старожилов Чура занимает крайне нетерпимую позицию в отношении любых попыток импортировать в наш мир хоть что-то из цивилизации и культуры тех краев... Их, конечно, можно понять: Чур — это мир, прошедший через ад. Через атомную смерть. Мир, воспитавший цивилизацию, лишенную прошлого. Построенную на идеологии постоянного самопожертвования. Мир, в котором человек — ничто, а э-э... коллектив — все!

— Стая, — поправил Ким. — Они говорят не «коллектив». «Стая»...

Господин секретарь пожевал мясистые губы. Промокнул платком глубокие залысины.

— Короче, — кашлянув, резюмировал он, — диаспора — не та публика, на которую можно положиться в таком деле. Это, собственно, травмированные люди... Они и любят этот свой Чур и ненавидят его, боятся... Они и составили ядро оппозиции нынешним нашим попыткам установить с Цивилизацией Чура м-м... более близкие отношения...

Ким поймал себя на том, что машинально — словно слепой — нащупывает на своей щеке — прямо под высокой скулой — малую отметинку. Размером не больше вишневой косточки, плотный шрам. Любой приличный косметолог в два счета избавил бы его от этого едва заметного украшения. Но агент на контракте все тянул с этим. Может потому, что не хотел вспоминать те два месяца немоты и почти полной потери зрения — черт знает что может натворить в человеческом черепе совсем маленькая пуля. По пути... «Заложники на «Саратоге»...» — это было воспоминанием с Того Света. Не злым и не добрым. Запредельным.

— Да, — согласился он, — Чур, это всегда травма...

— Ну а вы — человек другого склада, — счел нужным польстить собеседнику господин секретарь. — И у вас есть профессиональные навыки и чутье...

Ким очнулся от лишних мыслей.

— Вы опасаетесь за гостя? — попробовал уточнить он ситуацию.

Все еще слишком зыбкую и двусмысленную.

— Неужели спецслужбы Прерии не могут?.. — он постарался спросить это достаточно наивным тоном.

— Вам не стоит беспокоиться об этой стороне вопроса... Если бы у нас были конкретные сигналы... — секретарь непростого комитета потер подбородок.

На подбородке явно обозначилась синева вечерней щетины. Несмотря на строгий костюм и властные манеры, господин секретарь удивительно походил на торговца с рынка — в конце утомительного и скандального дня.

— Значит, — ничего конкретного? — продолжал вносить ясность в предстоящие свои дела Ким.

— Студенты Университета готовят демонстрацию протеста, — секретарь поморщился. — И разные акции... Гость может схлопотать гнилой помидор в спину... Но мы обеспечим все, чтобы они разминулись друг с другом — манифестанты и Гость. Они его

ждут на Главном Терминале, а Братов встретит его на Втором... Теоретически, интерес к Толле должны проявить спецслужбы основных м-м... неконтролируемых силовых структур Обитаемого Космоса. Но все такого рода вещи у нас как раз под контролем. Чего вы хотите — провинция... Здесь все на виду...

Усталой походкой господин секретарь прошелся взад-вперед по тесноватой комнате. Повернулся к Киму.

— Важно, чтобы рядом с гостем был человек, хорошо понимающий людей Чура. И такой, который понятен им. Так будет спокойнее... Видите ли, опасность исходит не столько извне, сколько... Они ведь очень непредсказуемы, эти брошенные дети Человечества...

— Это — довольно точные слова, — согласился Ким. — Значит — только это?..

— Да... — чуть помедлив, признал господин секретарь.

И, продолжая скрести подбородок, поднял на собеседника свои влажные глаза-маслины.

— Только это... Если не считать м-м... неприятных предчувствий. Вы верите в предчувствия, господин Яснов?...

Предчувствия мучили господина секретаря не даром. Опасность над гостем Прерии действительно нависла, но исходила она вовсе не от агентуры Комплекса или Дальних Баз. И даже не от наемных террористов международного класса, регулярно поминаемых в сводках компетентных служб Федерации. Опасность исходила совсем от других людей. Например, от крепко сбитого, сорока с небольшим лет человека в кожаной куртке и джинсах, вчера еще сидевшего за стойкой бара «Лимпопо» в совсем ранний час и неторопливо загружавшегося виски. Человек этот уже начинал лысеть, но в остальном был еще хоть куда. Остатки шевелюры его отливали льняной белизной с еле заметным соломенным оттенком. Глаза его были васильково-голубыми, а загорелое, круглое, как луна, лицо было честным и располагающим к откровенности, как у большинства отъявленных мошенников. У ног его, облаченных в потертые кроссовки, лежал на полу здоровенный, белый, с черными пятнами, охотничий пес. Временами хозяин скармливал ему то соленый орешек, то еще что-нибудь с подносика с закуской, стоявшего перед ним. Человека звали Тони Пайпер, а его пса — Бинки.

Бармен «Лимпопо» был неравнодушен к собакам и ничего не имел против присутствия в своих владениях этой пары — только вот попросил мистера воздержаться от курения, и тот послушно спрятал в карман свой кисет и старый, верный «Данхилл». Чтобы как-то сгладить доставленное клиенту неудобство, бармен заметил что-то лестное о его псе. В ответ мистер тяжело вздохнул.

С собаками у Тони Пайпера отношения были не гладкими.

Далеко не гладкими. Он снова устало вздохнул и прихлебнул еще малость виски. Пожалуй, свою норму на сегодня он напрочь выбрал.

Бинки у его ног тоже нелегко, понимающе засопел.

«Полсотни килограммов верности и мускулов и дюжина фунтов несчастья, — еще раз сказал сам себе Тони, горестно глядя на угнездившуюся под столом животину. — Может быть — Чертова Дюжина...», — он задумался.

Идти сдаваться — больше ничего не оставалось. Он тяжело поднялся, отсчитал на стойку потребное количество наличности и потянул Бинки за поводок. Псина нехотя

последовала за хозяином, больше из чувства ответственности за это нетвердо ступающее по земле двуногое, чем из простого послушания. Совесть, конечно, порядком мучила Бинки: именно он, и никто другой, числился теперь причиной окончательного финансового краха тандема, который уже много лет составляли его хозяин и Адельберто Фюнф, известный бывалым людям Прерии под диковинной кличкой «Мепистоппель». Хотя — как Бог свят — вины за Бинки было с гулькин нос — но, видно, он и доставил в нужное время и в нужное место то самое последнее перышко, что сломало хребет верблюда. Верблюдом были — на пару — Тони и Адельберто, перышком — «пушистый призрак» с Шарады.

Адельберто Фюнф, владелец пятидесяти трех процентов акций «Проката гробов и других ритуальных услуг от Фюнфа», что на улице Темной Воды 15, был отцом многих начинаний. Последним из них — кажется, совсем последним — была компания по сбыту непритязательным в своих вкусах обывателям Прерии-2 «экзотических животных-любимцев из разных уголков Галактики». Так это было означено в рекламном буклете, который временами находили в своей почте, наряду с килограммами другой, подобной же литературы состоятельные обитатели особняков на Садовых Линиях и тому подобных респектабельных районов. Идея была неплоха сама по себе. Ее не погубило даже то, что торговлей «любимцами» занималось что-то вроде похоронной конторы. Ее название шло в тексте рекламы петитом, а адрес и имя владельца аршинными литерами. Нет. Губило ее только то, что за ее воплощение в жизнь взялся именно Адельберто Фюнф.

Адельберто с молодых ногтей отличала удивительная способность — обращать в убыточное любое предприятие, сколь много оно не сулило бы очевидных любому смертному выгод. Никто — даже он сам — не помнил толком, с чего, собственно, начинал молодой Фюнф, но бывалые брокеры хорошо помнили, что именно он во времена Первого Президента — не к ночи будь он помянут — был лицом, вложившим немало своих сил и чужих денег в колоссальный финансовый крах, положивший начало Дурному Времени. Биржевой люд помоложе той поры, натурально, не помнил, но все и каждый знали, что Адельберто внесен навечно в черные списки биржи. Это, впрочем, не остановило его предпринимательской инициативы. К тому времени, когда он скатился до «Проката гробов», Адельберто Фюнф был уже живой легендой.

Легендой, воплощенной в восемьдесят с лишним килограммов костистой и чрезвычайно энергичной плоти, самым выдающимся элементом которой был поистине грандиозно задуманный и исполненный Создателем нос — нос, сделавший бы честь Мюнхгаузену и Сирано, нос, достойный быть воспетым в искусстве и описанным наукой. Этот орган почти скрывал пару глубоко посаженных, пронзительно черных глаз, оснащенных кустистыми черными бровями. Выше, над великолепно вылепленным и вводившим поначалу в заблуждение многих партнеров лбом Адельберто располагалась неукротимая иссиние-черная шевелюра, придававшая ему сходство с магом-алхимиком из комикса. Довершал портрет владельца «Проката» вызывающе выдвинутый навстречу враждебной Вселенной подбородок, вечно имевший вид невыбритого, несмотря на тщетные совокупные усилия его обладателя и продукции «Жилетта». «Жилетт» старался как мог, да и Адельберто налегал на бритые с особой тщательностью, но щетина перла всюю — и выигрывала сражение.

За демоническую внешность и склонность к мистике шальной русский медвежатник Шишел-Мышел — Дима Шаленый, побывавший на Прерии залетным гостем и оставивший неизгладимый след в здешнем криминальном фольклоре, походя окрестил Адельберто Мефистофелем, произнося это слово на свой манер — «Ме-пи-стоппель». Так оно и

прилипло, и не было худшего оскорбления для содержателя «Проката», чем в глаза назвать его так. Дело осложнялось тем, что иначе его с тех пор уже и не называли, даже лучший друг Адельберто — Тони Пайпер — грешил этим, а народ попроще и вовсе считал эту гадость его именем, данным при крещении, что, конечно, не делало жизнь Адельберто медом.

Но на каждый удар Судьбы он отвечал новым вызовом.

Разведение экзотических тварей — домашних любимцев — было еще одним таким вызовом злокозненному миру. На это свое предприятие Адельберто сделал весьма основательную ставку и, даже вопреки пророческому карканью Тони, преуспел в этом деле настолько, что уже подумывал о регистрации своего предприятия где-нибудь в налоговом раю вроде Океании, но злая судьба лишь поиграла с ним, как пресыщенный кот с мышью. Дождавшись, когда сердце ее жертвы преисполнится трепетной надежды, она выпустила когти и вонзила их в загривок размечтавшегося о райских куцах предпринимателя.

Конкуренты живо оттерли Адельберто от импорта милых и безопасных богомоллов с Парагеи и бабочек из Метрополии, а весьма экзотические и ласковые мышки-дирижабли с Гринзеи искусали половину гостей на «ивнинг парти» у Гая Глузски, за что всемирно известный певец и все пострадавшие подали на Адельберто в суд. Служба санитарного контроля стала выписывать в небе над головой Мепистоппеля хищные круги, а налоговое ведомство бродило вокруг львом рыкающим, вымогая все новые и новые взятки. А вечно непритязательные гринзейские-же хамелеоны, партию которых Адельберто поразительно дешево приобрел для своего заведения, оказались заражены чесоточным микрокleshом, за что все их преобретшие остались надолго благодарны клятому Мепистоппелю — полиция до сих пор ловила по всей столице зловредных тварей, от которых пострадавшие наивно надеялись избавиться, утопив гадов в канализации. Утопление было хамелеонам нипочем, равно как чертов клещ — другое дело, свой брат — человек. Чесотка излечивалась за четыре недели, не раньше. Довершил дело «пушистый призрак».

И довершил с подачи его — Тони Пайпера. Оказавшегося, прямо-таки, Брутом. Да что Брутом — падлой, оказавшимся.

О Тони Пайпере — владельце остальных сорока семи процентов акций «Проката» — все говорила его кличка — Счастличик. Добавлять тут было нечего. Всех бед и несчастий, что обрушивала на его голову Судьба, было не счесть. И всегда странное счастье не оставляло его: во всех переделках он выходил сухим из воды.

Наибольшую известность ему принес процесс о пиратском захвате грузового космического корабля «Фатум». Процесс, кстати, так и не состоявшийся. Казалось бы все было кончено — патрульный эсминец без труда нагнал захваченный шайкой мошенников «грузовик», и взятым с поличным пиратам и лично ему — Счастличику, послужившему наводчиком, — не светило ничего, кроме долгих лет отдыха в местах не столь отдаленных, сколь суровых. Но суда не последовало, и после отбывания в столичном каземате положенного на подачу иска срока, вся компания была отпущена на все четыре стороны: «Фатум» был под завязку нагружен токсическими отходами, запрещенными к вывозу. В таком виде Милетта, славная своим жульем, продала «грузовик» правительству Республики Джей. Республика же, не будь дура, узнав, чем начинено ее новое приобретение, от сделки отказалась. Милеттские пройдохи отказ этот опротестовали. Дело пошло циркулировать по Федеральным инстанциям, и истца, как такового, в деле о захвате космического судна не оказалось. Физические же лица, в виде членов экипажа бесхозного «Фатума», при нападении отделались легким испугом и в суд подавать не стали, а разбежались, благодаря

Провидение за то, что местная прокуратура зазевалась и не усадила их самих в каталажку за поправление Экокодекса. После этой истории Тони стал на Прерии человеком известным и пока позволяло здоровье, подрабатывал в столичных заведениях то охранником, то вышибалой. Не брезговал он и всеми видами коммерции. И всюду по пятам за ним следовало странное его счастье.

Сам Тони относил его за счет пары своих амулетов: одного живого, другого — магического. Магическим амулетом был вырезанный из камня диковинной фактуры Трубочник («Пайпер», значит) — мелкий бес Пестрой Веры, покровитель курящих. Трубочник дело свое знал, и Тони на него полагался основательно. Вот и сейчас, подходя по улице Темной Воды к штаб-квартире «Проката», Тони поглаживал рукой, засунутой в карман пиджака, кожаный кисет с табаком, в котором содержал свой оберег.

Кабинет Адельберто — он же павильон-выставка «Проката» — был погружен в полутьму, а сам Адельберто — в мрачное уныние. Тревогой светились из зарослей густых бровей его глаза. Тоску и страх воплощала вся его сгорбившаяся за стойкой фигура.

— Ну что? — стараясь не смотреть Адельберто в глаза, начал Тони так, как будто ничего не произошло. — Достал тебя Глузски со своей гоп-компанией?

Последовала мрачная пауза.

— Шел бы он к хренам — Гай этот, да и все они... — мрачно прогундосил Мепистоппель. — Адвокат говорит — у меня железный аргумент. В защиту... Придурки не должны были поить «дирижаблей» виски. Т-тут другое...

Адельберто перешел на сиплый шепот:

— П-пойди т-у-д-а — он кивнул через плечо на дверь в складское помещение. — П-пойди и п-посмотри... Потом п-придешь и с-скажешь...

Тони пожал плечами, закончил привязывать поводок Бинки, своего второго — живого — амулета, к стойке и прошел на склад. Прошел мимо нагромождения диковинных предметов и изделий — чем только не пытался торговать «Прокат» — и подошел к рядам опустевших клеток, аквариумов и террариумов. Там он увидел только то, что и ожидал увидеть — ни больше ни меньше. В углу под специально присобаченным осветителем стояла единственная клетка, содержащая в себе подобие обитателя: «пушистого призрака» с Шарады. Действительно пушистого. И мертвого, как дверная ручка.

Потоптавшись некоторое время — для приличия — у клетки, Тони принял скорбный вид и вернулся в кабинет Адельберто.

— Да... — сказал он горестно. — Еще вчера вечером зверек плохо выглядел...

Это было сущей правдой. Но не всей правдой.

— Выглядел? — хрипло спросил его Адельберто.

Глаза его почти вылезли из орбит.

— Да, — все так же скорбно подтвердил Тони. — Когда я кормил его...

— Кормил? — просипел Адельберто.

Казалось апоплексический удар вот-вот хватит его.

«Все-таки не нос приделан к Мепистоппелю, а Мепистоппель — к носу», — сохраняя горестный вид, подумал Тони.

— Ты его кормил?! — сип Адельберто перешел во что-то вроде звуков, издаваемых жертвой душителя.

«Господи, он все знает...», — холодея, подумал Тони.

Бинки виновато поджал хвост.

Знать того, что произошло не мог никто. Позавчерашним утром, отправляясь в деловую поездку на Побережье, Адельберто тщательно проинструктировал Тони о том, как выгуливать и чем и когда кормить «призрака». Побережьем на Прерии именовали всего-навсего цепочку слившихся друг с другом городов, вытянувшуюся вдоль прихотливого течения Амба-Ривер и обернуться Адельберто собирался менее чем за сутки. На следующее утро — то есть вчера, Тони, насвистывая что-то непритязательное, прошел на склад, чтобы подсыпать симпатичной твари той дряни, что велено было, и обнаружил, что клетка пуста. О «пушистых призраках» говорили всякое. В том числе и об их умении скрываться, исчезать и появляться в самых неожиданных местах, что почиталось за исключительно роковые приметы. Тони решительно не верил мрачным байкам с Шарады и после первичного остолбенения пришел к единственно возможному заключению: клетка изначально оказалась открытой, а хитрый зверек, ускользнув на волю, умудрился прихлопнуть ее за собой. Он позволил Бинки как следует обнюхать подстилку клетки, дал вводную и отпустил пса в «свободный полет». Он знал, что на Бинки можно положиться. Тот исчез на весь день и задачей-таки справился: вечером появился на пороге, радостно виляя хвостом и сжимая в зубах жемчужно-серую тушку. Мертвую и чудовищно грязную.

Тони чуть не отдал концы. Потом сел на корточки и, стараясь не повышать тона, с ласковым бешенством вымолвил:

— Я же просил тебя найти зверя, Бинки. — Найти, а не придушить!!!

«Призрак», видно, недешево продал свою жизнь: шкурка его была измызгана о грязную землю Прерии, лапки растопырены, в глазах застыл немой вопрос. Бинки понял, что сотворил что-то не то и виновато поджался. В его глазах тоже застыл немой вопрос.

Попытки реанимировать «призрака» продолжались всю ночь. В дополнение к массажу грудной клетки, искусственному дыханию «рот в рот» и электрошоку были испробованы все известные Тони способы оживления и многие ранее ему неизвестные. На заре он сделал единственное, что ему оставалось: тщательно выстирал покойного, расчесал и просушил феном, а затем поместил в клетку, запер, перекрестился и отправился по кабакам — по тем, куда пускали с собакой. В каждом из баров он задерживался на час-другой и все меньше и меньше хотелось ему возвращаться в «Прокат», где должен был ждать его вернувшийся из разъездов Адельберто.

Предвидеть всю эту роковую последовательность событий тот не мог. Догадаться о случившемся — тоже. Однако факт оставался фактом — Счастливчик понимал это: оставив на попечение Тони живого и бодрого «призрака», он получил в итоге «призрака» безнадежно дохлого. Понятно, что Адельберто должен был огорчиться случившимся — на благодарность в приказе Тони вовсе не рассчитывал — но то, что случившееся потрясет его компаньона до глубины души и заметно прибавит ему седины, Счастливчик не ожидал.

— Т-ты знаешь, как я на него рассчитывал, — начал наконец Мепистоппель и кивнул головой в сторону складских дверей. — Я создал ему все условия... Я влез в долги, чтобы расплатиться за него...

Стоил «призрак» и впрямь большие деньги: зверем он даже на родной Шараде был редким, и по местным поверьям поймать его было вообще невозможно — только привязать к себе дружбой и тогда уж, поселить у себя, а там и вынести на продажу. Чисто почеловечески. Придавали цену «призракам» их способность поведением своим предсказывать будущее, равно, как и другие таинственные их свойства. Продать зверька на Прерии с выгодой для себя Адельберто мог запросто. Но его планы шли дальше, гораздо дальше.

«Призраки» на некоторое время стали его коньком. Хобби, перераставшим в манию. Он собрал в памяти своего компьютера и в трех засаленных тетрадах все — достоверные и нет — рассказы об этом виде. Вооружившись этим знанием, написал лучшему знатоку фауны Шарады — Климу Аркадьеву. Адельберто одолевала дерзновенная мечта — принудить своего «призрака» к размножению. Основать ферму.

Академик Аркадьев охотно откликнулся и прислал Адельберто обстоятельное — сотни на две килобайт — письмо, в котором подробно пересказывал все уже известное Мепистоппелю о «призраках» и кое-что неизвестное, но и ненужное. В заключение, почтенный экзозоолог с прискорбием сообщал, что способ размножения «призраков» для науки все еще темен и заранее благодарил за любую информацию по этому вопросу, буде таковая у господина Фюнфа найдется. Известно, правда, что на репродукционный период «призраки», не различающиеся между собой по полу, мигрируют в глубинные районы континента Мааса, что на Шараде, где питаются, очевидно, только иглами единственного произрастающего там вида растений — псевдососны Мураямы. Возможно, заключал академик, что именно смена рациона и провоцирует организм «призраков» на что-то подобное почкованию. Про почкование ученый писал с осторожностью — только на том основании, что признаков полового процесса или беременности у известных науки «призраков» не наблюдается.

На покупку хвои сосны Мураямы Адельберто ухлопал последние из полученных под залог «Проката» деньги. Первую порцию синеватых игл он засыпал в кормушку «Отца Гамлета» — как он окрестил потенциального основателя рода ручных «призраков» — как раз перед позавчерашним разговором с Тони. В середине дня он, не удержавшись, рискуя опоздать на Терминал, зашел в «Прокат», чтобы посмотреть «как он там» и обнаружил, что зверек мучается животом. Все знания Адельберто о редком животном не помогли ему облегчить участи несчастного выходца из ледяных пустынь далекой планеты. Помаявшись еще часов шесть, он понимающе улыбнулся Мепистоппелю и испустил дух. Горю Адельберто не было предела. Профессору Аркадьеву, верно, сильно икалось в тот день. Равно, как и шельме-китайцу, продавшему проклятую хвою Адельберто. Конечно и за шкурку «призрака» — тем более за его чучелко — любители заплатили бы немало. Но не столько, чтобы Мепистоппелю удалось расплатиться с долгами. К тому же Адельберто настолько сдружился с «Отцом» — тот и впрямь был мил, умен и привязчив — что сама мысль о том, чтобы извлечь выгоду из его брэнной тушки, была для него кощунственна — все равно, что набить чучело из любимого дедушки. Он подержал в руках почти невесомое тельце, запер опустевшую клетку и направился к установленному в подвале мусоросжигателю. Постояв перед мрачного вида агрегатом, он передумал и решил по-христиански предать «призрака» земле — так дети хоронят любимую канарейку. Вооружившись заступом, он соорудил во дворе «Проката», под большим платаном, над местом вечного — как он думал — упокоения своей мечты о ферме «призраков» небольшой холмик и означил его одним из запасенных в «Прокате» временных надгробий. После чего, в одиночестве, мрачный, как черт с похмелья, убыл на побережье последним экспрессом, и словом не обмолвившись о происшедшем со своим единственным другом и компаньоном.

Вернувшись этим утром, он, прежде чем отпереть двери своего офиса, неспеша прошел к платану, чтобы еще раз бросить взгляд на могилу своих надежд, и обнаружил ее пустой и разверстой. Волосы зашевелились у него на голове: нет, это не было делом рук человеческих — разбросанная земля не хранила следов заступа. Чьи-то лапы разгребли ее.

Снаружи или изнутри?! Мысль о банальном воровстве дешевой тушки он отверг сразу: никто не знал о том, что «призрак» сдох. Никто не знал, что он похоронен. Дело было без свидетелей. Посидев немного у стойки и опрокинув пару рюмок местного коньяку, Адельберто, движимый каким-то смутным предчувствием, прошел на склад — просто так. Вид «Отца Гамлета», покоящегося на родной подстилке, с неммым укором в глазах, потряс Мепистоппеля до глубины души. Всю жизнь он подозревал, догадывался о том, что мир, окружающий его, — всего лишь декорация, ширма, за которой правит бал потустороннее, всю жизнь предчувствовал, что ему суждено столкнуться с этим... И — вот!..

Подволакивая ноги, Адельберто Фюнф прошел на свое привычное место пребывания, обвел окружающие его пыльные атрибуты свадеб, похорон и крещений диковатым взглядом и выслушал оставшийся коньяк прямо «из горла». Это помогло. По крайней мере, к нему вернулась способность говорить — как раз к тому моменту, когда его бестолковый компаньон счел возможным вернуться на рабочее место.

К тому моменту, когда Адельберто окончил свой рассказ, подкреплявшийся совместным употреблением содержимого второй или третьей бутылки сравнительно дешевой гадости, у Тони от попыток удержаться от смеха начались спазмы.

«Нет, нельзя рассказывать ему, как все получилось на самом деле, — сказал он себе. — Он меня изуродует. И будет прав. Садизм какой-то получился. Утонченное издевательство над человеком...»

Бинки осуждающе поглядел на него и принялся грызть ножку стула.

— Однако хрен редьки не слаще, — выдавил из себя наконец Счастличик. — Историю эту ты не продашь журналистам — только, если сам сверху приплатишь. На том свете, или на этом — но мы в заднице. В смысле долгов. Что, черт возьми, делать? Остается одно — уголовщина. Надо брать банк. Где-нибудь в провинции...

— У-у... — сказал Адельберто очень уверенно. — У м-ме... У м-меня есть план.

Он глянул на Тони со значением.

— Н-но — тс-с-с-с!!! — Он поднял палец к губам. — А с-сейчас пойдём и г-глянем на НЕГО в п-последний раз...

Придерживая друг-друга, компаньоны двинулись на склад. Подошли к клетке.

Никакого «призрака» в ней не было — ни мертвого, ни живого.

Неожиданный оборот, который приобрела его миссия на Прерии, сам по себе, не слишком смутил Кима. В конце концов, подсознательно, он и ожидал чего-то в этом роде: слишком уж легко сосватали ему в Управлении это непыльное дельце — раскопки архивов политической каторги времен Империи и Изоляции... Нет — что-то другое не давало ему покоя, занозой сидело в душе, тревожа какие-то — полустершиеся уже — воспоминания... Что?

Агент на Контракте, поморщившись, сложил в потемневшие от времени папки ставшие — все от того же времени — хрупкими листы на древних принтерах набранной, злой канцелярской прозы, завязал тесемочки, защелкнул магнитные замки, завернул прижимные планки этих, переживших смутные десятилетия папок, и устало стал складывать их в допотопный сейф. Конечно, никто и не подумает отвязаться от него с этой канцелярской докумой — никто из тех, кто подцепил к ней «в нагрузку» еще и заботы по охране и — это подразумевалось само-собой — деликатному прощупыванию высокого неофициального Гостя на предмет его надежности. Но хотя бы для самого себя у него было оправдание,

позволяющее сегодня пораньше запереть унылые папки в железный ящик и пораньше покинуть порядком осточертевшее ему присутственное место.

Ким достаточно ясно представлял себе смысл инструктажа, которым по сути дела была его долгая деликатная беседа с господином секретарем. Судя по всему, компетентные службы Прерии и Метрополии не слишком беспокоила перспектива убийства или похищения Торвальда Толле. Скорее они пеклись о том, чтобы к Гостю не «подъехал» кто из посторонних и не перехватил инициативу в контактах с ним. Тут было чего опасаться: люди Чура, все равно, что малые дети в «трудном возрасте» — обидчивы и непредсказуемы. Тот по-необходимости холодный прием, что окажут Гостю здесь — на «ничейной», самостоятельной планете, может его и оскорбить, толкнуть на контакты с какими-то авантюристами от военно-промышленных мафий, которыми богата Федерация Тридцати Трех Миров... И Бог его — Торвальда этого — знает, не выходил ли на него уже кто из такого рода дельцов. Что-ж, опыт общения с людьми Чура у него, Кима Яснова — Агента на Контракте, действительно есть... Ким запер сейф, подошел к высокому окну и попытался разглядеть там — в чуть заметно потемневшем небе — малую, недобрую звездочку — ту, до которой, он так и не долетел тогда. С одной из планет, крутившихся вокруг этой золотистой пылинки небес, должен был прилететь человек, с которым ему придется провести несколько непростых дней... Некоторое время у него ушло на то, чтобы сообразить, что он не сможет увидеть ее — эту пылинку — даже тогда, когда звезды начнут смелее высыпать в небе Прерии. В это время года Система Чур находилась в небе другого полушария планеты.

Ким косо улыбнулся самому себе. Он сообразил, наконец, что так не давало ему покоя. Точнее — не сообразил, а наконец признался самому себе: ему вовсе не хотелось вспоминать про Чур и людей Чура. «Тоже мне — секрет, — пожал он плечами. — Так — нервы... Комплекс...»

Эту мысль он проглотил как горькое лекарство, и сразу, вроде, полегчало. Он отодвинул ящик стола и вынул оттуда, далеко в глубь засунутую безделушку-талисман — заячью лапку на серебряной цепочке с кольцом. Чтобы носить ключи, сторониться беды и приманивать удачу. Некоторое время рассматривал ее.

«Зря, наверное, Анна-Лотта отдала эту штуку мне в тот раз, — подумал он. — Ей-то самой как раз удачи и не хватило тогда. Самую малость...»

Он подхватил со стола свой «ноутбук», запер за собой кабинет и по гулкому, пустынному коридору Ратуши заторопился к лифтам.

Водителя-оператора кара спецдоставки, Гната Позняка, никак нельзя было назвать парнем корыстолюбивым. Скорее уж, его широкой душе были свойственны размах и щедрость в сочетании с чисто славянской нелюбовью считать деньги. Но — по расходам и доходы: пренебрегать возможностью заработать лишний бакс-другой в час ему было не след. Приходилось, терпя шуточки насчет прижимистости хохлов, запрашивать со случайных клиентов по сравнительно высокой таксе. Несмотря на это, спрос на его услуги не иссякал среди определенного слоя населения столицы: ведь так хочется подвалить к подъезду ресторана (банка, офиса партнера, дома любимой) не на привычном — что по карману тебе — немного подержанном «бегунке», у которого всех достоинств и есть только, что чист он экологически, а на роскошном, дипломатического класса каре, да еще небрежным жестом отпустить машину «на пару часов». Да что там хочется — иногда просто необходимо и пыль людям в глаза пустить и партнера уважить, подвезя его куда надо на роскошной колыхаге.

Что и говорить, спрос на услуги Гната был. Инструкция подобный промысел категорически запрещала и грозила нарушителям запрета чуть ли не громом небесным, но администрация с такими вещами не торопилась: те из начальников, что помельче, просто были включены в долю — не один такой Позняк был на службе министерства, и дело было поставлено четко — те, что покрупнее, ценили запретный заработок, как способ удержания на скуповато оплачиваемых рабочих местах квалифицированных кадров. Поэтому, заметив голосовавшего зеленой бумажкой чудака у гранитного поребрика Второй Центральной, Гнат, не задумываясь, аккуратно притормозил и опустил дымчатое стекло в правом переднем окошке.

Чудаку надо было на Степное Озеро — вариант идеальный, предполагающий оплату клиентом двух третей пути до Космотерминала, который хошь — не хошь, а все равно надо было проехать в ближайшее время по казенной надобности. Клиент не относился к числу подозрительных: справного мужика видно издалека, да и Степное было местом сосредоточения хорошо охраняемых вилл, дач и «охотничьих домиков», а не глухим погостом, откуда, туда приехав, можно и не уехать. Гнат не стал даже поднимать бронестекло, изолирующее кабину водителя от салона с предполагаемыми в нем высокими гостями Прерии. Это была его вторая ошибка. Первая состояла в том, что он посадил в кар клиента с собакой.

Псина была вежливым, хорошо ухоженным кобелем — белым с черными пятнами. Была она снаряжена дорогим намордником и надежным ошейником с поводком и была она — вся в хозяина: добродушная и неопасная. На свою беду Гнат животных любил.

Клиента звали Петер, был он разговорчив, и через четверть часа Гнат знал уже все о нраве и повадках Джека и вообще всех собак, которых этот Петер знал.

Тони-то было все равно как себя называть в течение ближайших сорока минут, а вот Бинки молча страдал, отвернувши нос от происходящего безобразия.

Среди друзей Позняк слыл человеком неразговорчивым, что вовсе не означало того, что он был угрюм. Говорил он немного, но, как правило, смачно, а послушать «щю люды брешуть» откровенно любил. Все эти качества были отражены не только в его личном деле, что у особистов в компьютерах, но и в памяти Адельберто Фюнфа, которая впитывала и хранила очень многое из того, чего люди, бывало, не знали и сами о себе.

— Работаем с тремя этими парнями, — сказал он вчера Счастливику, разворачивая перед ним украшенный своими каракулями лист распечатки, — вот их расписание работы на эту неделю.

— Понятное дело, — ядовито заметил мучимый похмельем и потому настроенный критически Тони. — Об этих троих ты знаешь хоть что-то. О других — ноль...

— Самое неприятное в тебе, Счастливик, это то, — уведомил его Адельберто, — что ты — жлоб. Есть у тебя деньги, нет у тебя денег, тебя в тачку дипломатического класса только под угрозой смерти загнать можно. Ты никогда не устраивал своей душе праздник, Тони...

— Его мне устраивали прокуроры, — мрачно прервал его Тони. — Без малого пять раз — только вот, на «Фатуме» осмыгнулись... С твоей помощью еще разок на зону прокачусь...

— Так вот, — не слушая похмельные бредни, продолжал Адельберто, — у меня хватило сил и средств, чтобы поработать с народом, что крутится вокруг правительственных гостиниц, дач и Космотерминала, и сейчас среди ночи могу перечислить тебе сведения на полсотни лиц — не меньше — включая списки их любовниц, хворей, любимых сортов пива

и сигарет. Этих трех я отсеял из целой Сахары человеческого материала. Если ты поведешь свою партию правильно — хотя бы один из них да купится. Я со всеми тремя покатался, поболтал как следует, в обиде не оставил...

— Вот почему мы в дерьме, — угрюмо определил Тони. — Предприятие идет с молотка, судебные исполнители ходят вокруг хороводом, «призраки» мрут и оживают как и когда им захочется, а Ме... — прости — а Адельберто Фюнф катается по столице на тачке класса «Роял Флайт» и делать ему больше не хрена...

Упоминание о «призраке» больно ранило нежную душу Адельберто, и он пообещал в случае повторения «подобных намеков» своротить Счастливику рыло набок. Потом успокоился и повторил:

— Один из троих купится наверняка.

В этом он был прав: Гнат Позняк был всего лишь второй попыткой Тони за это утро. И попыткой удачной. Правда он все еще не знал, что за билетик выпал ему в этой лотерее. Именно имея ввиду это обстоятельство, он во время вчерашней планерки снова вклинился в речь Адельберто с вопросом:

— Все это очень хорошо Ме... Адельберто... Но многое зависит от того, что за птица сядет в нашу клетку там — на Космотерминале... У тебя что там — служба радиоперехвата устроена, что-ли?

— Это совершенно неважно, Счастливик, — тоном Шерлока Холмса, поучающего лопухого доктора Ватсона, молвил Адельберто. — Совершенно неважно, кто сядет на генеральское место в каре спецдоставки. Важно то, что, во-первых, это будет скорее всего один человек. Если высоких гостей будет двое — тем лучше для нас. Во-вторых: это не будет чемпион Сектора по каратэ или ультрасамбо. Спортсменов принимают торжественно и извещают об этом народ загодя. Крутые катаются за свой счет. Нет — это будет рыхлый тюфяк с кейсом и расстроенной печенью. Даже если он будет вооружен, на рожон он не полезет. Будет как миленький ждать, пока за него не внесут выкуп. В конце концов, сам факт, что его похитили, усилит его политический вес и сделает неплохую рекламу. Тюфяк будет себя вести разумно. Мы тоже будем вести себя разумно.

— А если это будет охренелый суперагент или профессиональный киллер? — возразил Тони. — Дипломаты услугами таких птичек тоже пользуются.

— Спецдоставка — тоже не для таких, — Адельберто усмехнулся. — Ты не представляешь, Тони, какое жидкое говно развозят по спецгостиницам на больших черных машинах. А дерьмо всегда очень боится запачкаться. Не знаю почему, но это так, Тони Пайпер. Никакого киллера и на пушечный выстрел не подпустят к тому, что хоть каким-то боком выходит в официальную политику. К спецгостинице министерства внешней политики, например. Лопухий визгливый тюфяк — вот с чем нам придется работать, и меня заранее тошнит от этой работы. Но, обстоятельства сильнее нас.

Теперь — в третьих: с тюфяком будет сопровождающее лицо. Это — единственная и серьезная опасность нашей затеи. Это будет не профессионал — знаю по опыту. Начинаящий бюрократ — из тех, кого не грех и мальчиком на посылках держать. Этот будет драться не на жизнь, а на смерть: карьера таким важнее, чем жизнь. Без нее они себя не мыслят. А мы собираемся предпринять ни что иное, как загубить карьеру одному такому «сопровождающему лицу». Хотя, если вдуматься, мы его облагодетельствуем: вышибут его на улицу, может еще человеком станет... Если же нам не повезет особо и этот будет ко всему еще и дурнем, то дело может дойти и до смертоубийства. Поэтому ты должен очень

правильно провести свою партию в операции отсечения. Если дашь осечку, останешься один на один с мужиком, у которого в одном кармане будет бластер с сотней зарядов, а в другом — блок с красной кнопкой. И в башке у него будет сидеть инструкция, о том, что пускать в ход и то и другое, он должен без промедления и без малейших колебаний.

— Я усек, — Тони сглотнул слюну. — Но ты знаешь, Мепистоппель, я пятый раз в зону не пойду... В жизни народ не мочил, но...

— Поэтому ты должен сделать все так как надо, Тони, — почти по слогам выдавил из себя, проглотивший чудовищное оскорбление Адельберто Фюнф. — Не как всегда Тони, а как надо!!!

И теперь последнее, и самое важное: кем бы он ни был, этот наш Тюфяк — хоть осьминогом с Океании — это всегда будет тот, за кого заплатят выкуп. Разумный выкуп разумным партнерам... Самое главное для нас — этот выкуп получить. А для этого, в свою очередь, главное — не вести себя как лунатики и делать точно то, что мы запланировали, не покупаясь на все иные варианты. Ты понял меня, Счастличик?

Счастличик понял Мепистоппеля — или думал, что это так — и был твердо намерен действовать строго по плану. Гнат Позняк словно сговорившись, делал все именно так, как надо было.

Точно сразу после выезда за городскую черту — за пятьдесят километров до основного места действия — Гнат согласился пару раз глотнуть безалкогольного имбирного, полдюжины банок которого — недавно из холодильника — затесалась в наплечной сумке разговорчивого клиента, а потом осушил банку до конца и прикончил вторую. Тони честно предоставлял выбор емкостей самому Гнату и сам честно глотал проклятую микстуру.

Имбирное точно во-время оказало на них потребное для задуманного злодеяния действие: мощное мочегонное было введено во все банки поровну. Так что, когда впереди в лучах заката и в усталом мареве, царившем над Степью, появилось прижавшееся к «площадке отдыха» аккуратное, белое зданьце, этим двоим было достаточно переглянуться. Кар сбавил ход и причалил к богоугодному заведению, большую часть которого занимали несколько кабинок, означенных двумя нулями. К ним оба путника устремились почти бегом — Гнат едва успел вынуть магнитный ключ из панели управления. Прихватить из «бардачка» полагавшийся ему по должности разрядник, ему и в голову не пришло. На ходу клиент залиvisto свистнул, и пес, будто сам по себе, устремился за ними.

Кульминационный момент первого этапа плана, выношенного Мепистоппелем, наступил тогда, когда просветленный, с воспарившею душой, Гнат застегнул свой «зиппер» и отворил дверь кабинки. Слово живой, четвероногий снаряд, черно-белая псина, такая смиренная доселе, рванулась прямо в физиономию водителя — он только и успел, что заслониться рукой — и мощным ударом опрокинула его на фосфорически-белый унитаз. Острые клыки щелкнули перед самым носом Позняка.

— Петер!!! — заорал он. — Петер!!! Ваша псина сошла с ума!! Сбесилась!! С разуму зыхала!!!..

— Не обижайте зверька, — успокаивающе произнес Тони, одной рукой оттягивая злобно рычащего Бинки к ноге, а другой беря на прицел физиономию Гната.

Целиться было из чего — в руке Счастличика был зажат «Смит и Вессон» жуткого калибра. Потом, давая показания полиции, Гнат только так и говорил — «жуткий калибр» и все тут.

— И не пытайтесь подняться, — добавил Тони. — Давайте сюда ключ. И путевой лист.

И поторопись, я собачку могу удерживать пять секунд — не дольше.

Гнат не проявил знаменитого упрямства, свойственного его предкам. Магнитную карточку он отдал без каких бы то ни было разговоров, для чего ему пришлось-таки перейти в положение «сидя». Бинки чуть не порвал поводок.

— Путевой лист — в панели управления, — пояснил Гнат. — Стандартная карточка, вроде этой. В держателе программного блока. Щоб тобі им подавйвси!

— Как зовут сопровождающего? Учти, что ты так и будешь здесь сидеть до тех пор, пока я не вернусь — целый и невредимый.

— Это как же? — осведомился Гнат. — Прикуешь меня что-ли?

— Да нет. Зачем мне тебя приковывать? — пожал плечами «Петер». — Это может недоумение вызвать у кого-нибудь, кого сюда занесет... Да и насилие над личностью тогда получается. А ты сиди себе просто, да сиди. С посторонними не болтай. Можешь покурить. Кондиционер работает, вода есть — со скуки не помрешь. А песик тебе поможет... правильно вести себя. Правда?

Тони посмотрел на Бинки. Тот понимающе отступил в угол, из которого хорошо просматривалось место заключения Позняка, и уселся там в настороженной позе.

— Он у меня чуткий — так что если орать начнешь, или знаки какие подавать — если, повторяю, зайдет кто сюда — так горло напрочь и вырвет. Или когда ждать надоест сильно. Он у меня на то обучен, — заглянув Гнату в глаза, Счастливчик убедился, что тот его хорошо понял. — А теперь, не морочь людям голову и выкладывай, кого встречаешь, и кто в сопровождении.

— Кого встречаю, мне не докладывают. — с досадой разъяснил ему Гнат. — Одно лицо. Не два и не три — вот все, что знать велено. А сопровождает — Братов Николай Николаевич. Помсекретаря протокольного отдела. Мужик серьезный, хоть и молод. Засыпешься ты с ним...

— Ну, так молись тогда за меня, не то тебе здесь — крышка, — заверил его Тони, направляясь к выходу.

— Богу молиться не обучен, потому, как атеист, — зло сообщил ему в спину Гнат. — С этой поры сортиры за версту объезжать буду — лучше уж обмочусь прилюдно, чем всю жизнь про такой срам вспоминать буду...

Тони не счел нужным продолжать дискуссию. Проходя мимо блоков связи общего пользования, укрепленных на стене, он по очереди засунул в приемную щель каждого свою «фирменную» карточку — с виду типичную электронную кредитку. Прокрутив ее в своем нутре и выплюнув отраву в сетчатый слот, каждый из блоков намертво выходил из строя. Километров на шесть окрест других средств связи не было.

Гнат поудобнее уселся на полированной крышке унитаза и попробовал заговорить с «Джеком» «за жизнь». Пес оскалил зубы и в горле у него закипел сдерживаемый рык. Блестящие пузырьки слюны стекали по его клыкам, скапливались в уголках рта...

Помолчав немного, для отвода глаз, Гнат, сохраняя естественность и, как бы произвольность движений, помассировал себе поясницу и приподнялся на полусогнутых, чтобы, исхитрившись, дотянуться до дверцы своей кабинки.

Пес тоже встал.

Лифт — тяжелый и скрипучий и тем напоминавший Киму Его Превосходительство

Президента Объединенных Республик — доставил его в залитый вечерним светом вестибюль Ратуши, украшенный витражами. В отличие от обычных произведений такого рода изобразительного искусства, в общем-то однотипных по всем Мирам Федерации, эти, подсвеченные последними лучами медленно — очень медленно — заходящего светила, зачаровывали Кима. Они, верно, были делом рук действительно великого художника. Кажется, сначала они украшали какой-то из многочисленных храмов Новой Веры, разрушенных в Плохие Времена и попали в Ратушу чисто случайно, вопреки приказу тогдашнего Верховного Коменданта. Часть витражей изображала деяния героев разных эпизодов истории колонизации Прерии и ее замысловатой истории. Наверное, витражи устанавливали в высоких проемах-витринах, изначально для них не предназначенных, руководствуясь, скорее соображениями технической эстетики, а не хронологии, так что основатель Столицы, генерал-директор Кох, был обращен лицом к вереницам повстанцев, пробиравшихся под началом легендарного Седого по тропам Арктических Хребтов, а пыльная и безжизненная панорама Первичной Степи соседствовала с почти карикатурным триптихом разгула Праздника Изобилия времен второй экологической катастрофы. Впрочем, может быть, в таком подборе и расположении тем как раз и проявился своеобразный угрюмоватый юмор, свойственный жителям этого огромного — «на размер больше», как любили говорить здесь — окраинного Мира.

Как всегда в этот час вестибюль Ратуши был пуст, и некого было порасспросить об этих и других интересных вещах, связанных с витражами и историей Прерии. Только сервисный автомат очумело утюжил каменную мозаику пола, да неистребимые воробьи чирикали где-то под высоченным сводом. Ким вышел на могучий парапет, сбежал по ступенькам и торопливо пошел к Святошным полям.

Ему сразу понравилась эта часть Столицы — уже в первый же день после прибытия сюда. Официально это была всего лишь пешеходная зона в центре Столицы — одна из многих. Но была она, все-таки, чем-то другим. Казалось: по случаю какого-то праздника здешние жители соорудили на перекрестии нескольких бульваров и засаженных зеленью аллей ярмарочный городок, да так и позабыли его прикрыть, когда тот неведомый праздник закончился. Так оно, наверное, и было. Во всяком случае: праздник жил здесь и в будни: проявлялся тысячью мелких признаков будням несвойственных — снисходительностью редких, в общем-то, околоточных, бросовыми ценами наваленной на вынесенных под чистое небо прилавках сувенирной дребедени, веселым норовом уличных артистов, музыкантов и фокусников, выделяющих свои номера на импровизированных подмостках, а то и просто на углах и перекрестках — для проезда транспорта Святошные были закрыты и такие места стали здесь просто маленькими эстрадами и аренами. Не похоже, что этот народ сильно хотел подзаработать своим искусством. Скорее — просто выражал себя.

Здесь на каждом шагу попадалось что-нибудь занятное — то лавка древностей с самым настоящим, говорящим живым хозяином вместо торговых автоматов, то какой-нибудь мини-музей или микро-мемориал, то аллея редких растений, а в ней — невесть кем посаженное скок-дерево с Квесты, то часовенка Пестрой Веры, а в ней — целый сонм богов, бесов и амулетов — каменных, стеклянных, бронзовых, из керамики, метеоритного железа и бог весть из чего еще — на все случаи жизни в мерцании уймища причудливых свечей, невесть кем принесенных и разжигаемых. Кафе и ресторанчики всех разновидностей — в основном, для народа со средним достатком — и подороже — для туристов и иной залетной публики. Прорва букинистов и разных лавочек, облюбованных коллекционерами для своих, им одним

понятных, толковищ. Всегда здесь былолюдно, но никогда — тесно.

И где-то здесь стоял — на почти незаметном постаменте, вровень с текущей мимо толпой — памятник Полю Гранжу — первооткрывателю Прерии. В других Мирах Первооткрыватели высились над центральными площадями столиц. Поль Гранж просто стоял, прислонившись к стене и с интересом следил за жизнью, текущей мимо. Почти всегда в нише рядом были цветы и свечи. Никто не знал когда и где он умер и был похоронен.

А сейчас Святошные готовились к наступлению Ночи. Ким еще ни разу не видел Ночи Прерии. Но уже был слегка наслышан о ней. Тут это слово произносили как бы с большой буквы — когда речь шла о Большой — шестидесятичасовой — Ночи. Раньше — до того, как он побывал на Прерии Киму казалось, что Ночь — это самое унылое и безрадостное время для обитателей этого Мира. Но тут он ошибался: унылым временем здесь были именно долгие дневные часы благочестивого труда, и именно на Большую Ночь здешние жители откладывали свои праздники — большие и маленькие — и всяческие приятные хлопоты, связанные с исполнением своих маленьких личных заветных желаний. Должно быть это шло из давних времен — из эпохи подневольного освоения планеты каторжным народом Империи. По уложениям того времени на период «Темного Времени», как тогда обозначали Большие Ночи, сокращались нормы выработок, рабочие часы, увеличивались пайки и начинали действовать всяческие дополнительные льготы для расконвоированных и вольнонаемных. Так и прижилось.

А к тому же, наступавшие сутки были началом здешнего уик-энда. Закончивший в разной мере праведные труды народ уже выбирался на вечернюю прогулку. В кронах деревьев и на старинных, причудливой формы столбах уже загорались теплым, неярким пока светом фонарики ночной подсветки, открывались запертые в рабочее время лавки, лавочки и лавчонки, кафе, бистро и Бог весть какие еще заведения. И где-то уже тихо играла музыка.

Святошные были местом и людным и нешумным, и престижным и весьма демократическим. Богатые рестораны и дорогие магазины здесь не прижились. Но и модные субкультуры андеграунда тоже не пустили здесь корней. Здесь царствовал средний класс. Люди без претензий. Точнее, с претензией на право оставаться самими собой — ни больше и ни меньше.

На подъезде к служебным автостоянкам Космотерминала Тони охватил мандраж. Уж больно гладко все шло. Уж не очередная ли уловка злокозненного Бога Неудачников? Он глянул на начинающее темнеть небо, в который уверенно карабкались святочные фонарики Колонии Святой Анны, и дрогнувшей рукой погладил обитателя своего кисета. Ему показалось, что Трубочник сегодня спокоен за него — Тони Пайпера. Вздохнув, он начал парковать кар.

«Вот будет номер, если сейчас никто ко мне не подкатится. Я ж сроду этого Братова не видал, — подумал он. — По мне что тот вертухай в штатском, что — этот. А он-то на меня тарашится и знакомого водилу не признает. Сейчас, может, уже по блоку в министерство свое наяривает. Вот тогда тебе и крышка, старина Тони. Космотерминал — объект особо охраняемый. Блокируют в момент...»

Но страхи его оказались напрасны. Не успел он отметить по радиосвязи свой путевой лист, как к окошку водителя уже нагнулся запыхавшийся, строго, «под протокол» одетый детина с квадратным подбородком и русой шевелюрой.

— Что же вы так застреваете? — требовательно осведомился он. — И почему замена?

С этого вопроса началась уже цепь служебных ошибок помсекретаря Братова. Сделав, как того опасался Счастливчик, запрос в гараж министерства, он показал бы себя назойливым идиотом в глазах полудюжины лиц выше и нижестоящих, но избежал бы того, чего избежать не удалось. Оправдывает его только то, что с летного поля уже доносился низкий рокот маневренных двигателей транспортных платформ, волокущих на таможенный терминал тройку свежеприземлившихся «шаттлов» «Дункана», а с высоких небес уже низвергались на головы грешных завывание, свист и гром второй их тройки.

— К шестой группе приемных портов, — распорядился Братов, краем уха выслушивая сетования нового водителя на то, что Позняка в последний момент «зарезал» медконтроль, и что потому и задержались, что не могли никем Гната заменить. Для очистки совести Тони пару раз назвал помсекретаря по имени-отчеству, что тот просто воспринял, как должное — это даже разочаровало Счастливчика.

У выхода приемных портов их живо распределил в очереди встречающих каров, флаеров и обычных такси электронный диспетчер. Тони только и успевал, что потеть, вводя в автопилот поправки к уже поступившим командам. Его суетливость уже начала настораживать Николая, но тут все, наконец, прекратилось и заработали эскалаторы, «подающие» на поверхность земли новоприбывших, прошедших подземное чистилище санитарного кордона и таможни.

— Стойте здесь и ждите меня, — распорядился Братов и, выскочив из кара, рысью припустился к почти пустой движущейся лестнице, по которой, нетерпеливо шагая через ступеньку, шел ему навстречу единственный пассажир с планеты Чур.

Кима всегда поражало, как в Мирах Периферии неожиданно расцветает нечто несбывшееся там — в Метрополии, в русле «большой» истории? Те варианты культуры и истории Земли, что не состоялись, не расцвели там — в Мире четырех континентов и четырех океанов, украшенном шапками покоренных полярных льдов, медленно приходящем в себя от информационного, демографического, сырьевого, экологического и Бог весть еще каких кризисов прошлых столетий. То, что не сбылось в Метрополии, с лихвой старалось взять реванш на Периферии.

И расцветали цивилизации Фронтيرا и Гринзеи, замешанные на «крутой» идеологии первопроходцев Дальнего Запада и Сибири, потомки которых не вписались в тесноватые рамки комфортабельного мира землян, грелась под «Солнцем воров» сообщество жуликов и авантюристов Милетты, словно собрав в генах своих обитателей весь шальной авантюризм земли двадцатого века. Громоздил свои великие и смешные свершения «коллективистский и соборный» строй «Колонии Святой Анны», утопали в глупой роскоши десятков опереточных государств на ломящейся от природных ресурсов Океании. Оживленно бурлил нескончаемый Чайна-таун на Желтых Лунах, судились и рядились исламисты с иудеями на Террамото — видно, не в силах существовать друг без друга... Иные из этих, порожденных Человечеством Миров, были жутки — как Экоимперия Харур, Унитарная Республика или Мир Дальних Баз. Иные — жестоки, как Мир Седых Лун. Иные трогательны — как непонятный никому Мир Дилиндари. Суровы как Мир Малой Колонии Квеста или донельз обыденны кальвинистской обыденностью Республики Джей. Страшноваты и загадочны, как Шарада и Мир Молний...

Или Чур.

Но Бог с ним — с Чуром...

И даже унылое скандинавское благополучие — спорт плюс трезвый образ жизни — правило свой бал на похожей на горный курорт Терранове, залитой ярким светом такой похожей на солнце и такой далекой звездочки. Теперь, когда Человечество, рассеиваясь по Вселенной, превратилось из сложной, переплетенной живой мозаики культур и этносов в набор почти изолированных и почти полностью самостоятельных, словно уже готовые сорваться с ветки плоды, Миров, каждый из множества стереотипов мышления, каждый, начавший свое существование в каком-то уголке Земли образ жизни стремился взять реванш, выплеснуться из общего усредненного котла и реализовать себя в своем, милом сердцу своих обитателей Мира. А ему — Агенту на Контракте — Киму Яснову, суждено, верно, было от века скитаться между этими яркими, как елочные шары, сами в себя обращенными, Мирами и ни в одном из них не задерживаться, то ли вбирая в себя каплю каждого из них, то ли оставляя в каждом каплю своей души. Раньше это ему даже нравилось, а теперь наводило на невеселые мысли.

Так или иначе, но каждый Мир Федерации шел своим путем.

Здесь — на Прерии взял верх и разгулялся по всей ее суше и по мелководью ее полярных морей и материковых озер тот симбиоз Востока и Запада, что принято от века называть царством «необъяснимой славянской души». Что-то в жизни этого Мира, который так и не принял до конца ни суровых доктрин миров коллективистского муравейника, ни красивых как товарный ярлык и столь же обманчивых лозунгов свободных миров, было от детской комнаты большой, в умеренном достатке пребывающей семьи, а что-то — просто от сумасшедшего дома.

На Святошных это чувствовалось особенно. Здесь стилизация под ярмарку и праздник давно перестала быть стилизацией. Давно уже набирающая обороты индустриального развития и выбившаяся в первую десятку Миров, Прерия демонстрировала здесь свою провинциальную приверженность старине. Причем той старине, которой, может, никогда и нигде вовсе и не было на самом деле. Витрины и вывески стремились угодить вкусам нижегородского купечества времен весьма отдаленных. Но к ним давно привыкли. Архитектура — там, где о ней еще помнили — подражала образцам «серебряного века». Но уже никого не удивляла. Люди, фланировавшие по Святошным навстречу Киму и изредка обгонявшие его, не наряжались в костюмы 'a la XIX siecle, они всерьез носили их и не видели в том ничего странного. Это была их повседневная одежда, в которой они шли в конце рабочей недели из своих оффисов, ателье, кабинетов и мастерских домой. Делая небольшой крюк, чтобы завернуть на Святошные, — как вот завернул Ким. Впрочем, в этой негустой толпе можно было встретить и человека, одетого по моде любого из Миров Федерации. Даже в Эпоху Изоляции Прерия никогда не чуралась привечать гостей со всех концов света, а теперь — на пике своего экономического расцвета и вовсе была запружена визитерами из-за тридцати небес. Так что попадались на глаза Киму чудачки, одетые даже по последней моде Метрополии. Как, например, был наряжен бородатый тип, что приветливо махал Киму из-за столика, вынесенного для удобства клиентов из «Ладоги» под открытое небо. Тип был могуч, матер, но еще ох как крепок. Мясистый, подобный диковинному клубню нос его багровел подобно фонарю над входом в дом тайных утех. Густая — ключьями — борода довершала его сходство с ушкуйником старых времен. Не заметить такую особь было нельзя — Ким остановился и машинально помахал в ответ.

Гость был высок, как шест, тонок в кости, строен, прям и белобрыс. Волна светло

соломенных, почти бесцветных волос парила над его челом. Узкое лицо его было каким-то мальчишеским — да и осанкой и манерами он напоминал угловатого тинэйджера.

«Это из-за глаз, — подумал Братов. — Глаза у него большие и тоже светлые. Золотистые чуть-чуть — как у колдуна из той книжки...»

Одет Гость был легко, улыбался чуть застенчиво и вел на поводке Пса. Такого зверя Братов раньше не видал: короткошерстный, светло-золотистый, с белым пятном-маской — слева, вокруг глаза, Пес смахивал на питбуля, только громаден был слишком. Пес с осторожностью ступал чуть впереди хозяина и с вежливым любопытством нюхал воздух нового для него мира.

— Здравствуйте, господин Толле, — приветствовал его Николай. — Мне поручено встретить вас и проводить до гостиницы. Вы должны были получить радиogramму. Моя фамилия Братов.

— Здравствуйте, моего Пса зовут Харр. Харр из стаи Харров. Вот так. А меня зовут Торвальд. Можно просто — Тор: Тор Толле из стаи Толле... По фамилиям у нас, правда, никого не называют обычно... — Гость радостно потряс руку встречающего, а Пес его обнюхал — коротко и деловито.

Продолжая улыбаться, Толле пресек попытку Николая принять у него один из двух предметов багажа — очень длинный и узкий футляр натуральной кожи с тиснением и гербом.

— Это мой меч, — пояснил гость. — У нас такой закон — никому не доверять свой меч. На таможне тоже хотели его отобрать, но на него есть документ...

Он поднял руку к нагрудному карману, но теперь уже Братов вежливо остановил его.

— Мы в курсе ваших традиций, — он все-таки забрал у Тора второй предмет его багажа — легкий и плоский кейс. — Если вам не нравится называть меня по фамилии, то зовут меня Николай. Я вижу, вы путешествуете налегке...

— Мне сказали, — радостно встрепенулся Гость, — что не стоит много таскать с собой, здесь у вас достаточно, только, чтобы были деньги, чтобы купить все необходимое. Если так, то их есть у меня...

Братов не понял, шутит ли Гость, коверкая язык, или это такая манера говорить — там, на Чуре. Он вежливо улыбнулся и открыл перед гостем дверцу кара. Вышла небольшая заминка.

Пес подался назад и враждебно зарычал на салон машины спецдоставки. Водитель же, в свою очередь, хмуро глянул на Пса.

Вообще-то, то, что Гость не расстался со своей псиной в далеком путешествии, делало его более симпатичным для Тони Пайпера — по сравнению со всеми прочими. И в другой раз место для Пса в салоне кара запросто нашлось бы. И к собакам он снова благоволил, но затеянное предприятие диктовало свои условия. Сопровождающий вертухай в намеченных планах был предусмотрен, а вот Пес — нет. Тони лучше, чем кто бы то ни было, знал, что крупный, хорошо обученный пес, это — оружие почище пистолета: несколько десятков килограммов стальных мышц, беспощадных когтей, крушащих все и вся зубов, ярости и упорства. Иметь все это у себя в салоне в случае хоть малейшего сбоя в задуманном было бы смертельно опасно.

— Категорически запрещено... — твердо сказал Тони Братову. — Перевозка животных — только в клетке. И тогда надо было заказывать не такую машину...

Братов досадливо крякнул и оглянулся на Тора.

Тот, однако, легко воспринял наметившееся затруднение, а то — и вовсе не обратил на него внимания. Он был занят тем, что играл с Харром: словно передразнивая, морщился, скалил зубы и порывивал.

«Только бы еще на четвереньки не стал», — подумал Николай, и кашлянул, привлекая внимание Гостя.

— Нет проблем, — неожиданно живо отозвался тот. — Закажите такую машину и пусть Харра тоже привезут в гостиницу. А мы можем подождать...

— Мы можем поручить его доставку моему помощнику, — Братов достал из внутреннего кармана блок связи. — Он сейчас подойдет. А мы не можем ждать... Ваша собачка может на четверть часа расстаться с вами?

Тор обменялся с Харром парой гримас и гортанных звуков и опять неожиданно легко согласился:

— Мне только надо познакомить его с тем кто... э-э... будет его доставлять...

— Отлично, — облегченно вздохнул Братов.

Тони тоже облегченно вздохнул за рулем кара спецдоставки.

«Да это тот самый тип: с которым мы болтали в кают-компании «Ореола» всю дорогу от Фомальгаута... — сообразил Ким. — Как бишь звать-то его? Какая-то русская фамилия... Зоолог или космозоолог...»

Зоолог или космозоолог тем временем не унимался. Он жестом пригласил Агента на Контракте присоединиться к его вечерней трапезе. Ужин входил в планы Кима — когда-то еще придется перекусить в этот вечер, крутясь колбасой вокруг обременительного гостя. Однако «Ладога» была заведением чуть более обременительным для его бюджета, чем ставший привычным буфет ведомственной гостиницы. Управление, как-никак, кормило своих людей с порядочной скидкой. Да и разговор с доком — как его там... — случившимся его попутчиком в рейсе Фомальгаут-3 — Прерия-2 был ему сегодня в тягость — док, помнится, был человеком разговорчивым, а временем Ким был сегодня небогат.

Преодолев внутреннюю неохоту, он скроил любезную улыбку и кивнув доктору, устроился напротив него и с сомнением воззрившись на расписное меню, которым его тут же и отоварил расторопный сервисный робот.

Тот впал в выжидательную кому, пытаясь, видимо, умозаключить — относить ли Кима к категории заслуживающих внимание клиентов или все-таки к праздношатающейся публике.

— Возьмите вот это, — авторитетно посоветовал ему радушный бородач. — Настоящие, сибирские... Прекрасно идут с охлажденной водочкой. Рекомендую.

— Боюсь, что не смогу составить вам компании... — огорченно и чуть лицемерно заметил Ким, собираясь привести веские доказательства в пользу необходимости воздержаться от возлияний в этот вечер, но бородач знакомец уже щедрой рукой лил ему из своего объемистого запотевшего графина в стопку, полудюжиной которых загодя был предусмотрительно оснащен столик, чистую как слеза Христова влагу.

— Я вас угощаю! — гудел он. — По лицу вижу, что вам надо расслабиться, молодой человек... И — ничего удивительного: мы с вами не далее: как третьего дня сподобились сюда прибыть, а у меня уже — голова как чугунный котелок... Здешняя бюрократия — это вам не фунт изюму! Одно хорошо — на уик-энд она уползает в свое логово, и мы — грешные — можем и своими делами подзаняться и расслабиться немного... А вы — скромник, между

прочим... Всю дорогу травили мне байки из жизни всякого интересного народа, а про себя — ни гу-гу....

Тип поднял свою стопку.

— Ну, что-же — за скромных героев невидимого, так сказать, фронта!

— Это вы про что? — поинтересовался Ким.

Вполне искренне.

— Вы ведь тот самый Яснов, что тогда — при захвате «Саратоги» — предложил себя в заложники в обмен на детей? Я не ошибаюсь? — с наигранным беспокойством в голосе поинтересовался бородач.

«Откуда, черт возьми, пришла к нему эта история? К этому случайному, в общем-то, попутчику? — с досадой подумал Ким. — Или и не случайному, вовсе?»

Профессиональный фильтр подозрительности уже успел включиться где-то в глубине его подкорки. Уже давно — еще где-то после слов господина секретаря о вере в предчувствия...

— «На детей» — это громко сказано, — вежливо улыбнулся он. — На одного мальчика. Раненого. Второй не захотел покидать своих. Да и первый этого не сделал бы — если бы мог хотя бы говорить. Это ведь были мальчики с Чура...

— «Своих» — это вы про ту женщину, что их сопровождала э-э... на родину? — Тип задумчиво повертел перед собой быстро покрывающуюся испариной стопку. — Она ведь была из Метрополии. Не с Чура...

— Там еще были Псы, — уточнил Ким.

— И те... Террористы — они ведь тоже были из того кошмарного Мира, не так ли? — воззрился на него бородач. — Чур... — он пошевелил в воздухе пальцами.

Снова Киму пришлось вежливо скривиться.

Сервисный робот наконец умозаключил, что Ким, пожалуй, тянет на полноценного клиента и принялся скоренько раскладывать перед ним всяческий инструмент, потребный, по его разумению, для принятия пищи.

— Как сказать... Раз уж вы слышали про эту историю, то... Вы, должно быть, знаете, чем все это кончилось...

Это не кончилось! Это не кончилось для него — Кима Яснова — Агента на Контракте. И это не кончилось для тех, почти невидимых миру обитателей «глубинных вод» Обитаемого Космоса, роящихся в недрах спецслужб Федерации Тридцати Трех Миров, так подставивших его тогда — во время невинной командировки на сожженную атомным пламенем планету. До которой он так и не долетел. Где-то там — в темной глубине Государственной Тайны — продолжал неумолимо раскручиваться маховик расследования той странной и кровавой истории. И не зацепил ли он снова Агента на Контракте в своем неумолимо логичном вращении?

Ким сообразил, что прервался на полуслове и уже довольно долго молчит, глядя на то, как сервисный робот раскладывает перед ним пластиковые кюветки с закуской.

— Практически не было возможности установить, — поспешил он прервать паузу, — кем были эти... люди. И вообще — были ли они э-э... тем, чем мы их считаем...

Он запнулся. И закончил:

— По крайней мере, мне об этом ничего не сказали сверх того, что было в официальном сообщении...

— Темная история, — согласился бородач. — Тем не менее, вы вели себя

мужественно... Этот тост за вас.

— Лучше выпьем в память о тех, кто не вернулся с борта «Саратоги», — предложил Ким без особого воодушевления. — Это — не большая заслуга — проявлять мужество, когда просто нет другого выхода... Другое дело, если бы удалось решить вопрос без потерь. Но так не получилось. За такие операции орденов не вешают.

— Бородач с пониманием вздохнул и наконец отправил содержимое чарки в свои — немалого объема — недра.

Второй раз за этот вечер Киму напомнили о том, о чем он не вспоминал уже больше года и надеялся не вспоминать никогда. Плохой это был знак. Ким машинально нащупал в боковом кармане давешнюю кроличью лапку. «Да как же зовут его? — продолжал он свои попытки вспомнить имя собеседника. — Ладно, черт с ним, с именем — хоть к кому он сюда прилетел? Что-то связанное с Комитетом по биобезопасности. Космозоология, зоопсихология... Прогрессирующий склероз... Склеротический прогресс... В тридцать с небольшим — немного рановато...»

Он с досадой опрокинул стопку в себя.

Оказывается, он давно не пробовал настоящей водки — его, что называется, проняло.

— Закусите вот этим, — энергично посоветовал ему бородач, космозолог или зоопсихолог. — Замечательная вещь!

— Кто вам натрепался про мое участие в том деле? — напрямую спросил его Ким.

— Помощник капитана — еще на «Ореоле». Он вас узнал и — поверьте — отнесся к вам с большим уважением... А потом я сделал запрос по сети... Есть серия репортажей о событиях на «Саратоге». И потом Уолт Новиков — очень серьезный журналист, хотя и очень молодой — провел независимое расследование...

В конце концов, возможно так оно и было, и скверные предчувствия напрасно мучили Агента на Контракте. Но так или иначе, они не дали ему внимательно выслушать дальнейшие словоизлияния собеседника.

Тот, между тем, сетовал на то, что, воспользовавшись формальным предлогом для посещения «этой преинтереснейшей планетки», дал маху, повесив на себя чисто для проформы обязанность проинспектировать работу здешнего филиала комитета по биобезопасности. Проформа вылилась в нечто вроде одного из подвигов Геракла, с сильным привкусом Сизифова труда.

— Это — Авгиевы конюшни, милейший господин Яснов! — гудел бородач, пригребая из разрисованной под Хохлому салатницы квашеную с брусникой капусту. — Авгиевы конюшни! В отчетности у них и конь не валялся!.. И вообще — нет слов! Нет слов!..

«Теперь будешь знать как путешествовать по Галактике на казенный кошт, старый дурень!» — не без злорадства подумал Ким, но вслух только посетовал на то, что за делами запямятовал, какая, собственно, истинная причина занесла почтенного собеседника в эти края.

И тут же пожалел о том.

Последовало долгое и обстоятельное — со вкусом исполненное, с остановками и достойными умелого рассказчика сценическими эффектами — повествование о том, каким необычным местом с точки зрения экзобиологии является Прерия и о каких-то — с довольно мудреным латинским названием — тварях, что смогли прижиться только в трех Мирах из Тридцати Трех... Одним из этих Миров, которым посчастливилось пригреть на своей груди помянутую тварь, натурально, и была Прерия. Затем Киму было рассказано о каком-то

Апокрифе (это слово бородач произносил явно с большой буквы) Лоуренса, который на жизнь и повадки этих тварей пролил совершенно неожиданный свет. Апокриф этот военные в лице Космофлота и Управления Стратегических Разработок долгое время в каких-то своих идиотских целях скрывали в своих архивах, и только недавно, благодаря усилиям Кацнельсона старшего, Кацнельсона младшего и еще какого-то еврея, фамилию которого Ким не уловил, удалось из рассеянных по архивам Обитаемого Мира цитат и обрывков собрать и восстановить полный текст пресловутого документа и тем насолить касте военных с их прихвостнями. А из Апокрифа этого следовало, что речь идет о форме жизни, которая находится в совершенно своеобразных отношениях с пространством и временем.

— Если угодно, господин Яснов, — гудел бородач, наливая по второй, — мы сами, без каких-либо подсказок со стороны господ военных и всех их Спецакадемий, вышли на след легендарного Тартара...

— Тартара? — это слово резануло по мыслям Кима, снова напомнив нечто, о чем ему так хотелось забыть.

До этого момента мысли эти бродили несколько в стороне, ограничивая его участие в разговоре генерированием кратких междометий и вопросительных восклицаний — «да неужели?» и «кто бы мог предположить...». Теперь же Агент на Контракте с искренним интересом переспросил:

— Так что? Биологи тоже не исключают, что Тартар существует? И...

— Биологи этого не исключают в гораздо большей степени, чем физики и, извините за выражение, философы, — торжественно заверил его бородач. — Одни только опыты с подпороговым восприятием — те что проводил Мак-Грегори на Шараде и Харуре — говорят о многом... Именно поэтому я все больше тревожусь за этого чудака...

— Мак-Грегори, по-моему, давно э-э... — удивился Ким, отстраняя придвинутую ему стопку и обращая взгляд на циферблат часов.

— Я говорю не о Мак-Грегори! — с досадой воскликнул бородач, чуть было не расплескав от возмущения «Смирновскую». Но Господь не дал свершиться такому святотатству. — Я говорю о своем корреспонденте здесь — на Прерии, — стал втолковывать он Киму, снова придвигая поближе к собеседнику его чарку. — Поймите, что нашелся, наконец, бескорыстный энтузиаст, который своими руками и за свой счет начал осуществлять то, о чем мы все только болтали — «необходимо, необходимо...» А человек взял, да и осуществил то, что было необходимо — начал опыты по интродукции Пуссинерии на планете, существующей в области аномального пространства... Но ведь этот чудака, верно, и слыхом не слыхивал об апокрифе Лоуренса... И совершенно не представляет, чем рискует...

— Да уж если вы помянули о Тартаре, то, думаю, он действительно рискует... — Ким вернул чарку на место и решительно поднялся из-за столика. — Не знаю, как сам Тартар и его посланцы, а уж люди Комплекса до вашего чудака и энтузиаста доберутся — в этом можно не сомневаться... Мне, однако, пора. Дела. Так что я не могу себе позволить э-э... излишне расслабиться. Рад буду с вами и с тем вашим чудаком познакомиться... Возможно, и я познакомлю вас с интересным собеседником, доктор...

Уж в том, что бородач имеет академическое звание, Ким не сомневался и рассчитывал, что в ответ на четко прозвучавшее в конце его слов многоточие тот уточнит, допустим, «Петров». Но уточнения не последовало. Бородач, задумавшись о чем-то своем, не придал интонации его слов никакого значения. Он тоже поднялся и мрачно созерцал поверхность

древнего напитка, плещущегося в его стопке.

— Напрасно я не предупредил его о своем визите по подпространственной связи... — сокрушенно сказал он, скорее всего — самому себе. — Рассчитывал связаться с человеком здесь, на месте... И вот затянул — со всей этой бюрократической канителью... А теперь — вот уже полдня не могу дозвониться до него...

Он сурово глянул на пристегнутый к поясу дорогой универсальный блок связи, словно тот был в чем-то виноват. Ким отметил про себя, что такие игрушки — с казенными регистрационными номерами — носят только высокопоставленные чиновники Федерации.

— Придется в ночь тащиться к человеку на дом, не предупредив его заранее... — тяжело вздохнул бородач и с мрачным «не смею задерживать» пожал Киму руку.

Глава 2

ВТЕМНУЮ

Гость нагнулся к самому уху своего Пса и довольно долго что-то доверительно сообщал ему, потом выпрямился и с широкой улыбкой протянул поводок приспевшему, наконец, на место действия Леону. Ободряюще похлопал того по спине и полез в салон кара.

Братов в душе помолился, чтобы псина не перегрызла горло его помощнику прежде, чем тот довезет ее до гостиницы в вызванном по радиотелефону автофургоне.

— Я сказал Харру, что этот человек — друг, — пояснил Тор Николаю, пытаюсь поудобнее устроиться на сидении — колени почти уперлись ему в подбородок, да и футляр с длинным мечом не увеличивал комфорта в салоне кара спецдоставки.

«Верста Коломенская, — подумал Братов, искоса поглядывая на Гостя и стараясь не терять из виду и дорогу. — По «личному делу» ему — под сорок, а на лицо глянуть, так мальчишка-мальчишкой... Впрочем, иногда наоборот — на старика, высушенного степной жарой, смахивает. Когда задумается. Но это — у нас здесь степь, а там, на Чуре — радиоактивная пустыня на тысячи и тысячи миль...»

Головой Тор крутил так, словно ему за это деньги платили. Свои впечатления, он тут же выплескивал на спутников, причем, порой забывал, что Харра нет в салоне и переходил на утробное порывивание, а порой взлаивал, отчего Тони чуть было не провалил все дело, забыв свернуть, где полагалось по плану. Пришлось делать круг, что встревожило Братова.

— Большую Технологическую опять затопило, — пояснил, как можно беззаботнее, Тони, стараясь выдерживать доверительный тон — мол не стоит Гостю портить настроение неподходящим зрелищем. — Поедем по Программистов...

Братов, однако, насторожился и вынул из внутреннего кармана блок связи, видимо, собираясь доложить «наверх» об изменении маршрута. У Тони озноб пошел по коже. Он волновался бы меньше, если бы прикинул, что тяготит «сопровождающее лицо» не столько подозрения в его — водилы — адрес, а размышления, огорчат ли начальство такой вот, в сущности, мелочью — непременно заработаешь замечание — или избежать этого удовольствия и оставить дежурного по министерству в покое, рискуя быть пропесоченным на вечернем «разборе полетов», если отклонение от маршрута не пройдет незамеченным.

Впрочем, времени на размышления ни ему, ни Тони уже не оставалось — потому, что из-за плавного поворота аллеи Программистов уже показались декорации основного места действия: разбитый в столкновении с перегородившим дорогу контейнеровозом-автоматом кар, неудобно, наспех уложенный на какое-то подобие импровизированных носилок пострадавший и кровь — много крови — прямо под колесами...

Над раненым склонился то ли прохожий, то ли попутчик — взъерошенный бородатый и невероятно носатый дед. Узрев приближающийся кар, он неловко вскочил и, ковыляя — видно и ему здорово досталось при аварии — поспешил навстречу, нелепо размахивая руками. На одежде его тоже была кровь. И на лице...

— Там!.. — первым выкрикнул обладавший, видимо, самой быстрой реакцией Толле. — Там — ч-человек раненый... Ос-становите...

Он с легким сипом, сквозь зубы, как ребенок при виде крови, втянул в себя воздух. Этот детский звук как-то тронул сердце Братова и он, вопреки строжайшей инструкции, промолчал, оставляя решение на совести шофера. К тому же, все равно скорость

приходилось сбросить, чтобы самим не влететь в аварию. Блок связи он положил на сидение, правую руку положил на рукоять бластера, а левой попрочнее взялся за скобу под потолком.

— Оставайтесь на месте! — строгим голосом наказал он Тору, видя, что водитель аккуратно паркует кар у правой обочины, и первым выскочил навстречу бородатому чудаку. Когда они поровнялись, бородач повел себя совсем несообразно почтенной внешности, — с размаху влепил Николаю в физиономию струю слезоточивого газа из скрытого в перчатке баллончика и, перейдя на резвую рысь, без малейших признаков былой хромоты, с размаху влетел в услужливо открытую перед ним иудой-водилой дверь кара спецдоставки. Кар рванул с места, доказав, что скорость в шестьдесят миль в час может достичь и гораздо раньше указанных в техпаспорте шести секунд, и скрылся за поворотом, оставив ослепленного, заливающегося слезами и отчаянно перхающего Братова посреди дороги, наедине с дурацким контейнеровозом, вдрызг разбитым «Мустангом» и залитым кровью телом.

У Братова хватило ума не палить вслед похитителям из бластера — в белый свет, как в копеечку. В его теперешнем положении бластер — оружие грозное, но не шумное — был, в общем-то, бесполезен и мог только наделать лишних бед. Гораздо нужнее был бы кран с пресной водой, чтобы смыть с лица и одежды проклятую дрянь. К несчастью, с водой на Прерии всегда была легкая напряженка, и, чтобы привести себя в форму, Николаю потребовалось довольно много времени.

— Почему мы поехали? — растерянно спросил Тор в кабине набирающего скорость кара. — Почему Николай остался там? И там — раненый человек...

Он вдруг замолчал, словно услышав что-то ему одному неслышно сказанное и с облегчением поднял золотистые брови.

— Так это был вовсе не человек там, да? — спросил он.

— Заткнись дорогой, — убедительно посоветовал Гостю Адельберто и сунул ему под нос украшенный глушителем ствол здорового пистолета.

Измазавшись в проклятой краске — никакая, конечно, это была не кровь — Братов перевернул куклу — никакой это был не раненый, а просто идиотский манекен из лавочки «гэгов» — и чуть не сошел с ума от злости на себя самого при мысли о том, что блок связи он оплошно оставил на сидении умчавшейся в неизвестность машины спецдоставки. Из-за поворота, наконец, соблаговолил появиться случайный путник — католическая монашка, за рулем подержанной «черепашки». При виде сцены неслыханного садизма: здорового, прилично одетого и крепко сложенного мужика, пинающего с размаху — снова и снова — безжизненное тело в луже крови она остолбенела.

У себя в номере — маленьком и аккуратном, как кусочек рафинада, — из тех, что «Космотрек» выдает к чаю на каботажных линиях — Ким еще раз сверился с часами, сварганил себе крепкого кофе — из прихваченного из Метрополии в ущерб более важному багажу запаса — сел за стол и призадумался.

Что-то не нравилось ему в складывающейся ситуации, что-то не лепилось... Никак не лепилось в простую и ясную картинку обыденности. Машинально помешивая ложечкой в чашке, он уставился в пространство перед собой. Потом, чтобы сосредоточиться, подхватил со стола свой нож и некоторое время как зачарованный созерцал сверкающую кромку

лезвия. Это у него было от тех мальчишек с Чура — у них у всех была такая привычка — задумываясь, зачарованно пялиться на острую сталь — так некоторые перебирают четки, а некоторые барабанят нервными пальцами по столу.

И как он забыл, что Прерия — планета особая... Точнее — расположенная в особой области пространства. В зоне Аномалии. Как и Чур... Что-то в этом есть... В старые времена этого боялись — этих искривлений континуума, искажавших связь, сбивавших с курса корабли... Считали орбиты планет в этой звездной системе нестабильными, опасались превращения центральной звезды в «черную дыру»... С тех пор наука далеко ушла вперед и поэтому — а может еще просто потому, что привыкли — страху перед аномалией почти и не осталось... Ничего не стряслось с Прерией за все то — теперь уже довольно долгое время, пока поколения землян обживали ее. Разве что космофизики — из тех, что работали здесь — позащитили больше диссертаций на душу своего космофизического населения, чем их коллеги из менее интересных секторов Обитаемого Космоса, да навигаторы, а больше — травильщики баек из чинов пониже, складно излагали под пиво разные невероятные истории, что приключались с ними окрест. Фольклор здесь давно уже вытеснил страх... А вот сейчас он снова всколыхнулся в его душе — страх предков... Беспокойство. И разбудил его тот бородач с незапомнившейся фамилией... Что-то о зверях, у которых жизнь как-то связана с Аномалией... О существах. О Тартаре... И ведь Гость — Тор Толле. Ведь он же разработал что-то именно в этой области... Неразрушающие искривления континуума... Что-то очень мощное — то, что в масс-медиа окрестили «гравитационной бомбой»...

Черт возьми! Ким поймал себя на том, что вот уже полчаса складывает в уме какую-то гипотезу. Версию. Слово уже произошло преступление и ему надо расколоть орешек трудной криминалистической загадки. Найти виновного. Выстроить цепь событий... Но ведь ничего еще не произошло? Не так ли?...

За окнами — в костре догорающей зари — вдруг родился и мощно поплыл по-над причудливыми кровлями и куполами Столицы гулкий звон. На закате здесь звонили колокольни всех церквей сразу. И православных, и католических, и Новой Веры и Бог его знает каких еще... Это впечатляло.

«Ничего не случилось!» — сказал он себе, положил нож на место и встал из-за стола. Вспомнил про остывший кофе и залпом — как лекарство — проглотил его. В мозг прохладной волной накатила привычная трезвая ясность. Но осталось тревожное чувство странной раскладки карт судьбы.

Предчувствие.

О блоке связи своем Братов, впрочем, мог бы и не беспокоиться: не далее, чем в двух километрах от места происшествия, на мосту через неглубокий, но зато мутный Красный Ручей, блок вылетел из окошка кара и канул на глинистое дно вялого потока — ни Мепистоппель, ни Счастливчик не были такими дурнями, чтобы таскать за собой вещь, которую в два счета можно обнаружить по встроенному «радиоэху».

А от Красного Ручья до шоссе на Степное было и вовсе рукой подать.

Истомившийся на торчке Гнат просто остервенел, когда после почти часа ожидания услышал на шоссе до боли знакомый звук тормозов вверенного ему кара, а затем — переливающийся посвист нахального угонщика. Неусыпный страж его встряхнулся, приветливо махнул хвостом — в смысле «ну, мне пора, ты здесь уж давай сам дальше, не

подведи...» — и длинными скачками помчался к уже вновь трогающемуся с места кару. Сам Гнат несся за ним скачками более широкими, но не такими быстрыми, вращая над головой выдранную из ограды места своего заточения двутавровую балку. Кобель сходу, лихо подбросив зад, нырнул в окошко кара и второй раз на день Позняк свою машину только и видал... Метнув стальной кол вслед вора — тот помял-таки крышку багажника уходящей машины и остался лежать посреди дороги — Гнат, исходя кучерявым матом, побрел буераками, срезая повороты шоссе, к ближайшему поселку, прикидывая, что хотя и лишился в этот день кара и, скорее всего, работы, голову, все-таки, уберег и — как Бог свят — с тем, чтобы поднять тревогу не медлит, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства. Насчет тревоги к тому моменту он мог не волноваться — тревога уже полыхала вовсю.

Настольный видефон призывно закурлыкал, поспев с этой своей миссией как раз к тому моменту, когда Ким поправлял перед зеркалом галстук и мокрую после душа прическу. Покрутил в руках дезодорант, но вспомнил, что люди с Чура не расстаются со своими собаками — вполне возможно, что и этот чудак притащит с собой псину. А Псы к посторонним запахам относятся критически.

Галстук Ким пытался привести в вид божеский минут пять — с вязанием узлов на этом предмете туалета у него дело обстояло неважно. Так что к аппарату он подошел чуть раздосадованным. Да и торопить его не стоило — время у него еще было.

Вынырнувший из недр экрана господин секретарь одним видом своим заставил его забыть о мелких неприятностях. В подробности государственный муж не вдавался, а ограничился только тем, что уведомил Кима об отмене всех предыдущих планов и о том, что в приемной министра внутренних дел на его имя выписан пропуск. К гостинице же через несколько минут подъедет, чтобы забрать его, младший следователь Смирный. Еще он напомнил, что министр ждать не любит и исчез с экрана.

«По крайней мере, я не зря возился с галстуком», — утешил себя Ким, бегом спускаясь по лестнице. Кар министерства действительно ждал его. Сухой человек с резкими, словно шрамы, складками на лице представился:

— Анатолий Смирный, вы предупреждены...

И чуть ли не втолкнул его в кабину. Кар резко взял с места.

Скорость сбавлять не пришлось всю дорогу — даже в кабинет министра господин Смирный ввел его на рысях. В кабинете стояли и одновременно говорили — по телефонам и друг с другом — человек шесть матерых государственных мужей, и понять так вот с ходу, кто из них министр было нелегко.

Впрочем, то, что дорогой гость с Чура уведен прямо из стойла и визитной карточки похитители после себя не оставили, Ким понял еще раньше, чем был представлен присутствующим. Министров в кабинете оказалось целых два: тот что поосанистей — Ротмистров — и был хозяином кабинета, а молодой и усатый — Кречмарь — был в ответе за действия Объединенных Республик в чрезвычайных обстоятельствах. А еще тут были генеральный прокурор, тип из аппарата Президента и замы руководителей обоих разведок Прерии — внешней и армейской. Украшением этого букета был молчаливый посол Колонии Святой Анны — живое доказательство того, что положение дел не просто плохо, а из рук вон плохо.

А вот господина секретаря унесли куда-то черти, так что представил Кима собравшимся

встретивший его в приемной референт. Он же — после кивка министра — молча вручил ему депешу с грифом Управления. Пока Ким читал документ, собравшиеся обступили его, разглядывая кто с сомнением, а кто — с сочувствием.

— Надеюсь, вы поняли смысл полученных предписаний? — осведомился хозяин кабинета.

И уточнил:

— Вы должны отложить все остальные ваши обязанности и действуете теперь в составе объединенной комиссии наших министерств. Вами, как представителем службы федерального уровня, мы усиливаем следственную группу комиссара Роше. Вы ведь не знакомы с ним?

Ким растерянно огляделся и высказал единственно разумное при таком раскладе предположение:

— В таком случае мне, видимо, следует немедленно отправиться на э-э... Козырную набережную?

— Нет, — министр жестом как бы попридержал его. — Дело в высшей мере конфиденциальное, и будоражить наш муравейник на Козырной не стоит. Я распоряджусь — вам освободят кабинет в э-э...

— Мне уже дали кабинет в Ратуше, — уточнил Ким.

— Вот и прекрасно. Тихо и не привлекает лишнего внимания... Там и ждите Жана. Вы действуете с ним на одинаковых правах. В подчинение комиссара, а теперь и в ваше, входит восемь человек. Вы можете привлекать также всех, кого сочтете необходимым — моя санкция будет всегда...

Мимо внимания Кима не прошло то, что теперь уже все в кабинете смотрели на него с сочувствием. Министр тоже заметил это.

— Надеюсь, вы сработаетесь с мсье Роше. Он весьма... весьма своеобразный работник... В чем-то большой ребенок, в сущности, но — мастер своего дела. Так что мы весьма рассчитываем на ваше взаимодействие. Сами понимаете, что никакая огласка не желательна... Весьма не желательна. Все необходимые материалы будут переданы на ваш терминал — оставьте координаты у моего референта. У него же получите и необходимые документы. Разумеется, вам гарантирована поддержка наших компетентных служб, — министр кивнул на пару генералов в штатском. — Но они делают свое дело, а вы — свое. В настоящий момент произведено первоначальное дознание... Но мы решили не пускать дело по обычным каналам, а образовать комиссию э-э... чрезвычайного характера. У вас будут какие-то пожелания или соображения?

— Стороной, принимающей меня на Прерии, — вспомнил Ким, — является комитет безопасности...

— Разумеется, их поддержка вам гарантирована тоже... — улыбка министра слегка увяла. — Господин Азимов сейчас на приеме у Президента.

Всеобщее молчание стало почти гробовым. Киму стало очень жалко господина секретаря.

— Он свяжется с вами, — как-то неуверенно продолжил министр. — Он, или лицо его замещающее...

— В таком случае, я не буду отнимать у вас время... — постарался прервать неловкую паузу Агент на Контракте.

— Дело не ждет, не смею вас задерживать, — с облегчением согласился министр.

У Старой Кирхи они второй раз сменили кар.

— Перестаньте дразнить собаку! — раздраженно сказал Тони Гостю, который проявлял гораздо больший интерес к Бинки, чем к своим вооруженным спутникам — с того самого момента, как псина присоединилась к их компании.

Сам Бинки тоже повел себя странно: настороженно сторонился чужака и в то же время с каким-то любопытным недоумением не сводил с него глаз, словно силясь ухватить что-то очень для него важное... Самое скверное заключалось в том, что при этом Гость, не отрываясь от своей странной беседы с псом, неустанно задавал вопросы — один глупее другого — в основном, обращаясь к Мепистоппелю, в котором чувствовал, видимо, главного.

— Я пойду, проверю машину, — с некоторым облегчением сообщил Адельберто Тони, вылезая из-за руля. — Жди с ним здесь — на проходе. И не хлопай ушами...

— Почему мы все время переходим из машины в машину? — теперь Гость за неимением Мепистоппеля обратился к Счастливику.

Тот с молчаливым сопением выбрался из кара и кивком головы показал Гостю, что ему следует сделать то же самое.

— Почему ты не отвечаешь, когда я спрашиваю? — совсем по-мальчишечьи надулся Гость, но молчаливый приказ Тони выполнил.

— Послушай, постарайся быть человеком, — попросил Тони Гостя. — У меня уже голова раскалывается от твоих дурных расспросов... В конце концов, это — просто невежливо: все время о чем-то спрашивать и спрашивать... Ведь сам то ты мне ни на один вопрос не ответил. Вот скажи на милость: как тебя прикажешь называть по имени? Не бойся, дорогой — нам с тобой придется общаться не так уж и долго, но, все-таки, в приличном обществе как-то так принято...

— А ты и не спрашивал меня, Белая Голова, — Гость пожал плечами. — Я уже сказал тому, который меня встречал, что меня зовут Тор... Тор Толле...

— Вот и хорошо, Тор... — обреченно вздохнул Тони.

Это имя он слышал впервые. Политика никогда не интересовала Счастливика.

Они двинулись в широкий проем между старой стройки домами, служившими теперь сдаваемыми в аренду складами и обиталищем несчетного множества крыс и летучих мышей. Впереди — удивительно независимо — шагал Тор. Сзади, нервно озираясь, поспешал Бинки.

Адельберто просигналил им рукой в просвет подворотни, и Тони, подталкивая Гостя стволом револьвера, погнал его через запущенный и поросший дикими травами двор к загодя выставленному в глухом переулке неприметному «Фольксвагену». Посреди двора они застряли: Гость с разгону остановился как вкопанный перед облезлым дворовым псом, чесавшим блох в зарослях полыни. Вид у пса был прешелудивый, одно ухо — рваное.

Бинки наблюдал происходящее с каким-то ревнивым интересом.

Гость тихонько взрычал и потом — к величайшему удивлению Тони — тоненько и жалостливо поскулил немного. Пес смотрел на него с испуганным удивлением. Тони возвел очи к небу. Там — в неизмеримой высоте уже гасли последние краски заката. До полной темноты оставалось часа полтора от силы.

— Двигайся, ты, придурок! — зло скомандовал Тони и ткнул Гостя массивным глушителем, навинченным на ствол револьвера. — А то, знаешь, иногда эта штука стреляет...

Гость озадаченно посмотрел на него:

— Не бойся, она не будет стрелять...

Это было сказано тоном старшего брата, успокаивающего боязливое дитя.

— Не будет, говоришь?! — прошипел Тони.

Фокусы непослушного подопечного уже превысили все допустимые границы.

Тони демонстративно прицелился в на отшибе лежащий кирпич и надавил спуск. С кирпичем ничего не сделалось — ни хорошего, ни дурного. Да и с чего бы? Машинка хлопала вхолостую и не думая производить выстрелы.

Лоб Тони покрылся бисеринками холодного пота. Он испуганно вскинул глаза на Гостя. Но тот, и не подумав использовать сложившуюся ситуацию, уже неторопливыми, но отменно широкими шагами мерил расстояние по направлению к отчаянно жестикулирующему в подворотне Мепистоппелю. Тони и сопротивляющийся Бинки еле поспевали за ним. В другую сторону трусил, мотая головой, чем-то озадаченный обладатель рваного уха.

В крохотном салоне «Фольксвагена» Гостю пришлось сложиться чуть ли не вчетверо. Адельберто кивнул Тони, чтобы тот садился за управление, натянул перчатки и сделал — «Поляроидом», почти в упор — несколько снимков озадаченной физиономии Гостя. Карточки тут же засунул в желтый, плотной бумаги конверт.

— Сейчас спокойненько доезжаем до места, — определил он порядок дальнейших действий, — и оставляю там нашего клиента на тебя и Бинки. Сам еду до Гонсало...

— Н-наручники... Надень на него наручники... — попросил Тони. — Это — псих! Абсолютный псих!

Биографическая справка на доктора Серафима Кушку, подготовленная для Кима компьютером Управления, была, по сути дела, просто перечнем всяческих академических регалий, премий и наград — блистательным и скучным одновременно. Местами его разбавляли ссылки на доносы лиц, желавших блага Объединенным Республикам Прерии-2, их всенародно избранному Президенту и доктору С.Кушке лично. По большей части доносов мер принято не было. Еще были краткие справки о прохождении доктором психиатрической экспертизы (успешно) и курса лечения от алкоголизма (тоже — успешно). Уровень доступа к секретным материалам и документации для доктора Кушки вполне соответствовал тому, что был означен в предписании, которое Ким получил на руки в кабинете Министерства всего пять часов назад. Пять часов, четыре из которых он позволил себе все-же потратить на сон — за срочные поручения Управления следовало браться все же с ясной головой.

Ким со вздохом отложил распечатку в сторону и попросил выставленного у дверей типа в штатском просить господина доктора в кабинет.

— Я должен извиниться перед вами за то, что потревожил в такое время... — Ким жестом предложил собеседнику присесть, но сам остался на ногах.

Только таким образом можно было оказаться вровень с уровнем глаз длинного как жердь собеседника. А глаза его Киму очень хотелось видеть. Разговор предстоял непростой.

— Прежде всего ознакомьтесь с вот этим и подпишите... — он протянул доктору стандартный бланк расписки о неразглашении.

— Не беспокойтесь, следовательно, — понимающе поморщился собеседник — почетный доктор пары университетов Метрополии — это в сорок-то с небольшим — и руководитель небольшой, но быстро растущей лаборатории одного из институтов здешней Академии — лаборатории, которой прочили самой вскорости стать институтом.

Тощий тип в бесформенном свитере. Пегий и плохо постриженный. С серьгой в ухе к тому же.

— Я понимаю, что вы меня подняли в такую рань, не для собственного удовольствия... — доктор вывел в обведенном рамочкой прямоугольнике на листке расписки, толкнул ее по столу к Киму и пощелкал пальцами, нервно оглядываясь, словно искал что-то в унылом кабинете Ратуши. С мольбой глянул на Кима:

— Я в полном вашем распоряжении, следователь... Только позвольте мне э-э... закурить. И дайте что-нибудь вроде пепельницы... Это вас в честь Кипплинговского Кима так называли или в честь Коммунистического Интернационала Молодежи — знаете, в старину был такой?... — Кушка кивнул на пришпиленный, согласно Внутренним Правилам Управления, к нагрудному карману Агента на Контракте идентификатор.

— Это нормальное корейское имя — Ким, — пожал плечами Агент, — в честь одного из прадедов. А вот с пепельницей у нас — проблемы... Вот, возьмите вот это...

— Так значит... — доктор Кушка принялся раскуривать сигарету — мятую и кривую, словно ее терзали черти — и, с удовольствием вытянувшись в кресле, воззрился на Кима. — Значит, все же приключилось нечто из ряда вон... Что-такое, что напрямую связано с разработками по аномалиям континуума — так, господин следователь? Кто-нибудь начал всерьез баловаться со сверткой пространства? Есть жертвы? Много?

Ким несколько иначе представлял себе начало такой вот беседы — между поднятым в пятом часу утра и срочно приглашенным в кабинет следователя человеком науки и официальным лицом, наделенным чрезвычайными полномочиями на самом, почти высоком уровне, возможном в этой чертовой дыре. Он несколько выпрямился на своем — довольно жестком — кресле и сурово опустил уголки рта.

— По-моему — теперь моя очередь задавать вопросы, господин доктор... — как можно более вежливо пресек он не признающего, видно, никакой субординации холеричного Серафима. — Вообще, мы с вами теряем меньше времени, если вопросы буду задавать я, а вы — на них ответите. В доступной для э-э... непосвященного форме...

— Понятно, понятно... — вопреки словам, несущим в себе кроткое согласие с общепринятым порядком поведения в присутственном месте такого вот типа, лицо доктора Кушки выразило почти детскую обиду на собеседника этак вот жестоко поставившего его на надлежащее место. — Каких же показаний вы от меня ждете, господин следователь?

— Собственно, я пригласил вас не для дачи показаний, — разочаровал его Ким. — Возникла необходимость в м-м... экстренной консультации по одному делу — весьма и весьма деликатного свойства...

Произнося эту тираду, он вдруг ощутил себя неким подобием господина секретаря Совета Безопасности. Его, так сказать, моделью, уменьшенной в административном масштабе — где-то так один к ста пятидесяти... К тысяче, может быть... Но со взятого тона постарался не сбиваться — со временем такие вещи перестают смущать...

— Видите-ли, — продолжал он, — насколько мне известно, вы — один из ведущих м-м... гражданских специалистов в области манипулирования гравитацией... Я имею ввиду — здесь, на Прерии..

— А вы видели других? — живо поинтересовался доктор Кушка. — Хотя бы — не гражданских? Если вы считаете, что то, чем занимаются наши вояки имеет серьезное отношение к реальным разработкам по экзергоническим сверткам, то э-э... нам с вами будет тяжело понимать друг друга...

Ким в этом не сомневался.

— Ну, уж если вы считаете себя единственным на планете специалистом, в этом предмете, вам остается только приветствовать мой выбор... — улыбнулся он с легким усилием. — Собственно, я хотел, чтобы вы мне объяснили — насколько близки к практическому воплощению разработки, которые проводят на Чуре тамошние ваши э-э... коллеги. Я имею ввиду те работы, которые в прессе связывают с именем Торвальда Толле...

— Вот уж никак не ожидал, что вы станете спрашивать меня именно об этом! — доктор высоко поднял плечи в знак недоумения. — Слава Богу, о практических применениях этих теорий речь не идет. Имеется Постановление Директората Федерации...

— Ну... Ким неопределенно пошевелил в воздухе пальцами — больше для того, чтобы развеять табачный дым. — Представим себе, однако, что есть какие-то люди, которым Постановление Директората — не указ...

Кушка еще сильнее поднял плечи:

— Таких людей — великое множество. Но откуда у них возьмутся деньги, люди и средства на то, чтобы реализовать хотя бы основные прикладные идеи — из тех, что высказывались на этот счет. Тут требуются капиталовложения на Федеральном уровне. Ясен пень — под такое опасное дело их никто не получит. Кроме того, во всей Федерации не больше четырех человек обладают достаточной информацией по состоянию проблемы. Ваш покорный слуга — в их числе... И все они находятся под жестким контролем — вы сами видите.

— Ну, а трое других? — поспешно ухватился за его слова Агент на Контракте. — Кого вы имели ввиду?

Кушка внимательно осмотрел подозрительно зачадившую сигарету и вдруг поинтересовался у Кима, каким уровнем допуска санкционирована их беседа. Кима это даже умилило: несмотря на все странности своего поведения, док не лишен был чувства ответственности за сохранение государственной тайны.

— Вот распоряжение министра. Так что с режимом секретности все в порядке... Так назовите мне тех троих, что кое-что, по-вашему, смыслят в гравитационном оружии...

Кушка нервно поморщился:

— «Гравитационное оружие»... — тоже нашли что сказать! Вы бы еще лягнули — «бомба»! Как эти придурки из «масс-медиа»... В теории экзергонических сверток «смыслят», как вы изволили выразиться, Китаев — тот, что работает в Спецакадемии, к сожалению — под Фединым, и Любуш и Йенсен... Но они — крупномасштабники, не вылезают из Глубокого Космоса... Не думаю, чтобы...

«Крупномасштабники...» — написал на листе открытого перед ним блокнота Ким. Не то, чтобы ему сильно хотелось знать, кто такие это — «крупномасштабники», но хоть что-то надо было зафиксировать из совершенно бесполезных пока показаний нестандартно мыслящего Серафима.

— А самого Толле вы не относите к такого рода м-м... специалистам, — деликатно поинтересовался он вслух. — Ведь, мне кажется, что он имеет непосредственное отношение к...

Доктор Кушка взвился свечою.

— Вы бы еще спросили, имеет ли Папа Карло непосредственное отношение к Буратино!!!.. Или Пуанкаре к преобразованиям Лоренца! Тор Толле — это живая легенда. Жаль только, что они — там на Чуре — находятся совершенно вне нашей м-м... системы

мышления... вне нашей парадигмы, так сказать...

— Парадигма — это прекрасно... — признал Ким. — Скажите, а если этот вот Толле...

Расслабившийся было в кресле после вспышки праведного гнева док снова воспрянул аки лев рыкающий:

— Гос-с-споди, как я не догадался! — Ведь на Прерию прилетает Толле! Господин Федин уже всех нас задергал на предмет своей монополии на Тора: никто к Гостю не должен обращаться, никто к Гостю не должен приближаться... Они, вообще, с удовольствием его привезли бы сюда инкогнито — тайком ото всех, но сие не вышло... Так теперь и вы — туда же: боитесь циркуляры Спецакадемии своими беседами под расписку?

— Дело обстоит не совсем так... — кротко оборвал его Ким, рассматривая листок «Расписки о неразглашении».

И уточнил, дождавшись, когда смысл сделанной им паузы дойдет до собеседника:

— Дело в том, что местонахождение Гостя Прерии, Торвальда Толле, в настоящий момент нам не известно. Думаю, что и академик Федин многое бы дал, чтобы получить на этот счет хоть какие-нибудь сведения... И не он один. Как вы понимаете, нам теперь очень важно знать, кто, в принципе, мог бы быть заинтересован в исчезновении Толле, и к чему может привести то, что информация, которой он располагает...

— К концу света!!! — с силой выкрикнул Кушка и жердем вскочил из кресла. — Я не шучу, господин следователь! В том-то и дело, на этом-то и основан запрет Директората, что впервые со времен открытия цепной реакции деления урана, человечеству снова предоставлена возможность себя уничтожить — полностью и окончательно!!! И если Торвальд Толле исчез на Прерии, то — прости меня Господь за такие слова — лучше всего, если он сейчас мертв! Более того: я временами сильно жалею, что он не провалился туда — в Тартар — во время испытания этой их знаменитой Черной Дыры...

— Черной Дыры? — переспросил Ким и написал в блокноте «ТАРТАР»...

Надо же ведь было что-то написать...

— Много говорили об этом м-м... эксперименте в свое время... Но — ничего конкретного. Сейчас — самый подходящий случай для меня хоть что-нибудь узнать про ту затею... Ведь Толле руководил этими работами...

— Да. Еще бы: ведь это — его детище... Первая удачная экзергоническая свертка... Вы... — тут Кушка нагнулся, чтобы, словно врач — больному, заглянуть в глаза Кима. — Вы, я вижу, не очень хорошо меня понимаете... Готов поклясться, что вы раньше ничего не слышали о классе экзергонических сверток...

— Может быть не будем затрагивать сейчас слишком сложные материи?... — почти умоляющим голосом попробовал прервать его Агент.

— Это только для профанов такие материи — сложные, — раздраженно заверил его док. — Просто представьте, что вам вместо энергии придется иметь дело с деньгами...

— Причем здесь деньги? — спросил Ким, испытывая ощущение, что дает, все-таки, впутать себя в разговор, уводящий прочь от сути дела.

— Представим, что м-м... Ну — что муниципалитет, допустим, принимает решение построить мост через реку. Откуда берутся деньги на то, чтобы построить, скажем, обычную электростанцию? Ведь не идут же господа из Ратуши сами просить подаяние или разгружать контейнеры на Мусорной набережной, чтобы оплатить счета строительной фирме?

— Что за чушь! — пожал плечами Ким и нервно бросил карандаш на стол. — Ясен пень: берут господа муниципалы кредит в подходящем банке и...

— А вот для господ физиков пень сей далеко не ясен был! — злорадно воздев граблеобразные конечности, вскричал доктор Кушка. — Далекое не ясен! Дурню даже ясно, что своими силами десяток мужиков толкового моста не соорудит. Тем не менее мосты по решению такого вот десятка строятся — лишь бы где-то под такие дела были в природе денежки... А вот когда было найдено, что осуществлять крупномасштабные свертки пространства не под силу десятку миллиардов таких вот мужиков по той причине, что нет в их распоряжении необходимого количества энергии и достаточно компактных тяготеющих масс, все покорно согласилось принять это как должное. А вот физики с Чура сообразили, что все это — и необходимые гравитационные поля, и энергоресурсы можно «взять в кредит» у того же самого Пространства-времени, благо, здесь в секторе «Периферия-Север» этого добра достаточно... Вы ведь в курсе того, что эта область Галактики — аномальная зона...

— Ну, — Ким пожал плечами, — так сказать, в общем и целом...

Вот именно — в общем и целом! — злорадно воскликнул док Кушка. — В общем и целом — не более того! Наш заботливый Директорат бдит, чтобы навигация в секторе не пострадала от слухов о каких-то таинственных свойствах здешнего участка Континуума... В результате — ни один из сюда прибывающих, не знает, что ходит по «кротовому холму»...

— По какому холму? — уныло поинтересовался Ким, теряя надежду извлечь из беседы с физиком хоть на грош пользы.

— Это просто жаргон... — Кушка отмахнулся от дурацкого вопроса, как от назойливой мухи. — Так говорят про те области Континуума, где мы имеем высокую степень связанности гиббсовых точек... Для современной космонавигации это, вообще говоря, открывает массу возможностей — здесь все пронизывает огромное количество подпространственных туннелей, сшивающих самые неожиданные части огромного объема пространства в единую «сеть», по которой очень удобно осуществлять переброску информации и вещества в довольно удаленные друг от друга области этой части Галактики... Правда, такие транспортировки сопровождаются, порой, неожиданными эффектами, но...

— Это имеет отношение к тому, о чем я вас спрашивал? — не выдержал наконец Ким. К тому, что все-таки получит в руки тот, кто заполучит Торвальда Толле и ту информацию, которой этот Толле располагает?

— Прямое! — док Кушка раздраженно повернулся к нему. — Самое прямое! Толле и его люди здесь, в этой экзотической области пространства, начали крупномасштабные эксперименты. По сути своей очень опасные. Но для Чура это характерно... Они осуществили прямо на своем геостационаре простейший вариант свертки — сферический... Симметричный. И получили в результате микроскопическую «черную дыру» — вы представляете, что означает иметь в качестве спутника планеты такое? Однако они смелый народ — там, на планете своей... Почти два года они спокойно вели там какие-то эксперименты с этой штукой... Можно сказать, дергали Дьявола за усы... Но затем — что-то произошло у них там. С этого момента информацию нам по этим вопросам — перекрыли... Но — что-то серьезное приключилось. Что-то очень серьезное... Возможно, их атмосферу стало туда — в дыру эту — затягивать, или... Или какие-то процессы на самой планете начались — на Чуре...

— Процессы — в смысле того, что... — начал было Ким, разумея сказать: «Природные катастрофы, что-ли?», но, понявший его по-своему, док снова досадливо отмахнулся:

— Нет! Не надо мне пересказывать эти сказки про «червей»...

— Про каких «червей»? — озадаченно спросил Ким.

Они с доком удивленно воззрились друг на друга. Заверещал сигнал вызова блока связи.

Ким взял трубку, и низкий, с хрипотцой, баритон осведомился у него, не возражает ли он, если комиссар криминальной полиции Роше через минут двадцать-тридцать прибудет в его, Агента на Контракте, распоряжение и на временное поселение в его кабинете для дальнейшей collaboration в гм... вам известном, мсье Яснов, поручении господ трех министров.

— Avec plesir... — выговорил — почему-то по-французски — Агент, и трубка запищала сигналом отбоя.

Ким кротко посмотрел на дока Кушку.

— Так если можно, в двух словах — ваши соображения, доктор, — примирительным тоном, повернул он ход беседы к плавному завершению.

— Версия одна — у кого-то хватило ума понять, что такие эксперименты до добра не доведут — ни Прерию, ни Обитаемый Космос, вообще, — сухо подытожил док. — И смелости — чтобы устранить э-э... источник опасности. Кого именно в этом подозревать, я вам, пожалуй, не подскажу. Необходимость такого шага сознавали многие...

— И все-таки — например... — подтолкнул замерший на мертвой точке монолог Ким.

— Например — ваш покорный слуга! — уже не без резкости в голосе уточнил док.

— Но ведь вы не делали этого? — спросил Ким, чувствуя, что теряет чувство юмора.

— Нет. — вздохнул док. — Я — трус, господин следователь.

Комиссар Роше был немолод, рыхл и снисходителен к грехам окружающих. Еще — самую чуточку — к своим собственным несовершенствам. Не настолько, конечно, чтобы стряхивать пепел на ковер, или забывать поправить узел галстука перед тем, как предстать перед вышестоящими лицами, но вполне достаточно, чтобы оставить в небрежении любую, бывало, самую строжайшую инструкцию, спущенную на головы сотрудников следственного управления из самых высоких сфер — если, конечно, дело требовало того. Этого, впрочем, было бы вполне достаточно, чтобы спровадить на заслуженный отдых, снабдив благодарностью за подписью министра и именными часами, любого другого из сидельцев комиссарских кабинетов, но о Жане Роше просто говорили, что «у него свой метод». Метод этот заключался в знаменитом «savoir vivre», а в сущности — в отсутствии какого либо метода. Попросту говоря, Жан Роше прошел всю служебную лесенку полицейского ведомства и хорошо знал всех и вся в той среде, где приходилось ему крутиться по казенной надобности. Во все века и в каждую эпоху людей, подобных Жану, считают реликтами прошлых, уходящих — милых, но бестолковых — времен, и во все времена такие появляются снова и снова, словно немой упрек, адресованный жизнью неутомимым разработчикам изошренных кабинетных систем и строго формализованных методов ведения следствия. Среди своих коллег и подчиненных комиссар пользовался почти непререкаемым авторитетом, был персонажем строгим, но справедливым, а заодно и немного смешным. Маленькие слабости Жана служили источником бесконечных беззлобных шуток. К примеру, уже не одно поколение обитателей Дома на Козырной — из тех, что чином пониже — посмеивались над тайным пристрастием Жана к своей трубке-носогрейке, с которой тот не расставался, но почти никогда не курил на людях. При свидетелях он позволял себе лишь сигареты подешевле — комиссара мучили подспудные опасения, что его заподозрят в

подражании кому-то из древних литературных персонажей: те все как на подбор были привержены к курению трубок и заботливому уходу за оными.

Ким подождал, пока комиссар устроится в кресле попрочнее и предложил ему подбодрить себя кофе.

— Терпеть не могу эту растворимую дрянь. Охотно верю, что ее готовят из сношенных автопокрышек, — признался ему Роше. — Так что я, с вашего позволения...

Он поискал глазами традиционный для служебных кабинетов Прерии сифон с минерализованной газировкой, но в свежезанятой Агентом на Контракте комнате такового не было. Зато имелся, правда, декоративный самовар.

— Да, тот, кто пробовал настоящий кофе — тот, что в зернах, — не примет никогда никакой синтетики, — чуть покривил душой Ким. — Но я вам предлагаю настоящий — молотый «Арабика». Прямо из Метрополии...

Он осторожно приоткрыл крышку кофейника, и аромат обычного на далекой Земле и экзотического на невероятно далекой, выглаженной равнинными ветрами Прерии напиток наполнил кабинет.

— Неужели — настоящая контрабанда? — принялся комиссар. — Или — снова подделка?

— Займитесь дегустацией, — Ким подвинул ближе к усачу литого стекла чашку и кофейник.

Жестом указал на (по здешней традиции) уложенные горкой на блюде, снабженном серебряными щипчиками, мелкие кусочки сахара.

Наблюдать за комиссаром Роше, наливающим себе, а затем смакующим натуральный кофе было поистине зрелищем, окупившим все неудобства, проистекающие от нехватки в багаже агента на контракте тех двух килограммов полезного груза, которые пришлось на отменного качества кофейные зерна. Возможно то были единственные два килограмма, что были ввезены на Прерию в полном соответствии с действующим таможенным законодательством.

Зачарованный этим зрелищем, Ким минуты три наблюдал за процессом принятия напитка своим будущим партнером, а затем принудил себя вновь погрузиться в компьютерные стенограммы показаний свидетелей по делу о возможном похищении гражданина Федерации (Цивилизация Чур) Торвальда Толле — частного лица. Комиссар покончил с кофе и, вместо того, чтобы включить свой терминал, зашел за спину Федеральному Следователю и стал через его плечо вникать в ползущие по экрану строки. Попутно, он разминал в пальцах извлеченную из портсигара сигарету, находя, видимо, в этом процессе замену курению, как таковому. Некурящий партнер был ему явно в тягость. Ким уже надумал попросить комиссара не стесняться и закуривать без всяких церемоний, когда тот, наконец, известил его о своем мнении от увиденного на экране.

— Тараканы, — уведомил он Кима минут через пять тихого посапывания, временами перемежаемого тяжелыми вздохами.

Ким, разумеется, уже внял предостережению министра о своеобразии методов работы комиссара, но все-таки слегка опешил, пытаясь соотнести сказанное с помещенным на экране текстом (допрос водителя-оператора кара спецдоставки Департамента туризма Федерации Прерия-2, Гната Позняка, госпрокурором Эфраимом Беккером).

— Что вы имеете ввиду? — осведомился он.

— Значки эти — буквы. Ползут по экрану, как тараканы... Как вам удается их

разбирать?...

— Я увеличу шрифт, — чуть виновато и чуть недоуменно потянулся к клавиатуре Ким.

— Не тратьте зря времени: я все равно ни черта не смогу прочитать без очков... У меня — жуткая дальнорукость, да и устают глаза от такой массы текста...

Киму потребовалось три или четыре секунды, чтобы справиться с приступом естественного удивления и сформулировать хоть сколько-нибудь содержательную реплику:

— Так или иначе, через час нам надо связно изложить господину министру план розыскных мероприятий и предложить нечто конкретное, а не просто постановку на уши всех органов правопорядка планеты...

Комиссар вразвалку, чуть косолапя, пересек кабинет, с жалостью заглянул в опустевшую кофейную чашку и снова устроился в своем кресле, воззрившись на Кима задумчиво, как на маслом написанный натюрморт.

— И что же вы намерены предпринять, господин Яснов? У вас есть — как это называют в книжках — рабочая гипотеза? Версия?

— Время версий, на мой взгляд, еще не наступило, — как можно мягче начал Ким.

«В чем-то большой ребенок», — вспомнил он слова министра.

— Но, судя по тому, насколько чисто выполнено похищение, мы имеем дело просто с неплохими профессионалами, которые прошли сквозь все э-э... защитные структуры здешнего государства, простите, как нож сквозь масло.

— Сравнение обидное, но точное, — заметил комиссар, вновь извлекая на свет божий недомученную сигарету.

Ким уже снова был близок к попытке узаконить курение в своем кабинете, но комиссар продолжил свое рассуждение:

— Характерно, что как нож не разрушает теплого масла, так же и эти, как вы говорите, профессионалы не нанесли среде, в которой поработали, особого вреда. Несколько угнанных машин — их уже все нашли — всякое мелкое хулиганство, но никаких трупов, никаких взрывов и пожаров... Вы правы во всем, кроме основной мысли, которая вас гипнотизирует — мысли о том, что похищение Толле — дело рук профессионалов. Все эти люди, которые проходят сейчас как главные свидетели всей этой глупости — и помощник секретаря Братов, и водила этот — Позняк, оба они и еще ряд людей должны были быть мертвы. Когда работают профессионалы, живых свидетелей не остается. Речь идет о военной физике — о-ла-ла! И ни одной жертвы за шесть часов... Не говорите мне о профессионалах.

«Вот так одни и те же факты приводят две разные головы к двум разным выводам», — с грустью умозаклучил Ким. А вслух спросил:

— Так что, начнем расследование с любителей розыгрышей? Или просто дадим объявление в газету?

— Я намерен начать с того, чтобы по-человечески поговорить с этими двумя недотепами, которым похитители, прямо-таки, подарили жизнь. Если вы думаете, что госпрокурор и люди из комиссии двух министерств выжали из них все до капли, то вы глубоко заблуждаетесь. Не хочу даже тратить время на их писанину. У нас разные цели с господами министрами. Им нужны виноватые, а нам нужен Торвальд Толле. По возможности, живой...

Ким, уже на две трети пробежавший глазами имеющиеся в наличии материалы дела, не мог не признать, что его усатый напарник был недалек от истины. Он выпрямился в жестком кресле, всем своим видом приглашая Роше продолжить мысль.

— А дальше я бы предложил нам бежать по разным дорожкам, господин агент. Мы с вами — не обижайтесь — люди разных миров. Если бы я хоть на минуту допустил мысль о том, что на Прерии орудует банда шпионов галактического масштаба, я бы просто предоставил себя в ваше распоряжение. Я за свою жизнь засадил за решетку сотни три козлов, уклоняющихся от уплаты алиментов, и брачных аферистов, несколько дюжин фальшивых банкротов и просто кассиров, скрывшихся с выручкой, с десятков мерзавцев, которые грабили людей с оружием в руках и корчили из себя королей, примерно столько же похитителей людей и террористов, несколько очень изощренных умников, которые занимались шантажом на уровне правительства — с ними было тяжело. И всего двух сотрудников разведок Миров Федерации, которые нарушали законы — местные, планетарные и Федеральные. Оба были хорошо подготовлены и до предела циничны. Но сверхъестественных способностей не проявляли. Да — еще была пара маньяков. Настоящих убийц-садистов. Оба были дьявольски хитры, не спорю. Одного я взял живым и временами посещаю в клинике — приходится то тот эпизод дорасследовать, то этот. Второго убили у меня на глазах. И меня самого убили бы, пикни я только слово в его защиту. Толпа — это страшная машина, вы это знаете... Карманников и пьяных буянов я не считал. Давно ими не занимаюсь. Вот такая вот статистика. Мой мир — это люди в кафе, что подешевле, люди в конторах и лавочках, люди в больших магазинах, люди в поездах и самолетах, люди в терминалах. Почти все — здешние. Вот по этой дорожке я и пойду. Точнее побегу — нам уже придали необходимое, гм, ускорение. Я не знаю ваших методов. Говорят о вас неплохо. Только считают, извините за откровенность, большим занудой. Завидую — мне всегда не хватало этого качества. Двигайтесь по своей траектории. И будем держать друг друга в курсе, по возможности, не через эфир. Если мой нюх меня не обманывает, наши дорожки быстро встретятся. Один чех написал, что одно и то же дело, буде оно расследовано специалистом по шпионажу в высшем обществе и рядовым околоточным, приведет в первом случае к заговору сиятельных персон и к роковым страстям аристократов, а во втором — к кухонному преступлению, совершенному нечистой на руку прислугой. Но это было давно, а чех тот был литератором, не следователем. Я его ценю, но только не за такие вот умозаключения. Истина, видите-ли, одна, а вот путей к ней много: у каждого — свой.

«Комиссара заносит в философию, — подумал Ким. — Только, сдается мне, что это не банальное последствие длительного влияния белого вина на мозги, а вежливая форма предложения залетному спецу не путаться под ногами у обремененных опытом знатоков местной жизни. Обидно, но справедливо. Не будем морочить друг другу головы...»

— Ну что-же, — вздохнул он, — пусть будет по вашему. Строчим параллельные бумажки для успокоения господина министра, и беремся за дело. Хочу, однако, предложить вам первый выезд сделать совместно. Есть одна ниточка, которую надо подергать и, если потребуется, отсечь сразу.

Комиссар с вялым интересом поднял бровь.

— Я имею ввиду, — Ким с легким хрустом поднялся из кресла, — осмотр части багажа, доставленного в гостиницу, где за Гостем Толле зарезервирован номер.

— Забыл известить вас, — комиссар сделал успокаивающий жест рукой. — Разумеется, я распорядился присмотреть за багажом. С ним ничего не станется, но и дать нам он ничего не может — чемоданы Толле укладывал у себя, на Чуре. Ну, может быть у себя в отсеке, перед посадкой. До похищения во всяком случае. Другое дело — если бы нашелся след того багажа, что поехал с ним.

— Резонно, — заметил Ким. — Однако... Одним словом, есть некий момент, который заставляет задуматься... У Толле было очень мало багажа. Вот данные компьютера Космотерминала: четыре предмета. Из них три — включая личное оружие — поехали с ним, в лапы грабителям. Четвертый же предмет был доставлен в гостиницу «Цыганская» отдельной машиной. Тот человек, что привез и зарегистрировал этот груз — Леон Файоль, стажер протокольного отдела, не был допрошен как свидетель. Не отметился на службе. Не присутствует по домашнему адресу. Я распорядился о его розыске.

— Вы пришили старику на первом же шагу, — с досадой заметил комиссар. В мгновение ока его переносицу оседлали массивные, как в историческом кинофильме очки, а дрябло лежавшая на ручке кресла рука энергично потянулась за протянутой Кимом распечаткой. Даже обвислые усы мигом залоснились в лучах настольной лампы. Однако верный себе, в твердом намерении ничего не делать по-человечески, Жан Роше, ухватив лист, пересек с ним комнату, присел на широкий, добротный подоконник, нервически снял очки, сложил их оглобли рогулиной и, откинувшись назад, с дьявольскими неудобствами, стал читать бумагу, держа древнее устройство над текстом, на манер лорнета, с таким видом, словно демонстрировал написанное наблюдателю со спутника.

— Вы знаете, сколько французов живет на Прерии? — осведомился он у Кима, не отрываясь от четырех строчек принтерной распечатки.

— Признаюсь, не интересовался статистикой на сей счет, — кашлянув, признался Агент на Контракте.

— Так вот, вам следует знать, что нас — истинных галлов здесь — раз-два и обчелся. Армян и греков — и то больше, — пояснил Киму комиссар. — Братья-славяне и монголы доминируют здесь чуть ли не на все сто. Ну и беспородные англосаксы, разумеется, не обидели Прерию своим присутствием.

Он кашлянул-хмыкнул, видимо усомнившись, не задел ли Кима своим этнографическим пассажем. Но тот был невозмутим. Последний луч, брошенный здешним светилом в закатное — ночное уже — небо, залил комнату теплым, каким-то располагающим к долгой доверительной беседе светом.

Но этим двоим предстояли не доверительные беседы у камина. Их ждала злая, полная неожиданностей ночь. Они еще не знали, что это будет Ночь Пса.

— Так что, — продолжал комиссар, — воленс-ноленс, а приходится держать друг-друга в виду... Собираться по праздникам, бывать друг у друга... Иначе мы все здесь скоро забудем язык Ростана и Сименона и будем общаться на здешнем чудовищном пиджине... Вы знаете такое слово: «виндовка»? Или «кейборда»? Или еще шедевр: «захорасить» кого-нибудь в мелкие слезы. Это от «сексуал хорасмент» — вы, я вижу, не догадались. Куда вам...

Комиссар определил рассыпавшуюся наконец в прах, но сохранившую невинность сигарету в пепельницу.

— Леон Файоль — помню такого мальчика. Неужели влип в скверную историю?

Он энергично поднялся и взял со стола шляпу.

— Двигаемся в гостиницу, Следователь. Такие дела не решаются перекрестным чтением бумажек.

С этим Ким был вполне согласен.

Тьма воцарилась над Городом и Степью.

«Цыганская», — она же «Bohemia» (латинизированное название, впрочем, не

прижилось) не знала, наверное, на своем пороге ноги ни одного цыгана. Туго обстояло дело и с представителями богемы. Цыгане на Прерии болтались по бескрайним степям, а богема гудела в «Лимпопо». В «Цыганской», сколько себя помнили старожилы столицы, вечно останавливались дорогие гости Прерии — те что калибром были покрупнее, чем галактический сброд, с утра до вечера галдящий в многоэтажных башнях гостиниц городского центра, но по очкам не дотягивали до ведомственных особнячков в утопающих в зелени правительственных кварталах. Появление господ с удостоверениями сразу двух сыскных управлений особенного впечатления на персонал не произвело.

— Мы хотели бы видеть багаж, доставленный на имя Торвальда Толле, — взял на себя инициативу Агент на Контракте, пока комиссар, вооружившийся, наконец, трубкой, рассматривал потолочную мозаику громадного вестибюля.

— Вещи находятся в его номере, — равнодушно отвечал обряженный в декоративный кафтан дежурный администратор. — Самого господина Толле в номере нет.

Роше молча выпустил в пространство перед собой облако дыма, сделавшее бы честь локомотиву времен паровой тяги и протянул через стойку ордер на проведение обыска. Убедившись, что ордер должное впечатление произвел, он снизошел до того, чтобы добавить:

— Мы знаем, что господина Толле нет в номере. Кстати, если он все-таки появится — и не только в своем номере — немедленно дайте знать вот по этому каналу... Вы все хорошо поняли? Проводите нас...

Номер, зарезервированный для человека с Чура, был, по здешним понятиям, на высоте: одних голографических заставок на окнах было предусмотрено сотни с три. В ожидании так и не явившегося постояльца дежурный оператор выставил во всех проемах вид на милую, должно быть его сердцу, Долину Гейзеров.

Никаких чемоданов в соответствующей нише не стояло. Угадать, какой именно из многочисленных предметов обстановки является тем самым «одним местом багажа» было трудновато. Роше подумал, что не даром пригласил с собой провожатого.

— Ну и где же, собственно, багаж господина Толле? — сурово осведомился он.

— Да вы на него смотрите, — чуть растерянно просветил его администратор. — Вот и квитанция прикреплена...

— Клетка, — задумчиво сказал Роше, опускаясь на корточки перед казенного вида сооружением. — Мог бы сразу сообразить. Стандартная клетка для перевозки крупных животных. Это, вообще говоря — не багаж господина Толле. Это — имущество Космотерминала. Сам багаж, стало быть, был живым. Должен бы был быть внутри... Вы не объясните мне, старому пню, — он снова повернулся к администратору, — где, собственно, сам зверек?

Администратор пожал плечами.

— Я заступил на дежурство уже после того, как багаж доставили сюда. Вам следует обратиться к Белецки — он дежурил тогда.

— Простите, но смена дежурства в «Цыганской» длится, если не ошибаюсь, шесть часов, и если вы заступили в восемнадцать... — блеснул неожиданным знанием дела Роше.

— Я вышел досрочно. Отрабатываю сверхурочные. Подменяю Белецки. Это он вышел на дежурство в восемнадцать, но ему пришлось отправиться в больницу — доставить кого-то из клиентов... Это у нас называется форс-мажорные обстоятельства...

— И давно он покинул гостиницу?

— Часа четыре назад... Думаю, что он уже у себя дома. Вы можете обратиться прямо к нему. Кстати, передайте ему, что господин директор интересуется тем, когда он собирается отработать...

Ким потрогал болтающийся на дверце клетки основательно сработанный замок.

— Заперто снаружи, — констатировал он, перебив администратора. — Так что зверь не сам вышел на свободу. Стало быть, есть надежда, что по городу не шастают безнадзорные твари с Чура. Или еще откуда-то...

— Чего только не привозят наши гости с собой ОТТУДА, — администратор сделал неопределенный жест в сторону небес. — Больше всего забот доставляют хамелеоны с Гринзеи. Их сюда тащит каждый, кто там побывал, и даже те, кто сроду на Гринзее не был. Перекупщики платят за них...

— Надеюсь, господин Толле привез с собой не гринзейского хамелеона? — сухо предположил Ким.

— Да, для хамелеона, даже гринзейского, клетка великовата, задумчиво прикинул служащий. — Судя по запаху — он подергал носом — это была собака. Смело предположить, что собака...

— У вас тонкое обоняние, — все так же сухо, пожалуй, даже иронично отвесил ему комплемент Агент на Контракте. — Вообще-то, у вас регистрируют подобные вещи?

— Разумеется, если клиент пожелает, чтобы за его любимцем присматривали и обеспечили ему подходящий уход, то за особую плату...

— Господин Толле, верно, не передал вам своих э-э... указаний на этот счет?... — со все той же сухой иронией осведомился Ким.

— Нет, — заверил его администратор. — И, соответственно, никаких записей относительно его м-м... спутника в нашем компьютере нет. Иначе я бы знал это. Я просматриваю файлы, принимая дежурство...

— Вот что, — снова вынул из-под усов свою носогрейку комиссар. — Насчет собаки — это точно. Я подумал сначала, что запах, который вы учуяли, — он ткнул своим дымящимся инструментом мышления в живот служащего, — запах этот сохранился от прежнего... багажа. Но нет — видите, вот тут: «обработано, стерильно». Они там большие чистюли — в Космотерминале... А вот то, что точно в то же время пришлось кого-то из ваших постояльцев спровадить к докторам... Кстати — кого и куда?

— Я, простите, не сую нос в дела, которые ко мне не имеют отношения... — пожал плечами начавший нервничать обитатель дурацкого кафтана.

— Я это заметил, — пыхнул табачным дымом почти прямо в нос собеседнику Роше.

— Вам лучше поинтересоваться в медпункте — у доктора Сато, — неприязненно поморщился тот. — Он как раз не сменялся с той поры. И обязан быть на месте.

Он и действительно был на месте — на редкость рослый японец с добродушным лицом, наводящим на мысль о Маслянице с ее блинами и другими бесхитростными народными радостями. И о борцах сумо. Доктор сидел перед стереотипным агрегатом экспресс-диагностики и пытался навести какой-то, нужный ему, порядок в блоке ферментных электродов. Ким по роду своей деятельности неплохо знал такие машинки.

Да, доктор прекрасно помнил, что часа три-четыре назад — еще не закатилась Звезда — у одного клиента были проблемы... Не у клиента, собственно, а у посетителя — парень привез в «Цыганскую» здоровенную псину для какого-то чудака. С псом-то он и не поладил.

Не стоило, конечно, выпускать зверька из клетки — не понимаю, зачем он это сделал...

— И сильно пострадал мальчик? — озабоченно спросил Роше, пытаясь как-то избавиться от своей трубки.

Доктор задумчиво сложил руки на животе.

— Мальчик, вы говорите... Ну, знаете, скорее — молодой человек. Знаете, шок — это такая вещь: одним — хоть бы хны, а другой может надолго слечь. Здесь требуются услуги специалистов..

— И в какую клинику направили вы пострадавшего? — вошел в разговор Агент на Контракте.

— Янек не сообщил мне... Он взял все это на себя. Администратор Белецки, я имею в виду...

Роше возмущенно фыркнул.

— А собаку, наверно, забрали ветеринары? — продолжил Ким.

Доктор замялся.

— Пожалуй стоит связаться с той службой, которая у вас занимается такими вещами, комиссар, пока пса не усыпили, — Ким озабоченно повернулся к Роше.

— Вы, ей Богу, похоже, больше озабочены судьбой этой псины... — буркнул Роше, засовывая погашенную, наконец, трубку в карман плаща.

— Собаки и Чур — это особая тема для разговора, — со слегка извиняющейся интонацией в голосе парировал этот упрек Ким. — Я не вникал в этот вопрос специально, но вы сами, наверное, слышали, что псы там — что-то вроде личных тотемов...

Добродушный японец напомнил о себе тихим покашливанием.

— Боюсь, что с собакой вышла неприятность. Он удрал, этот пес... Как только Янек отпер дверь, чтобы вызволить того малого, собачка свалила нас с ног и, как здесь говорят, была такова...

Тут уж за живое взяло и Роше.

— Как это так, черт возьми? Из запертой комнаты из охраняемой гостиницы? А что делали охрана и персонал?

— Вы, я вижу, думаете, что нас здесь целый полк, господин комиссар, — вежливо, но твердо парировал обвинение доктор Сато. — В смену работаем я, администратор и четыре техника. Которых не доищешься, когда в них возникает нужда, — он с отвращением оттолкнул от себя тележечку с прибором. — И которые путаются под ногами все остальное время. В дневное время добавляются директор с секретаршей и бухгалтер-программист. Это — в основном здании. Еще — девять человек в ресторане и казино. Крупье, вышибалы, повара-операторы и артисты по контракту. Но они — в зимнем саду, мы с ними не контактируем без надобности. Охрана — это своя епархия. Ловля собак в их обязанности не входит, я думаю. Мы — тихое заведение, господа. Полная автоматизация, доставочные линии, киберсауна, солярий, «виртуалка», биллиардная — все на электронике... Если надо — есть даже «электронный собеседник» — это сейчас модно. Сами понимаете, сервисные автоматы за собаками не гоняются. Мы, конечно, дали знать в полицию... Если вас так волнует судьба псины — свяжитесь... Конечно, жалко будет, если такое прекрасное животное свезут на живодерню...

— Нацарапайте здесь номер канала, по которому мы можем найти э-э... Янека, — Роше протянул доку блокнот. И его адрес.

Доктор кашлянул, доставая из кармашка крохотную авторучку.

— Вряд ли Янек будет отвечать на вызовы — он, думаю, хочет «зажать» пару часов от своего дежурства, раз уж пришлось смениться раньше времени. А живет он неподалеку — на Малой Садовой. Можно пойти пешком...

— А теперь, расскажите, как выглядела та собака, — попросил Ким.

Пес произвел на доктора большое впечатление. Он говорил о нем почти десять минут без перерыва.

В машине Ким в первую очередь снесся по сотовому телефону с полцией, «Амбуланс» и филиалом Управления. Никого, кто соответствовал бы приметам Леона Файоля, стажера Министерства Туризма среди угодивших в здешнюю «скорую помощь» на предмет укушения собаками, не числилось. Среди пятидесяти четырех потерянных и «неустановленных» собак, содержащихся в трех «накопителях» столицы, ни одна не соответствовала описанию четвероногого друга Торвальда Толле. Пожав плечами, Роше молча тронул кар с места и покотился в сторону Малой Садовой.

Высоко в небе тучи начали подсвечивать молнии. Сначала редкие, потом — все чаще и чаще...

Молнии... Харр как замороженный смотрел на полыхающее небо Прерии. Наконец-то хоть что-то, что напомнило ему родной Мир, явилось ему среди этой тоскливой и странной путаницы, в которую он канул почти сразу после того, как покинул пронизанное чужой, запредельной жутью нутро корабля. Здесь, в этом ненастоящем, конфетном каком-то Мире, ему было не то, чтобы неуютно, нет — не по-настоящему здесь было все...

Совсем недавно возведены были эти стены, только что проложены были эти дороги, и вовсе уж недоделанными стояли дома и пристроенные к ним кое-как подсобные хибары. Времененно все было в этом мире, зыбко...

И люди здесь были какие-то зыбкие, ненастоящие. Словно отбившиеся от Стаи одиночки. Все были как тот чудак, что вез его в нелепой железной коробке от корабля — сюда, в это скопище вкривь и вкось наложенных кирпичей. От них пахло едой, пахло пустяшными, какими-то тревогами, недоделанностью какой-то — как и от всего этого Мира от них пахло. И нигде не было запаха Тора.

Все здесь было наскоро скроено, только что доделано. Словно только что закончился какой-то грандиозный, веками длившийся ремонт, словно только что побросали жители этого Мира свои мастерки и лопаты и решили наконец устроить себе отдых.

Отдых... Расслабленность. Они здесь сквозили во всем. Почти все люди, встретившиеся ему, хотели спать. Никто не стоял на страже — даже те, у кого было оружие. Поразительно — почти никто из этих чудаков не был вооружен. И никто даже не пытался остеречься, поставить вокруг себя защиту... Нет — они здесь все были словно раздетые — наивные и погруженные в какие-то свои, детские, по сути своей, заботы. Беззащитные.

Именно беззащитность этого мира обескураживала Харра. Лишала его сил. И только пляска огненных всполохов в небе дарила ему надежду.

Ладно. Все здесь не так, как у людей! Все здесь сирое и убогое. Но все это не имеет значения, потому что НИГДЕ НЕТ ПОДОПЕЧНОГО! Такое бывало с Харром только в детстве — на тренаже. Но сейчас это не могло быть просто очередным испытанием — НЕТ! ПОДОПЕЧНЫЙ — тот самый сопливый мальчишка, с которым Харр, тогда еще сам наивный щенок, делил и беду и радость и страх и надежду, тот самый угловатый парень, с которым они вместе прошли нелегкую Тропу Испытаний, тот самый железный, негнибаемый Гонец, с

которым они пережили осаду Людей Тени в Заброшенных городах, — он, его Подопечный, не мог просто так провалиться в никуда! То, что Подопечного не хватились и не ищут по всему фронту этого Мира, не гонят по его следам своих Псов, не знают ничего и ничем не тревожатся вообще, было для Харра невероятно диким. И он растерялся. До сих пор он жил во Вселенной, нанизанной на жесткую ось борьбы. Борьбы с жестоким миром Поверхности, борьбы с Сумеречными Стаями, борьбы с Неправильными Стаями... Для него не было не могло быть никого и ничего такого, что не вписывалось бы в эти жесткие координаты: или ты свой и за своих расшибаешься в лепешку, или ты — опасный чужак. Но здесь не было ни своих ни чужих. Здесь были только безразличные. Безразличные и незнакомые друг другу люди. Это было поразительнее всего: здесь была прорва народу — в домах, на улицах, в потешных вагончиках монорельса и Бог весть где еще, и никто из них не знал других. Да и не пытался узнать. А уж до Подопечного здесь и вовсе никому дела не было. И если кто и замечал Харра, то только потому, что Псов здесь почти и не было и он был зрелищем редким. Сначала Харру показалось, что здесь вообще нет собак, но вскоре понял, что ошибается. Обоняние безошибочно подсказало ему, что четвероногие собратья на Прерии — не редкость. Но вряд ли их можно было назвать Псами.

И никто здесь не знал языка Стаи. Для того, чтобы выбраться из дурацкой клетки, Харру пришлось взять под контроль того типа, что привез его в город. Вспоминать об этом было ему неприятно — не дело это, когда Пес без разрешения берет под контроль незнакомца. Тем более, когда этот незнакомец — из тех, кто в этом Мире хозяева... Нехорошо вышло, но верх взяла охватившая Харра тревога за Подопечного. Уже в пути он понял, что допустил страшную ошибку, дав отделиться от него. Особенно — после того, что случилось там — в полете... И когда оказалось, что Подопечного нет в том месте, куда его должны были доставить значительно раньше, Харр не стал ждать. Он был полон решимости хоть под землей найти Тора — найти и спасти от того, что шло за ними по пятам от самого Чура и, видно, настигло-таки их здесь.

Решимость эта сохранилась, но вот силы... Этот наполненный сонной бестолковщиной Мир был гигантским энергетическим вампиром. Первое столкновение с этой нелепой реальностью обескуражило, обессилило Харра. А тут еще все эти, испуганно глазающие на него встречные, эти без дела колесящие тут и там экипажи, этот всепроникающий запах плохо приготовленной жратвы...

С трудом Харр перешел в режим «тени» — теперь ему приходилось совершать массу мелких, почти незаметных гипнотических движений, которые гасили активное внимание в подсознании любого, кто смотрел на него чуть дольше нескольких секунд, тормозили работу памяти, стирали из нее только что увиденное. Да и сам он теперь старался не «светиться» — тихо скользил в тени, короткими перебежками — подождав, пока очистится путь — преодолевал открытые пространства, был бесшумен и легок. Как тень.

Но все это требовало сил. Надо было их найти, надо было срочно обновить свою — из множества полей и токов сотканную ауру. Иначе здесь ему долго не продержаться. И Харр стал действовать так, как действовал бы, окажись он на одной из Ничейных Земель Чура. Прежде всего, он начал искать путь к большой воде... Воды тут было достаточно — через столицу Объединенных Республик протекало две реки с мелкими притоками. И, к счастью, каменная набережная, на которую он выбрался меньше, чем через час после того, как покинул клетку, была почти безлюдна. Только два или три человека, без дела опершись о парапет, тупо созерцали тяжелые ночные воды, простиравшейся среди плотно застроенного

центра заводи. В водах этих уже не отражались звезды — небо было сплошь забрано плотными сырыми облаками. И всполохи атмосферного электричества подсвечивали их тут и там.

Харр понимал, что если он получит сейчас подпитку, то ему не удастся остаться незамеченным. Мало того — на какое-то время он станет совершенно беззащитен. Приходилось рисковать.

Он начал по-новому формировать, перестраивать свою — ставшую такой размытой, непросветленную, мутную ауру. «Прижал» ее к себе и заставил тонкие, тянущиеся от нее в пространство, нити-веточки расти, тянуться навстречу небесному огню, он стал переливать в них — в эти нити всю оставшуюся энергию своего биополя, заставил их налиться новой силой, превратил сначала в тонкие струйки, а затем — в широкие русла, по которым небесный огонь должен был прийти к нему.

И он пришел — огонь, несущий силу небес. Пришел вместе с обрушившимся на землю Прерии дождем. Этот Мир был наделен совсем другой — не той, что досталась Чуру — силой... Море плазмы, которое омывало Прерию, имело совсем другие характеристики, было не таким резко очерченным, концентрированным, как то облако заряженных частиц, что полярным сиянием, видимым даже среди дня, полыхало над спаленными ядерным пламенем континентами Чура. Как и полагалось ей, энергосфера планеты несла в себе память — странную, непривычную память, в которой запечатлелся нестройный, непривычный хор полей, аур всего живого, что населяло Прерию. Его коллективная душа. Как всегда, когда ему случалось призвать к себе электрическое пламя, Харр почти утратил контроль над собой: трудно сказать, что в таких случаях больше сводило с ума — поток бешеной, ничем не контролируемой силы, протекавший через все клетки его организма, или та лавина смутной, перепутанной информации, хлынувшая в его мозг.

К счастью, его подсознание справилось с этой лавиной, а забытые в мозг с раннего детства навыки помогли уцелеть в пришедшем с небес потоке пламени — ни одна из его жизненных систем не понесла урона.

А вот незаметным остаться, как он и предвидел, ему не удалось. Те двое припозднившихся чудаков, которых дождь застал вместе с ним на набережной, остолбенели. Струи небесной воды рушились на них, стекали по лицам, норовили забраться за воротники... А они — эти случайные свидетели нездешних чудес — зачарованно глазели на невесть откуда явившегося в этот привычный им мир, громадного зверя, пляшущего на пустынной ночной набережной, зверя, охваченного призрачным пламенем, зверя, в которого одна за другой били и били — и никак не могли его испепелить — ослепительные молнии.

Наконец один из двоих не выдержал и, призывая всех святых и саму Пресвятую Матерь-Богородицу, кинулся наутек. А второй так и остался стоять столбом у гранитного парапета — до того самого момента, когда погасла бешеная пляска молний и только когда огненная аура Харр снова стал Псом — одним из многих, зевака судорожным движением смахнул с лица, заливающие глаза струи воды и сформулировал в пол-голоса посетившее его озарение: — Все!.. Теперь после ужина — ни капли в рот...

«Забудь!» — приказал ему Харр.

И канул в темноту.

Глава 3

СВОИ И ЧУЖИЕ

Янек Белецки, действительно, и не думал в столь поздний час отвечать на трезвон своего блока связи. Он сидел перед телевизором, смотрел «ретро-хоккей» и прихлебывал светлое пиво. Это милое сердцу старого холостяка занятие разделял с ним такой же как он добродушный и склонный к полноте «двортерьер». Ему пиво было нацежено в блюдечко.

Несколько неожиданным гостям пиво было предложено после некоторого замешательства, вызванного необходимостью удалить со стола бранные остатки какой-то копченой рыбины и заменой этих последних солеными крекерами. Ни малейшей суетливости и заискивания в этих действиях, впрочем, не было — свидетель Белецки явно не ощущал себя в чем-то виноватым.

— Собственно, мы не собираемся засиживаться у вас, — Ким кротким жестом пресек попытку наполнить поставленный перед ним стакан. — Всего несколько вопросов, и мы вас покинем.

— Полностью к вашим услугам, господа... О, Господи — какой гол! — последнее относилось к кадрам, сменявшим друг друга на экране телевизора. — Что бы вы не говорили, а в двадцатом веке умели заколачивать шайбу в ворота...

Ким откашлялся.

— Расскажите нам, пожалуйста, господин Белецки, где и при каких обстоятельствах вы расстались с Леоном Файодем... Напомню вам, что это был тот молодой человек, которого покусала собака в номере шестьдесят восьмом гостиницы, где вы работаете... Вы взяли доставить его в «Амбуланс».

Янек недоуменно и простодушно возрился на Агента на Контракте.

— Парня действительно звали Леоном. Только никакие собаки его не кусали. И ни в какой «Амбуланс» его вести не надо было...

Тут пан Белецки чуть смутился — настолько, что даже отвел взгляд от экрана «Ти-Ви», возрился на Кима виноватым васильковым взглядом и припустил светло-пшеничного окраса усы.

Двортерьер над своей мисочкой тоже смутился.

— Вообще-то, я, может, и помянул «Скорою помощь», — уточнил Янек. — Так, знаете, для красного словца больше... Иначе кто отпустил бы меня с рабочего места посреди смены?... А парень был прямо-таки в ауте: отпусти его одного и такой лунатик прямо под грузовик ухнет, и из-за него невинного шоферюгу укатают года на три.

— И жена шофера пойдет на панель, а дети вырастут бандитами, — помог ему Ким дорисовать ужасную картину того, что последовало бы, останься дежурный администратор Белецки на своем постылом дежурстве.

Янек крякнул и перевел взгляд на загривок своего пса. Тот ткнулся мордочкой в пиво. Янек тоже пригубил немного. Из кружки, разумеется.

— Seriously, парень очень перетрусил там, с этим псом — еще та животина, поверьте. Сроду такой не видел... Без малого в штаны напустил парень этот. На него икота напала. Все икал и икал — и ни слова толком выговорить не мог...

— От чего, черт возьми? — комиссар, молчавший до сих пор, наконец, взорвался раздраженным вопросом. — Что ему псина такого устроила?

Вез он ее вез от Космотерминала больше часа и затем — через полгорода, и хоть бы хны! А потом вдруг на него сразу напала со страху икота. Где тут, по вашему, логика?

— Ну знаете, бывает, что у человека получается заскок на чем-нибудь таком, что другим, как вы говорите — хоть бы хны, а ему одному — как серпом по... — пан Белецки неопределенным, но довольно выразительным жестом уточнил, что именно он имеет ввиду. — Этот Леон за каким-то чертом выпустил пса из клетки, а собака, видно, на него зарычала или залаяла как-то... Да пускай он сам, в конце концов, вам расскажет!..

— Он и расскажет, — уверил его комиссар, — обязательно расскажет, как только я доберусь до стервеца. Только вот кто бы мне сказал где и с каким фонарем искать дурня?

— А его и искать нечего! — пожал плечами Янек. — Спит он у меня на веранде. И пускай спит — пока не проветрится как следует...

Не говоря ни слова, Роше встал и быстрым шагом прошел в направлении, указанном ему кивком пана Белецки. Ким не замедлил последовать за ним. С легкой задержкой их примеру последовал охваченный недоумением хозяин дома.

«Виновник торжества» — светловолосый и молоденький парень, одетый словно на сельскую свадьбу — пожизненная униформа министерского люда — спал глубоким, но, похоже, не слишком спокойным сном, раскинувшись на скамье, служащей в иное время для отдохновенного созерцания коллекции кактусов пана Белецки.

Шум открывшейся двери заставил его скорчиться на своем ложе и, не покидая объятий сна, тоненько заскулить, словно умоляя кого-то о спасении жизни. Вместе с этой отчаянной мольбой паренек испускал из уст еще и основательный аромат перегара сливовицы. Роше энергично потряс его за плечо, и Леон Файоль, с трудом продирая глаза, перешел в положение «сидя».

— Зачем вы напоили парня? — гневно осведомился Роше у пана Белецки.

И тут же безнадежно махнул рукой.

— Я, кажется, представляю, как это у вас получилось... — комиссар присел на скамью, препятствуя попыткам юного Леона вновь занять горизонтальное положение. — Вы убедились, что парень жив и здоров — только сильно напуган...

— Парня бил мандраж, — с достоинством пояснил Белецки.

— И вы предложили ему пропустить по рюмочке в ближайшем «быстро».

— В конце-концов «быстро» французы для того и выдумали... — задумчиво заметил Янек.

— Но слово-то это почему-то русское, — досадливо парировал Роше. — Это чисто ваш — славянский бизнес — спаивать молодежь. Так вот — лекарство помогло плохо, вы повторили, парня развезло...

— Д-дядя Жан... — проявил первые признаки удивления окружающим юный Леон.

— Сварю-ка я для него кофе... — рассудительно решил Янек. — Так бы и сказали, что это — ваш родственник... А то я с перепугу уж решил, что парень и впрямь натворил чего...

Он направился на кухню. Не вовремя случившийся под ногами двортерьер придушенно взлаял и Леон вскочил, словно узрев привидение. Киму до сих пор не случалось видеть, чтобы волосы у человека вставали дыбом вот этак — как наэлектризованные.

— Да у тебя рожа — белее мела, — констатировал Роше. — Успокойся и присядь... Не дай бог, такое чучело и впрямь сочтут за моего троюродного племянника...

— Т-там... — выдавил из себя Леон, протягивая плохо слушающуюся его руку в сторону двери. — Т-там ЭТО...

— Нет, — успокоил его комиссар. — Там обычная дворняга. Обычная, понимаешь? А не та псина, что довела тебя до икоты.

— Да? — засомневался Леон. Хмель из него выветрился моментально.

— Вот ты бы нам и рассказал, — вкрадчиво продолжил дядя Жан, — что там у тебя вышло — в номере шестьдесят восьмом...

— П-понимаете... Я уже пока только вез ее — псину эту — в этом... в фургончике, обратил внимание, что как-то не так с ней что-то обстоит... Ну, когда стали запирают ее в клетке этой... Нормальная собака, она как себя в таких случаях держит? Она — если не спятила, конечно, ну там огрызается или в угол забьется... А эта...

Некоторое время Леон подбирал слова.

— А эта... зверюга даже и не подумала волноваться. Стоит себе так, независимо и смотрит как служащий замочек ключиком запирает... Будто удивляется нашей глупости. Или...

— Кстати, о ключе... — перебил его Ким.

— У меня ключ, у меня, — чуть испуганно захолопал по карманам Леон. — Вот он — облегченно вздохнув, он протянул блестящий ключик комиссару.

Тот принялся рассматривать его, словно предмет антиквариата.

— И потом... — продолжал, чуть заикаясь, Леон. — Уже в дороге... Я, понимаете, сел не к водителю в кабину, а в фургончик — чтобы со зверем чего не вышло... Как-никак — дорогая тварь, по всему видно. И не здешняя к тому же... Ну и там — началась... Чертовщина какая-то...

Он смолк и ссутулился.

— Ты уж поточнее давай, «племянничек», — подтолкнул ход разговора Роше.

— Ну, понимаете... — Леон пожал плечами, постаравшись придать этому жесту максимум выразительности. — Пока на нее — на собаку в клетке — прямо смотришь, все, вроде, в порядке. А отвернешься чуть — и нет ее. Пустую клетку везу, вроде... А снова прямо посмотришь — да нет, вот она... Собака... Сидит на месте и только смотрит на тебя...

Пристально так... И, вроде, завывает как бы — тихо так, про себя...

Он передернул плечами.

— И потом... Другие странности... В общем, еще в пути мне не по себе как то стало...

— Какие еще — «другие странности»? — поинтересовался комиссар, внимательно приглядываясь к подопечному.

— Знаете... — Леон замялся. — Мне трудно, как-то объяснить... Ну, с часами там как-то странно получилось и еще...

— Ладно, потом расскажешь, — Роше извлек и стал задумчиво разглядывать свою носогрейку. — Когда сможешь м-м... сформулировать.

А сейчас — к делу. Как пес попал на волю?

— Ну, значит, мы его довели чин-чином, и водитель помог мне клетку эту в номер доставить... Притом, хозяин багажа еще не приехал. Не знаю почему. Они почти на десять минут раньше нас тронулись... Ну и портье или как там его меня попросил подождать в номере: чтобы зверя с рук на руки передать владельцу и чтобы этот владелец в квитанции расписался. И еще клетку надо было назад в Космотерминал отправить... Одним словом, оставили они меня с этой тварью наедине. В пустом номере...

Последовала длительная пауза.

— Хозяинтеперь подаст на меня в суд? — с ноткой надежды на то, что все ж таки

пронесет осведомился Леон.

Вид у него стал вконец несчастным.

— Видно будет, — строго отрезал комиссар. — Рассказывай все-таки как это получилось...

— А дальше — опять эта мура началась... — Леон тяжело вздохнул. — Пес этот по клетке ходить начал — ловко так... Она же ведь очень тесная для него — клетка эта... И поскуливает при том этак — тихо-тихо. И подвывает — вроде как поет... Я подальше отошел — номер разглядываю... Дорогой такой номер — прямо квартира целая... И обставлен роскошно... А хозяина все нет... Ну а потом — подошел посмотреть — как там собака, в порядке ли? И... И мне снова показалось, что клетка-то — пустая... Ну, я внимательно, напрямую смотрю — все равно, пустая! Ну и я с перепугу ее полез открывать...

Мол, может... Сам не пойму, зачем я это сделал — наваждение какое-то...

— Ты до этого не пил, мальчик мой? — для порядка осведомился Роше...

— Да нет, что вы, дядя Жан!!! Святым распятием клянусь!..

— Продолжай, мальчик, продолжай, — успокоительно прогудел комиссар.

— А дальше — что? — собравшись с силами, продолжил Леон. — Дальше — как только я дверцу отворил — она как ломанула — псина эта — как ломанула!..

— Значит, собака все-таки была в клетке? — попытался внести в обсуждаемый вопрос ясность Ким.

— Получается, что — да... — Леон совсем скис. — Получается, что глюк у меня вышел... Ну я тогда здорово испугался и — прямо в двери и... и не помню, как меня в коридор вынесло... А пес этот — ну прямо по головам, по головам и, значит...

Все помолчали немного.

Вошел Янек с подносом, на котором в основательных, толстой керамики чашках дымился кофе — на всех. Явно контрабандный. Роше выпил свою порцию залпом — сосредоточенно глядя перед собой.

— Вот что, Лео, — твердо сказал он. — О деле этом — не болтай. Или ты хочешь, чтобы тебя свезли в психушку?

— Я не буду никому ничего говорить, дядя Жан! — горячо заверил Лео комиссара.

Должно быть авторитет комиссара среди родни — даже отдаленной — был непрекаем.

— А вот к доктору ты сегодня же сходишь, — комиссар вытянул из кармана плаща потертый кожаный блокнот и принялся, близоруко шурясь, крапать в нем записку. — К доценту Чертоватых — это у нас, на Козырной, по этой вот записке, третий этаж. Ему можешь рассказать все как на духу. И никому больше. Он с тобой прокрутит пару тестов и может и скажет мне что-нибудь умное... А с вас, пан Белецки, я беру официальную расписку о неразглашении — дайте ему бланк, господин Яснов. И не таскайте больше мальчиков в питейные заведения, иначе я лично заинтересуюсь вашими наклонностями...

Пан вспыхнул, как майская роза. Намек комиссара явно уязвил его сверх всякой меры. Но пан промолчал.

Выйдя на улицу, комиссар потратил еще пару минут на то, чтобы вызвать патрульный «луноход», с почестями увезший юного Леона на Козырную, и только после этого повернулся к молча ожидавшему этого момента Киму.

— Должно быть, вы правы, и у этих типов с Чура псы не совсем то, чем кажутся... Как вы думаете — не случится ли такого, что эта тварь отыщет дорожку к своему хозяину скорее,

чем мы — грешные?

— В чужом-то мире? Где даже сила тяжести — другая, — с сомнением пожал плечами Ким.

— Ну, даже если и так, то такая вот ниточка — это по моей части, — задумчиво буркнул Роше, усаживаясь на сидение кара. — Как по вашему: может такой заметный пес проскочить мимо здешнего народа, промышляющего кражей собак? Я таких скорохватов знаю наперечет. У кого-нибудь пес этот да отметится... Хотя голыми руками его, видно, не взять. В любом случае лучше будет, если зверек этот окажется у нас — не наделал бы бед...

Он принялся выбивать свое курительное приспособление о наружную дверку кара и, справившись с этим делом, добавил:

— Тем более, что в этом деле фигурирует слишком много собачек... Я имею ввиду показания этого несчастного водилы...

«Не так то уж господин комиссар невнимателен к материалам предварительного следствия, как он это изображает... — кашлянув, отметил для себя Ким. — А туда же: рассеянная дальноркость, антикварные очки для помахивания в воздухе, «тараканы»...»

— Да, — согласился он вслух. — Второй песик тоже приметный... Мог и запомниться кому-то. Описание Позняк дал предельно точное — еще бы: он битых два часа любовался этим зверюгой. Не слезая с торчка.

Только вот круг поисков получается широковат...

— Мир тесен... — задумчиво заметил Роше, разглядывая пребывающую не у дел трубку. — Это дело рук местных любителей самодеятельности — поверьте мне. Залетный не сориентировался бы так в деталях. Значит есть некто — обладатель хорошо натасканного пса черно-белой масти.

Приметы этого «некто» тоже не секрет. Свою внешность он мог «подработать» идя на дело. Но с порядочной собакой такие номера не проходят... Псы нервничают, когда хозяин меняет внешность. Ну и вряд ли он загодя долго содержал псину в изоляции — такие номера четвероногих травмируют. Думаю, что до того, как ему в голову пришла вчерашняя его затея, наш клиент любил с собачкой своей прогуливаться, заходил пропустить рюмочку-другую в бар... В «Канары», например. Кстати, в городе не так уж много баров, куда можно зайти с псом на поводке... Одни словом я займу двух наших — Филдинга и Старинова — на этом направлении. Оба в собаках смыслят и постоянно крутятся в соответствующем обществе. У Юрия — прекрасный дог, а Джон — тот, вообще, работал у нас в кинологическом подразделении до тех пор, пока... Впрочем, это — уже другая история...

— Не буду препятствовать, — снова пожал плечами Ким. — А я себе уже нашел дело: Управление перекачало мне на терминал списки лиц, выполнявших на Прерии «заказную работу» на Комплекс и Дальние Базы. Есть и другие соображения...

Зазуммерил блок связи. Роше врубил прием. Минуту-другую послушал щебетание трубки и дал отбой.

— Действие второе, — объявил он. — В приемной министерства юстиции сидит посетитель с фотографией Торвальда Толле и предлагает свои услуги в конфиденциальных переговорах «об освобождении этого типа».

С ним сейчас работает Смирный. Предварительные условия стандартные — отсутствие слежки и миллион федеральными кредитками. По здешнему — «лимон лимонов». Никакой политики. Нас требуют в штаб операции.

Который раз за этот вечер Киму пришлось преодолеть легкий ступор. Вызванный

удивлением.

— Это что — шутка? Насчет миллиона кредитками... — повернулся он к комиссару. — У вас тут наредкость низкие расценки на оружейников с Чура...

Комиссар уныло шевельнул усом.

— Хотел бы я, чтобы это было шуткой... Но это — всерьез: помяните мое слово — за дело взялись еще те олухи Царя Небесного! Мы с ними намучаемся... Но в штаб придется переться. Собачки чуть повременят...

— На кой черт мы там нужны? — раздосадованно пожал плечами Ким. — Решение вполне могут принять без нас...

— Да просто, чтобы не спугнули, так сказать, вторую высокую договаривающуюся сторону... — Роше тяжело махнул рукой. — Ну и для видимости коллегиальности...

— А что известно об этом «посетителе»? — поинтересовался Ким, врубая движок. — Эти условия смахивают на дурную шутку, но я как-то плохо представляю себе этого шутника...

— Гонсало Гопник — адвокат, — устало вздохнул Роше. — Таких у нас несколько — он, Шидловский, Полинелли... Темные, как говорится, лошадки, но без них было бы много проблем... Гм... Седой Гонсало...

Можно было догадаться...

Ночное небо над ними трепетало от молний надвигающейся грозы.

Киму, да и комиссару не доставляла большого удовольствия идея восседать китайскими болванчиками на новом сорище высокопоставленных особ — это в тот-то момент, когда следственные действия еще практически и не начаты. Так что оба вздохнули с облегчением, когда выяснилось, что объединенная комиссия не стала дожидаться их появления на горизонте и обсуждение вопроса благополучно началось и кончилось в их отсутствие.

Штаб операции заседал в бункере под новыми корпусами Объединенных Министерств и, чтобы попасть туда, Киму и Роше пришлось поплутать по лабиринту переходов, сравнимому разве что с кошмаром любителя компьютерных игр. К тому моменту, когда слегка запыхавшаяся пара появилась в просторном вестибюле комнаты заседаний, навстречу им из-за поднявшейся стальной гильотины двери уже валили озабоченные сотрудники трех теперь уже министерств и люди в форме.

Особо высокопоставленных лиц среди присутствующих на этот раз почти не было, впрочем, Ким не без радости заметил спешащего к нему навстречу своего старого знакомого. Секретарь Азимов, видно, благополучно пережил вызов пред высочайшие очи и настроен был довольно агрессивно. Он явно не одобрял принятого коллегами решения.

— Хорошо, что вы избежали этой процедуры! — воскликнул он, подхватывая Кима под локоть. — Поднимемся ко мне в кабинет...

Господин э-э... комиссар — вас я тоже имею в виду...

Он решительно направился к блоку лифтов, увлекая Кима и комиссара за собой. За ними быстрым шагом увязался сверкавший полированной словно бильярдный шар лысиной полковник в форме Внутренних Войск. Очевидно его присутствие в комплекте подразумевалось само собою.

Представляете, — с досадой вещал господин секретарь. — Несмотря на то, что сделанное нам предложение вызвало у всех — без исключения — недоверие, высказано мнение, что следует пойти на разумный риск и ассигновать на выкуп пострадавшего

запрошенную сумму. И вообще — до момента истечения некоего разумного срока не нарушать требований м-м... противной стороны. И такое вот решение прошло большинством голосов! Этот тип получил деньги на руки и убыл восвояси! Мы потащились на поводу у отпетого жулика! Я знаю Гонсало Гопника как облупленного. Это человек, с которым не станут связываться в кругах, где планируют такого рода операции! Гопник просто-напросто узнал — невесть откуда — что Толле похищен и решил хапнуть куш и смыться. Он даже не представляет масштаба игры!

— Дело обстоит сложнее, — вздохнул лысый полковник. — Из разговора с господином адвокатом я понял, что он или и в самом деле не представляет о ком идет речь — он даже ни разу не назвал Гостя по имени — или изображает из себя полного идиота и нас мыслит таковыми...

— Гм, разрешите вам представить полковника Ваальде, — торопливо отрекомендовал говорившего секретарь Азимов. — Он координирует наше взаимодействие с армейской разведкой...

Он повернулся к полковнику.

— Думаю, нет необходимости представлять особо мсье комиссара, а господин Яснов уже также известен вам...

— Генрих Ваальде, — коротко представился военный. — Короче, я нахожу сложившуюся ситуацию крайне темной... И категорически возражаю против приостановки хода следствия.

Ким пожал плечами в знак согласия. Сказанное представлялось очевидным. Роше промолчал. Лифт остановился и вся компания — в том числе и довольно длинноногий Ким — чуть ли не вприпрыжку последовала за господином секретарем, решительно преодолевающим километровки пространства министерских коридоров, стремительными шагами своих по-кавалерийски скривленных и отменно коротких нижних конечностей.

Это был уже вовсе не тот сентиментальный восточный человек, что всего несколько часов назад любовался закатом из окна Ратуши. Это была сама воплощенная энергия уязвленной бюрократии. Чиновник, поставленный перед выбором «быть или не быть». Зрелище не для слабонервных.

— Никто и не говорит о прекращении следствия! — резко, не оборачиваясь, выкрикнул он. — Мы будем полными идиотами, если не вытряхнем из Гопника всего, что этот пройдоха...

— Господа Ротмистров и Кречмарь имели неосторожность поручиться перед этим проходимцем... Эти сентиментальные славянские души... — запыхавшийся Ваальде покосился на Кима. — Слово офицера и все такое...

— Офицерские погоны господа Ротмистров и Кречмарь сняли перед тем как сесть в министерские кресла! — зло отрубил Азимов, сходу вылетая на финишную прямую. — И поручились они только за то, что за господином Гопником не будет установлена слежка! Никто не мешает господам Роше и Яснову развивать работу по своему направлению...

— Ну и каков же прогноз господ Роше и Янова? — осведомился полковник, косясь на спутников и стараясь не сбиться с рыси.

— Прогноз могу сообщить вам я! — господин секретарь явно вознамерился пробить дверь своего кабинета круто опущенным лбом, но автомат успел сдвинуть дубовую панель в сторону, прежде, чем получилось что либо худое. — Фокусы! — означил он свое видение ситуации, влетая в кабинет.

Навстречу ему, со стола, заливался мелодичной трелью видеофон.

— Фокусы, фокусы и еще сто раз фокусы! — рубил секретарь Азимов свое пророчество, хватая трубку. — Гонсало Гопник будет изводить нас фокусами и под занавес — смоемся с денежками!

Он выслушал нечто, окончательно наполнившее его душу исключительно едким и сладостным ядом, и швырнул трубку на стол, как совершеннейшее доказательство своей правоты.

— Вот! — удовлетворенно воскликнул он. — Началось! Адвокат Гопник, видите ли, недоволен тем, что госбесопасность не выполняет условий переговоров. За ним, извольте ли видеть, ведется слежка!

— Где он находится сейчас? — деловито поинтересовался Роше, решительно двигаясь к столу господина секретаря.

— Хотел бы я это знать! — господин секретарь энергично воздел руки в жесте полного недоумения. — Ведь за ним же действительно не велось наблюдения! А сейчас наши умники не могут с ним связаться.

Уже почти как час — покуда мы там препирались в бункере — как Гонсало Гопник изволили убыть. И теперь Гонсало Гопник изволит не выходить на связь — он, видите ли, обиделся, что кто-то якобы сел ему на хвост! Гонсало Гопник изволит мудрить!!!

Гонсало Гопник в означенный момент и впрямь мудрил. Только совсем не в том смысле, что придавал этому слову господин секретарь. Мудрил он вовсе не на предмет денег — о них уже и речи не было — Гонсало спасал свою жизнь.

— Как Бог свят, клянусь: не знаю я, как зовут этого типа на картинке! Сколько можно не по делу долбить человека такими вот вопросами?! — как можно более убедительно простонал он, стараясь заглянуть в глаза человеку с удочкой, меланхолично сидевшему на полузаброшенном причале одясную от того места, где — мордой в озерную влагу — пребывал он сам, придерживаемый двумя коротко стриженными ребятами в положении «на четырех костях». Еще двое парней крутого вида — еле заметные в темноте почти беззвездной ночи — старательно изображали рыбаков-любителей в дюжине метров по ту и по другую сторону от места проведения беседы. Только далекие молнии подсвечивали их силуэты. Еще двое дежурили у флаера. Человека с удочкой звали Геннадием Фигманом. И кличка у него была, естественно, — «Кукиш».

— Не по делу, говоришь? — задумчиво спросил Кукиш, разглядывая тлеющий кончик сигареты, словно антикварную вещь времен Второй Демократии. — Ребята, обслужите-ка клиента еще раз — ему полезны водные процедуры... Ты не бойся, Седой: второй раз — за счет заведения...

Оно и верно — пакет с наличностью, что Гонсало честно собирался доставить своим партнерам, был у него изъят. Изъят был и бумажник.

Так что было только справедливо, что за продолжение этого времяпрепровождения, каким бы оно ни было — плохим или уж и вовсе ужасным — платил не он.

И под ценные указания — «Тщательней, ребята, тщательней...» голова Гонсало — действительно седая — была вновь погружена в прохладные воды Ближнего озера на время, потребное для того, чтобы все остальные части тела адвоката пришли в конвульсивное движение, свидетельствующее о его окончательной готовности расстаться с бессмертной — хотя и порядком грешной — душой.

Вообще-то душой этой Гонсало кривил даже в эту жутковатую минуту. В том, что утопят его не в этот раз, он был уверен — не полные же дурни с ним работали. И изображая ужасные мучения, он тщательно нащупывал языком болтающиеся у него во рту капсулы. Обе они вылетели из контейнера-коронки еще тогда, когда он попытался уйти из рук ребят, блокировавших его кар на выезде из Центра. Теперь главной его задачей было не перепутать проклятые фитюльки. Обе содержали весьма сильнодействующие комбинации хитрых веществ. Только действие имели совсем разное. Обошлись они Гонсало в целом состоянии, но в таком деле, которым выпало ему заниматься всю жизнь, скупиться на средства безопасности не приходилось.

Железная рука, удерживавшая его голову под поверхностью воды, наконец, выдернула ее на свет Божий и рывком перевела в положение, благоприятствующее продолжению беседы.

— И ты будешь мне рассказывать сказки о том, что не знаешь, зачем человек этот прилетел к нам на Прерию? — устало спросил Кукиш, не отрываясь от изучения кончика сигареты.

В промежутках между вспышками молний тьма кругом стояла — хоть выколи глаза. И только еле заметное зарево на западе напоминало, что не более чем в полусотне километров отсюда разгорается ночная жизнь столицы и, вообще, о том, что раскаленная, еще не начавшая остывать после тридцати с лишним часов палящего зноя Степь не проглотила все мироздание вокруг. Это убивало всякую надежду.

— Господи! — как можно более внятно выговорил Гонсало. — Ну почему вы не можете мне задавать такие вопросы, на которые я могу хоть что-то вам ответить? Почему вы меня не спрашиваете кто послал меня, где прячут этого чудака, когда и как собираются его передавать властям с рук на руки?

— А ты вот так просто и собираешься мне все это рассказать? — иронически заломил бровь Фигман. — Так вот запросто и сдашь своих клиентов?

— По-вашему это называется запросто? — Гонсало попытался пожать плечами, что удалось ему не без труда. — Да вы думаете: хоть один дурак может такое подумать, что я — я! — буду отдавать жизнь за какие-то его — дурака этого — секреты? Я, простите, на это никогда не подписывался...

— Нет, — согласился Фигман. — Таких дураков нет.

— Ну так чего тогда и болтать — «сдашь не сдашь»?... Мне одно нужно — как можно скорее с вами попрощаться. Желательно — живому... Это, кстати, для вас куда как больше желательно, может, чем для меня со всеми моими болячками и при том, что вы меня по миру начисто пустили.

Он шевельнул густой бровью с явным намерением распорядиться о повторении полезной для клиента водной процедуры, но Гонсало торопливо встрял в процесс созревания роковой команды:

— А с того, что человек ваш сейчас находится в гостях у вас небезызвестного Адельберто Фюнфа и...

— У Мепистоппеля? — с искренним удивлением осведомился Кукиш.

— И у Энтони Пайпера... — торопливо добавил Гонсало. — У Счастливого... — уточнил он для ясности. — И, поверьте мне, они его очень хорошо принимают... Во всяком случае, вам без моей помощи до него не добраться...

— Ты, Седой, всерьез меня напугал, — иронически скривился Кукиш. — Ну конечно —

найти Счастливику на пару с Мепистоппелем, это просто неразрешимая задача! Эти двое только и умеют, что у народа под ногами путаться... Теперь еще и в это дело влезли!

— Вы, конечно, можете думать о господах Пайпере и Фюнфе все, что вам заблагорассудится, но без меня вам на них не выйти, — воспользовавшись предоставленным ему послаблением, Гонсало с четверенок перешел на корточки. — По крайней мере, до тех пор, пока товар не уйдет... — добавил он с трудом ворочая языком.

Чертовы капсулы были на ощупь похожи, как две капли воды, и мысль о том, что шансов у него ровно пятьдесят на пятьдесят сковывала Гонсало, не давала ему решиться на что-то определенное. Он тянул время и мямлил — благо невнятность произношения его мучители относили за счет расквашенных ударом рукояти «Кольта» губ и не додумались заглянуть ему в рот.

«А что? — и уйдет, ведь, — озабоченно подумал Фигман, разглядывая слабо подсвеченную фонариком физиономию Гопника. — И, ведь, что самое подлое, так это то, что уйдет, вполне возможно, к тем самым заказчикам, на которых горбатимся тут мы... Задешево уйдет!» В слух он поинтересовался только, не принимает ли его Гонсало за дурака?

— Если это так, и ты собираешься водить меня за нос со своими засранцами, — уведомил он адвоката, то я и не подумаю свернуть тебе шею... Нет. Я тебя, милый мой, отпущу на все четыре стороны...

Только перед этим звякну Рваному Руди — просвещу старика на предмет того, кому он обязан тем, что денежки «Лотос-инвеста» ушли налево...

Гонсало передернуло.

Кукиш тем временем воткнул удилице в щель утлого покрытия причала, вытянул из набрюшной сумки плоскую трубку блока связи и, почтительно набрав доверенный ему номер канала, с совершенным почтением сообщил кому-то невидимому:

— Рамон, рыбка готова... Спеклась. О, да — не так-то просто... Да нет, обошлось без сыворотки, но намучиться пришлось... Крепкий, скажу тебе, Рамон, орешек — эта наша рыбешка... Как и быть с нею дальше не знаю...

Рыбешка горько усмехнулась явным передержкам, имеющим место в описании ее — рыбешки — сопротивляемости мерам дознания, и напряглась, чувствуя приближение решающего мгновения.

Далеко от заброшенного причала, в просторном кабинете старого особняка Рамон — импозантный и корректный, словно метрдотель хорошего ресторана слегка поморщился. Потом выпустил к резного дуба потолку еле заметный клуб дыма от легкой сигареты. Провожая его взглядом, чтобы не встретиться глазами с тем, кто сидел напротив, он осведомился в трубку:

— А по делу — тебе нечего мне сказать?

— По делу — все очень смешно, Рамон, — тоном уверенного оптимизма сообщил Кукиш.

Он чересчур сильно напирал на то обстоятельство, что ему позволено называть шефа по имени.

— Товар забрали два пентюха из мелкоты, — объяснил он. — Можно брать тепленькими хоть сейчас...

— По именам, пожалуйста, — бархатным тоном попросил Рамон, не проявляя ни

малейших признаков нетерпения, но жестко прерывая ненужный треп. — Не бойся, мы болтаем по кодированному каналу...

— Рамон, вам приходилось когда-нибудь слышать о таком Мепистоппеле?

И о Счастливице Тони... Господин Толле гостит именно у этих господ...

Услыхав истинное имя Гостя, Гонсало внутренне одревеснел. Так его еще не подставляли никогда!

В десятке километров от Ближнего Рамон резко выпрямился в кресле.

— Запомни! — голос его стал резок. — Рамону приходилось слышать об этих людях. —

И никогда — ничего хорошего! У Адельберто Фюнфа — дурной глаз! С чего это он занялся киднеппингом?!

— Седой, — поинтересовался Фигман у Гонсало, — шеф хочет знать: с чего это Мепистоппель занялся киднеппингом?

— Он мне не докладывал, — хрипло ответил Гопник. — Думаю — не от хорошей жизни. Он сильно погорел на своей затее с «домашними любимцами».

Кукиш отрапортовал шефу.

— Шеф спрашивает: с какими любимцами? — ядовито улыбаясь, снова спросил он «рыбку».

— С домашними!!! — чуть не подавившись от злости капсулами, сдавленным голосом ответил Гонсало. — Не в этом дело! Денег у Фюнфа нет, вот и пошел он необычным ходом...

— С домашними, — передал Кукиш шефу. — А пес их знает! Короче говоря, денег нет у Мепистоппеля — вот он и выкинул номер.

Тот, кто сидел напротив Рамона, положил наушник на стол.

— Нет денег... — сказал он в пространство. — Купи у него гостя.

Тогда у Мепистоп... пеля будут деньги. Все будет хорошо. Не надо много насилия. Дай ему много кредиток... Большое количество...

— Здесь кредитки не принимают — сколько раз объяснять, — Рамон надавил глушилку на своей трубке. Кредитки — там, в Большом Космосе.

А здесь — штуки и лимоны. Как на Святой Анне. А там — у них — все как на излюбимой Древней Руси, при Демократии. Причем, в лимоне вовсе не сто штук, как обычно у нормальных людей устроено с деньгами, а тысяча. Это ты тоже все время путаешь...

— Нет, — подумав, сказал тот, что сидел напротив, — при Демократии в Древней Руси были рубли. И копейки. А при Республике — штуки. И лимоны. Так назывался фрукт...

— Он и сейчас так называется! — с досадой остановил речь собеседника Рамон. — Могу угостить.

— Очень хорошо. Значит, дай Мепис... топ... пелю большое количество лимонов. Только не таких, которыми угощают. Таких не надо... У вас все очень запутано...

— Очень, — согласился Рамон.

Отпустил глушилку и продолжил — в трубку:

— Слушай, я думаю — не надо крови... Просто передай Фюнфу, что Рамон заплатит вдвое против господ акцизных — и все...

— Лады, — с некоторым разочарованием вздохнул Кукиш. — Значит так: запускаю к Мепистоппелю нашу рыбку...

Рыбка облегченно вздохнула.

Тот — напротив — снова положил наушник на стол.

— Не надо запускать рыбку, — сказал он Рамону. — Не надо много свидетелей.

Рамон потер лоб.

— Не надо... — сказал он Кукишу. — Не надо большого количества свидетелей...

Тьфу...

— Как? — переспросил Кукиш. — Каких свидетелей?

Рамон вздохнул.

— Лишних. Я говорю — лишних свидетелей не нужно... Ты сам только что говорил, что можешь брать эту компанию тепленькими. Сам с ними и поговоришь... Без посыльных рыбок.

Лик Кукиша омрачился. Но голос не дрогнул.

— Без проблем. Ну, рыбку тогда — что? Рыбку тогда прикопаем. В лесополосе...

Гонсало дернулся и раскусил капсулу. Наугад.

— Шеф, — прервал Кукиша один из подручных, — у вас клюет...

Он кивнул на почти невидимый во мраке поплавок.

— Ишак, — сухо заметил Фигман. — Это я не вам, шеф...

Он придавил глушилку.

— Там наживки — никакой, дубина!..

Рамон задумчивым взглядом провожал к потолку еще одно невесомое колечко легчайшего табачного дыма. Он не спешил с санкцией на захоронение адвоката Гопника в пригородном лесонасаждении. Как всякий опытный руководитель он избегал принимать решения, ведущие к необратимым результатам.

— Все равно — клюет... — настаивала на своем упрямая шестерка.

И впрямь: поплавок демонстрировал все признаки наличия клева.

Все уставились на него как загипнотизированные.

Адвокат Гопник с облегчением прислушивался к тому, как по его телу разливается неприятное, покалывающее тепло. Он раскусил ТУ капсулу.

— Здесь раньше корейцы карпа разводили... — задумчиво заметил второй из подручных. — Глупая, между прочим, рыба... Пузырь ставлю...

— Решай сам... — определил Рамон свой вердикт.

Запоздав на две-три десятых секунды.

Не дожидаясь, пока ее прикопают в лесополосе, рыбка резко — и совершенно неожиданно — сиганула головой вниз — под мостки, солидно обдав брызгами всех присутствующих.

— Стрелять? — осведомилась первая шестерка, утираясь и держа пушку наготове.

— Нет, зараза — глаза таращить!!! — заорал Кукиш, всаживая в потревоженную воду заряд за зарядом из своего армейского бластера.

Проклятое оружие, к сожалению, работало почти бесшумно и не давало никакой психологической разрядки. Только вода вскипала там, куда ударял заряд — громадными пузырями — да выброшенный из них пар туманом стлался по-над темной гладью.

Вся компания сосредоточенно расстреливала поверхность Ближнего минуты три-четыре, и всю дорогу Рамон интересовался по блоку: что там у них происходит. Потом Кукиш махнул стволом самому мрачному из своих ассистентов и тот полез под мостки причала. Долго там сопел, светил фонариком и матерился. Кукиш, тем временем, приглушенно объяснялся по блоку с шефом, используя по инструкции иносказания — код кодом, а все-ж береженого Бог бережет... Ясности выдаваемому им тексту это не прибавляло.

— Парень, кажется, вконец спятил, — сказал в пространство Рамон и, морщась, положил трубку на стол. — Но так или иначе, Гопника они, видимо, только что угрохали. При попытке...

Сидевшему напротив это было совершенно безразлично.

Первая шестерка озабоченно наклонилась над темной водой.

— Во, какая херня вышла... — задумчиво сказал мордovorот. — Кажется, и впрямь, утоп...

Кукиш зло рванул из настила удилище. Здоровенная рыбина описала в ночном воздухе широкую дугу, грянулась в пучину вод и там исчезла.

— Сорвалось... — констатировал положение дел мрачный «водолаз».

Небо прорезала ослепительная молния и на землю Прерии обрушился дождь.

Короткая гроза уже сходила на нет, когда запыхавшийся и мокрый Тони подоспел к «Фольксвагену» в котором, приняв максимально скептический вид, его поджидал Адельберто Фюнф. «Фольксваген» был припаркован в заброшенном дворике полуобитаемого и давно намеченного под снос квартала.

— Контрольное время кончилось, — доложил Счастливчик, — и в контрольном месте Гонсало не появился...

— Значит, ложимся на дно, — сухо распорядился Адельберто.

— Ключи от «Проката» у тебя? — деловито спросил Тони, хлопая себя по карманам.

— У меня, — пожал плечами Мепистоппель. — На кой черт они тебе сдались? Там нам сейчас и носу показывать не стоит...

— Понимаешь... — Тони смущенно почесал в затылке. — Кисет у меня там остался. А в кисете — Трубочник...

— Совсем ты рехнулся с этими бабушкиными сказками! — фыркнул себе под нос Адельберто.

Однако ключи все-таки кинул на сиденье. Суеверия своего партнера он таки уважал.

— Если завалишься, я тебя, дурака, вытягивать не стану... — сварливо предупредил он.

И, подумав, добавил:

— Напрасно мы его одного оставили... Хоть и под замком, а все же...

— Бинки его держит под контролем не хуже, чем мы оба вместе взятые... — скорее предположил, чем уверенно заявил Счастливчик.

— Знаешь, — тоскливо глядя в пространство, продолжал Адельберто, — мне кажется, что он — наш гость — напрочь не представляет себе своего положения... Он и в самом деле воображает, что он у нас в гостях... И потом... Не обижайся, Тони, но у меня такое впечатление, что... Что Бинки на него как-то не так реагирует... Это аномалия какая-то... Я

имею ввиду этого чудака... У него, вроде, что-то вроде общего языка с собаками...

Словно вспомнив о чем-то, Тони вытянул из наплечной кобуры свою «пушку», проверил глушитель и, прицелившись в мелкое архитектурное излишество на глухой стене напротив, нажал спуск. Револьвер послушно и сравнительно тихо пукнул, и цементная финтифлюшка разлетелась в пыль. В стенке осталась здоровая — в палец — дыра.

Адельберто вздрогнул.

— Что за идиотские шалости? — спросил он зло.

— Так... — задумчиво ответил Тони, вертя револьвер в руках. — Ничего... Просто, похоже, наш Гость имеет общий язык не только с собаками... Ну ладно, я пошел. Скоро вернусь.

Дождь рушился на лобовое стекло кара, в котором, нахохлясь, сидели двое удрученных выпавшей им задачей сыщиков, гудел по его крыше, с плещущим шелестом заливал все пространство вокруг. Бледными пятнами проглядывали сквозь него огни уличных фонарей, усилиями муниципальных служб в изобилии понатыканные окрест.

Провал миссии адвоката Гопника, точнее — его исчезновение с вверенными деньгами и секретами, снова взвалило на плечи Кима и усатого комиссара ответственность за немедленное разыскание Гостя.

Это, само по себе, было достаточным поводом для кручины — и не малой.

И, все-таки, что-то еще мучало Кима — что-то, вроде, совершенно постороннее и, в то же время что-то такое, что занозой сидело в его подсознании еще с момента разговора с блаженным доктором Кушкой. Нет — это началось где-то раньше — еще до того, как его вызвали пред светлые очи господ министров.

Ким энергично потер лоб, помял в ладонях уставшее лицо.

Вспомнил.

Вообще-то, это — то, что пришло ему на ум — было «совсем из другой оперы», но все же... Агент на Контракте положил руки на руль и тронул кар в направлении Ратуши. Роше, устроившийся на заднем сидении, не выразил никакого возражения против такого вот выбора маршрута — он, похоже, вообще задремал в тепле и скупом уюте салона полицейской «тачки». Или — может быть — впал в глубокую задумчивость.

На подъезде к Ратуше Ким уже собирался окликнуть своего напарника — тому не мешало глотнуть еще кофе и просушить шляпу в мало-мальски удобном кабинете, но тот вовремя встрепенулся сам и даже подал повелительный жест, показывая, что причалить к тротуару стоит поближе к служебному входу. Ким и в самом деле позабыл, что на Прерии не штрафуют полицию за нарушение правил парковки.

Пустынные ночные коридоры Ратуши встретили их готической, таинственной тишиной, заполненной, сочившимся извне шелестом дождя и неистребимым — тонким и прогорклым — ароматом присутственного места ночью. Единственный служащий, кемаривший в стеклянном загончике у пульта электронной охраны, откровенно удивился столь позднему появлению господ из полиции, так не к стати аккредитованных во вверенных его заботам аппаратах. Такого в Ратуше, судя по всему, отродясь не видали.

Отперев кабинет, Ким крепко почесал в затылке и решительно направился к сейфу и принялся вытаскивать из него унылые папки распечаток по делам прошлых лет — те самые, которые он надеялся позабыть на те несколько дней, которые — о Господи, как давно это

было — господин секретарь столь любезно предложил ему провести в компании высокого Гостя планеты.

Роше некоторое время не без любопытства наблюдал за ним, потом, не задавая вопросов, прикрыл дверь кабинета, сунул себе в усы свою «носогрейку» и, раскопчегарив ее, занял позицию у окна, с живейшим интересом наблюдая низвергающуюся вниз по стеклам Ниагару.

— Заварите кофе, комиссар, — бросил ему через плечо Ким. — Не стесняйтесь, — вытаскивайте пакет из моего стола... Я вот только разберусь с этой канителью...

Тут, наконец, искомая папка попалась ему в руки.

«Дополнительные материалы, — было означено на потертой этикетке, — к представлению Прокурора Объединенных Республик, Председателю Высшей Комиссии по вопросам апелляций и ужесточений. Тема: Предприятие «ШЕСТЬ ПОРТОВ» — судебный процесс над.» Папка эта — точнее, ее содержимое — в свое время поразили Кима только тем, что никакого отношения к порученному ему архивному розыску не имели и иметь не могли. Киму платили за то, что он проводил анализ дел полувековой давности по причине предъявления потомками невинно пострадавших имущественных претензий к Федеральному Управлению Расследований, как к правопреемнику какого-то филиала Имперской ГБ. «Дополнительным же материалам» было от силы лет пять-шесть. Ну — семь.

Вообще, трудно было сказать, к чему они могли иметь отношение — уровень допуска на папке «Дополнительных материалов» был означен как восьмой, уровень допуска Кима на тот момент, когда папка легла на его стол был означен как пятый, а сам процесс предприятия «Шесть портов» здешние особисты загнали аж под третий уровень доступа, и в тот момент, ознакомиться с сутью дела у Агента на Контракте было значительно труднее, чем узнать лично у Бога точную дату Апокалипсиса и Страшного Суда. То, что архивный робот отоварил его еще и этой папкой было типичным примером бюрократического маразма: где-то — как и полагается в таких случаях — на предпоследней странице — в «Доп. материалах» ни к селу ни к городу упоминался невинно осужденный — за сорок лет до того — Клаус Мильштейн, и вот — извольте, господин Агент, перелопатить триста девятнадцать страниц под копирку отбитого неразборчивого текста, чтобы сообразить, что непосредственной причиной твоим трудам послужила всего-навсего идиотская фигура красноречия в записи «особого мнения» адвоката Александра Пареных. Чтоб ему ни дна ни покрывки!

Пареных... Так — хорошо, что он запомнил эту забавную фамилию. Это где-то здесь... Так... Так — вот оно:

«... Материалы, относящиеся к контактам подсудимого, имевшие место непосредственно на планете Чур, в частности его контакты с представителем Оружейного Цеха Толле...» Того самого Толле?

«... включены в материалы Процесса необоснованно. Более того, лица, инициировавшие расследование таких контактов должны быть подвергнуты административному наказанию в связи с прямым нарушением действующего Дипломатического Протокола по Цивилизации Чур и распоряжений Аппарата Президента от...» Так. Это — мура. Дальше... Где еще упоминается этот Тор-Оружейник?

«... Имеется прецедент — более, чем тридцатилетней давности — речь идет о приснопамятном процессе Дорна, Мильштейна и Кучкина — когда подобного рода некомпетентное расследование повлекло за собой...» Вот оно — дурацкое упоминание о

несчастном Клаусе...

«... В этой связи, в обвинительном акте следует сохранить лишь формулировку, характеризующую деятельность подсудимого как...» Так — про Тора больше ни слова, только про подсудимого... Как этого-то хоть зовут? Или звали... Нигде в «Особом мнении» — как это они ухитрились? Кстати — резолюция премьера... Отменно неразборчиво.

Глава кабинета министров мог бы писать по-понятнее... Ага — расшифровка: «Особое мнение адвоката Пареных принять ко вниманию, дело направить на повторное слушание в ВС». Надо до господина адвоката непременно добратся... Надо! Так как все-таки зовут подсудимого? Ведь — Черт возьми! — читал же тогда... Какая-то скандинавская фамилия, простая очень... Нет — лучше склероз, чем такая память! Ищем в других распечатках... Подсудимый, подсудимого, подсудимым, о подсудимом... Блин! — Ведь зовут же его как-нибудь!?

Или звали... — снова та же мысль... Ага — вот: «Обвиняемый П.

Густавссон...» Обвиняемый и подсудимый — это одно и то же лицо? Или разные? А информационная сеть нам на что? У нас теперь доступ могучий...

«— SUBJ 1: Густавссон П., SUBJ 2: Предприятие «Шесть Портов», SUBJ 3: Процесс 1 делу — см предыдущий. SUBJ» — ВАШ ДОПУСК, СЭР?» На тебе мой допуск, скотина!..

Ким откинулся в кресле, ожидая ответа Сети. Заинтересовавшийся его занятием комиссар подрулил к нему сзади, имея на вооружении объемистую чашку с кофе и булочку. Значит успел не только заварить кофе, но и потревожить буфет-автомат в коридоре. И когда только?

— На «Дело «Шести Портов» вышли? — поинтересовался он у Кима. — Темное было дело. В духе Имперских политических процессов. Такое тогда было м-м... поветрие... Народу посадили — тьму. И пресса — ни гу-гу. У нас могут заставить молчать, когда надо...

Сеть выдала дату рождения, номер сертификата страховки и прочие стандартные параметры по личностному запросу

«— ГУСТАВССОН ПЕР, — СПЕЦИАЛЬНОСТЬ — ОБОРОННАЯ ФИЗИ ДОКТОР ФИЛОСОФИИ. ОСУЖДЕН ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕНН СЕКРЕТОВ ОБЪЕДИНЕННЫХ РЕСПУБЛИК ПРЕРИИ-2 В КОРЫСТНЫХ ЦЕ. (ШПИОНАЖ) НА ПРЕБЫВАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕН СВОБОДНОГО ТРУДА СРОКОМ 10 ЛЕТ. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОТБЫВА НАКАЗАНИЕ В ИУСТ N 45/812. ПОВЕДЕНИЕ — ПРИМЕРНОЕ, ЗАКЛЮЧЕННОГО П-1414.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ: ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПСИХОХИМИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ («СТИРАНИЕ ПАМЯТ ПРИМЕНЕННОЕ К SUBJ НЕПОСРЕДСТВЕННО ПЕРЕД АРЕСТОМ ПОВЕДЕНИЕ SUBJ В МЕСТАХ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДНОГО ТРУДА S ПЕРЕВЕДЕН НА ОБЛЕГЧЕННЫЙ РЕЖИМ СТ — АГРОТЕХНИЧЕС РАБОТЫ.»

«Психохимическая обработка...» — пробормотал Ким.

Роше многозначительно хмыкнул. Потом щелкнул в воздухе пальцами.

— Однако, тип вменяем. И еще как, если ему вкатили-таки полную десятку...

Не говоря плохого слова, Ким вызвал на дисплей своего «ноутбука» меню уже

загруженного туда накануне досье на Торвальда Толле. Выбрал «трекболом» пункт «титулы» и прочитал:

«Торвальд Толле из стаи Толле, Подопечный Харра. Оружейник». Вот так. Читать надо определения. Ким выбрал пункт «контакты» и уточнил:

«Густавссон Пер». Без всякого промедления на экране высветился аккуратный прямоугольник текста:

«Т.Т. поддерживал постоянный контакт с П.Густавссоном в течение 10,5 лет, во время пребывания последнего в служебной командировке в Системе Чур. Мотивировка: совместная работа по проекту «Клеймо». В дальнейшем, активно поддерживал переписку (см. файл «Correspondence»).

— Кто там у вас заведует Заведениями Свободного Труда? — повернулся Ким к Роше. — Надо срочно выдернуть этого Густавссона сюда...

Ким вывел на экран бланк стандартного вызова-запроса.

— Да, этот человек может оказаться полезен... — задумчиво промышчал Роше и переложил трубку из одного угла рта в другой. — Но не вздумайте посылать официальный запрос Верховному Коменданту. Тогда сдвиг крыши вам обеспечен. Потревожьте Азимова. Ему слово достаточно сказать — и вашего шведа сюда припрут спецрейсом..

— Разумно, — согласился Ким, пододвинул к себе блок связи и залпом проглотил успевший остыть кофе.

Харр остановился. Здесь было безопасно — в густых зарослях на краю невероятно огромного по его — Харра — представлениям парка. В нем только центральные аллеи были подсвечены декоративными светильниками, хитроумно спрятанными от глаз гуляющих. Гуляющих, впрочем, почти и не было.

Все в этом новом для него мире было необычно. Прежде всего, это был мир, пропитанный жизнью. Запахи тысяч живых существ пронизывали его.

Запахи неведомых трав и пыльцы неведомых цветов, запахи старых, хорошо обжитых человеческих жилищ, запахи выделанных кож и дерева — словно пропитанного прикосновениями людей. И очень мало было так хорошо ему — Харру — знакомого запаха мертвого металла, смазки и ржавчины. Оружия и ненависти. И почти совсем не было здесь радиации.

Она скорее всего просто почудилась ему пару раз — только и всего.

Это настораживало. Даже гроза и электричество грозы здесь были другими. Но он все же воспользовался случаем, чтобы подзарядить себя и почувствовал, что сил у него прибавилось.

Это был мир разрушенных стай — он понял это сразу и теперь находил этому все новые и новые подтверждения. Люди здесь бродили в одиночку и толпами, группами по двое-трое — но не стаями. И Братья — это было большее всего — Братья: одинокие, потерянные, одичавшие и забывшие язык...

Не удивительно, что Тор потерялся в этом мире. Это была его — Харра — вина. Нельзя было давать этим здешним — вконец одичавшим — людям никакой возможности разделить их... Но ведь они были так добры...

Добры и деловиты... Вот это и должно было насторожить его — именно это! Здесь в

этом мире никто — разве что малые дети были исключением — не несли в себе Подвига. Все были заряжены Делом... И еще было странно — Тор не звал его. Если бы Тор был мертв, Харр догадался бы об этом. Нет — Тор был жив и не звал его! Он всегда был непослушив и непредсказуем — младший Тор. Но сейчас это превысило все границы!

Харр успокоил себя, несколько раз вдохнув прохладный и очень вкусный после грозы — надо это признать — воздух чужого мира, и попробовал снова настроиться на душу непослушного Тора. Здесь это было дьявольски сложно: души жителей Прерии, похоже, вовсе не знали порядка. Все они галдели одновременно, заполняя череп Харра какой-то бестолковой, суетливой и неприятной хмарью. И каждая душа галдела по-своему и о своем. Положительно, с этим народом невозможно было иметь дело...

Харр послушал этот нестройный хор и так и эдак и уже собирался бросить это пустое занятие, выкинуть из своей души эту галдящую пустоту и очистительным спазмом вернуть хотя бы своей душе подлинное равновесие, когда странная и острая тема вторглась в эту разноголосицу и повела его душу за собой. Одинокая — как соло на трубе глухой ночью.

Харр дал этой теме войти в себя, постарался хотя бы недолгое мгновение жить одной с ней жизнью... И сразу оттолкнулся — резко, словно нырнул по ошибке в ледяную прорубь. Это не была душа человека. И это не была душа Брата. Чуждая, полная чужой — совсем ни на что не похожей тоски и странного, неземного страха и отчаяния душа...

«Другие... — сказал себе Харр. — Чужие. ТЕ?» Это не вязалось само с собой. Не укладывалось в то, что твердо знал и привык чувствовать Харр. Страдание, страх, отчаяние... Пусть даже нечеловеческие страдание, страх и отчаяние — нет! Все, что он знал о ТЕХ говорило ему, что не эти чувства будет читать он в их душах...

Если у ТЕХ, вообще, есть души. Говорят, однако, что есть... Те, кто имел с ними дело и остался живым, рассказывали и показывали как могли... Да и сам он — тогда, в драке на корабле — ощущал нечто совсем другое. Хотя то, конечно, было в бою... Нет, все-таки, что-то иное встретилось ему на пути. Но имело ли оно отношение к Тору?

Тут не оставалось ничего, кроме как прислушаться к тому, что люди называют то интуицией, то памятью предков — к самому себе, короче говоря. К той части своей души, что не слушается ни логики, ни знаний и навыков, накопленных за Умные Века...

Харр прислушался, потом поднялся, отряхнулся и побежал на странный зов.

Отправляться на Козырную им все-таки пришлось — невзирая на строгий запрет афишировать деятельность специальной следственной группы.

Правда, Роше остановил кар не у главного корпуса Полицейского управления, гранитной громадой нависшего над водами Малой излучины, а к скрытым за ней, утопающим в зелени старого сада белым корпусам госпиталя следственной части. Именно здесь — увешанный датчиками клинического мониторинга, покоился на больничной койке невезучий помсекретаря Братов.

— Как вы и просили, мы подготовили больного к допросу, — сообщил Роше дежурный по блоку — приземистый и лысый как колено молодой ординатор. — Четыре часа глубокого сна, укрепляющее... Можете работать нормально.

— Так что с ним приключилось? — полюбопытствовал еще не успевший вчитаться в сунутую им подмышку распечатку Роше. Как его еще и под колеса угораздило? С горя что-ли полез?

— Сейчас он сам вам объяснит, — заверил его дежурный — Забавная, если разобраться,

история...

— Куда уж забавнее! — прокомментировал уловивший последнюю реплику Николай. — Чертова дура эта — монашка, что за рулем была... Этой — «черепашки» идиотской... Она как увидела — труп, кровь, все такое...

Так, видно, и сбрендила — направила на меня эту колымагу свою и вместо того, чтобы по тормозам, по газу вдарила, стерва старая...

Хорошо еще, что там у нее автоблокировка была... Обе ноги мне «починила», зараза, три ребра и сотрясение обеспечила...

— Примите наши соболезнования... — вздохнул Роше, устраиваясь на заботливо поданом ему стуле и поправляя накинутый на плечи белый халат. — Однако давайте перейдем к делу...

— Давайте, — уныло согласился Братов, устало прикрывая глаза. — Сегодня вы — четвертый, кому я всю эту историю рассказываю. Или пятый. Тут недавно совсем двое были с этой штукой — мнемостимулятором — фоторобот делали...

— Да, вот он тут у меня... — Роше взял из рук Кима распечатку. — Это — водитель. Уровень достоверности низковат... А это — тот, второй, которого вы, вообще, видели мельком. Тут просто не о чем и говорить... Тут уж совсем — кто угодно мог быть. Исключить можно только грудных младенцев и калек. Вы — вот что — постарайтесь-ка припомнить лучше что-нибудь из деталей поведения того — первого, что был за рулем. Ну, может быть, он о чем-нибудь говорил вам — такое, что вам как-то запомнилось, или что-нибудь что-то такое характерное у него в поведении было... Ну, знаете, кто носом прищмыгивает, когда говорит, кто покашливает, кто, извините, репу чешет беспрерывно...

Николай только поморщился.

— Меня тут об том же самом битый час расспрашивал кто-то из ваших — еврейчик такой симпатичный, в очках... Так ничего путного и не удалось припомнить. У меня тогда, правда, башка и вовсе не варила...

Ну что тут сказать можно... Ну, вообще-то, я на него — на водителя — особого внимания, как на зло, не обращал вовсе... Ну он из англоязычных — это однозначно... Так их много таких здесь... Но это, в общем, не типично для водилы. И волосы... Думаю, что то парик был... А так...

— Посмотрите вот на эти снимки, — Ким через плечо Роше протянул Братову увесистую пачку распечаток из папки, на которой второпях фламастером было начертано: «Г. Гопник — знакомые и клиентура».

Братов уселся в койке поудобнее и принялся сосредоточено тасовать разного качества портреты. Это заняло довольно много времени — у адвоката Гопника была на редкость обширная и разношерстная клиентура и не менее широкий и разнообразный круг знакомств. Поскольку сей персонаж уже не раз участвовал в переговорах, не афишируемых властями, фотографировали всех, кто так или иначе входил в контакт с Гонсало, давно и систематически. На оборотах снимков, по запросу Роше, компьютер педантично отметил, имеет ли данный фигурант собаку и если да, то какую.

— Вы бы уж сразу мне весь город на просмотр лучше дали бы, — с досадой вздохнул Братов, перебрав первые два десятка фото. Здесь кого только нет. Уж негров-то и баб могли бы и откинуть...

— Дам? Гм... Знаете, всякое бывает... — Роше неопределенно пошевелил в воздухе пальцами. — Не торопитесь, лучше потерять с полчаса, чем...

Потерять пришлось побольше, чем полчаса. Дождь шумел за окнами, невероятно хотелось спать — очень уж поздняя ночь была на дворе.

Может, уже раннее утро...

Наконец Братов протянул Роше тонкую — с пол-дюжины — пачку снимков.

— Вот... — устало вздохнул он. Эти — еще туда-сюда... А остальные здесь — ни к селу, ни к городу...

Роше принялся тасовать снимки, всякий раз заботливо заглядывая на оборотную сторону каждого портрета. Отложил три.

— Гм... Вот эти двое — Ганс Фрай и Петр Левада. Оба имеют собачек...

А про этого — информации нет... Присмотритесь к этой тройке, господин Братов.

Братов добросовестно присмотрелся. Устало вздохнул и протянул снимки комиссару.

— Не стану вам голову морочить, любой из них, вроде похож... А так...

Он, мученически морщась, пожал плечами.

— Ну, тогда — последний вопрос, — в свою очередь вздохнул Ким. — Скажите, у вас не сложилось впечатления, что Гость — Торвальд Толле — он... Ну, допустим, что он уже знаком был с этим человеком за рулем?

— Да ну... Что вы...

Братов вяло улыбнулся.

— Он никого и ничего не знал здесь — наш Гость. Он, вообще, чужак, по всему судя: только и делал, что головой крутил да вопросы задавал. Глупее — некуда...

— Ну хорошо... Отдыхайте... — Роше поднялся и бросил на дежурного многозначительный взгляд. — Если что вспомните — немедленно свяжитесь с нами — вот через вашего доктора...

Он повернулся к Киму и постучал пальцем по циферблату часов:

— Гната Позняка уже везут в Ратушу. Мы только и занимаемся тем, что не даем спать людям... Но давайте потеряем еще с десяток минут.

Пройдемте в главный корпус — здесь переход по второму этажу. Володя Чертоватых через полчаса заканчивает дежурство... Стоит-таки уточнить, что все-же было с собакой у того паренька — у Леона...

В коридоре они с Кимом на минуту задержались, рассматривая снимки.

— Кто-то из этих трех пробормотал Роше. — Или — ни один из них: Петр Левада, Ганс Фрай и Энтони Пайпер.

Упомянутый комиссаром доцент Чертоватых занимал аппартаменты, которые в другом ведомстве приличествовали бы заместителю министра. Но на Козырной, видимо, высоко котирировалась следственная психиатрия.

Кабинет почти не содержал в себе ничего медицинского, если не считать декоративных золоченых корешков многотомных трактатов, украшавших строгие дубовые полки позади рабочего стола хозяина кабинета.

Нежно окрещенный комиссаром Володей, доцент Чертоватых внешностью и манерами больше соответствовал своей фамилии, нежели мягко звучащему имени. Был он сед, носат, черноглаз и напорист. Роше — тоже крутого вида личность — против него смотрелся прямо-таки пудингом на манной каше.

— Ну и пациентика ты мне подкинул сегодня, Жан! — с чувством произнес он, разливая по цветастым чашкам крепчайший — и отвратительно заваренный — чай. —

Берите печенье и расскажите-ка, если не секрет, как парнишка попал под такую обработку?

— Сначала уж ты мне, Володя, расскажи, что за такая обработка там была, — уклончиво парировал комиссар, усаживаясь в кресло и придирчиво выискивая в хрустальной вазочке какое-то особо полюбившееся печиво.

Ким, приютившийся в сторонке от закадычных друзей, чувствовал себя здесь, в общем-то, лишним. Его основательно клонило в сон и начинало тревожить отсутствие хоть какой-нибудь реакции на запрос, который он передал секретарю Азимову. Судьба заключенного Густавссона основательно беспокоила его.

Старые друзья — комиссар криминальной полиции и той же полиции эксперт-психиатр, — между тем неторопясь, обсудили вопрос, отчего, как ни заваривай этот местный чай, всегда выходит этакая гадость и какой чай из той же заварки получался у покойной Валентины Гавриловны — дамы, уж и вовсе Киму неизвестной. Затем, комиссар взял-таки быка за рога и крикнув, отставил чашку с недопитой отравой в сторону.

— Так что же — тебя я вижу основательно заинтересовало, то, что приключилось с младшим Файолом? — осведомился он. — Взяло, так сказать, за живое?

— Первый случай на Прерии, когда можно безоговорочно диагностировать программирование на третьем уровне. Гипнопрограммирование. И второй случай в моей практике за десять лет. На этой милой планетке.

Док Чертоватых со значением обмакнул бисквитную финтифлюшку в чай и присмотрелся к лицу Роше.

— И оба эти случая отделяет немногим более суток, Жан. Это — совпадение?

— Если ты, Володя, мне расскажешь немного про тот — первый случай, то я, может и умозаключу что-нибудь толковое... А заодно — просвети меня, да и господина Яснова — что специалисты разумеют под гипнопрограммированием третьего уровня.

Доцент задумчиво помешивал чай порядком размокшим куском печенья и с мрачной сосредоточенностью обдумывал нечто, что ему явно мешало жить.

— Насчет того, чтобы просветить — это всегда пожалуйста, Жан...

Первый уровень — это когда дело идет на уровне сознания, семантики, смысла... Ну и немного психофизиологии. Монотонная музыка, спецосвещение и все такое... Второй — это подпороговые эффекты... Ну — двадцать пятый кадр и все такое... А третий — это аура, поле...

Видишь ли — сейчас этому в школе, конечно, учат, но мы, в большинстве своем, люди в уме долго такого не держим... Наш организм генерирует массу разных полей — и электромагнитное и тепловое и электрическое. И химический состав воздуха вокруг живого организма чуть изменен... По-отдельности все эти эффекты трудно поддаются и измерению и анализу... А в совокупности своей — по некоторым обобщенным показателям — несут массу информации. И могут модулироваться извне. Для программирования третьего уровня. Это — далеко не безопасная штука... Нарушаются очень глубокие структуры... Психики, сознания... Такого рода вещи широко практиковались на Харуре... И разведслужбы временами их используют... А тут вот — как раз насчет того, чтобы случай тот тебе рассказать... Это по линии нашей ГБ идет и ФУР'а... Меня попросили как консультанта в одной экспертизе тут поучаствовать... Так что я и не знаю... Может быть, ограничимся тем, что ты, Жан, мне поподробнее расскажешь...

Роше молча протянул доку свой идентификатор. Тот сунул его в щель своего терминала. Потом история повторилась с карточкой Агента на Контракте. Прочитав высветившиеся на

дисплее строки, доцент пожевал губами и откашлялся.

— Да, Жан, впечатляет... Тебе, кажется, привесили-таки какое-то политическое дельце. — Впрочем, не буду вникать... Уровень доступа у вас обоих — что надо... Ну — в общих чертах — сам понимаешь, со мной тоже особенно не вдавались в пояснения... Имело место нападение...

Точнее некий вооруженный инцидент на борту пассажирского корабля.

Там... — Крючковатый палец доцента ткнул в потолок. — При этом, получилось так, что помощник капитана на этом кораблике оказался обработан именно на третьем уровне гипнопрограммирования... И что интересно: как и в случае с этим мальчиком... С Леоном... Медиатором воздействия было животное... А именно — собака. Вот тут и задумаешься...

— А как назывался кораблик-то этот? — Роше навалился на стол, вперив свой взгляд в зрачки старого друга.

— Видишь ли... — старый друг был порядком смущен. — Ты уверен, что тебе это нужно, Жан? Дело в том, что это все связано с этой возней с «червями»... С подпространственной формой жизни... Сам знаешь, какие шутки тут понаверчены...

Ким напрягся. Какой-то переключатель щелкнул у него в голове. Совсем недавно он слышал это... «Подпространственная жизнь»...

— Не знаю я, что там понакручено! — резко ответил Роше. — Я в этой ерунде не разбираюсь и разбираться особо не хочу. Ты мне скажи — что за кораблик пострадал-то.

— «Дункан», — вздохнул Чертоватых. — Грузопассажирский корабль класса «Гонец», «Дункан».

Гнат Позняк уже минут с сорок томился в приемной кабинета Кима в Ратуше и, естественно, особого восторга это занятие у него не вызывало. Как, впрочем, и появление припозднившихся «начальников».

Проклятая история с «левым» пассажиром и его псиной вот уже почти сутки выматывала его нервы. Пройдя в кабинет, он устроился на предложенном ему стуле с видом человека, проглотившего живого таракана и теперь прислушивающегося к поведению этого гостя своего организма.

Роше не стал разводить больших формальностей и просто придвинул к стулу монитор и сунул в щель терминала заранее припасенную карточку загрузки.

— Меня уже... — мрачно начал Гнат, но Роше движением руки предотвратил дальнейшие словоизлияния.

— Да, мы уже знаем, что вас «прокручивали» на мнемостимуляторе... Вы выдали неплохой фоторобот... Но э-э... недостаточно однозначный.

Сейчас мы, как говорится, попробуем решить э-э... обратную задачу... Мы вам выдадим серию м-м... уже известных нам людей, а вы среди них попробуйте — хотя бы приблизительно — подобрать кандидатуру на роль того жука, что этак вот подвел вас под монастырь... Учтите, что «опознание преступника — дело чести пострадавшего». Так говорили древние.

— Найти бы этого...!

Интонация, с которой это было сказано, не оставляло сомнений в том, чем бы закончилась для супостата его встреча с Гнатом.

— У вас, господин водитель спецдоставки, было больше времени, чем у всех участников

этой истории, чтобы познакомиться и э-э... пообщаться с одним из преступников. Возможно, мерзавец был в камуфляже, гриме... Но есть такие вещи, которые замаскировать невозможно — во всяком случае, очень трудно. Вот тут — на этих распечатках — основные м-м... персонажи, которые нас интересуют, — Роше протянул Гнату уже просмотренную Братовым папку. — А вот здесь, — он похлопал по приемной щели терминала, — записаны эпизоды.

Сценки, в которых эти люди двигаются, разговаривают, одним словом, как-то ведут себя. Все снято скрытой камерой. Они не знают, что за ними наблюдают... Постарайтесь прикинуть — кто из них напоминает вам того типа, что одурачил вас...

Тяжело вздохнув, Гнат поудобнее уселся перед экраном и стал выслушивать объяснения о том, как управляться с клавиатурой аппарата.

— А с собакой как? — осведомился он.

— С той собакой, которая?... — догадался Ким.

— Которая час без малого меня над очком продержала! — без обиньяков объяснил Гнат. — Мужика того я еще туда-сюда — не без труда, признаюсь, вспоминаю, а вот сволочь эту блохастую — теперь по гроб жизни не забуду! Из мильона узнаю!

— У нас нет специальных съемок по животным... — озадаченно поскреб в затылке Роше. — Но... Вот — сейчас посмотрим...

— Вот это не подходит? — Ким подошел к своему терминалу и, поковырвавшись в клавиатуре, вывел на экран монитора, установленного перед Гнатом, меню проспекта последней «собачьей олимпиады». — Здесь, по-моему, есть все породы, которые...

— А неплохая мысль! — восторженно воскликнул комиссар. — Вы даже не знаете, насколько она хороша! Здешние собачники просто помешаны на этой «Олимпиаде» — все как один лезут на первый тур. Жители Столицы — так даже с облезлыми болонками наперевес. И если владелец вашего, мсье Позняк, х-хе... четвероногого друга, не лишен хоть капли честолюбия, он вполне мог отметиться в каталоге. Хотя бы где-нибудь среди публики. Вы, кхэ... внимательнее отнеситесь к этому материалу, мсье...

Роше в волнении достал из кармана трубку и коршуном изогнулся над плечом Гната, вперившегося в экран, на котором один за другим менялись коротенькие, похожие на рекламные ролики эпизоды. Ким вздохнул и принялся отстукивать на клавиатуре своего блока вызов личного канала связи адвоката Александра Пареных. Но черти носили адвоката где-то вдали от своего индивидуального радиовидеофона. Или он просто выключил его на ночь. Ким помассирован набрякшие веки и уткнулся в распечатки.

— Вы, господин комиссар, — довольно угрюмым голосом попросил Гнат, — над ухом у меня не сопите. Отвлекает. И трубкой этак вот мне по стулу не постукивайте. У меня, знаете, за последние сутки нервы сдавать стали...

Роше послушно спрятал трубку в карман, отклеился от Позняка и принялся, тяжело скрипя половицами, расхаживать позади него.

Довольно долго этот звук, да еще угрюмое посапывание Гната составляли единственное звуковое сопровождение процесса дознания.

Ким оторвался от так и остававшихся для него китайской головоломкой материалов дела заключенного П-1414, скосил глаза на часы и подумал, что будь они на Земле, за окнами бы уже начало рассветать. Но над городом и Степью по-прежнему царил тьма.

И тут Позняк мрачно сообщил:

— Вот она — эта сволочь! А вот и ее хозяин... Действительно — в публике... Так...

Выше пупка не показывают гады... Хозяина, в смысле. Ублюдка, мать его... Да и собачку — все мельком как-то... Но это он, точно он — кобель чертов!

Роше энергично пододвинул к монитору второй стул, столь же энергично надел очки, наконец-то найдя им толковое применение, и принялся на пару с Гнатом пытаться вытянуть из чертовой машинки изображение хозяина проклятушей псины или хотя бы сведения о ком то из них.

Ким поднялся из-за стола и взялся за приготовление кофе. К тому времени, когда он принялся разливать дымящийся напиток по чашкам, Гнат с комиссаром, не преуспев в своих попытках, уже сортировали изображения персонажей из многочисленной клиентуры Гонсало Гопника.

— Глотните для бодрости... — сказал он, протягивая чашку Гнату. — Может...

Его прервала трель блока связи. Ким поднес трубку к уху и выслушал сообщение компьютера Центрального Пересылочного Изолятора о том, что отозванный из мест реализации Свободного Труда для производства дальнейшего дознания заключенный П-1414 доставлен в его, агента Кима Яснова, распоряжение.

— Я выезжаю, — Ким положил трубку и развел руками. — Свой кофе завещаю вам...

— Ну что ж... — комиссар поднялся, жестом поприветствовав Гната у монитора, — пора нам бежать — каждому по своей дорожке. — Вот посмотрите на дорогу — что нам удалось вычислить, — Роше подхватил Кима за локоть и подвел его к уже облюбованному широкому подоконнику. — Четыре кандидатуры. Вам будет интересно.

Почерк у комиссара был корявый, детский, но относительно разборчивый.

«Лозинский Глеб, — прочитал Ким, — весьма вероят. Есть овчарка. Врач.

Родни Майкл — лицо без опр. зан. Привлекался за кражу собак. Весьма вероятно.

Зауэршмидт Ганс-Теодор — оперный певец, здесь — на гастролях. Собаки нет. Маловероят.

Пайпер Энтони — предпринимат. Сведений о соб. нет. Маловероят.»

— Послушайте, не стоит изображать из себя большего дурака, чем вы есть на самом деле! Не стоит!

Человек с бородкой закоренелого интеллигента близоруко уставился снизу вверх на застывшего перед ним строго одетого, измазанного грязью ночного мокрого леса и до предела виноватого подчиненного.

Разговор происходил вовсе не в кабинете, как это можно было бы подумать, а на лоне природы — в сырой после сошедшего на нет дождя и мрачной как склеп рощице, недалеко от Ближнего озера, воды которого совсем недавно вернули миру плоть и душу Гонсало Гопника. Этот последний факт, впрочем, не был известен участникам столь неприятной беседы. Они были из другой стаи.

— Я с самого начала говорил, что ваша команда неправильно настроила себя! Бог его ведает почему вы решили, что операция, которую вам поручили, это — просто пикничок какой-то на свежем воздухе! То, что объект находится под опекой здешних компетентных служб, вас не насторожило: ну — конечно! Они же здесь — сплошная деревенщина и лопухи! Их вы уже давно отвыкли брать в расчет!

— Н-но... — виновато сторбленный тип попытался хоть как-то смягчить гнев шефа. — Но ведь именно охрана-то тут и не при чем...

— Вы в этом уверены, Комски? — Шеф привычным жестом поправил воображаемое

пенсне и впился в физиономию проштрафившегося подчиненного взглядом, полным сарказма. — Я не уверен, что господин Азимов не разыграл эту шутку, чтобы м-м... скажем, не переправить Толле тайком в Метрополию... Вы, я вижу, не удосужились рассмотреть такой вариант? А то, что Гости могли просто купить у Прерии господина из Колонии Святой Анны, вы прикидывали? И этого от господина государственного секретаря вполне можно ожидать. И этого — тоже!

Вполне!

— В конце концов, герр Саррот... — опять норовя умерить гнев собеседника, осмелился возразить Комски, — мы полагались на данные наших осведомителей — весьма надежных осведомителей — вы их прекрасно знаете...

— И именно эти люди оказались совершенно не в курсе дела! — Хотя бы частично перенес герр Саррот свою немилость на посадивших его в лужу дармоедов из раздутого, словно грузовой аэростат, госаппарата Объединенных Республик. — Они прохлопали затею нашего лучшего друга Магира, они...

— Но мы-то как раз не прохлопали тут ничего... — не без гордости отметил Комски. — Группу Магира мы отслеживали почти сразу — с того момента, как они начали интересоваться визитом Гости...

— Суп — все-таки отдельно, мухи — отдельно, Альфред... — ядовито возразил герр Саррот. — Контрразведкой у нас занимается Андрей Волков, а вам я поручил захват и доставка заказчику объекта. И именно эта часть задачи провалена! Ей богу, больше всего мне хочется собственноручно вздернуть вас на одной из этих осин...

Саррот кивнул на обступившие их деревца. Деревца были, правда, в основном березами, завезенными из Метрополии, но смысл сказанного от этого менялся мало. Совсем, собственно, не менялся. Комски нервно дернул щекой.

— Впрочем, и лаврам Волкова я бы на вашем месте не завидовал бы, — успокоил его шеф. — Он, видите ли, отслеживал группу Магира... Тут одна только накладочка, один сбой: группа Магира не менее успешно отслеживала нас, дорогой Альфред. И то, что вместо того, чтобы блокировать неохраняемый кар спецдоставки и без шума и грома доставить нашего Гости по месту его, так сказать, назначения, вы с Фигманом блокировали друг друга, обработали инфразвуком, разбили пару машин и еле ноги унесли с места действия — это самое страшное, из того, что могло получиться при таком вот раскладе. А Гость просвистел себе спокойно мимо, так и не заметив ваших засад, и исчез без следа...

— Но, все-таки, обошлось без жертв и без вмешательства полиции... — полуутвердительно полувозразил Альфред.

— А зачем ей, собственно, вмешиваться, если мы оказались такими ослами, что сами выполняем ее работу? — Саррот кисло улыбнулся. — К тому же, я не сказал бы, что дело обошлось без жертв: двое наших людей после того, как заработали по инразвуковому пакету, теперь для оперативной работы потеряны. А мы — как никак, всегда обеспечивали своих пострадавших и их семьи... Но если так, то стоило бы воздержаться от таких операций, которые плодят инвалидов...

Комски тяжело вздохнул. Саррот жестко продолжал:

— Но это — только первый ваш прокол, Альфред. Второй будет еще похлеще: наш человек, рискуя головой, докладывает, о появлении Седого Гонсало с условиями выкупа... И вы умудряетесь упустить старого жулика из-под носа. Прямо-таки дожидаетесь того момента, когда его вычислят и возьмут люди Магира!

— Но не мог же я взять Гопника прямо в корпусе Объединенных Министерств? — резонно возразил Комски. — А вот то, как быстро Магир вычислил адвоката, наводит на определенные мысли...

— Если вы хотите сказать, что подозреваете, что Тихоня работает не только на нас одних... Или даже не на нас в первую очередь, то вы меня не очень удивите, Альфред, — Саррот пожал плечами. — Но тем более оперативно вы должны были действовать. Мы живем в ненадежном мире, населенном ненадежными людьми... И с погоней вы опоздали: потеряли след Кукиша буквально в чистом поле... Я не собираюсь дальше прочесывать с вами эти леса и буераки. За то время, что нами упущено, Седого Гонсало уже выпотрошили и хорошо, если Магир еще не заполучил Гостя... Я думаю, что если в дело впутан был адвокат Гопник, то справиться с задачей ему будет несложно: те, кто нанимает таких типов, — явно не гении конспирации...

— Если вы считаете дело безнадежным... — Комски поправил галстук. — То...

Ему стало душно. И было от чего.

— Дело не так безнадежно, как кажется... — улыбка Саррота из кислой сделалась хищной. — Просто мы не можем не выполнить приказа... Или Гость будет доставлен в заданное время в заданное место, или он должен быть уничтожен. Гарантированно уничтожен. Даже если нам придется для этого термоядом взрывать Космотерминал. Но дело не зашло еще так далеко. Пока мы еще можем выкупить Гостя.

Комски не удержался от скептической улыбки.

— Я понимаю, что наш филиал не сможет заплатить такую неустойку, какую выставят Магиру его заказчики. Хотя нам так и не удалось установить, кто они, подозрения на этот счет у меня есть... Дай-то Бог, чтобы они не оправдались. Но в любом случае, я думаю, что Магир ни за какие деньги не станет подводить этих своих нанимателей.

— Тогда, как я понимаю, герр Саррот, речь пойдет не о деньгах?

— Рад видеть, что сообразительность вам временами, все-таки, не изменяет... — шеф изобразил на лице поощрительную гамму чувств. — У нас есть товар, который Магир поменяет на Гостя. Нехотя, но поменяет...

— Вы говорите...

— Я говорю про его собственную — Великого Магира — жизнь. Ты правильно догадался, Альфред... Твоей группе придется заняться этим в ближайшие часы. Оставить глупейшее прочесывание буераков и вплотную заняться обработкой Магира. И его близких. Тебе в помощь даю группы Волкова и Муна.

Комски стало еще более не по себе, чем при обещании быть вздернутым на осине. Он запустил пальцы за тугий воротник и машинально попытался оттянуть его.

— Начать войну кланов — это не здорово, шеф... — глухо сказал он. — Пока у нас со здешним «обществом» были приемлемые отношения.

Натянутые, но приемлемые... Если мы пойдем на похищение одного из здешних столпов... Вся здешняя Мафия сцепится с нами. Людей Комплекса просто будут уничтожать...

— Приказы, Альфред, не обсуждаются. Ясно, что придется туго. Но, может быть существование нашего филиала в этой дыре полностью оправдывается одной — вот такой — операцией...

Со стороны стоящего поодаль — на опушке — кара им просигналили фонариком. Оба молча зашагали к машине. Помощник шефа уже торопился к ним, протягивая зажатый в руке

блок связи.

— Только что из Филиала сообщили, — торопливо отрапортовал он. — На связь выходил «Седой». Он хочет говорить с Комски... Они переключили связь на нас.

— Логично: Альфред с ним работал, — пожал плечами Саррот, доставая свой — маленький как пудреница — блок. — Но почему он жив? Говорите, Альф — я буду на параллельном...

Он подрегулировал свой аппарат и поднес его к уху.

— Алло... Это вы, Альфред? — хрипло спросил Гонсало с того конца линии связи. — Мне надо срочно видеть вас... Вы помните, где мы встречались последний раз? В связи...

— Я помню где и в какой связи... Жди меня там... — Комски скосил глаза на часы, — через тридцать минут. И немедленно уйди из эфира...

— Понял, — каркнул Гонсало, и в трубке воцарилось унылое завывание сигнала отбоя.

— Поторопись, Альфред, — сухо подтвердил намерение своего подчиненного Саррот и машинально поправил несуществующее пенсне. — Или Бог любит Магира или... Бог любит старого прохиндея Гопника. Но скорее всего это — ловушка. Еще не понял какая, но — ловушка... Будь осторожен. Мы тебя подстрахуем. Тащи его на явочную — на Линиях.

Комски молча нырнул в кар.

Часть 2

ВРЕМЯ ТЬМЫ

Глава 4

ВРЕМЯ НОЧНЫХ ПТИЦ

«Надо быть леди! — сказала себе Энни. — Надо быть леди, даже когда тебя будят вот так — по-хамски, посреди ночи. Только близкие друзья способны на такое!»

Она вытянула из-под подушки пистолет и сняла его с предохранителя.

Для того, чтобы быть леди, у Энни были все данные — тонкая в кости и красивая загадочной восточной красотой миниатюрная китайка была наделена и врожденным тактом и железной волей и даже неплохим служебным окладом. В пушистой ночной пижаме она могла сойти за чуть увеличенную в размерах фарфоровую статуэтку. Мешал исполнению ее мечты только живший в ее душе демон предков — вековой династии шанхайских карманников — совершенно непредсказуемый и своевольный парнишка.

Сейчас он заставил ее рывком и без привычного «кто там» открыть трезвонящую сигналом сенсора входную дверь. И прыснул со смеху.

— Господи, да на вас нитки сухой нет, Гонсало...

Демон заливался ехидным смешком, а Энни Чанг — собственный корреспондент «Гэлэкси ньюс» в этой проклятой дыре — была искренне удивлена как ранним визитом адвоката, который в круг ее ближайших знакомых все-таки не входил, так и его видом. Подумав, она вернула здоровенную «Беретту» в нацепленную по пути наплечную кобуру и кивком велела гостю пройти в комнату.

— Мне пришлось минут сорок провести под водой, — пояснил Гонсало.

— На ближнем Озере, мисс... Но давайте все по порядку... У вас нет кофе?

— Одну минуту... — Энни осмотрелась по сторонам в поисках места для пропитанного озерной влагой гостя. — Кофе я терпеть не могу и дома не держу — он здесь к тому же и дорогой ужасно — но есть зеленый чай... Я заварю его... Куда вас посадить-то?... Ч-черт...

В принципе, порой Энни приходилось иметь дело и с более необычными посетителями: для того, чтобы выудить из провинциальных будней огромной степной супердержавы хоть пару стоящих тем для еженедельного обзора приходилось заводить страннейшие знакомства. Слава Богу, теперь ее пребыванию на гостеприимной Прерии-2 приходит конец...

— Если нет кофе, то хоть кофеин в таблетках... — махнул рукой Гонсало. — У меня зуб на зуб не попадает... Это — от «оксидара»...

Прекрасный комплекс. Повышает емкость крови по кислороду черте во сколько раз... И снижает общий метаболизм в нуль при сохранении сознания... — Гонсало судорожно провел дрожащей рукой по лицу.

— Можно имитировать потерю дыхания, смерть даже. И очень долго быть под водой... Это разрабатывали для Космоса — премедикация к анабиозным ваннам и все такое... Черте сколько стоит. И последствие ужасное... Вы что — переезжать собрались?

Гонсало кивнул на разложенный на диване чемодан и на пару уже упакованных кейсов, стоящих у двери.

— В ближайшее время я прощаюсь с Прерией, Гонсало... — Энни грустно вздернула хрупкие плечи и принялась освобождать кресло от набросанных на него бумаг. — Садитесь сюда. Плевать, что обивка промокнет... Меня переводят отсюда на Джей. Или — на Квесту — на Малую Колонию, в смысле... Хотя — черт один, что одна дыра, что другая... Милые землеподобные планеты с провинциальными политиками сверху и тупой деревенщиной

снизу. На что еще может рассчитывать нормальная журналистка всего на третий год после университетской скамьи? Секретариат вашего Президента выразил недовольство моими последними публикациями о здешней политике. По предстоящему визиту этого Оружейника с Чура... Тора Толле... А мои начальники в «ГН» не любят ссориться с регионалами. Вот и кофеин нашелся...

Гонсало молча глотал таблетки, разгрызая их, чтобы ускорить всасывание, и судорожно захлебывал обломки отвратительной жижей, которую милая китаяночка считала почему-то чаем.

— Вот как раз из-за господина Толле я к вам и пожаловал... Хотя...

У вас — перед отъездом — наверное, проблемы с наличностью?

Гонсало с хлюпаньем грохнулся в кресло.

— Так вы хотите продать мне материал по Толле? — Энни призадумалась, растерянно стоя над разбросанными вещами. Потом пожала плечами.

— Пожалуй, в кассе корпункта найдется кое-что — на черный день. Вы знаете наши расценки...

— Сейчас меня устроит любая сумма. Признаюсь, мисс, Гонсало приходится ложиться на дно... Хотя бы на полгода. Тут уж не до того, чтобы торговаться. Но материал стоящий. Вам не придется жалеть.

— Господи, вас ищет полиция... — скорее констатировала, чем спросила Энни.

— Полиция — это далеко не худший вариант, мисс. Если господа с Козырной набережной будут мною интересоваться — после того, как я вас покину, естественно — можете не скрывать от них ничего...

Гораздо хуже для меня — встретиться с людьми, скажем... скажем, господина Магирова...

— Почему бы вам тогда сразу не сдать полиции, вместо того, чтобы с таким-то хвостом являться на квартиру к одинокой и беззащитной девушке? — искренне возмутилась Энни.

— Так что — одиноким и беззащитным девушкам не нужен сенсационный материал по Тору Толле? — с раздражением спросил Гонсало.

— Нужен, — призналась Энни. — Выкладывайте, что там у вас.

— Похищение, — коротко определил Гопник. — Гость похищен с целью выкупа. Соответственно прикиньте цену этой информации.

— Вы в ней уверены, Гонсало? — озабоченно спросила Энни, вытягивая из кармана дорожной сумки чековую книжку.

— Я был уполномочен вести переговоры — это, конечно, не для печати, мисс... Так что можете быть уверены.

Энни молча заполнила чек и протянула Гопнику.

— Это все, что «Гэлэкси» может заплатить вам сейчас. Ваша анонимность подразумевается... Теперь я жду деталей.

Гонсало досадливо посмотрел на гербовый листок, прикинул, в какую часть своего мокрого одеяния мог бы его спрятать и оставил в руке.

— Мои доверители — я не спешу называть их имена — поручили мне провести конфиденциальные переговоры относительно возможности освобождения человека, фото которого было в их распоряжении. В тот момент я не знал о ком именно идет речь... Я мало интересовался Чуром и его Оружейниками... Однако с вашими публикациями, мисс, знаком.

Я эти переговоры провел. Они проходили в Министерстве Юстиции и закончились всего пять часов назад. Ни разу имя человека на фото не было названо. Моими контрагентом был бывший первый секретарь минюста Пареных — член гильдии адвокатов. Формально он — на пенсии, консультант.

Присутствовал господин Смирный из ГБ. Младший следователь. Я часто контактировал с обоими в подобных деликатных вопросах...

— Они подтвердят это?

— Думаю, не станут отрицать... Существуют расписки и все такое... Я повторяю, что не называю имен своих доверителей и не предъявляю им обвинения в похищении человека. Речь идет только о содействии его освобождению... По сути, они взяли на себя благородную функцию...

— Разумеется, — заломила цвета воронова крыла бровь Энни.

Гонсало не реагировал на иронию.

— Дело в том, что я сам стал предметом похищения. В результате утечки информации, видимо. И сейчас мои доверители и сам похищенный... Гость... Они на прицеле у куда более серьезных людей... Им угрожает серьезная опасность. В дело вмешалась мафия. Не для печати будь сказано, они уже присвоили себе сумму первой части выкупа, которую я должен был доставить моим доверителям от имени министерства юстиции... И сейчас преступники активно ищут и моих доверителей и самого Гостя. Если не нашли уже...

— Вы имеете ввиду группировку Магирова? «Торговые дома Побережья»? — голос Энни стал неприязненным.

— Я назвал Магира только для примера... Скажем так. Сейчас я не готов выдать имена...

— Это вы их ему заложили? — все тем же неприязненным тоном осведомилась Энни. — Своих, как вы говорите «доверителей»?

— Вот это, как раз, не суть так важно... — лицо Гонсало нервно дернулось. — Я, если хотите знать, спасаю этим дурням жизнь.

Пытаюсь спасти. Я только что объяснил вам, что их сейчас ищет уже половина людей мафии. Если не все... У вас найдется конверт, пара листков бумаги и чем писать? И вообще, хотел бы я вас видеть на моем месте, мисс...

Энни мысленно признала правоту оппонента, порылась в секретере, выложила на стол потребные принадлежности и принялась барабанить по клавиатуре блока связи. Гонсало удивленно воззрился на нее.

— Алло, Энди, — деловито бросила в трубку Энни. — Ты не спишь, надеюсь?... Сейчас я завезу к тебе одного нашего общего знакомого.

Ему надо переодеться в сухое. У тебя найдется что-нибудь, чего не жалко?... За мной не станет... Нет, это не я пыталась его утопить... Значит жди. ОК...

Гонсало торопливо строчил на выдранном из блокнота листке, временами цепenea и задумчиво кусая кончик тонкой ручки. Это продолжалось минут пять-шесть. За это время Энни удалилась в спальную и вернулась, одетая по-походному. Закончив, адвокат со всем возможным старанием запечатал свое послание и вместе с чеком судорожно зажал его в руке.

— Это письмо на мое имя — без марки и до востребования... На одно отделение — на окраине. Скажите, какой указать адрес отправителя, чтобы оно попало в надежные руки, если я не смогу его выкупить в срок — до условного полудня завтра? Вы понимаете, что я

имею ввиду?

Почтовое ведомство планету на уши поставит, чтобы содрать свои кровные пять шгучек если не с получателя, то с отправителя... В нем вы найдете много интересного...

— Пойдемте, Гонсало, — невесело бросила Энни. Меня на Прерии не будет уже через сутки с небольшим... Лучше поставьте номер моего ящика на Почтамте. Я обязательно буду там завтра, — она глянула на часы. — Проверю ящик, и если письма еще не будет, то перерегистрирую его на Энди. Он из «Криминальной хроники» — как раз то, что вам нужно. Я предупрежу его — он будет доволен.

Хотя, никто не любит получать письма с того света...

Выбирая маршрут к пересылочной каталажке, Ким сверился с картой бортового компьютера своего кара и не удержался от того, чтобы загрузить в навигационную систему небольшой крюк — визит к адвокату нынешнего заключенного П-1414 хотя бы за несколько минут до беседы с этим самым П-1414 представлялся ему необходимым.

Да и тревожило молчание линии связи.

Тревога эта оказалась, к счастью, напрасной: после короткого разговора по встроенному в декоративный столбик домофону, сонный и дородный адвокат Пареных самолично вышел к бронзовой калитке заборчика, которым был обнесен его особняк. И у ограды, и у особняка, и у адвоката вид был респектабельный. Где-то недалеко, за темнеющими в ночи контурами дома и деревьев сада, чувствовалось прохладное дыхание озера — самого большого и глубокого из многих в пригороде Столицы.

«Господи, вот поменяться бы с господином адвокатом судьбами — на годик, небольшие — и пожить бы вот так — в покое, вдали от мирской суеты. В мире с собой и людьми...» — тоскливо подумал Ким.

Александра Пареных не лишал вальяжности даже наскоро напяленный спортивный костюм. Он и в нем смотрелся как в смокинге. Только лишь легкая дрожь левого века чуть портила его красиво вылепленное лицо.

— Чему обязан? — осведомился он, не спеша отворять Агенту на Контракте вход в свои владения. — Учтите, что я уже два года как на пенсии и только консультирую Министерство... И еще учтите то, что сейчас всего-навсего восемь утра.

— Простите, но я не смог связаться с вами по... — Ким счел необходимым окрасить свои слова чуть заметным оттенком претензии.

— Я не занимаюсь делами. И мой блок включен только пару часов в сутки, — капризно поморщился адвокат. — Примите это к сведению.

И давайте побыстрее закончим разговор...

— Речь идет о деле семилетней давности... — как можно мягче пояснил Ким. — Вы, надеюсь, помните о своем участии в процессе «Шести Портов»?

Агенту Яснову не часто приходилось видеть такое вот мгновенное изменение в лице собеседника. Адвокат Пареных словно рыбьей костью подавился. Киму даже почудилось, что сейчас ему придется стучать адвоката по спине, а может и «скорую» ему вызывать. Но защитник хорошо владел собой и через пару секунд уже снова был в форме.

— А кто вас направил ко мне с такой информацией? — резко и холодно осведомился он. — Я просто не думаю, молодой человек, что ваш уровень допуска позволит нам, гм, продолжить...

Ким молча протянул ему свой идентификатор. Адвокат взял его словно ядовитое

насекомое и, повертев перед мясистым носом, буркнул:

— Мне следует запросить э-э... Мне следует уточнить ваши полномочия...
Пройдемте...

Сервомотор с натужным пением отворил перед Кимом массивную калитку, и он поторопился за хозяином вглубь старинной стройки дома — одного из шеренги таких недешевых особняков, украшавших тихую Немецкую аллею.

Глаз у Кима был наметанный, да и камуфляж аппаратуры детекции оружия в два эшелона — в вестибюле и на лестнице, ведущей в кабинет — расставленной на пути гостей дома, был стереотипный.

«Хорошо, что я оставил пушку в машине, — подумал Агент. — Интересное прошлое было у господина адвоката. Впрочем, почему же только прошлое? Нет, не хотел бы я меняться с ним судьбой. Даже на год.» Если судить по интерьеру кабинета, утехой Александра Пареных всю жизнь был парусный спорт. Просторная и светлая — словно на улице царило летнее утро — комната была украшена стереопанно со снимками разных моментов регат и просто отдельных яхт и шхун на сверкающей глади какого-то из здешних мини-морей. На декоративных полках со вкусом, этак ненавязчиво, были расставлены кубки и прочие призы парусных состязаний лет за сорок, модели катамаранов, яхт и кораблей покрупнее; стены, забранные панелями под серебристый бук, украшали взятые под стекло почетные дипломы и иные документальные свидетельства спортивных успехов хозяина кабинета. Фотографий его самого или членов его семьи не было нигде. Хозяин был скромен.

Точнее — не склонен к паблисити.

Опасаясь нарваться на часовую лекцию об особенностях такелажа здешних парусников, Ким воздержался от дежурного комплимента, за что и был вознагражден еще одним градусом хозяйской холодности и неприязни. Кофе ему, во всяком случае, предложено не было. Адвокат, недовольно посапывая, подошел к стене позади своего обширного и пустого — только часы, сработанные под штурвальное колесо «Катти Сарк» украшали его — стола и, сдвинув в сторону панель облицовки, открыл миру скрытый за ней терминал — выполненную на заказ «под старину», дорогую установку.

Карточка Кима нырнула в щель терминала. Экран дисплея выдал соответствующее сообщение, и Александр Пареных несколько успокоился. Досадливо заломив бровь, он вернул идентификатор Киму и жестом предложил ему занять место в массивном кресле напротив рабочего стола.

«Это так естественно, — констатировал про себя Ким, наблюдая, как хозяин кабинета принимает величественную позу в своем кресле, по ту сторону стола, — действующая служебная аппаратура в кабинете скромного пенсионера... С выходом на секретные файлы Министерства. Что ж — бывает...»

— Гм, не ожидал, что к этому делу вернуться... — взял быка за рога адвокат. — Изложите суть дела покороче, и давайте, как говорится, поскорее расстанемся с миром. Мне эта тема удовольствия не доставляет.

«Так и я тут не из праздного любопытства, черт возьми!» — подумал про себя Агент на Контракте, но вслух только лишь попросил господина Пареных разъяснить ему некоторые моменты дела, касающиеся личности доктора Пера Густавссона и вынесенного ему приговора.

— Поконкретнее, пожалуйста, — поморщился адвокат. — Речь идет о человеке, много лет работавшим вне нашего Мира и, сами понимаете, рассказывать о такого рода людях

можно много. Вам ведь нужна некая конкретная справка — только? Вот по ней и задавайте ваши вопросы.

— Мне, прежде всего, важно было бы знать, — осторожно начал Ким, — кого же все-таки представлял здесь, на Прерии, осужденный по делу «Шести Портов» Густавссон. Вы вели его защиту и, наверное, больше чем кто либо осведомлены на этот счет...

На кого все-таки работал подсудимый?

— Раз уж вы имеете доступ такого уровня как ваш, — пожал плечами Пареных, то уже прочитали, очевидно, формулировку заключения по делу... Там это ясно сказано.

— Там ясно сказано, что суд не считает необходимым уточнение этой стороны дела для вынесения приговора... — возразил Ким.

— Но меня — точнее Следствие — интересует не формальная сторона вопроса...

— А меня, как представителя Защиты, она вот как раз и не интересует! — Пареных извлек из ящика стола роскошного вида плоский ларец, из ларца — сигару и принялся заботливо — ножичком в серебряной оправе — обрезать ее кончик.

Курева Киму тоже предложено не было.

— Где это вы видели такого защитника, — со сдержанным гневом продолжал хозяин, — который способствует тому, чтобы его подзащитному, честно отсидевшему уже свыше половины полученного по приговору срока, навесили еще лет пять — шесть? По, так сказать, «вновь открывшимся обстоятельствам»? Я, вообще, хотел бы знать, кому это понадобилось инициировать повторное расследование по этому делу?

— Никакого повторного расследования не предвидится, — поспешил успокоить его Ким. — Идет расследование совершенно другого преступления. И меньше всего я настроен увеличивать срок заключения несчастному Густавссону... Наоборот, если он окажет Следствию существенную помощь...

— Стоп, стоп, стоп! — прервал его явно встревожившийся защитник.

— Вы что — намерены отправиться к Густавссону по месту заключения? Это непосредственно касается...

— Ваш подзащитный будет поставлен даже в более комфортные условия, — улыбнулся Ким. — Я намерен предоставить ему возможность проявить свои э-э... знания здесь, в условиях полного или частичного расконвоирования...

Адвокат даже вскочил из-за стола и уставился на Кима, как на привидение.

— Вы... Вы даже сами не понимаете, что собираетесь затеять, господин Агент!

Эти слова он буквально выкрикнул, торопливо выбираясь из-за стола.

— Обстроятельства дела таковы... таковы... — Пареных утратил всю свою вальяжность. Теперь он странно походил на схваченного за руку шулера. — Этот несчастный даже сам не знал правды о тех, на кого ему пришлось работать... Обстоятельства дела... Впрочем...

Впрочем, я отказываюсь продолжать разговор на эту тему! Это — мое право...

Он тяжело обернулся к столу. Потер лоб. Снова повернулся к Киму:

— Вы в самом деле собираетесь?...

Ким поднялся и взял со стола положенную было на него папку.

«А ведь не о бывшем подзащитном печется господин адвокат, — запоздало подумал он. — Не из-за него всполошился. А я — купился как мальчишка на его подставку! Сболтнул лишнее. Это мне отрыгнется.

И очень скоро, может быть. Надо торопиться. Здесь уже ничего не выкопаеть.»

— Если вы не хотите отвечать на мои вопросы, господин адвокат, — сказал он вслух, —

то уж не ждите и от меня ответов на свои...

Предупреждаю вас, однако, о том, что существует Федеральный закон «О мерах по пресечению действий, препятствующих ведению следствия»...

— Нашли кого учить, мальчишка! — зло бросил адвокат, огибая стол в направлении к сдвинутой панели, за которой дремал терминал.

Ким быстрым шагом направился к выходу. Он был уже на пороге, когда странные, потусторонние звуки заполнили комнату, заметались под ее сводами... Он остановился и остолбенело обернулся. До него не сразу дошло, что несется этот призрачный хор из-за задвинутых штор окон — с невидимой, зыбкой глади озера.

Адвокат уже стоял у терминала, держа в руках переговорную трубку. Он уже поостыл немного и вполне владел собой.

— Это птицы, — устало объяснил он, перехватив взгляд Кима.

— Ночные птицы. Сейчас — их время...

— Я повторяю, в новостях не соврали: на моих глазах на набережной в собаку била молния!.. В огромную собаку — два раза. И — хоть бы хны. Она словно искупалась в огне... Честное слово десантника!

Отряхнулась и побежала себе... А я прямо столбом стоять остался...

— Это и называется — допиться до глюков, Ник... Вот что делает с людьми этот проклятый самогонище, который называют виски. От водки такого не бывает...

Бармен чуть кашлянул — но кашлянул со значением — и гудение голосов теплой компании, собравшейся встречать «ночное утро» в украшенном старинными картинками углу «Канар» чуть смолкло. И было отчего. Не всякий день в «Канары» заглядывают тузы с Козырной набережной. Импозантный, точно испанский гранд, Серж Круевич оперся о стойку, терпеливо ожидая заказа господина комиссара.

Роше тяжело вздохнул — подобная известность его тяготила — и, тоже опершись о стойку, заказал чашечку кофе. Разговору, конечно, больше способствовала бы рюмка белого, но так рано комиссар не начинал — даже по служебной необходимости.

Кофе был не тем, ради чего народ собирался в «Канарах» с утра пораньше. Явно не тем. Еще раз утвердившись в мысли о причастности сношенных автомобильных покрышек к происхождению экзотического для Прерии напитка, Роше отставил чашечку в сторону и, утерев усы, осведомился у старины Круевича о том, о сем. Старина Круевич охотно рассказал и про то и про се, после чего, кашлянув, взял инициативу в свои руки.

— Послушайте, комиссар, — понизив голос, сообщил он, — если вам нужен Лев Косневски, то вы уже немного опоздали... И напрасно теряете время.

Комиссар вздохнул еще раз.

— Неужели уже весь город знает, что Жану Роше понадобился Лев Косневски? — грустно спросил он, покручивая в пальцах белоснежную емкость с мерзким напитком.

— Как вам сказать, мсье... — пожилой бармен отвел глаза к картинкам на стене.

На картинках были изображены исключительно собаки. Почти всех известных пород и любого калибра.

— Как вам сказать... — повторил он. — Весь город уже знает, что люди комиссара Жана ищут двух псов. Бог весть зачем, но ищут. А по краденной псине в столице главный спец — Лео: не мне вас учить... Только его еще вчера — прямо перед закрытием — отловил один дед, такой интересный. И, главное — похоже, по тому же самому вопросу...

— И кто такой этот ваш интересный дед? — попробовал внести ясность в вопрос Роше. Бармен пожал плечами.

— Ей Богу, мсье, первый раз видел этого чудака... Волос седой, коротко стриженный, борода, усы — тоже белые... Рост средний — чуть повыше вас, мсье... Глаза — карие. Одет как турист. Рубаха в клетку... Что на ногах — не помню... Да: на носу еще очки — под старину... Дорогая вещица.

Сержу Круевичу можно было доверять в таких вопросах. И Роше продолжил беседу:

— А насчет того, что тип нацелился именно на тех же собачек...

Лео сам тебе сказал?

— Как же — так Лео вам и выложит о чем с ним болтал клиент... Дело в том, что дед-то этот со своими проблемами сначала ко мне подъехал. Ну — понятное дело — у «Канар» на этот счет твердая репутация... А я уж его и отпасовал к господину Косневски...

Теперь его — ищи ветра в поле... Пока не справится с заказом...

— Вот как... — задумчиво пробурчал себе под нос Роше. — Вот что: если хоть мельком увидишь Лео, непременно передай ему, чтобы выходил на старину Жана — номерок оставить?

— Ваш номерок только ленивые не знают, мсье, — успокоил его Круевич. — Только, я думаю...

— Скажи ему, — как можно более убедительно сказал комиссар, — что он связался с очень опасным делом. Рискует остаться без головы.

Ты хорошо понял меня?

— Мсье Жан понапрасну народ не пугает... — пожал плечами бармен.

Лицо его омрачилось.

— А насчет деда этого... Если что — дать знать? Опасный тип?

— Знать, разумеется дай — если снова всплывет. Или если узнаешь что о нем. Если случится — поговори с ним. Деликатно.

Постарайся выяснить — что за птица. Но помни — в этом деле простачки не крутятся... И безопасных типов — нет!

Комиссар решительно — словно ладью по шахматной доске — двинул по стойке недопитую чашку с кофе и неторопясь выплыл из «Канар».

Гудение в углу с картинками воспрянуло с новой силой.

В это самое время еще один интересный дед — совсем не тот, о котором содержательно поболтали комиссар с барменом «Канар» — встречал «ночное утро» в гораздо менее комфортабельной обстановке. Звездное, покинутое наконец облаками небо Прерии он созерцал через забранное решеткой оконце следственного изолятора, прикидывая возможные расклады событий, приведших его в это гостеприимное место. Он уже довольно долго предавался этому занятию, когда по встроеному в кладку стены матюгальнику хриплый голос дежурного гаркнул:

— Заключение П-1414 — подъем! В кабинет к следователю!

Заключение П-1414 торопливо вскочил с лежака и, заправив по уставу сиротское одеяло и сплюсненную в нуль подушку, привел в божеский вид свой полосатый наряд. Затем по стойке «смирно» стал перед дверью.

В двери погудел немного сервомотор и она съехала в сторону, освобождая проход в коридор. Конвойный неторопливо обыскал подлежащего доставке в кабинет следователя П-

1414 и погнал его по короткому коридорчику — навстречу неизвестной судьбе.

В кабинете за столом следователя сидел скуластый загорелый тип в штатском «сафари» и нервно барабанил пальцами по папке, содержащей, надо полагать, подробности судьбы злосчастного П-1414.

— Здравствуйте, Пер, — довольно приветливо сказал тип. — Присаживайтесь.

Принять это любезное приглашение заключенному П-1414 помог конвойный, пригвоздивший его копчик к стулу, намертво привинченному к полу посреди кабинета. Тип, сидевший за столом, кивнул охраннику и они остались вдвоем: заключенный П-1414 — Пер Густавссон — и Агент на Контракте — Ким Яснов.

Ким представился и для проформы осведомился — тот ли перед ним Пер Густавссон, что отбывает свою «десятку» за шпионаж в пользу неустановленных лиц в исправительном учреждении 45/812? Да, это был именно тот Густавссон.

— И чем же вы занимаетесь в учреждении 45/812? — поинтересовался Ким.

— Сельхозработы, — пояснил Пер. — Настройка и обслуживание гидротехнических устройств. Облегченный режим в связи с возрастными показателями и э-э... примерным поведением...

— И вам очень нравится заниматься настройкой и обслуживанием поливальных агрегатов? — чувствуя себя прямо-таки маркизом де Садам, осведомился Ким. — У вас не бывает желания заняться чем-нибудь более интересным?

Заключенный Густавссон косо улыбнулся.

— Вы, должно быть, знакомы с моим «личным делом»... И не могли не заметить, что более пятнадцати лет я провел на милой планетке Чур и возле нее. Так вот, по сравнению с жизнью в тех местах, здешние каторжные работы — просто пикник какой-то... Хотя вы, как вижу, хотите мне предложить что-то еще... Что-то, что, на ваш взгляд, интереснее, чем мои теперешние занятия...

— И все-таки, там — на Чуре — вы оставались добровольно, а здесь — как-никак сидите в неволе... — уточнил Ким.

Заключенный Густавссон глубоко вздохнул.

— Вы не представляете — что за странная штука этот Чур... — горьковато усмехнулся он. — Странная и страшная... Это... Или вы сразу не принимаете то, что вас ожидает там, и смываете, или это вас просто засасывает как тряпина... Если вы и в самом деле захотите хоть в чем то разобраться из тамошней жизни... Там — выжженная пустыня и отравленные топи... Там только ржавое железо и радиация. И... Подземелья... И люди из этих Подземелий... И их Псы... А еще там — Нелюдь... Но вы, наверное, пригласили меня не для того, чтобы слушать байки про Чур...

— Да как вам сказать... — Ким вышел из-за стола и пристроился на его краешке, чтобы удобнее было вести беседу. — И для этого — тоже... Но — все по-порядку. Для начала, я попрошу вас вспомнить кое-что про те годы. И некоторых ваших м-м... знакомых из тех мест... Если говорить точнее, я имею ввиду Торвальда Толле — физика-оружейника...

— Логично... — задумчиво произнес Пер и почесал нос. — Логично, что вы, видно, хотите дорасследовать именно ту часть дела, из-за которой я и погорел... Тор Толле был моим другом... И еще — основным источником информации. Той информации, за которую мне и платили те проклятые деньги... Да — примите к сведению... Это здесь его называют физиком и так далее... Т-а-м он просто Оружейник...

— Кстати, — Ким чуть изменил позу, — кто же все-таки вам платил?

Вам так и не удалось этого вспомнить?

Пер пожал плечами.

— Я был совершенно откровенен со следствием. Я дал согласие на зондирование памяти...

— В деле это отражено, — согласился Ким. — Но вот что касается результатов зондирования — в деле нет соответствующих материалов.

— А вот это уж — мой адвокат постарался. Господин Пареных — крутился как уж на сковородке, но зондирования не допустил... — Густавссон чуть покривил краешек рта.

— Это несколько... — Ким сделал неопределенный жест. — Разве это было не в ваших интересах? Провести зондирование, я имею ввиду...

— Это было не в интересах тех, кто оплачивал работу господина Пареных, — сухо определил Густавссон. — Впрочем, никто не хотел оглашения деталей этой истории. Так что суд был, в общем-то, формальностью... Все решили на двух заседаниях, при закрытых дверях...

— Ладно... — Ким осторожно отодвинул папку от себя. — Это не самое главное сейчас... Скажите, там — на Чуре — вы хорошо познакомились с Толле? Мне важно знать — можете ли вы оценивать его поведение... Дать прогноз для той или иной ситуации?

Густавссон озадаченно потер лоб.

— Чтобы оценивать ситуацию на Чуре...

— Толле сейчас находится не на Чуре, — остановил его Ким. — И он похищен. Мы рассчитываем на вашу помощь в его розыске.

Густавссон на минуту окаменел. Потом спросил, осторожно подбирая слова:

— Его похитили м-м... оттуда — с Чура?

— Нет, здесь, — на Прерии... — Ким сделал паузу. — Сразу по прибытии. Господин Толле был приглашен для участия в работе научного семинара... Есть основания думать, что он еще здесь — на планете... Если вы согласитесь сотрудничать с органами следствия, то в ваше распоряжение будет предоставлена текущая информация по делу... И вам будут созданы необходимые для работы условия... Поселим вас в гостинице, — он чуть улыбнулся. — В номере без решеток на окнах.

Густавссон снова потер лоб.

— Есть люди, которые не хуже меня знают Тора... Например, Ганс Крюге...

— Хороший пример, — улыбнулся Ким. — Еще парочку таких, пожалуйста...

Густавссон улыбнулся — на этот раз уже не так косо.

— Другого такого я, пожалуй, не назову... Оказывается я несколько преувеличенно представлял возможный выбор...

— И я тоже, — вздохнул Ким. — И никто мне не назвал пока что других подходящих кандидатур... К сожалению, господин Крюге категорически отказался помогать следствию... Правда, поговорив с ним, я утвердился в мысли обратиться за помощью к вам... Вряд ли мне стоит тревожить Крюге еще раз.

Заклученный П-1414 улыбнулся теперь уже в открытую.

— Должно быть вам, действительно, не удастся м-м... заставить его изменить его решение. Он всегда был упрям, и ему вы вряд ли сможете предложить выбор между возней с оросительными агрегатами и номером без решеток на окнах. Не ожидал, однако, что он порекомендует вам обратиться ко мне...

Теперь Ким пожал плечами.

— Я и не говорил, что господин Крюге рекомендовал мне это. Скорее наоборот — избегал упоминать о вас. Несмотря на десять лет совместной работы на Чуре. Такое обращает на себя внимание...

Он помолчал немного. Потом, пересилив себя спросил:

— Стирание памяти... Вы решились на это добровольно?

— На этот вопрос, — Густавссон пожал плечами, — я могу ответить только с чужих слов. Мне сказали, что я сделал это добровольно.

— Что из ваших воспоминаний, — Ким постарался удерживать взглядом ответный взгляд заключенного П-1414, - о Чуре и о Торвальде Толле оказалось — по вашему мнению — стерто?

— Насколько я понимаю, эта часть моей памяти не пострадала, — чуть подумав ответил Густавссон. — Думаю, что это не будет помехой в работе.

— А вообще... — рука Кима машинально скользнула по щеке, задержалась на едва заметном шраме под левой скулой.

Что-то зыбкое колыхнулось в душе.

— А вообще, это не мешает вам жить?

— Жить... — Густавссон улыбнулся — слегка криво, но впервые за этот разговор. — Жить — не знаю. А отбывать срок — не мешает.

— Ну что ж, — голосом Ким дал понять, что со скользкой темой покончено.

Густавссон поудобнее устроился на стуле, в знак того, что готов перейти к делу.

— Мне надо дать подписку? — спросил он.

— Вот этот бланк... — Ким двинул к собеседнику подвижной столик с одиноким листком бумаги. Листочек прижимал к столу массивный электрокарандаш на прочной цепочке.

— Что известно о похитителях? — уже совершенно по деловому осведомился Густавссон, старательно просматривая документ.

— Двое белых мужчин, — без особого энтузиазма объяснил Ким, — по всей видимости, в камуфляже. Вот — приготовленная для вас сводка — там все это — подробнее...

Он помолчал.

— Значит — обычные люди? — как-то очень напряженно уточнил Густавссон, быстро пробегая глазами протянутую ему распечатку.

— Вполне обычные, судя по всему... — пожал плечами Ким. — Интересно, что преступники использовали в деле собаку...

Густавссон замер. Поднял на Кима полные недоумения глаза.

— Как!? Пса Тора? Харра?

Ким пораженно воззрился на него.

— Да нет, разумеется... Собака самого Толле нам, правда, тоже скучать не дает — пропала из гостиницы, как только ее туда доставили. Но это — другая сторона дела. А я говорю про вот эту тварь, — Ким показал фоторобот, составленный по показаниям свидетеля Позняка. — Охотничий пес. Белый, с черными пятнами...

Зазуммерил блок связи, и Ким, подняв трубку, выслушал приглашение как можно скорее предстать пред светлые очи господина секретаря комитета безопасности, высказанное крайне неприязненным тоном.

Положив трубку и подняв глаза на Густавссона, он не без удивления обнаружил, что тот

отложил свой листок в сторонку и тихо трясется от беззвучного хохота.

— Что так развеселило вас? — спросил Агент на Контракте, не скрывая досады.

Густавссон провел ладонью по лицу.

— Простите... Простите, но если все действительно обстоит так, как вы сказали, то мне очень жалко этих ваших похитителей... Очень...

Блок связи в кармане пиджака Тони очередной раз залился трелью, и он с досадой левой рукой вытащил его и рявкнул в трубку:

— Ну, что там еще!?

Одновременно он правой сделал бармену «Лимпопо» знак, хорошо понятный всем служителям Бахуса во всех Тридцати Трех Обитаемых Мирах... Бармен понимающе принял заказ к исполнению.

— Ты заставляешь меня вибрировать, — сообщил Тони Мепистоппель. — Это, знаешь ли, не сахар — сторожить наш товар...

— Понимаю... — вяло отозвался Тони. — Но я тоже не теряю времени.

Сам понимаешь — надо навести кое-какие справки о положении дел... Узнать, какие настроения в городе...

— Ты, мне кажется, говорил, что заберешь свой гребанный талисман и сразу...

— Не стоит обижать Трубочника... — задумчиво упрекнул партнера Тони, еще с минуту-другую послушал бурчание Мепистоппеля и вырубил блок.

Идти на улицу Темной Воды ему все больше не хотелось. Трудно сказать почему, но он все оттягивал этот свой визит в покинутую штаб-квартиру так было удачно начавшейся операции. Элементарный здравый смысл подсказывал ему, что после исчезновения Гонсало не стоит «светиться» где-либо, а уж в «Прокате гробов» — в первую очередь. Тем не менее, оставленный на столе Адельберто Трубочник не давал ему покоя. Каким-то компромиссом между раздиравшими его на части противоположными намерениями был предпринятый им разведывательный рейд по привычным кабакам — с целью выяснения обстановки.

— Неприятности? — с пониманием осведомился бармен, деликатно глядя в сторону.

— Да так... — пожал плечами Тони и пригубил виски.

— Вы уже пару дней, как не заходили... — бармен, не считая, стреб мелочь, выложенную Тони на стойку. — А вами здесь интересовались за это время...

— И кто же? — с напускным безразличием поинтересовался Тони и снова пригубил содержимое своего стакана.

— Лео Косневки — собачник... — бармен пожал плечами. — Собственно, он не совсем вами интересовался, вашей собачкой, скорее...

— Вот как? — все с тем же безразличием заметил Тони и добил остатки виски.

Блок связи снова завел свою песенку. Тони с досадой щелкнул переключателем, отключив питание.

Адельберто еще раз набрал номер канала Тони. Потом — еще... «Этот придурок доведет меня до инфаркта, — сказал он вслух, негромко. — Поразительная безответственность!»

— Вашему другу ничего не угрожает, — сказал с другого конца комнаты Гость.

Его способность издали разбирать такое вот приглушенное бурчание поражала Адельберто, как и твердая уверенность Гостя в полной безопасности Счастливого. Бинки,

доверчиво положивший голову на колени Гостя, явно разделял эту его уверенность. Это тоже поражало.

— А я разве сказал, что ему что-нибудь угрожает? — не слишком натурально удивился Адельберто. — Не беспокойтесь о наших делах. Лучше поешьте. Здесь не ресторан, конечно, но пицца неплоха, поверьте мне.

Взгляд Гостя — светлый и прозрачный — был для него почему-то невыносим. Адельберто отвернулся и принялся крутить верньер настройки портативного Ти-Ви. По экрану шли помехи. Временами, впрочем, начинала мельтешить то музыкалка, то «Жизнь природы», но — ничего существенного. Сегодня с аппаратом творилось что-то странное...

— Зачем вы едите такое? — поразился Гость. — Это же — сплошной балласт... У вас, разве, нельзя достать... То есть — тьфу! — у вас, разве, нельзя купить это... Называется «хлеб Эльфов». Я слышал — у вас... И зачем вы все время мешаете мне смотреть?

— Что смотреть? — поразился Мепистоппель.

— То, что показывают... Если можно — не крутите настройку... Я сам...

При этом Гость не подумал подняться из «позы лотоса» в которой пребывал. Адельберто оставил в покое верньер. Ти-Ви продолжал чудить.

— Спасибо, — поблагодарил его Гость.

— Что вы там видите? — раздраженно спросил Адельберто.

— Как что? — поразился Гость. — Тут у вас зачем-то штук тридцать программ крутят... Очень трудно сразу их ухватить... И все — какую-то ерунду. А вот сейчас будет про меня немножко...

— Друг мой, я, признаться, ни хрена не вижу на экране... — тоскливо вздохнул Адельберто. — Про тебя — тем более. Приемник барахлит...

— Да... — виновато признал Гость. — Я забыл: вы же не можете... Я потом научу вас... Хотите, покажу картинки — пока про меня не начали?

— Ну, покажи мне свои картинки... — уныло согласился Мепистоппель.

В том, что клиент им со Счастливым достался безнадежно чокнутый, он уже уверился на все сто.

— Экран Ти-Ви неожиданно «икнул», поправился и показал ему что-то непривычное... Небо — странное, какое-то, в слоистых — нездешних — облаках. Люди, что идут куда-то. Стоят — словно позируют для фото. Потом — резким переходом — тесные, перекрученные, какие-то коридоры, снова непонятные фигуры. И — кровь, кровь...

Экран снова пошел сумбурными искрами. «белым шумом»...

— Прости, — как-то торопливо проговорил Гость, поднимая свои тонкие, иссушенные пальцы к лицу. — Я сбился. Я не то хотел показать...

— Это кто передает? — озадаченно спросил Адельберто.

Станный, жутко неприятный озноб кольнул его от увиденного. Хотя — что, собственно, он увидел?

— И что это за люди были? — он провел ладонью по лицу, стремясь избавиться от странного морока. — У них на головах, что — мешки, что ли?... Или... Я не понял...

— Я же сказал — это картинки... — все также виновато и торопливо успокоил его Гость. — Это никто не передает... Это... Эти — они за мной... Они хотят прийти за мной... Они... Впрочем — это не тебе было... Не надо больше картинок. Вот сейчас передают про меня...

— Правильно... — Адельберто снова провел ладонью по лицу. — Не надо больше

картинок...

Экран показывал теперь небольшую толпу пестро одетых молодых людей с плакатами, оттирающихся у подсвеченной ночными фонарями чугунной решетки здания Объединенных Министерств. Диктор усталым голосом сообщил, что митинг протестующих против приема на Прерии в качестве Гостя небезызвестного Оружейника, представителя Цивилизации Чур, Торвальда Толле, так и не состоялся, ввиду полного отсутствия какой-либо официальной информации относительно прибытия Толле на планету или о его пребывании на ней. Собравшиеся выставили пикеты у входа в два Министерства и разошлись.

Адельберто вдруг онемел.

— Это, говоришь, про тебя? — остоленело уставился он на Гостя.

— Ты сказал, что тебя зовут Тор... Торвальд Толле, что ли? О, Господи! Как мы влипли! Чертов Тони, со своим Трубочником...

Он лихорадочно набрал номер Счастливчика.

Но тот, естественно, и не думал отвечать.

Лестница, по которой комиссар взбирался на четвертый этаж одного из самых старых домов столицы, разменяла, должно быть, вторую сотню лет. Скрип ее ступеней под тяжестью поступи мсье Жана норовил перейти в предательский треск, и каждый раз, достигнув своей цели, Роше возносил в душе своей благодарение Господу за то, что посещать эту архитектурную достопримечательность ему приходится не так уж часто. Хотя с домом этим — довольно престижным, именно благодаря своей древней истории — у комиссара и были связаны сентиментальные воспоминания времен юности, проведенной в роли стажера-околоточного в этих местах. Но возвращаться в места, помнящие его, Роше, молодым почему-то, не доставляло удовольствия. Жители преславного здания отвечали комиссару в этом вопросе полной взаимностью. Непростой это был домик, и люди в нем жили непростые.

Сегодня, впрочем, Роше пожаловал не к Генриху Ланде — виртуозу по части воспроизведения почерка совершенно ему незнакомых людей, — что обитал в мансарде, не к отсидевшему уже пару сроков за электронный взлом хакеру милостью Божьей Ване Гнедых, что проживал на втором этаже, и не к Микаэлле М'Банги — гадалке с мировым именем, не без лицензии, что практиковала на третьем. Он надавил кнопку звонка у двери, за которой обитала особа, пребывавшая в полной гармонии с собой, законом и окружающим миром — Лидия Панина — модный дизайнер. В девичестве — Косневски.

Дверь ему открыл господин Панин, вообще-то, редкий гость в этой квартире — наполовину студии, наполовину — оффисе.

Профессия — служба дальней космонавигации — не слишком способствовала его длительному пребыванию по эту сторону небосвода Прерии. Как ни странно, с комиссаром он был довольно хорошо знаком — благодаря некоторым околоточным жизненным пассажам своего непутевого шурина. Чтобы пропустить комиссара, ему пришлось порядком потесниться в нетесном в общем-то вестибюле — ни ростом, ни габаритами Господь штурмана не обидел.

По тому, как изменилось широкое лицо хозяина, комиссар понял, что в этот раз ему повезло. Кривить душой Алексей Панин не умел — должно быть это не очень нужно было ему там — по ту сторону небес... Аромат трубочного табака, ощущавшийся уже при входе и вконец сгустившийся в пустой гостиной, был, собственно говоря, уже совершенно излишней

подсказкой. Этот аромат был давно знакомой комиссару музыкальной темой из симфонии запахов ««Канары» вечером».

Всегда рад вас видеть, комиссар, — смущенно прогудел хозяин, широким жестом указывая на кресла — подальше от дивана, к которому был придвинут журнальный столик с парой высоких стаканов и опустошенной бутылью здешнего легкого «Степного». — Если вы к Лиде, то...

— Да нет... — Роше выдержал чуть заметную паузу. — Мне, собственно, надо было передать пару слов господину Косневски... Его, как я понимаю, я не застал, как и милейшую Лидию Вацлавовну?

Ведь вы его увидите наднях?...

Господин Панин загодя зарделся, готовясь подтвердить предположение комиссара, но тут, с душераздирающим кашлем и перханьем, отворил дверь соседней комнаты и вошел в гостиную, в сопровождении клубов дыма из любимой — из корня бес-дерева — трубки сам искомый — Лео Косневски, собственной персоной.

Чернявый, тонкой кости и вида демонического: вылитый пан Твардовский из иллюстраций к поэме господина Мицкевича.

— Да брось ты, Алеша, эту конспирацию!.. И вы, комиссар, ей Богу — мудрить придумали... Нет уж... Раз уж мсье Жан сел кому на хвост, то лучше уж сразу вылезать из норы и внести, как говорится, ясность в вопрос. Заодно — и выкурить по трубочке... Алеша, там в холодильнике... У нас, по-моему, там что-то оставалось...

— Я — при исполнении... — напомнил комиссар не слишком категорично и стал искать куда бы пристроить свою шляпу — выдавшую виды, но тем и дорогую сердцу.

Они устроились по разные стороны журнального столика, и Роше принялся — в кои-то веки, наконец — набивать свою «носогрейку».

Алексей принес и пристроил на столе чистую емкость для гостя и початую низкую и пузатую бутылку «Северного белого», плеснул себе немного и с тем убыл на лоджию — любоваться ночным небосводом.

Лео переставил на столик с тумбочки подносик с картофельными чипсами и пепельницу.

— Слышал, вы меня хотели предупредить кой о чем... — полуспросил, полуконстатировал он, поднося комиссару огоньку. — Я вам благодарен.

Роше не сомневался в том, что Лео слышал. Бармен «Канар» заслуживал бы дисквалификации, если бы не схватился за трубку блока связи немедленно, как только — тренькнув надтреснутым колокольчиком по-над стеклянной дверью — комиссар покинул его богоугодное заведение. Да и остальной народ, опрошенный за минувшее утро, должен был проявить сообразительность на этот счет.

— Вы еще не знаете, как вы, должны быть, благодарны старой ищейке... — задумчиво заметил комиссар, погружаясь в сизое облако дыма и невзначай наполняя — на треть — свой стакан. — Тот тип, что сосватал вам заказ — вчера вечером — очень сильно подставил вас... Он хоть много обещал?

— Вот столько, — показал Косневски. — И на задаток не поспешил, хитрец.

— Ну что ж, — пожал плечами комиссар. — Я — не налоговое ведомство, но сумма заставляет задуматься...

Лео откинулся на спинку дивана и выпустил к потолку струю табачного дыма — злую и тонкую.

— Не хочу вас огорчать, комиссар, — заметил он, выдержав паузу, — но кое о чем относительно этого дельца старик Косневски догадался без помощи Козырной набережной... И собирался уже повысить ставки. Или вернуть аванс и бросить все это дело к шутям...

Комиссар озадаченно отхлебнул вина. И счел нужным польстить партнеру:

— Да, если уж Лео Косневски надумал вернуть аванс, дело пахнет совсем скверно... Котелок у вас варит, Лео...

— Двухходовая комбинация, комиссар, — чуть снисходительно объявил Лео. — Ход первый: одна из собачек, заказанных на предмет их вычисления, просчитывается элементарно как кобелек Счастливого — Тони Пайпера... Есть такая личность — неплохой в сущности малый, но — себе на уме... Очень любит своего пса и свою трубочку — он с нами, господин комиссар — одного поля ягода. В этом, конечно, отношении, мсье Жан, только в этом... Мы с ним частенько болтали — в «Канарах» о том, о сем...

— Вы уверены? — беспокойно закопошился в своем углу дивана Роше.

Он достал из внутреннего кармана и двинул по сиденью дивана к Лео пачку снимков — из таможенного файла Толле и из каталога «Собачьей Олимпиады».

Косневски возмущенно отодвинул полупустой стакан. Небрежным движением кончиков пальцев пошевелил снимки. Чему-то в них удивился — чуть заломил тонкую бровь. Потом снова придвинул вино к себе.

— Описание, что мне подсунул этот тип, совпадает — один в один. Да кроме того, скажу вам честно: это никто иной, как ваш покорный слуга Лео сторговал Счастливику того песика — года четыре тому назад. Еще вот таким... Порода — если честно — малость подпорчена, но умная, скажу вам, животное... Бинки звать. Впрочем, я отвлекся. Так вот — ход второй: сегодня с утра Тони и его чокнутого компаньона днем с огнем ищут люди Магира. Прямо-таки — землю роют... А вы понимаете, что значит путаться под ногами у Магира?

Он отхлебнул из своего стакана, и некоторое время они оба разглядывали каждый — свою трубку. Комиссар терпеливо ждал, стараясь не проявлять следов легкого потрясения. Расследование вырулило в новую колею и тут было о чем подумать. Потом Роше спросил, как ни в чем ни бывало:

— Это вы — про Рамона Магирова? «Торговые дома Побережья»?

Лео чуть озадаченно пристроил трубку на край шиповатого камня, служившего им пепельницей. Камень был с Дремлющих гор, что на Парсе в системе Аделаиды, и стоил несколько больше, чем комиссар полиции и перекупщик краденой псины вместе взятые, заработали за все то время, пока упомянутый Бинки рос и мужал.

— Про Рамона, разумеется, — сказал он недоуменно. — Ведь это вы о нем мне хотели рассказать, господин комиссар?

Господин комиссар досадливо крякнул и престоного глянул на свидетеля Косневски.

— Я хотел рассказать вам, Лео, про господина Торвальда Толле... Гостя Прерии со вчерашнего утра...

— Стоп, стоп, стоп!.. — остановил его оцепеневший вдруг Лео. Он поднялся и сомнамбулически побрел вдоль стеллажей со всякой всячиной, предназначенной для чтения на досуге. Ухватил красочную подборку распечаток «ГЭлакси ньюс» за прошлую неделю и вопрошающе развернул к Роше вынесенный на обложку портрет-карикатуру.

Картинку сопровождал анонс помещенной где-то внутри — на седьмой странице статьи

— «Не слишком ли дорогой гость?» собственного корреспондента «ГН» Энни Чанг.

— Он самый, — утвердительно кивнул Роше. — Придется открыть вам государственную тайну... Правда, к вечеру о тайне этой будут болтать по Ти-Ви, но, все-таки, оцените значение дела... Гостя нашего — того... похитили. Прямо от Космотерминала. По прибытии. В похищении работала собака. Если вы не ошибаетесь, то — тот самый Бинки. Вторая — пес самого Толле. Он где-то ошивается сам по себе. Ищем только потому, что может он как-нибудь поможет выйти на хозяина...

— Как? — спросил Лео, вдруг отрешившись от убивших его было фактов, преподнесенных господином комиссаром. — Пес с Чура? Настоящий Пес с Чура?

Он снова — теперь уже с откровенным интересом подхватил снимки с сиденья дивана. Впился в них взглядом, лихорадочно тасуя листки.

— Вы знаете, сколько на рынке предлагают даже за чучело такой зверушки? За подлинник?

И тут же скис, резко вернувшись к не располагающей к оптимизму действительности. Сгорбившись, снова опустился на диван. Пожал плечами.

— Видит Бог, Лео Косневски захотели втянуть в политику! Такого не было с шестьдесят восьмого, когда мне втерли на продажу бульдога маршала Апраксина! Видит Бог, я не знал, что псина — краденая...

— Вы не совсем еще поняли, на какие облигации вас подписал вчерашний клиент... — комиссар забросил себе в рот пригоршню чипсов и хрустнул ими.

Со значением.

— За политику сейчас не убивают, — вздохнул он. — На Прерии, по крайней мере. В худшем случае — съездят по физиономии.

В пылу полемики. А вот за военные секреты вас отоварят по классу «люкс». С иголками под ногти, электрошоком, «сывороткой истины» и последующим расчленением трупа... Так что вы многим можете оказаться обязаны вашему заказчику...

— Мерзкий жлоб! — Неприязненно морщась, квалифицировал Лео последнего. — Чего другого, в конце концов, можно ждать от типа с высшим образованием?...

Он произвольно вздохнул.

— Я сегодня же возвращаю этому типу аванс. За вычетом комиссионных...

Роше задумчиво забросил себе в рот еще пару чипсов. Убрал снимки в карман.

— Дело ваше. Может и не стоит — так резко с человеком... Было бы неплохо мне познакомиться с ним...

Специалист по рынку четвероногих друзей человека нервно затянулся трубкой.

— Лео Косневски клиентов не закладывает, комиссар...

С минуту он был погружен в нелегкие размышления. Потом добавил чуть отрешенно:

— Я, впрочем, не буду сильно оглядываться и петлять, если кому вздумается сесть мне на хвост. Я — в своем праве: закон не нарушаю и бояться мне нечего...

— Вот и я так думаю... — комиссар поднялся и взял свою, прославленную репортерами криминальной хроники шляпу с монитора дорогого компьютера. — Вы — в своем праве...

— У вас довольно кислый вид, адвокат... — человек за рулем весьма respectable «Лорд-мастера», что подобрал Гонсало на условленном углу, неприязненно скосился на это свое приобретение. — И одеты вы явно не для приема на Святошных Полях... Брюки на вас — с чужого плеча. Или — как это лучше сказать про брюки? С чужой э-э... В бегах, что-ли?

Или занялись частным сыском?

— Это — мои заботы, герр Комски, — не скрывая раздражения, отозвался Гонсало. — Я к вам с горячей информацией и терять время — не в ваших интересах... Завтра это уже не будет иметь никакой цены...

— Ну, вот может и подождем до завтра, чтобы не вводить нас в лишние расходы... — иронически усмехнулся Комски.

— Потеряете вы при этом гораздо больше...

— Учтите, Гонсало, вы можете еще водить за нос старину Комкси, но вот старина Комски не может себе позволить водить за нос господина Саррота... Поэтому ваша информация должна быть исключительно достоверной. Господина Саррота весьма волнует ход посещения Прерии гостем из системы Чура... Ведь вы об этом нам собрались рассказать, адвокат? — глядя в сторону осведомился Комски.

Наступила пауза.

— Признаюсь честно, — продолжил секретарь Клода Саррота, — не ожидал, что вы вот так — сразу придете к нам... Ваши клиенты подвели вас?

Гонсало зло дернул щекой.

— Клиенты подвести меня не успели, герр Комски. Меня подвела, думаю, та же сволочь из министерства, что продала эту информацию людям Магира...

— Вот как? Так это они испортили вам игру? А мы то со вчерашнего вечера ищем вас как проклятые... Послушайте, а почему вы тогда все еще живы, Гонсало?

— Это слишком долго объяснять, — адвокат поморщился при воспоминании об отвратительном привкусе, надолго оставшемся в его нервных окончаниях после воздействия «оксидара». — Так или иначе, эти ребята имеют солидную фору и...

— Так сколько вы просите за точную информацию о местонахождении Гостя? — прервал его герр Комски.

— Мне нужно убраться из этих мест, — коротко начал излагать свои кондиции Гонсало. — Документы у меня выправлены, но оплатить дорогу я попросил бы господина Саррота. Невелика услуга...

— Думаете отсидеться на Святой Анне? — чуть иронически осведомился Комски.

— Тогда мне лучше было бы сразу податься в прокуратуру... — Щека Гонсало снова дернулась. — Речь идет о каком-нибудь месте потише в сторонке от Главной Последовательности. Любой из Фордов вполне подошел бы...

— Речь идет, Гонсало, о том, — в бок адвоката уперся ствол «Венуса-плюс», — что мы с вами сейчас заедем в место понадежнее, где вы расскажете все по-порядку. Мне и другим... людям... Потом переоденитесь попримочнее, получите комиссионные... А потом займетесь тем, что вычислите ваших клиентов — самостоятельно и без фокусов. Ведь не будет фокусов, Гонсало?

Гонсало тяжело вздохнул.

— Не будет, — уныло признал он. — Фокусов не будет...

Вспомнил про письмо с обратным адресом Почтамта и нервно дернул щекой.

Господин секретарь сидел за своим столом, взяв пальцы в замок и напыженно изображал до предела возмущенную беспристрастность.

Конопатый детина в штатском, не в силах сдерживать себя, мерил кабинет широкими шагами. Полковник Ваальде — на кресле в сторонке — был всецело поглощен жизнью

громадного аквариума, украшавшего кабинет господина Азимова. Ким, спокойно занявший предложенное ему место, ожидал — какой именно грозой разразятся сгустившиеся над его головой тучи.

— Вы, кажется, уже знакомы с майором Свирским из нашей контрразведки, — сухо уведомил Кима господин секретарь. — У майора есть претензии к вашему способу вести дело...

Ким изобразил на лице полнейшее внимание и обратил его к малозапомнившемуся ему — по правде говоря — майору. — Вы были предупреждены, господин э-э... агент, — с раздражением начал тот, — о вполне определенном разделении функций между членами нашей комиссии... Во всяком случае, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что все моменты дела, связанные с такими вопросами, как шпионаж и внешние отношения Прерии, целиком и полностью относятся к компетенции контрразведки и внешней разведслужбы планеты...

— Ни коим образом не покушаюсь на ваши прерогативы, майор... — только и успел вставить Ким.

— И тем не менее, — майор Свирский возвысился над Агентом на Контракте подобно утесу, — как только мы направляем запрос в управление исправительных заведений относительно одного из фигурантов в предшествовавших эпизодах шпионажа по работам Толле...

Как только мы направляем свой запрос, мы тут же выясняем, что интересующий нас тип отправлен в столичное следственное управление по запросу, подписанному господином Ясновым...

«Вот он мне и отрыгнулся — неумело построенный разговор с господином Пареных», — констатировал про себя Ким.

— Вы имеете в виду Пера Густавссона? — как можно более невинно уточнил он.

— Именно его, черт побери! — окончательно взорвался Свирский.

— Вам, милостивый государь, ничего не сказало название статьи, по которой загремел мистер Густавссон? «Шпионаж»! И вы, тем не менее, ничтоже сумняшеся...

— Прежде всего, — не дал ему развернуть атаку по флангам Ким, — наша следственная группа не собирается разрабатывать Густавссона по линии шпионажа. Нам нужен человек, который помог бы нам спрогнозировать поведение Гостя в условиях Прерии и по возможности помог бы вступить с ним в контакт... Напомню, что пока нет никаких оснований полагать, что в деле участвует агентура третьей стороны... Да и Густавссон осуществлял скорее промышленный шпионаж, а это...

Белесые, почти невидимые брови майора Свирски иронически взмыли ввысь.

— Вот как? Нет оснований полагать?... Промышленный шпионаж?... Невинный промышленный шпионаж?... Извольте ознакомиться вот с этим...

— Стоп, стоп, стоп, стоп! — господин секретарь еле успел перехватить пущенную решительным движением майорской руки по полированной глади стола тонкую стопку распечаток. — Господину агенту следует предварительно дать подписку о неразглашении...

— Я-то полагал, что дал их все... — с чуть наигранной наивностью вздохнул Ким.

— Не все, милейший, не все... — с улыбкой профессионального садиста заверил его господин секретарь, располагая на столе украшенный грозными грифами листок. — В двух местах — здесь и здесь... Вот так. Теперь — читайте...

Он с явным удовольствием поместил подписанную Кимом текстовку в защитную

обложку, обложку же поместил в украшенную мудреными ярлыками папочку, а папочку вверх в недра скрытого за голографической имитацией панорамного окна сейфа, после чего с отеческим вниманием предался созерцанию макушки углубившегося в чтение распечаток Кима.

Первая из них была датирована серединой прошлого десятилетия.

ЦЕНТРУ ОТ РЕЙДЕРА.

ПРОЕКТ: «БОЛОТНЫЕ ОГНИ-2» ТЕМА: ОБЪЕКТЫ К ОПОЗНАНИЮ.

ВЫПОЛНЯЯ ПРЕДПИСАННЫЙ ПРИКАЗОМ 19-10 ОТ 15.02 СЕГО ГО, УСИЛЕННЫЙ ДОСМОТР ТРАНСПОРТНОГО КОСМИЧЕСКОГО СУД «ЗЕНИТ» КЛАССА «КОМЕТА-ОБЛЕГЧЕННЫЙ», СОВМЕСТНЫЙ ПАТРУ КОСМОФЛОТА И СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕДИНЕННЫХ РЕСПУБ ОБНАРУЖИЛ В ВАКУУМИРОВАННОМ ОТСЕКЕ ВТОРОГО УРОВ ГРУЗОВОГО МОДУЛЯ ДВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ТЕЛА НЕ ИМЕВШ ПРИЗНАКОВ ЖИЗНИ (ДАЛЕЕ — «ОБЪЕКТЫ»). СОПОСТАВЛЕН ГОЛОГРАФИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ, АНАТОМИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТ И ОДЕЖДЫ УКАЗАННЫХ ОБЪЕКТОВ С ДАННЫМИ В ПРИЛОЖЕНИИ ПРИКАЗУ 19-10, ПОЗВОЛЯЕТ ЗАКЛЮЧИТЬ О ПОЛНОЙ ИДЕНТИЧОС ОБНАРУЖЕННЫХ ОБЪЕКТОВ С НАХОДЯЩИМИСЯ В РОЗЫСКЕ ПО ДИ П.ГУСТАВССОНА А. ЛИМАНСКИМ И Н.

ДЕРИНИ. ДЛЯ ТРАНСПОРТИРОВКИ ОБЪЕКТОВ НА БС ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СТАНЦИИ «ПАСТЕР-11» ОНИ БЫЛИ ПОМЕЩЕНЬ КРИОКАМЕРУ ГРУЗОВОГО МОДУЛЯ КОСМИЧЕСКОГО СУДИ СПЕЦДОСТАВКИ «КУРЬЕР-800». В 23-30 ПО БОРТОВОМУ ВРЕМЕНИ, Т.Е. ДВА ЧАСА ДО ПРЕДПОЛАГАЕМОГО СТАРТА СУДНА СПЕЦДОСТАВКИ МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ, МНОЮ БЫЛ ПОЛУЧЕН РАПОРТ КАПИТАНА СУД «КУРЬЕР-800» Н. ТАРАСОВА, СОГЛАСНО КОТОРОМУ, В 21-15 ПРОИЗОШ СПОНТАННОЕ АКТИВИРОВАНИЕ ОБОИХ ОБЪЕКТС СОПРОВОЖДАВШЕЕСЯ ПОВРЕЖДЕНИЕМ КРИОКАМЕРЫ, ВЫХОД ОБЪЕКТОВ В КОМАНДНЫЙ МОДУЛЬ СУДНА СПЕЦДОСТАВКИ ПОПЫТКОЙ ЗАХВАТА УПРАВЛЕНИЯ СУДНОМ. В РЕЗУЛЬТАТЕ ИМЕВШ МЕСТО ПЕРЕСТРЕЛКИ, ПОГИБЛО ТРИ ЧЛЕНА ЭКИПАЖА СУД СПЕЦДОСТАВКИ, РАНЕНО — ЧЕТВЕРО, ОБА ОБЪЕКТА ИНАКТИВИРОВА ЗА СЧЕТ СИЛЬНОГО ИХ ПОВРЕЖДЕНИЯ ДЕЙСТВИЕМ ОГНЕСТРЕЛЬН ОРУЖИЯ. ИНАКТИВАЦИЯ ОБЪЕКТОВ СОПРОВОЖДАЛАСЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНО БЫСТРЫМ ФЕРМЕНТАТИВНЫМ РАЗРУШЕНИЕМ. МН БЫЛИ ПРИНЯТЫ МЕРЫ К ЛИКВИДАЦИИ СЛОЖИВШЕЙСЯ ЧРЕЗВЫЧАЙ СИТУАЦИИ: ПРОИЗВЕДЕНА ЗАМЕНА УБИТЫХ И РАНЕННЫХ ЧЛЕФ ЭКИПАЖА ЧЛЕНАМИ ГРУППЫ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОРБИТ «ВНЕШНИЙ-3», ОБА ОБЪЕКТА, ВО ИЗБЕЖАНИЕ ДАЛЬНЕЙШЕ РАЗРУШЕНИЯ, ПОДВЕРГНУТЫ ФИКСАЦИИ СЖИЖЕННЫМ ГЕЛИЕМ. СУД СПЕЦДОСТАВКИ К ТОЧКЕ НАЗНАЧЕНИЯ СТАРТОВАЛО БЕЗ ОТКЛОНЕФ ОТ НАМЕЧЕННОГО ГРАФИКА. С ЧЛЕНОВ КОМАНДЫ СУДИ СПЕЦДОСТАВКИ МНОЮ ВЗЯТЫ ПОДПИСКИ О НЕРАЗГЛАШЕНИИ УРОВНЯ 4. ОБРАЩАЮ ВАШЕ ВНИМАНИЕ НА ТО, ЧТО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СВЯЗАНН

С АКТИВАЦИЕЙ ОБЪЕКТОВ, ПРОЛИВАЮТ ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СВЕТ ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СУД «ОРАНТА» И «НИКА» [СМ. «АННАЛЫ КОСМОЛЛОЙДА NN 3456 И 3490].

РЕКОМЕНДУЮ ПРИНЯТЬ МЕРЫ К НЕДОПУЩЕНИЮ ЧЛЕНОВ КОМАНД СУДНА СПЕЦДОСТАВКИ «КУРЬЕР-800» К ДЛИТЕЛЬНОМУ ПРЕБЫВАНИЮ НА ПОВЕРХНОСТИ ПРЕРИИ-2 В СВЯЗИ С ПОДДЕРЖАНИЕМ РЕЖИМА СЕКРЕТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ ПО ПРОЕКТУ «БОЛОТНЫЕ ОГНИ-2».

РЕЗИДЕНТ РЕЙДЕР БОРТ ОРБИТЕРА «ВНЕШНИЙ-3».

Ким слегка потряс головой. «Ферментативное разрушение»... Поехали дальше. Второй текст был резюме медико-биологической экспертизы:

ДИРЕКТОР ЦЕНТРА БИО-МЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ П. СЛУЖБЕ ВР ОБЪЕДИНЕННЫХ РЕСПУБЛИК ПРЕРИИ Д-Р МАТИАС ГИРШ ЛАНЦЕЛОТУ ПРОЕКТ: «БОЛОТНЫЕ ОГНИ-2» ТЕМА: ОБЪЕКТЫ «ИЗВНЕ ПРИРОДА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ НА ВАШ N Н-69/11 ОТ 20.09 СЕГО ГОДА» СООБЩАЮ: ОБА ОБЪЕКТА, ОБЪЕДИНЕННЫЕ В ЕДИНИЦУ ИЗУЧЕННЫЕ «ИЗВНЕ», ПО СВОИМ ИММУНОЛОГИЧЕСКИМ ХАРАКТЕРИСТИКАМ АМИНОКИСЛОТНОМУ СОСТАВУ НЕ МОГУТ БЫТЬ ОТНЕСЕНЫ К ОРГАНИЗМАМ ЗЕМНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ. АНАЛИЗ НУКЛЕОТИДНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЕЙ ТКАНЕЙ УКАЗАННЫХ ОБЪЕКТОВ И СУММАРНОГО НУКЛЕОТИДНОГО СОСТАВА НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ВОЗМОЖНЫМ ЗА ОТСУТСТВИЕМ В ОБЪЕКТАХ НУКЛЕИНОВЫХ КИСЛОТ МЕХАНО-АНАТОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЪЕКТОВ ПОЗВОЛЯЕТ ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ ИХ КАК СИЛЬНО РАЗРУШЕННЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ БИОРОБОТОВ, ОПИСАННОГО РАНЕЕ ТИПА [СМ. ОТЧЕТ ГРУППЫ РАБОТНИКОВ НОВИНСКОГО ПО ПРОЕКТУ «КЛЕЙМО»]. ИЗГОТОВЛЕНИЕ РОБОТОВ ПОДОБНОГО ТИПА ПРЕДПОЛАГАЕТ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЯДА ТЕХНОЛОГИЙ, НЕИЗВЕСТНЫХ НАУКЕ ОБИТАЕМОГО МИРА ПО СОСТОЯНИЮ НА ИСКОННОМ СЕГО ГОДА.

ВВИДУ ТОГО, ЧТО В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ РАЗНОУРОВНЕВНЫХ СТРУКТУР ИЗУЧАЕМЫХ ОБЪЕКТОВ ПРОЯВИЛ ТЕНДЕНЦИЮ УСКОРЕННОЙ РЕГЕНЕРАЦИИ И ДРУГИЕ ВИДЫ СПОНТАННОЙ АКТИВНОСТИ, ОБА ОБЪЕКТА БЫЛИ ПОЛНОСТЬЮ УНИЧТОЖЕНЫ МЕТОДОМ РАДИАЦИОННОЙ ДЕГРАДАЦИИ, СОГЛАСНО ИНСТРУКЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СБ А-455/67.

ПРОФ. М. ГИРШ БОРТ ОРБИТАЛЬНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СТАНЦИИ «ПАСТЕР-11».

Ким потер переносицу и украдкой посмотрел на строго взирающих на него майора Свирского и серетаря Азимова. Взял следующий листок.

— Это будет особо интересно для вас, — не выдержав эффектной загадочной паузы, уведомил его Свирский и сложил руки на груди — крест на крест. Ким поглядел на дату сообщения и ощутил неприятную немоту где-то внутри себя. Почти позабытое чувство.

ЦЕНТРУ ОТ МЕРЛИНА.

ПРОЕКТ: «БОЛОТНЫЕ ОГНИ-7» ТЕМА: ОБЪЕКТЫ К ОПОЗНАНИЮ
ВООРУЖЕННЫЙ ИНЦИДЕНТ НА КОСМИЧЕСКОМ ТРАНСПОРТНОМ СУДЕ
«САРАТОГА».

ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ К ОПОЗНАНИЮ ТРУПЫ ЛИЦ, ПОГИБШИХ В
ОЗНАЧЕННОМ В ТЕМЕ ИНЦИДЕНТЕ, ИДЕНТИФИЦИРОВАНЫ КАК:

ОБЪЕКТ N 1 — «БИОРОБОТ ВТОРОГО РОДА» ПО КЛАССИФИКАЦИИ
НОВИНСКОГО.

ОБЪЕКТ N 2 — «БИОРОБОТ ВТОРОГО РОДА» ПО КЛАССИФИКАЦИИ
НОВИНСКОГО. ЭКЗЕМПЛЯР СИЛЬНО ПОВРЕЖДЕН ОБЪЕКТ N 3 — ЧЕЛОВЕК
ОСОБЬ ЖЕНСКОГО ПОЛА, В ВОЗРАСТЕ 33–35 ЛЕТ. СООТВЕТСТВУЕТ
ОПИСАНИЮ В ПРИЛОЖЕННЫХ ДОКУМЕНТАХ НА ИМЯ АННЫ-ЛОТ
КРАМЕР, СОТРУДНИЦЫ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ДИПСЛУЖБЫ. ПОГИБЛА
ПЕРЕОХЛАЖДЕНИЯ.

ОБЪЕКТ N 5 — «БИОРОБОТ ВТОРОГО РОДА» ПО КЛАССИФИКАЦИИ
НОВИНСКОГО.

ОБЪЕКТ N 6 — «БИОРОБОТ ВТОРОГО РОДА» ПО КЛАССИФИКАЦИИ
НОВИНСКОГО. ЭКЗЕМПЛЯР ИМЕЕТ РЯД НЕТИПИЧНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК.

ОБЪЕКТ N 7 — «БИОРОБОТ ВТОРОГО РОДА» ПО КЛАССИФИКАЦИИ
НОВИНСКОГО.

ОБЪЕКТ N 8 — ЧЕЛОВЕК. ОСОБЬ МУЖСКОГО ПОЛА, В ВОЗРАСТЕ 45-
ЛЕТ. СООТВЕТСТВУЕТ ОПИСАНИЮ В ПРИЛОЖЕННЫХ ДОКУМЕНТАХ
ИМЯ РОДЖЕРА МАЙСКОГО, СТ. БОРТИНЖЕНЕРА КОСМИЧЕСКОГО
ТРАНСПОРТНОГО СУДА «САРАТОГА». ПОГИБ ОТ НОЖЕВОГО РАНЕНИЯ.

ОБЪЕКТ N 9 — ЧЕЛОВЕК. ОСОБЬ МУЖСКОГО ПОЛА, В ВОЗРАСТЕ
ЛЕТ. СООТВЕТСТВУЕТ ОПИСАНИЮ В ПРИЛОЖЕННЫХ ДОКУМЕНТАХ
ИМЯ ГАРСИА ХЕНОВЕСА — КАПИТАНА КОСМИЧЕСКОГО ТРАНСПОРТНОГО
СУДА «САРАТОГА». ПОГИБ ОТ НОЖЕВОГО РАНЕНИЯ.

ОБЪЕКТЫ NN 1,2,5,7 БЫЛИ ПОЛНОСТЬЮ УНИЧТОЖЕНЫ МЕТОДОМ
РАДИАЦИОННОЙ ДЕГРАДАЦИИ, СОГЛАСНО ИНСТРУКЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ
СБ А-455/67, ОБЪЕКТЫ NN 3,8,9 ПЕРЕДАНЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЕ
В СООТВЕТСТВИИ С РАСПОРЯЖЕНИЕМ Н-1650/30, ОБЪЕКТ N 6 ПЕРЕДАН
СЛУЖБЕ БИО-МЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦЕНТРА В СВЯЗИ
НАЛИЧИЕМ НЕТИПИЧНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И ИНСТРУКЦИЕЙ ЦЕНТРА
1990/8.

СПЕЦУПНОМОЧЕННЫЙ МЕЛРИН БОРТ СТАНЦИИ «ЧУР-6».

Ким помолчал. Майор был прав: для Кима этот документ был особо интересен. Он осторожно коснулся еле заметной отметки — той, что была у него на лице, пониже левой скулы. «Интересно, под каким бы номером проходил в этой шифровке я?» — подумал он с каким-то отрешенным любопытством. Потом взялся за последнюю распечатку. Ей еще и недели не исполнилось.

АГЕНТ ХАФИЗ — ЛАНЦЕЛОТУ ПРОЕКТ: «БОЛОТНЫЕ ОГНИ-9» ТЕМА:

РЕЙС ЧУР — ПРЕРИЯ-2, ВООРУЖЕННЫЙ ИНЦИДЕНТ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ РЕЙСОВОМ КОСМИЧЕСКОМ СУДНЕ «ДУНКАН» КЛАССА «ГОНЕ ШТАТНОГО ОСМОТРА ПЕРЕД НАЧАЛОМ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО МАНЕЕ ПОДГОТОВКИ К БРОСКУ «ТОЧКА 11200 — ОРБИТА ПРЕРИИ-2», СТАРПОМОМ ШОНОМ ДАННИНГОМ В ПЕРЕХОДНОМ ОТСЕКЕ, СОЕДИНЯЮЩ ПАССАЖИРСКИЙ И ГРУЗОВОЙ МОДУЛИ, БЫЛИ ОБНАРУЖЕНЫ ТЕ ЧЕТЫРЕХ ЛИЦ, НЕ ОЗНАЧЕННЫХ В СТАРТОВОЙ ВЕДОМОСТИ СУДНА, ПРИЗНАКОВ ЖИЗНИ. ТЕЛА НЕСУТ СЛЕДЫ НАСИЛЬСТВЕННО УМЕРЩВЛЕНИЯ, ПУТЕМ ПРИЧИНЕНИЯ РВАННЫХ РАН, СИЛЬ НАПОМИНАЮЩИХ ТАКОВЫЕ, НАНОСИМЫЕ КРУПНЫМИ ДИКИ ЖИВОТНЫМИ. ТАМ ЖЕ БЫЛО НАЙДЕНО ШЕСТЬ ЕДИН ОГНЕСТРЕЛЬНОГО (2 ЕД.) И ИМПУЛЬСНОГО (БЛАСТЕРЫ)(4 ЕД.) ОРУЖИ ПРОВЕДЕННОЕ МНОЙ РАССЛЕДОВАНИЕ ПОКАЗАЛО, ЧТО ПОГИБШ ПРИМЕНИЛИ В ХОДЕ СОБЫТИЙ, ПРИВЕДШИХ К ИХ СМЕР ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ И ИМПУЛЬСНОЕ (БЛАСТЕРЫ) ОРУЖИЕ, ВИДИМО ЦЕЛЯХ САМОЗАЩИТЫ. УСТАНОВЛЕНО, ЧТО НАЙДЕННЫЕ ПОГИБШ ЛИЦА ПРОНИКЛИ В ПЕРЕХОДНОЙ ОТСЕК ИЗ ГРУЗОВОГО МОДУЛЯ, И НАХОДИЛИСЬ С МОМЕНТА ОТПРАВЛЕНИЯ СУДНА С ОРБИТЫ ЧУ УСЛОВИЯ ГРУЗОВОГО МОДУЛЯ НЕ СОВМЕСТИМЫ С СОХРАНИ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ. НИКАКИХ СРЕДСТВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ПОДОБНЫХ УСЛОВИЯХ, В МОД НЕ ОБНАРУЖЕНО. ПРОВЕДЕННЫЕ МНОЮ ТЕСТЫ НОВИНСКОГО ПОКАЗ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТРУПОВ «БИОРОБОТАМ ВТОРОГО РОДА» КЛАССИФИКАЦИИ НОВИНСКОГО-КАРРЕРЫ. ПЕРЕВОЗИМЫЕ НА СУ ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ (ТРИ ЕДИНИЦЫ) ВОЗМОЖНОСТИ ВСТУПИТЬ КОНТАКТ С НАХОДИВШИМИСЯ В ПЕРЕХОДНОМ ОТСЕКЕ БИОРОБОТА НЕ ИМЕЛИ И СЛЕДОВ ТАКОГО КОНТАКТА НЕ НЕСУТ. СОГЛАСИ ИНСТРУКЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СБ А-455/67 БИОРОБОТЫ УНИЧТОЖЕ ПУТЕМ ПОМЕЩЕНИЯ В ТОК АНТИПЛАЗМЫ. СО СТАРПОМА ШС ДАННИНГА МНОЮ ВЗЯТА ПОДПИСКА О НЕРАЗГЛАШЕНИИ (ТРЕТЬЕ УРОВНЯ ДОПУСКА).

*АГЕНТ ХАФИЗ БОРТ РЕЙСОВОГО КОСМИЧЕСКОГО СУД
«ДУНКАН».*

Ким вернул распечатки Свирскому. Они помолчали немного.

— Мы были дьявольски близки к тому, что корабль, доставлявший Толле на Прерию, был захвачен Нелюдью... — как-то даже устало сказал майор в штатском. — И мы даже не знаем, что там произошло на самом деле. И что нас спасло... А вы — «нет оснований предполагать шпионаж...» От Кима явно ждали проявлений раскаяния в непредумышленном святотатстве. В этой партии мат ему ставили в два хода.

— Вы, оказывается, были не правы, когда говорили, что не было конкретных сигналов относительно угрозы Гостю, господин секретарь...

— Ким как можно более наивно воздел на хозяина кабинета недоуменный взгляд. — Если господин Свирский чем и недоволен, то это — прямой результат того, что он не

поставил н-а-с в известность о докладе э-э... Хафиза и сопутствующих обстоятельствах.

Полковник Ваальде в своем кресле переменял местами закинутые одна на другую ноги, дав понять, что оценил это н-а-с. Господин секретарь тоже оценил это. Неожиданная рокировка. Ферзь разблокирован.

— Полагаю, вы теперь не станете возражать, если мы заберем беспокойного господина Густавссона от вас в наше э-э... ведомство? — явно лишь для проформы спросил Свирский.

Он явно считал вопрос закрытым и не заметил, что зевнул ладью. На худой конец — «слона».

— Господин Густавссон пока не причинил мне больших беспокойств, — возразил Ким, начиная развивать атаку ходом пешки.

И пожертвовал, ради позиционного преимущества конем:

— Я не возражаю против совместной разработки этой фигуры... Если вы желаете побеседовать с Густавссоном конфиденциально, то...

— Вы не понимаете ситуации, — влез в поставленную ловушку майор. — Я забираю у вас Густавссона и его досье целиком. Извольте сообщить...

Тут то наконец Агент на Контракте и пошел ферзем.

— Прежде всего, — Ким неожиданно перешел на сухой тон юриста, — мне кажется, что мы по разному понимаем статус вашего э-э... покорного слуги. Мне предписано действовать с санкции Федерального Управления Расследований. А разведслужбы Объединенных Республик — при всем моем к ним уважении — структуры региональные. Проблемы же межцивилизационных отношений, на которые вы ссылаетесь, прямо курируются именно Управлением... В этой связи я имею право и на то, чтобы быть информированным в соответствии со своими полномочиями и на то, чтобы работать с заключенным по обвинению — напомню вам — именно федерального уровня...

Свирский переваривал эту мысль достаточно долго. А вот господин секретарь резко откинулся в своем кресле, словно это ему, а не майору достался прямой по носу. Для бюрократа своего уровня он был все-таки излишне эмоционален.

— Господин агент, пожалуй, прав... — примирительно обратился к нему Ваальде, поднимаясь с кресла и двигаясь к столу. — Аркадию Ивановичу, — он с укоризной глянул на Свирского, — следовало с самого начала держать представителя федеральных структур в курсе... Нас несколько э-э... отвлекло то, что господин Яснов включен в группу, занятую расследованием чисто криминального плана, и про остальные его м-м... обязанности мы забыли...

Мат, поставленный начинающим игроком из безнадежного положения коллегам из параллельных служб, явно доставлял ему удовольствие. Тем более, что, по идее, Ким был здесь, вообще говоря, целиком и полностью креатурой секретаря Азимова. Тот довольно быстро вспомнил про это обстоятельство.

— Пусть господин Яснов и продолжает работать с этим Густавссоном, раз он первым о нем догадался подумать, — тоном упрека проявившему нерасторопность майору сказал он. — О том, чтобы э-э... побеседовать с фигурантом в удобное для всех время, вы договоритесь в рабочем порядке... Вы свободны, господа. И постарайтесь как-то, все-таки, готовить вопросы, с которыми выходите наверх. Чтобы не тратить зря время — свое и чужое...

Майор пробкой вылетел из кабинета, и Ким грустно подумал, что легче ему жизнь этот товарищ по работе не сделает. Сам он задержался, чтобы задать господину секретарю

небольшой вопрос. А точнее — для того, чтобы избежать пребывания в одной кабине лифта с расстроенным Аркадием Ивановичем.

— Извините, — откашлялся он. — Что известно о Гопнике?

— Ничего, — сухо ответил господин секретарь. — В дальнейшем, с этим обращайтесь к капитану Завальне. Этим он занимается. На вечернем совещании — ваше с Роше сообщение о состоянии дел.

Ким оставил больших начальников вдвоем — разбирать партию — и позволил себе впасть в задумчивость, благо, лифт тащил его через громаду Объединенных министерств минут шесть.

Грошовые победы в административных играх — при нуле реальных результатов — радости ему никогда не доставляли. Его чувства сейчас, вообще, не имели отношения к радости. Прочитанное на шероховатых листках распечаток вызвало у него совсем другое — жутковатое — чувство, похожее на ощущение прикосновения к всплывшей из темных глубин заколдованной воды твари — к осьминогу или, вообще, к чему-то из страшного сна. Такое только несколько раз посещало его в жизни и проходило мимо, оставляя в душе какую-то детскую тоску и чувство совершенной — и не понятой — ошибки. Словно не смог найти места назначенной встречи. Человек логики и закона, подданный приказов и постановлений, он вдруг с необычайной ясностью увидел, как бессильно и ненужно все это косноязычное бормотание о зашифрованных объектах и секретных инструкциях. Это не имело отношения к делу. Человеческий опыт, вообще, не имел к этому никакого отношения.

Комиссар с досадой подумал, что кроме полудюжины чашек кофе, наскоро перехваченных в разных местах города и отвратительных по сути своей, да еще пары глотков белого и пригоршни чипсов, у него с утра и маковой росинки во рту не было. Он энергично завозился на сидении служебного кара и кивнул Сэму Филдингу, сгорбившемуся за рулем с наушником в комично оттопыренном ухе. В данном случае кивок значил: «Ну что там?»

Сэм пожал плечами.

— Два раза объект заворачивал в будки системы связи и болтал подолгу. Разговоры — у нас на регистраторе. Потом зашел на Пушкина двенадцать — там живет Баню Костандов, знаете такого — с матерью и с уймой собачек. Там у них что-то вроде перевалочного пункта. Баню дома не было, поболтал со старушкой и убыл в галерею Блауштейна. Там и болтается до сих пор. Кого-то ждет и, похоже, уже начинает нервничать.

— А что там у Мариуса? — без особой надежды услышать что-либо интересное осведомился Роше.

— Ни Пайпера, ни его компаньона по местам проживания нет. Помещение фирмы пусто и заперто. Ключи хозяева оставили гардъену из «Оберега».

Это — такая мелкая охранная фирма. Обслуживает пару кварталов в том районе. Ничего необычного в этом гардъен не видит — время летнего отдыха... У Мариуса такое впечатление, что вокруг помещения крутятся еще какие-то любопытные. Он просил разрешения поторчать там еще часа три-четыре... Потом хочет зайти внутрь — если будет ордер... Я не стал возражать. У Мариуса — нюх...

Несколько секунд Роше озадаченно посапывал, прислушиваясь к своему внутреннему голосу. Этому голосу он привык подчиняться, даже когда тот городил несусветную чушь.

Вот и в этот раз он вздохнул и взялся за ручку дверцы кара.

— Кто там «водит» Лео по галерее? Джон? Пусть отвлечется и сходит за гамбургерами.

И за пивом — пора и перекусить по-человечески. А я — пойду-ка подменю его. Пора размяться немного...

Филдинг не стал возражать — если шефу, чья физиономия и — главным образом — шляпа известны аж уж за пределами Прерии, взбрело в голову самому заняться «наружкой», значит — так надо, каким бы идиотством это ни казалось... Он уже привык к подобному за шесть лет работы с мсье Жаном.

Глава 5

ВКУС СВОБОДЫ

— Садитесь... Да не вибрируйте вы так... — Комски потянулся к шкафчику бара. — Постарайтесь верно оценить свое место на этом свете... Ну, хотя бы для того, чтобы подольше на нем задержаться.

Вот — проглотите рюмочку текилы...

Гонсало нервически заглянул под предложенное ему кресло и устроился на нем, подобрав под себя ноги в коротковатых ему брюках.

Принял из рук Комски керамический, расписной стаканчик со спиртным, с подозрением понюхал и залпом опрокинул в себя. Несмотря на то, что явочная квартира на Хороводных Линиях, куда его, в конечном счете, доставил помощник господина Саррота, была обставлена не хуже средней руки гостиничного номера и время было, как-никак, летнее, было ему зябко и неуютно.

— Теперь вы еще раз продиктуете мне — в этот вот диктофон вашу историю и ответите на мои вопросы...

— Мы делаем это уже третий раз, Господин Комски... — Гонсало раздраженно дернул щекой. В конце концов, или вы доверяете мне, или...

— Лучше вам не заводить здесь речь о всяких или... — жестяным голосом посоветовал ему не слишком радушный хозяин.

Он еще раз окинул Гонсало недоуменно-презрительным взглядом и, морщась, добавил:

— Мы не первый раз имеем с вами дело, господин Гопник... И я, право, был о вас куда более высокого мнения. Как это вы додумались самостоятельно ввязаться в историю, в которой отчетливо виден интерес нашей конторы? И не только наш интерес. Вы должны были четко представлять в какие жернова сунулись... И, тем не менее, — полезли!

Комски высоко поднял плечи.

Гонсало прямо-таки взвился в своем кресле.

— Да сколько же я могу объяснять вам, что я об этом Толле понятия не имел?! Что мне все эти проблемы с Чуром и с гравитационным оружием не больше сдались, чем чирей в заднице?! Что это двое: Мепистоппель и второй идиот — что с ним на пару чудит — сдуру этого мужика с Чура сцапали. Они даже имени его узнать не удосужились. И уж со мной советоваться и не подумали... Так... буквально, что называется, накануне Мепистоппель провентилировал со мной этот вопрос — полунамеками всякими и присказками... Я и в уме не имел, что они ТАКОЕ отмочат...

— Вы хотите сказать, что вы ни Ти-Ви не смотрите, ни новостей не слушаете, и о Торвальде Толле узнали только от людей Магира? — вопросительно заломил бровь Комски.

— Вот что вы хорошо умеете, Альфред — так это по сто раз спрашивать человека про одно и то же!.. — с досадой констатировал Гопник. — Слышал я этот звон! Хотя, признаться, имею привычку нафиг вырубать программу, как только по ней начинают очередной раз гнать политику. Вы слышали про такую вещь как идиосинкразия? Так вот насчет политики: у меня она к ней!.. И рожу этого Толле ни разу не рассматривал и запомнить не старался! И не пидор я, кстати, чтобы на мужиков засматриваться, и Толле ваш — не кинозвезда! Неинтересен он мне! Был... Но, как-никак — в курсе дела я нахожусь все-таки... Новости по утрам слушаю — пополам с музыкой. И когда от бандита этого — от

Кукиша, если не ошибаюсь — услышал о ком речь идет, так у меня мозги в трубочку свернулись от ужаса — поверьте!

— Вот и хорошо, — сделал несколько неожиданное умозаключение Комски. — Значит, в отношении своих м-м... компаньонов вы теперь — после такой подставки — никаких моральных обязательств не чувствуете?

Гонсало заколдовался.

— Мне вовсе не улыбается, Альфред... — тут он судорожно, как-то по-детски, шмыгнув носом. — Пойми меня правильно, Альфред, но мне вовсе не улыбается перспектива быть втянутым в мокрое дело... Конечно — Фюнф и его компаньон крепко подставили меня, но мне вовсе не хочется иметь этих ребят раньше срока в могиле...

— О какой могиле речь? — благодушно осведомился Комски. — Успокойтесь, возьмите себя в руки... Лучше вот что — выпейте-ка чашечку кофе и подкрепитесь. Вам долгое э-э... купание явно не пошло на пользу... Заодно и переоденьтесь — не стоит болтаться по городу в таком э-э... неподобающем наряде, даже Большой Ночью. Вы в таком виде запоминаетесь даже в темноте...

Он широкими шагами пересек комнату и вышел в соседнюю. Требовательно протянул руку. Парень в очках, колдовавший за столом, смахивающим на лабораторный, тут же, не говоря ни слова, подал ему пакет и подносик с дымящейся чашкой кофе и румяным рогаликом на кипейно-белой салфетке. Комски молча кивнул и вернулся к озабоченно копошившемуся в кресле Гонсало.

— Закусывайте, адвокат, — с чуть заметной иронией предложил он. — И давайте, все-таки, прокрутим вашу версию событий еще раз — в неформальной, так сказать, обстановке... А потом — наденете вот это...

Он достал из пакета свитер и полуспортивного вида костюм. Повесил на спинку свободного стула и вытряхнул на сиденье всякую мелочь — носки, платок, расческу...

— Меня все-таки волнует, что вы собираетесь предпринять...

Гонсало равнодушно глянул на кофе, отхлебнул глоток и закусил рогаликом:

— Как вы поступите с моими партнерами?

— Собственно, это вы вы с ними поступите... — все так же благодушно продолжил Комски, устраиваясь в кресле напротив. — Никто не собирается устраивать побоище. Обратите внимание — мы ни слова не спросили о том, где же вы все-таки достали сухую одежду... У каких-то знакомых — пусть будет так... Обратите внимание — мы даже не спрашиваем, где ваши приятели прячут товар...

Он уверенным движением раскрыл лежащий перед ним бювар, взял роскошный электрокарандаш.

— Да вот этого я и сам не знаю... — картинно пожал плечами Гонсало.

— Не знаете... — задумчиво протянул Комски. — Охотно верю. Но выход на контакт с компаньонами у вас есть...

— Я вам сам это сказал двадцать минут назад! — уже со злостью в голосе подтвердил Гонсало. — И не собирался делать из этого никакого секрета. Мне Мепистоппель свои координаты должен оставить. В тайнике. Вы хотите, чтобы я вам его продал? Этот выход? Я так понимаю ситуацию?

— Просто вы пойдете вместе со мной и снимите информацию с тайника, а затем направитесь к своим э-э... друзьям и доходчиво объясните им, что нашли других покупателей на тот товар, что они предлагали властям. Ваш процент остается при вас. От

себя мы добавим вам десяток тысяч — федеральными кредитками — в качестве м-м... компенсации моральных издержек. А сейчас, — Комски помахал в воздухе электронной кредиткой, — получите под текущие расходы соответствующее обеспечение.

— Мне не десяток штук федеральной капусты надо, Альфред... — Гонсало сглотнул еще кофе и с сомнением уставился на чашку. Потом перевел взгляд на рогалик. Снова уставился на чашку. — Мне не это нужно... Хотя я от денег не отказываюсь... Мне с планетки этой смываться пора... С Магиром я — считай поссорился... Слушайте, то ли кофе у вас не того, то ли булочка... Вкус какой-то... Металлический что-ли?... Вы со мной мудрить надумали, Комски?

— Бросьте, Гонсало! — без малейшей фальши в голосе воскликнул Альфред. — Это у вас после оксидара вкус изменен, наверное... Если бы мы хотели вас отправить на тот свет, мы это сделали бы проще. Да и яды в наше время не имеют ни вкуса, ни запаха...

— Яды, говорите? — недоверчиво пробормотал Гонсало, принохиваясь к остаткам рогалика. — А не допросик ли под химией вы тут мне устраиваете?

— Вот что, — Комски резко захлопнул открытый было бювар. — Черт с вами и вашей подозрительностью! Беру ответственность на себя! Не стану вам морочить голову третий раз — еще успеется. Тем более, что вы сами говорите, что время дорого. Билет до Форда-П получите вместе с гонораром и с документами на какое-нибудь подходящее имя...

Он кинул кредитную карточку к наваленной на сиденье стула одежной мелочи.

— Забирайте деньги, одевайтесь и — марш на задание! Ждите меня в машине. А как только заберем новый адрес ваших компаньонов, вас отвезут в город и высадят, где скажете. Выходите на своих прохиндеев и немедленно — подчеркиваю — немедленно связывайтесь со мной. Надеюсь, еще не забыли как. Господи, да не мнитесь вы как красна девица — снимайте ваши шутовские панталоны, я отвернусь... Так вот — в любом случае, если до двадцати ноль-ноль вы не дадите о себе знать, то мы считаем эту ставку битой, а вас числим покойником или перебежчиком. В соответствии с чем и действуем. Господи, да скоро вы натяните свои шмотки?

— Не свои, а ваши... — раздраженно парировал Гопник. — Тоже, нашли мне гардеробчик... Я, собственно, готов...

— Марк! — кликнул Комски мрачного парня из прихожей. — Проводишь господина в кар и подождешь, пока я спущусь к вам.

Парень, не меняя выражения лица, подхватил Гонсало под локоть. Когда дверь за ними закрылась, Комски надавил кнопку на поверхности стола. Из соседней комнаты послушно появился очкастый специалист. Комски кивнул на остатки рогалика и недопитый кофе.

— Объект проглотил достаточно? Кстати — вкус у него вызвал подозрение...

— Вполне достаточно. А вкус — недоработка основного изделия. Мы знаем, но пока приходится работать вот так...

Комски поморщился.

— Врубайте аппаратуру, — распорядился он.

Продолжим хулиганить, — сказал себе Ким и отстучал на клавиатуре своего ноутбука: Энни Чанг. Потом выбрал из меню, всплывшего на экране: Резюме и Сведения о местонахождении на данный момент.

У него было ощущение, что делает он что-то запретное. Это так и было по сути дела. Он намеревался предпринять нечто, здесь, на Прерии, почитаемое кошунством: собирался

заполучить информацию конфиденциального характера от представителя независимой прессы.

На экране монитора возникло симпатичное, почти детское личико молоденькой китаянки, которое он только что видел на экране Ти-Ви в неуспевшей еще окончиться программе новостей. Ким тяжело вздохнул: по своему опыту он знал, что именно такие вот молоденькие девушки с детскими личиками и железной деловой хваткой — самый тяжелый материал для разработки.

В том, что в официальной санкции на такие следственные действия ему будет отказано, он не сомневался. Скорее уж люди полковника Ваальде или кто-нибудь из порученцев господина секретаря в глубокой тайне уконтрапупят милое создание по маковке и уволокут в тайные подземелья на допрос третьей степени, чем осмеляться выдать себя официально санкционированной слежкой или пошлют собственному корреспонденту ГН повестку с вызовом для дачи показаний. Поэтому Ким и не стал запрашивать санкцию ни у господина секретаря, ни у кого бы то ни было...

Он считал с дисплея данные о возрасте, поле, этнической принадлежности, стаже работы, номере страховки и месте постоянного жительства Энни и не нашел в них решительно ничего неожиданного. Не было для него неожиданностью и подверстанное к резюме постановление Его Превосходительства Президента Комиссии по вопросам гражданства о прекращении действия визы госпожи Чанг на проживание в Объединенных Республиках в связи с публикацией некорректных в этическом отношении материалов, бросающих тень на политику Народного Правительства и Президента.

Для следствия это было равносильно вето на любые посягательства в отношении тоненькой китаянки. Обиженный Президентом на Прерии неприкасаем. Нарушивший табу будет изгнан в отставку совместными действиями всех СМИ, какие только сыщутся на планете и окрест. Между первой и четвертой властями на Прерии шла непримиримая война. Его Превосходительство и без того напоминал Киму медведя, орудующего в посудной лавке, но то, что политическая неуклюжесть правителя одного из окраинных Миров станет препятствием для его собственного расследования было для него досадной новацией.

Что касается местонахождения собственного корреспондента ГН в настоящий момент, то в своей квартире (она же — коррпункт ГН в столице Объединенных Республик) ее самым определенным образом не было. Ким запросил данные о наличии у мисс Чанг индивидуальных средств передвижения и о регистрационном номере таковым присвоенном, получил номер редакционного кара и поставил его на отслеживание центральным компьютером Полицейского Управления. Потом ввел в компьютер еще несколько постоянно повторяемых запросов по тому же объекту. После чего откинулся в кресле и попробовал сосредоточиться. Содеянное начинало тянуть на некое злоупотребление — будь он полицейским чиновником. Но он им не был. В этом и состояло эфемерное преимущество пребывания в шкуре Агента на Контракте.

И все равно: ох и дадут же мне по шапке... — подумал он.

— Чего приуныл, песик? — осведомился тип в рваной шляпе — из тех, что мсье Роше именовал клошарами, а остальной народ Прерии — бомжами — и сочувственно уставился на пристроившегося на травке запущенного газона Харра. — Это просто поразительно, — добавил он, — такая роскошная псина — и без ошейника! Тебя, что, хозяйева бросили, песик?

От клошара пахло воровством и Харр скомандовал ему: Забудь! Нет никакого песика!

Клошар тут же отвернулся в сторону и побрел вдоль берега, бормоча что-то себе под нос.

Все кому не лень приставали к Харру, мешая сосредоточиться. В этой, насыщенной всеми мыслимыми сигналами среде уловить след Подопечного казалось невозможным.

Безответственный же Тор и не пытался сигналить — видно, не чувствовал себя в беде. Харр не уставал корить себя — вот так запустишь Подопечного еще мальчишкой, пойдешь на поводу у его капризов — вроде этих баловств с пространством и временем — и вот теперь, мучайся с ним всю жизнь.

Правда, в Стае Харра ценили — он, как-никак, вырастил отличного Оружейника и присматривал за ним неплохо, но кто бы знал, каких страданий это Харру стоило! Вроде вот этого теперешнего фокуса. Мальчик решил погулять самостоятельно. На чужой планете, где даже псы опустились до бродяжничества... А ведь где-то здесь — теперь Харр знал это точно — Тора подстерегали ТЕ...

Оставался только зов — непонятный, но настоятельный. Он, безусловно, как-то велк Тору, но как — было вконец непонятно. На этой жуткой планете способность Харра заглядывать в будущее только мешала — в будущем читалась только какая-то чушь. И вообще, все привычные навыки здесь сбились. У реки, из которой Харр наконец-то напился сравнительно чистой воды, ему почти удалось завести дружбу со здешними детьми — дети всегда более надежный материал, чем взрослые — тем более такие взрослые, как здесь, на Прерии. Один из этих дурней и испортил все дело — надумал заманить Харра в примитивную, дурацкую ловушку. Пришлось попугать его... И дети разбежались. Харр понимал, что в гостях в чужом Мире не стоило бы обижать здешних хозяев, но вот — пришлось...

Господи, что это был за народ!

Они только и заняты были тем, что спали. Кажется, на это у них уходило не менее трети времени, отпущенного Судьбой. А те, кто не спал то и дело были пьяны — Харр не поверил этому сначала, но это было так: здешние люди, оказывается, вместо того, чтобы с пользой сжигать алкоголь еще в кишках, разрешали ему и еще тому, что из него получается, войти в мозг — и, естественно, впадали в транс, в котором от них решительно ничего нельзя было добиться, кроме Пшла вон, собачка! Ух, какая ты вымахала...

И еще — в это уж не верилось совсем — никто здесь не мог чувствовать машины. Да что чувствовать — они даже обычный импульс — слабенький рабочий импульс! — в микросхеме не могли навести. На его — Харра — глазах тип из тех, что здесь именуют полицейскими так и не справился с засбоившей схемой запуска движка в своем каре — да и не пытался справиться: вызвал по радио ремонтников и пошлепал куда-то пешком... Харр не удержался, потратил минуты две, чтобы с противоположной стороны улицы запустить ему движок и направить кар следом за бестолковым хозяином...

Это, конечно, было уже озорство — от Тора. С кем поведешься, от того и наберешься... Харр виновато вздохнул, вспомнив об этом.

Надо было срочно найти детей. Но их, похоже, всех загнали в дома — здесь не любили темноту. Оставалось надеяться на своего брата — пса. И хватит выискивать среди них умников, — твердо решил Харр. Надо организацией поисков Подопечного охватить массы...

Харр неторопливо двинулся вдоль лабиринта каналов, прихотливо рассекавших громадный и бестолковый город, а по пути принялся цеплять всякое четвероногое, из тех, что с пустыми или заполненными голодной хитростью мозгами пробегали мимо. Если,

конечно, это четвероногое не было кошкой!

О, кош-ш-шки! Здесь их была тьма. Прямо в городе! Гневу Харра не было предела. Или эти опустившиеся дурни, что населяли этот вздорный Мир, напрочь забыли про историю Сумеречных Стай? Или они, вообще, не слышали о том, на что способно это отродье тьмы? Так или иначе, но бесстыдные твари встречались ему на пути возмутительно часто. Пришлось принять к ним меры — больше для острастки, чем всерьез, но — крику-то!.. Но — драной шерсти, клочьями!.. Это мешало. Кош-ш-шки! Гм...

На счастье, подцепленный Харром на бегу потягивающий сброд начал распугивать со своего пути всех представителей проклятого рода кошачьих, да и не только их. Чтобы не привлекать излишнего внимания, Харр разделил образовавшуюся ораву на потоки и пустил их параллельными улицами, рискуя утратить контроль над ситуацией.

Это еще не было Стаей. До Стаи было далеко. Орава! Эх, эту пеструю шантрапу бы — да в бросок через ядерную плешь... А потом — форсировать водную, скажем, преграду. А потом — взаимная дезактивация, помывка и — всех накормить... Да — накормить ораву надо прежде всего. С форсированием плешей и преград — подождем, их что-то не попадает, а вот накормить надо. И потом — инструктаж...

Свое дело Харр знал.

— Это Тихоня... — доложил Рамону человек, одетый строго, как солидный банкир.

На заднем сидении огромного, как катафалк Ройял Флайта, он занимал почетное место — по правую руку от самого Магира — место Советника. Сам Флайт неспешно скользил по рассекающей окраины столицы скоростной трассе. Огни города расплывались в пелене мелкого дождя. Низкие придорожные фонари заливали мокрое полотно призрачным, мертвенным светом. Шли почти самые скверные часы Большой Ночи — часы Мокрой Тьмы.

— Вы возьмете трубку? — вежливо привлек внимание шефа его Советник. — Он, по моему, очень взволнован тем, что наболтала в новостях эта косоглазая... Она не назвала имен, но говорит, что ей стали известны участники переговоров о выкупе...

— Я не собираюсь утирать ему сопли, Конрад...

Рамон помассировал веки.

— Скажите, пусть ждет инструкций. Я подошлю к нему Гурама... И не надо больше звонков...

Конрад брезгливо отдал в трубку несколько распоряжений и отключил аппарат. Повернулся к шефу.

— Вы думаете, что нам пора э-э... проститься с Тихоней? На ложную тревогу это не похоже...

Рамон дернул щекой.

— Я всегда учил вас, что проблемы надо решать в комплексе...

Конрад принял понимающий вид, но мудро не стал перебивать мысль шефа.

— Эта девка не могла заполучить информацию ни от кого, кроме Седого Гонсало... — продолжил тот. — Значит тот жив и болтается на свободе... Не думаю, что он подарил косоглазой сенсационную новость за ее прелести... И, значит, располагает какой-то суммой... Старая сволочь вывернулась... Пока...

— Вы считаете, что главное это — найти Седого?...

— Главное — это найти Тора Толле... — поморщился Рамон. — Все остальное — вторично. Так — работа по устранению помех... Сейчас главную помеху зовут Энни Чанг...

С поисками Гонсало справится Кукиш. Сам напортачил — сам, пусть, и исправляет...

— Вы думаете, надо поработать с косоглазой? — уточнил Конрад.

— Ее надо убрать — только и всего. — резко отрубил Магир. — Это заставит всю журналистскую братию держаться подальше от этой истории... Они такие намеки хорошо понимают. И если Гонсало или кто-то другой пожелает продать еще немного информации, то покупателей не найдет.

Ни на этом свете, ни на том... Он станет просто зачумленным. По большому счету, даже люди Президента это одобряют. Эта зараза у него самого сидит в печенках... И огласка делишек с Чуром им тоже не к чему...

— Подготовить э-э... снайпера? — деловито осведомился Конрад. — Или...

— Или, дорогой, или... — Магир неприязненно улыбнулся и откинул крышку массивного портсигара.

Выбрал тонкую сигарету. Рубиновая монограмма полыхнула на золоте. Конрад торопливо щелкнул зажигалкой.

— Я же сказал, что проблемы надо решать комплексно... — Рамон проследил за причудливым, тонким локоном табачного дыма. — Акцию поручим именно самому Тихоне... Главное в том, что мы этим здорово подставим госбезопасность и господ судейских. А Тихоня... Он все равно потерян для нас — если девка не блефует... А люди из Гэлэкси не блефуют... Ну а его самого на месте действия ликвидирует кто-нибудь из наших выдвиженцев... Среди младших чинов в городской жандармерии найдется парень посмышленее?

Конрад секунд на десять прикрыл глаза, перебирая в памяти кандидатуры.

— Конечно найдется... Кроне-младший, например... Да, Манфред Кроне...

— Теперь вы поняли, что значит решать проблему комплексно? — осведомился Рамон.

Скорость кара упала. Очертания ночного пейзажа вдоль дороги стали различимы. Машина плыла через загородный зеленый массив. Иногда сквозь щели просек проглядывал еле заметный блеск речной глади или редких небольших озер. В глубине заброшенного с виду лесопарка, подальше от шоссе, изредка светились окна старинных — еще первыми поколениями переселенцев построенных — особняков. В таких местах водятся призраки. И оборотни.

— Вот и хорошо... — Рамон чуть заметным жестом показал, где следует парковать машину. — Вы поняли в каком духе инструктировать Гурама. И скажите, что время не ждет...

— Старый Дом, — доложил водитель.

Конрад торопливо вышел и забежал сбоку — помочь шефу выйти из салона. Мелкий, но отменно противный дождь сеялся с затянутого низкими облаками небосклона. Дом был темен и — с виду — холоден и пуст. Советник поежился. Нехорошее это было место. Скверное место в скверный час...

— Ждите меня здесь... — распорядился шеф. — В Старый Дом я всегда хожу один...

Странно, но накормить ораву подопечных — голодных, полунемых, бестолковых и шелудивых — оказалось делом нелегким в этом огромном, пропахшем жратвой городе. Да не только пропахшем — заваленном ею.

Псарней и Пещер Псов здесь, похоже, попросту не было! Никто и нигде и не думал по-настоящему кормить собак! Разве что какие-то добродушные чудаки и ни на что не похожие

бродяги на набережных прикармливали из рук своих любимцев — глуповатых и жирных, словно отобранные на убой поросята. Придумать что-либо отвратительнее этого было трудно. Но — возможно. Были, оказывается еще и дошедшие до предела падения, ни на что уже вконец негодные твари, которых признать собаками, значило самому окончательно сдуреть. Они рылись в помойных кучах — объектах ранее Харру в жизни не встречавшихся, но мерзких — они подбирали и жрали объедки... Они дрались из-за них!!

Вообще-то, как отметил Харр, здешние жители, добравшись до еды, относились к ней безо всякого уважения. Чуть ли не каждый второй не доедал до конца наваленную ему в тарелку или неведомо куда влекомую им в цветастом пакетике снедь. Куда там! Еда летела под ноги — размазанная по упаковке, еду ссыпали в мусорные бачки — самое странное изобретение, с которым пришлось столкнуться Харру в этом страннейшем из Миров. Еду отправляли в мусоросжигательные печи и в ферментеры на задворках столовых, кафе и ресторанчиков. Короче — еды здесь хватало. Можно сказать, она была здесь в изобилии. Но как только дело касалось сколько-нибудь существенных запасов съестного — тут, без всякой логики и смысла, обитатели Прерии-II становились чудовищно скупы! Тут — совсем как на родном, вечноголодном Чуре — в ход шли каменные лобазы, кованные двери и стальные запоры. Даже ту еду, которая была выставлена для всеобщего пользования, охраняли тщательно и с каким-то садистским рвением. Распакованная пища — словно назло всем видом упаковки своей, расписанной привлекательными картинками и многочисленными символами и надписями — была запихнута в недра стальных ящиков и появлялась из них лишь когда очередной потребитель совал в щель опознающего устройства примитивную, но удивительно плохочитаемую на расстоянии микросхемку. Они все были запечатаны в одинаковые, правда, по-разному разрисованные, прямоугольнички из очень прочной, да еще металлизированной пластмассы. Иногда в местах раздачи едыва происходил и вовсе какой-то странный обмен: получатели пищи отдавали взамен на упаковочки корма просто бумагу. Правда тоже весьма искусно изрисованную.

Все это было очень неудачно придумано: никакого реального способа заполучить запас еды хотя бы для одноразовой кормежки своего отряда Харру почти не представлялось возможным.

Нет, была, конечно, возможность, допустим, отогнать людей от столов в какой-нибудь из достаточно больших по площади обжорок, ну, например, в той, которую они называли между собой Савой или в другой — Метрополь. На столах бы осталось достаточно еды, и качество его еще туда-сюда сошло бы для такого непотребного контингента, каким была Орава, но... Или вот — можно было бы завладеть достаточным количеством менового материала, желательно расписной бумаги: с пластиковыми штучками — он заметил — было сложнее, и устроить торг. В некотором смысле это было бы даже легче — Харр уже присмотрел места где меновой дряни было много, а людей — мало. Но... Нет! Затевать войну с хозяевами этого Мира — пусть даже тупыми как пробки и допустившими полное вырождение своих Псов, Харр не мог. Об этом его предупреждал Подопечный. Так решила Стая — еще там, на Чуре. Да и небезопасно было это. У здешних увальней было оружие. Они не умели им толком пользоваться, но их было много — и увальней этих и оружия у них... Нет. Этот вариант не проходил.

Значит, надо было распаковать один из расставленных повсюду ящиков для автоматической раздачи корма. В конце-концов, электроника их имела не слишком сложную ауру и можно было войти в нее. Конечно это будет посложнее, чем запустить на

расстоянии схему зажигания примитивного движка, но попробовать стоило. Надо было только отыскать ящик попроще — может, поломанный — да расположенный в местечке потише... Харр предвидел, что его действия могут порядком обеспокоить здешний люд. А уж когда набежит Орава — отключить внимание большого количества людей будет трудно. Пожалуй — невозможно. Тогда кормежке могут помешать.

Второй трудностью было то, что Орава осмелела и, теперь, вдохновившись его — Харра — решительностью, стала проявлять излишнюю самостоятельность — побрехивать на служителей порядка, покусывать оказавшихся на пути зазевавшихся чудаков и загонять на верхотуру представителей и представительниц мерзкого кошачьего племени.

Против последнего Харр не особенно возражал, но все это вместе взятое начинало напоминать стихийный и неуправляемый процесс. Все это было не к добру. Еще немного — понял Харр — и сам собой реализуется тот самый — нежелательный, силовой вариант добычи пищи. Пора была принимать меры.

Харр пустил Ораву двумя потоками по параллельным улицам, а сам устремился в низко расположенную тихую часть города. Здесь ящики с кормом встречались реже, но были они более старые, изношенные, были они попроще... И почти тут же ему попало то, что нужно — расшатанная, глючащая микросхема, под управлением которой находился — полупустой, правда, но зато огромных размеров ящик со стерильным мясом и с устройством для его разогрева токами сверхвысокой частоты — прямо перед раздачей. При ящике был сделан навес, под навесом — расставлены столы и стулья. Были там и другие ящики-кормушки, но не с мясом, а со всякой сладкой ерундой — жидкой, твердой, в виде пасты... Да ну ее!..

Большого труда стоило заставить разбитую на два отряда Ораву ждать. Пришлось поднапрячься. Проще было встревожить — скулежем на неслышный их уху, но проникающей до селезенок частоте — ту неполную полудюжину пришедших на корм и водопой местных жителей. Они стали быстро расходиться — оставляя по своему мерзкому обычаю недоеденную еду прямо в тарелках на усмотрение корявого сервировочного робота — глупого, как пробка. Скоро навес опустел. Справившись с этим, Харр начал сужающимися кругами приближаться к ящику — наводить на него свою статику, свое поле...

И вот уже близок был момент, когда вконец задавленная микросхема должна была зафурычить и заставить подчиненный ей ящик начать метать прямо на мостовую — одну за другой разогретые упаковки аппетитного корма. В ближайших подворотнях голодным огнем разгорались десятки пар глаз бестолковых псин — ничего не понимающих в происходящем, но нутром чувявших, что Харр вот-вот наколдует им пир.

Как вдруг...

Как вдруг — нет, такого прокола Харр не предвидел — из переулка вывернул плотно набитый пластиковыми контейнерами с еdivом грузовичок-автомат и деловито, шустро так, стал встык с дурацким — уже наполовину раскрученным — ящиком. Из грузовичка лениво вылез низенький, плоховато бритый мужичок — наверное, дежурный техник — и позевывая принялся наблюдать за работой вверенной ему автоматики. Происходила штатная перезаправка торгового автомата.

Замки щелкнули, крышки автомата сдвинулись, пахнуло едой.

Орава взвыла и ринулась — колдовство свершилось!!!

Харр остолбенел.

Все произошло молниеносно: воющий, рыже-пегий самум закрутился вокруг грузовичка. Техник еле успел махнуть на крышу фургончика. В воздух полетели ключья

парного стерилизованного фарша. Острые зубы хватали его на лету. Урчание и остервенелый лай заполнили воздух. Редкие прохожие шарахнулись по подъездам. Оттуда им навстречу — прямо под ноги — попер арьергард Харрова воинства — облезлый и шелудивый.

Господи, а эти-то откуда?! — так примерно можно было выразить человеческим языком то, что подумал Харр. — На марше пристали, что ли?

Одновременно работал сигнал тревоги кафе-автомата, сирена вызова полиции на грузовичке и голосили прибывающие на шум зеваки. Начиналась паника. Хорошая — по первому разряду паника. Уже и дежурная истеричка грохнулась в обморок и предусмотренный сценарием любого подобного спектакля крутой мужик с ружьем лез в первые ряды из ничего возникшей толпы.

Надо уходить! — решил Харр и выпустил Большой Страх.

Люди заорали в голос. Орава понеслась. Самые голодные не выпускали добычу из зубов и гирлянды сосисок бороздили мостовую за ними. Вмиг перекресток Цепной и Ухарской опустел.

Харр потрусил вслед за своими дурнями. Нахулиганившими, но зато — сытыми. По дороге он пытался представить себе последствия случившегося для своего Подопечного. Ничего хорошего явно не предвиделось. Разве что авторитета эта история ему прибавила. Что могло облегчить поиски.

Вдалеке завывли сирены полицейских каров.

— Вам удалось выспаться? — поинтересовался Ким у Пера, который, выходя из ванной, поприветствовал его помахиванием конца махрового полотенца. — Я вам говорил, что придется становиться в борозду без промедления...

— Я то — выспался как следует, — заверил его расконвоированный заключенный П-1414, - в тех местах, куда меня определили мотать срок. Там быстро обучаешься использовать для сна любое время дня и ночи... А вот у вас — вид неважный, похоже, что как раз вам и не мешает выспаться... Это — понятное дело — трудно для тех, кто не привык к здешним суткам...

— Это — мои проблемы, — вздохнул Ким. — Садитесь, скоординируем наши действия...

Застегивая воротничок рубашки, Пер торопливо занял свое место. Семь честных отмотанных лет из десяти, назначенных судом, приучили его быть расторопным. Кима это чуть покоробило.

— Теперь начистоту, — Агент на Контракте посмотрел в глаза своему подопечному. — Вы прекрасно понимаете, что как эксперт по психологии жителей Чура, вы не особо нужны следствию. По крайней мере на теперешнем его этапе... Но требовалось как-то сформулировать необходимость в вашем вызове сюда официально...

— Я так и понял, господин Яснов, что вы немножко больше знаете о Чуре, чем просто рядовой федерал... — Пер жестом отстранил протянутую ему коробку сигарет. — Отвык, знаете ли...

— Если говорить коротко, — Ким с облегчением убрал курево в карман, — то я работал с людьми Чура. Довольно недолго, но... Короче, я отметил такую вот э-э... позицию в вашем досье... — он пододвинул к себе заранее положенную на стол распечатку. — Тут вот написано: За время пребывания на планете и ее космических объектах, г-н Густавссон приобрел навыки общения с жителями планеты, малодоступные и совершенно недоступные

для лиц не имеющих столь долгого опыта контакта с Цивилизацией Чур, как-то: взаимный поиск в условиях, исключающих дистанционные контакты, использование языка следов, применение неописанных в отчетах методов сигнализации и оповещения... Гм... Вам, оказывается, не одной только физикой приходилось заниматься в том мире....

— Это сложно понять... — Пер чуть шевельнул плечами. — Впрочем, если вы действительно всерьез сталкивались с этими людьми... И Псами... Это — не кусок моей жизни, прожитый в одном из странствий... Это — просто другая жизнь, в другом мире. И прожил ее кто-то другой, не я...

— Я в свое время видел кое-какие из... — Ким запнулся. — Из этих чудес. И рассчитываю на то, что вы сможете применить ваши м-м... умения из той жизни здесь — в этой...

— Ни одного чуда, агент... — Густавссон поморщился. — Просто много навыков, которые нормальные люди и не думали у себя развивать. Язык следов, например — это просто использование вбитой каждому жителю Чура с детства привычки метить свой путь — тысячью разных способов: и условным раскладом предметов и слюной и пахучими метками и наведенной электростатикой... Например, эта комната для вас — всего лишь охраняемое помещение, в котором стоят стол, стулья, этот вот терминал. А для человека Чура — если он прошел хоть одно из Больших Испытаний, это — чистый лист, на котором можно записать массу сведений. У меня после того как я вернулся оттуда, долго было что-то вроде мании: я во всем видел м-м... тексты, знаки, сообщения... В опавших листьях на тротуаре, в том, как сучья лежат на полянке, как мебель стоит в доме, как камни разложены на берегу... От этого не отвязаться, после того, как поживешь в том мире... Мне до сих пор снятся какие-то письма, не мне предназначенные, наполовину разоренные...

— А Псы — они умеют такие письма понимать? — осведомился Ким, отметив что-то закорючкой в записной книжке.

— Для них, главным образом, их и оставляют... И они сами могут... Оставлять так сообщения — хозяевам и друг другу...

— Ну, друг другу оставлять сообщения умеют и простые собачки по всем Тридцати Трем Мирам... — улыбнулся Ким. — Не ожидал, что они и людей со временем этому научат...

— Я тоже смеялся вначале... — косо улыбнулся Пер. — Но, поверьте, это — больше, чем экзотика, это — другая веточка пошла... Другая веточка земной цивилизации... Уже не наша, уже не та, на которой находимся мы с вами...

— А дистанционная сигнализация — без всяких технических средств?... — Ким внимательно посмотрел на Густавссона.

Тот устало прикрыл глаза.

— Ваше досье немного преувеличивает... Тут мои навыки — чисто пассивные. Мог в свое время уловить сигнал инфразвуком или комбинированный... Что-нибудь за три-четыре километра... Но сейчас это невозможно — сейчас и здесь... Эти вещи надо тренировать, постоянно и упорно тренировать... А здесь, на Прерии, к тому же — такое количество помех...

— Ну а найти след Тора или его Пса вы сможете? — Ким постарался не пережать с этим вопросом.

Пер замкнулся и пару минут рассматривал поверхность стола с таким видом, словно именно для этого занятия и был доставлен сюда с другого полушария.

— Во-первых, мне надо снова войти в форму... — глухо определил он, — во вторых, ни сделать этого, ни работать я не смогу, если у меня на хвосте будут висеть ваши люди... Вам понятна такая вещь как психологический дискомфорт? Она играет очень большую роль...

— Понятна, — вздохнул Ким. — Эта вещь мне понятна... Ну а вам, надеюсь, понятно, что остаток срока будет зачтен вам как условный в случае, если вы честно будете содействовать следствию? Вне зависимости от его успеха. Так что нет никакого смысла...

Пер прикрыл веки, кивнул. Поморщился и поднял взгляд на Кима.

— И в третьих, — я прочитал те материалы, что вы передали мне — дело представляется очень странным. Тора трудно было захватить силой. Только если удалось его убить или обездвигить или...

— Или? — эхом отозвался Ким.

— Или — если он сам согласился... — Пер смотрел в сторону, стараясь не встретиться взглядом с Агентом на Контракте. — С его Псом — тоже не все ясно... Если он жив, он уже должен был натворить много всякого...

Оба помолчали немного.

— Я снимаю охрану с этого номера... — Ким встал и стал складывать распечатки в свой кейс. — Нам осталось договориться о м-м... порядке взаимодействия... Во-первых, вот деньги... А это — он положил на стол чуть потертый ноутбук — ваш рабочий инструмент на каждый день. Имеет расширенные возможности. Оформлен под старую модель. А это — обычный блок связи. Типовой Белл. Но имеет небольшую приставку и поэтому не боится большинства систем подслушивания. Но наше взаимодействие будет иметь некоторые особенности...

— Что касается системы взаимодействия, — Пер вяло улыбнулся, — то, я думаю, вами эта сторона дела уже достаточно хорошо продумана. У меня будет лишь одна просьба. Условие, если хотите... — Я должен быть твердо уверен, что если я обнаружу за собой слежку, то это не будут ваши люди...

— Гарантирую это вам... — улыбнулся Ким. — Мы будем опираться на технические средства взаимодействия.

— Ну что же... — вздохнул Пер. — Выкладывайте, что там у вас в запасе... Ким покончил с размещением в кейсе бумажек и начал выкладывать на стол небольшие пластиковые пакетики.

— Это — стандартный регистратор — на звуковой диапазон и изображение в видимом спектре. Оформлен под кольцо, под перстень, точнее — боюсь, что не в вашем вкусе... Включается так, выключается вот так. Рассчитан на двенадцать часов непрерывной регистрации. Подгонка по толщине пальца делается вот этим...

Пер с интересом принялся рассматривать вещичку. Потом поднял глаза на Кима.

— Наблюдение за мной будет только дистанционным? Извините за настырность — спрашиваю второй раз. Вы понимаете — это существенно: если я обнаружу за собой открытую слежку, то должен быть уверен, что это — не вы...

— Я понимаю вас, — кивнул Ким. — Можете быть уверены. Это — он двинул к собеседнику пакетик с заурядного вида часами, — дополнительный блок связи для работы с нашей внутренней сетью. Наверное приходилось иметь дело с таким... Сенсорный пульт вызывается прямо на дисплей. Вот так. Может подключаться к обычному блоку связи. Вы можете использовать наш канал орбитального мониторинга — со спутников город просматривается с хорошим разрешением. Плюс автоматически делается опрос всех

процессоров в квадрате наблюдения — блоков связи, электронных кредиток и тому подобного. Плюс — радиорегистрация всех видов вооружения. Вот расписание сеансов связи и кодовая таблица... В этом пакетице — резонаторы — для пассивной связи — прозрачная пленочка, крепится во рту, на нсбе, воспроизводит естественную фактуру слизистой оболочки... Почти невозможно обнаружить при обыске... Если вы не выйдете на связь в условленный промежуток времени, мы перейдем на режим пассивной связи и поиска. Это — ваша аптечка. На всякий случай. Внимательно прочитайте инструкцию...

— Это, надеюсь, все? — без особого энтузиазма спросил Пер. — Надеюсь, у вас нет там еще раскладного броневика?

— Нет, — криво улыбнулся Ким. — Простите. Оружие вам не положено...

— Это — не страшно, — слабо улыбнулся Пер. Я сам — неплохое оружие...

Галерея Блауштейна была почти идеальным местом для встреч между лицами, которые эти встречи не стремятся афишировать. Она представляла собой три довольно просторных и почти всегда пустынных пассажа на первом — полуподземном — этаже старинного супермаркета в довольно тихом и респектабельном районе города.

В одном из пассажей выставлялась одна или две экспозиции — сегодня это были Культовое искусство Эпохи Колонизации и Подражания Шагалу — в двух других располагалась торговля антиквариатом и секонд-хэнд высокого пошиба — вещи с историей. Ниже — подземная парковка, выше — обычная торговля. Лео Косневски уныло болтался именно в районе секонд хэнда и устало имитировал интерес к прилавкам со всяческой подержанной, но роскошной сбруей для четвероногих друзей, что вообще-то выглядело достаточно естественно, если бы не длилось вот уже второй час.

Роше с любопытством понаблюдал за этим его занятием из соседнего пассажа — через широкие арки поперечных переходов — и постарался прикинуть — почему же объект не убирается с условленного места, хотя назначенное ему время уже явно истекло и истекло давно? Поморщившись очередному очевидному проколу, он позволил себе расслабиться — купил в автомате пакет с инстант-ланчем и, пристроившись на каменной скамье, в углу с хорошим обзором, принялся закусывать.

О сделанном приобретении он тут же пожалел: кусок рыбного филе еще позволил ему собой закусить, а вот многоэтажный и вполне безобидный, даже привлекательный на вид бутерброд, в ответ на укушение, обдал комиссара чуть не по локоть прекрасного качества майонезом. Роше вполголоса высказал голубям, бродящим по декоративным каменным карнизам вдоль оконных витражей, свои соображения на этот счет, пристроил остатки инстант ланча в корзину для мусора и направился в украшенную двумя нулями дверь, расположенную, слава Господу, неподалеку. Голуби тут же стали возмущенно кучковаться, живо обсуждая услышанное.

Комиссар окинул взглядом сверкающее фосфорически-белым кафелем и пустынное помещение, осторожно стараясь не измазаться еще сильнее, стянул с себя и повесил на крюк пострадавший плащ, отмыл руки и уже собрался взяться за украшенный живописным пятном рукав, когда в спину ему уперся отменно жесткий ствол.

— Не двигайся, негодяй! — приказал ему низким басом тот, кто находился на другом конце этого ствола.

Ким пододвинул свой ноутбук к себе и считал очередную, поступившую на него

информацию по Энни. Корреспондентка ГН только что приобрела по компьютерной сети зарезервированный за коррпунктом ГН билет на рейс космолайнером Снарк до пересадочного узла Транзит-80, а на Транзит отправила заказ на билет до Квесты. И оплата и заказы произведены по личному ноутбуку из помещения Медицинского Центра. После чего ее кар двинулся в направлении Парковых Линий.

Проходила медосмотр по полетной страховке, — прикинул Ким. — Готовится к отъезду. Но черта ей надо на Парковых? Пора подключиться к процессу... Он закрыл ноутбук, подхватил его со стола, кивнул остающемуся в покидаемом кабинете дежурному и почти бегом поспешил к своему кару. Судьба и так уже дала ему слишком большую фору.

Странное это чувство — чувство свободы! Есть в нем горечь. Даже когда свобода огромна и сладка, аромат горечи присутствует в ней. У него — разные лица, он иногда кажется чем-то иным, но приглядитесь — это всегда он.

Аромат горечи, замешанной на познанном грехе несвободы, на страхе перед тем, что она вернется — как пробуждение от сна, в котором привиделось детство, в котором тебе не быть уже никогда... Потому что по-настоящему свободен ты был только когда-то тогда. Когда и не знал, что есть свобода и несвобода. А может тебе просто кажется, что это было когда-то... А на самом деле — не было и быть не могло... Для Пера у этой горечи было лицо Тин. И еще — лицо сына. То, которое он видел в последний раз — лицо лохматого, испуганного зверька, не понимающего, почему папа пришел к нему ночью, почему разбудил его и молча смотрит... Тогда он так и не нашел что сказать сыну. Он навсегда останется для него таким. Нет — живет и ходит по свету теперь уже почти взрослый паренек, в глубине души которого где-то навеки заточен тот испуганный лохматый зверек. Но они, наверное, никогда не встретятся теперь. Тот паренек думает, что папа погиб — там, далеко в небе. Может быть, грустит, глядя в черную бездну по ночам. Красивая ложь — так они договорились с Тин. Слава богу, вряд ли его когда-нибудь заинтересуют старые файлы о судебном процессе над человеком с совсем чужой фамилией.

Правда, он все-таки набрал в справочной сети имя сына — и узнал, что тот вместе с семьей убыл в Метрополию. Видно Тин повезло — или с ее картинами или с новым мужем. Впрочем — почему с новым? Они не регистрировали свой брак тогда. Что мешало ему перестать быть холостяком? Может быть — Чур... Десять лет жизни под чужим небом — это очень серьезно. И они никогда не знали — будут ли жить вместе до старости. Вышло, что — нет. Она всегда мечтала перебраться на Землю — и это было правильно: в конце концов, она родилась там. Семейей, в составе которой сын улетел отсюда, Пер интересоваться не стал. Так лучше для всех. Теперь можно не бояться ходить по городу. Здесь могут всего лишь выстрелить в спину. Но не отвести взгляд при встрече. Или — пройти мимо, не узнав. Можно даже подойти к старой постройки дому на Шведских аллеях. Подняться по добротной каменной лестнице, послушать — живет ли в просторной лестничной площадке эхо, которое они с сыном учили разговаривать. Позвонить в дверь, за которой когда-то жил. Извиниться перед теми, кто живет там теперь, повернуться и уйти.

Ничего этого Пер не сделал. Единственное, что он позволил себе после того, как вышел из гостиницы и стяхнул с себя легкое головокружение, вызванное таким резким возвращением в мир расконвоированного народа, так это доехать на антикварном — для туристов — потренькивающем трамвайчике до перекрестка Навигаторов, где напротив табачной лавки приютилось Кафе букинистов. Здесь ничего не изменилось. Даже цены не

слишком выросли за эти семь лет. И у кофе, что подавали здесь, был тот же самый вкус, что и много лет назад — когда он приходил сюда, в прохладное пыльное безлюдье, чтобы без помех, за чашкой удивительно дешевого и тем не менее почти натурального кофе готовиться к экзаменам. Потом он писал здесь свои первые статьи. Потом — книгу. Здесь никто и никогда не мешал ему.

Вот и сейчас — трое, от силы четверо посетителей неспешно беседовали за столиками, еще один чужак был погружен в раздумья о чем-то своем. Все они пришли сюда задолго до Пера и никому из них не было дела до явно выглядящего много старше своих лет типа.

Отхлебнув кофе, Пер осторожно поднялся с места и занялся изучением содержимого полудекоративных книжных полок, украшавших интерьер кафе. Здесь действительно можно было и купить, и продать, и взять на прочтение или обменять старинные бумажные книги. Правда, большая часть товара была сделанными под старину имитациями, но и этот товар пользовался спросом — что-то было и осталось в печатном слове такое, чего уже не вытравить из природы человека. Возможно — эта была страсть к пожелтевшим страницам, причудливым картам и чертежам, к золотому тиснению кожаных переплетов, к неспешным, тяжеловато написанным текстам, повествующим о чем-то ставшим уже преданием...

То, что здоровенный том Малого атласа Четырех Миров так и не изменил своего места на полке с тех пор, как он видел его, вовсе не удивило Пера — солидная цена и явная принадлежность к породе декоративных имитаций гарантировала этому кирпичу долгую и не привлекающую излишнего внимания жизнь в углу одной из самых удаленных книжных полок. Удивило его другое. Именно неприкосновенная неподвижность атласа была причиной того, что Пер с давних пор — тогда еще в шутку — использовал этот фолиант в качестве своеобразного почтового ящика. Препарат, который он принял перед тем, как отдать себя в руки закона, стер из его памяти сотни фактов, массу лиц, адресов, дат. Но такие глубокие воспоминания он не затронул.

Пер, правда, и сам не мог бы сказать точно, что искал он сейчас среди этих знакомых ему, чуть потрепанных жестких страниц и поэтому чуть не присвистнул от удивления, когда на привычном месте — между триста восемьдесят четвертой и триста восемьдесят пятой страницами он обнаружил листок из блокнота — кремовой, тонкой бумаги в мелкую, еле заметную коричневую линейку.

На ней было написано всего несколько слов. Нелепая, несуразная фраза. Пер прикрыл глаза, запоминая ее.

AVES REGORI DUS MENUS ANTIGUA O RARA, CUM MEGA PARAGUA D
COSOS

Исковерканная латынь что-ли? Код? А может — одно из галактических наречий. Их много.

Кто и кому посылал письмо через почтовый ящик, бывший когда-то — очень теперь давно — его выдумкой, оставалось загадкой. Но ведь не чужое же письмо он искал в старом атласе?

Нет — не его. И пусть остается здесь. Между триста восемьдесят четвертой и триста восемьдесят пятой страницами. Идет от кого надо — кому надо. Бог им в помощь.

Пер еще раз пригляделся к листку. Ему показалось, что тот потемнел слегка. Он помассировал веки. Осторожно закрыл книгу.

Если не на обычном месте, то значит — здесь, на последних страницах, там, где идут указатели... Он снова открыл тяжелый том. И облегченно вздохнул. Вот они — его еле заметные пометки у букв и слов, сделанные по одному ему известной системе... Они словно сами с собой сложились в нечто внятное. Только коротенький такой текст:

ZELLER 3 STAR 12 1118

И как всегда бывает, когда информация ложится на стертую память, пришло чувство уверенности, что ЭТО ИМЕННО ТО, и противное, ложное чувство, что вот-вот и ты вспомнишь еще что-то — то, что лежит в соседней ячейке твоего подсознания, готовое выйти на свет, вернуться тебе. И еще на него накатила вдруг душный, запоздалый страх — даже бисеринки пота выступили на его лице. А если бы какой-нибудь дурень купил книгу? А если бы закрылось Кафе букинистов?

Как мог он, как мог доверить ключ от стертой части своей памяти — от огромного куска себя самого, этой пачке пожелтевшей бумаги? И почему он был так спокоен до этого мгновения?...

Чуть дрожащей рукой он поставил атлас на место, допил остывший кофе и вышел в ночной город. Поймал такси-автомат и набрал на панели навигатора адрес: Площадь трех звезд, 12.

Расконвоированного заключенного П-1414, наверно, позабавило то, что произошло под крышей Кафе букинистов менее чем через четверть часа после того, как он покинул сие богоугодное место.

А произошло вот что:

К дверям кафе подкатил громадный, чуть напоминающий катафалк Лорд-мастер, из него вышли и с плохо скрытой торопливостью направились в кафе трое — строго одетый высокий тип с острыми, грубоватыми чертами лица, угрюмый детина, меньше всего напоминающий библиофила, с оттопыренной наплечной кобурой левой полкой кожаной куртки, и сутуловатый нервный человек с землистого цвета лицом и седым венчиком коротко стриженных волос, осеняющим его чело.

Для порядка Комски заказал пару чашек кофе, а Гонсало Гопник в сопровождении угрюмого детины направился прямо в дальний угол — к полкам редких книг.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он уверенным взглядом окинул их, ухватил корешок Атласа Четырех Миров и, вытащив его, раскрыл на триста восемьдесят четвертой странице.

После чего позеленел.

— Ну? — спросил его нетерпеливый детина.

— Как-к-кое может быть ну?! — зло спросил Гопник. — Вы видите ЭТО?

Подошедший к ним сзади с чашечкой в руке Комски недоуменно потрогал безымянным пальцем затянутой в кожаную перчатку руки россыпь коричневатого порошка, украшавшую разворот атласа. Она напоминала некий новый архипелаг, раскинувшийся посреди Экваториального океана Квесты.

— Ваше письмо было обработано фотосенсибилизатором? — спросил он.

— Приятно иметь дело с понятливым человеком, — ядовито подтвердил Гонсало. — Мепистоппель брал книгу домой почитать и там — в темноте, при красном свете —

вкладывал туда письма. Потом, возвращал книгу. После того, как на такое письмо попадает нормальный свет, оно живет минут десять. Потом остается вот это... Какой-то дурак сунул нос именно на эту страницу... Или...

— Или?... — с интересом произнес Комски. — Вы уверены, что не морочаете мне голову, Гопник?

Ответом ему был исполненный гневного возмущения взгляд.

— Вы один пользовались этим почтовым ящиком? — поставил новый вопрос помощник Саррота.

— Эта компания передо мной не отчитывается... — Гонсало поднял плечи к самым ушам.

Комски задумчиво взял с полки бронзовый колокольчик и встряхнул его. Мелодичный звук повис в воздухе и вызвал к жизни упитанного молодого человека в декоративной униформе служителя Кафе букинистов. Живой приказчик — тоже элемент экзотики.

— Я хотел бы приобрести эту книжку, — холодно уведомил его Комски. — Выпишите счет.

— Видите ли, она стоит... — начал упитанный юноша.

— Я вижу, сколько она стоит, — оборвал его Комски. — Упакуйте покупочку, если это не составит...

— Не составит! — заверил его воодушевившийся приказчик. — По какому адресу отправить ваше приобретение? Вы платите по туристической карточке?

— Я плачу наличными и книгу отдайте мне, — властно распорядился Комски и, терпеливо подождав, пока понятливый юноша вручит ему фирменный пакет и напроць сгинет, протянул его угрюмому оперативнику.

— Срочно в лабораторию. Дэвису. Пусть вытянет все, что сможет. Здесь может быть и другая информация: отпечатки пальцев, пометки... Повторяю: пусть вытянет все возможное. А мы с господином Гопником задержимся здесь. Нам есть о чем поговорить.

— А насчет тачки?... — осведомился подручный.

— Возьми такси. Машина нам может пригодиться.

Угрюмый детина ухватил пакет и убыл. Комски повернулся к Гонсало.

— И что же мне теперь делать с вами? — голос Комски стал и вовсе уж задумчив.

Мысль Гонсало работала на крутых оборотах, силясь зацепиться хотя бы за самую нелепую возможность выпутаться из дурацкой истории.

— Прокат... — пробормотал он. — Вам надо обыскать контору Мепистоппеля на Улице Темной Воды... Там наверняка должна быть какая-то зацепка...

— Вот вы и поможете мне ее там найти... Допивайте кофе и — поехали...

— Погодите, погодите! — возмутился Гонсало. — Там вполне могут быть уже архангелы Магира. Да и полиция уже могла просечь... Я не подписывался на то, чтобы подставлять голову под пули...

— Когда связываешься с идиотами, — Комски допил кофе и отдал чашку терпеливо притулившемуся поодаль сервировочному роботу, — то подписываешься и на это и на многое другое... Конечно, нас подстрахуют, я позабочусь об этом. Но кашу заварили вы, Гонсало, вам ее и расхлебывать. Глотайте кофе и пойдёмте — нам пора.

— Я не пойму, — спросил Адельберто, — у вас что — дистанционное управление в рукаве запрягано, что-ли? Как вам удастся переключать каналы? Вот так — не трогая

телевизор.

— Это легко, — сочувственно объяснил Гость. — Это легко в себе развить... Можно наводить электрическое поле на микрочипы... Ведь у нас же много зарядов на теле. На коже, на волосах. И легко можно сделать сигнал... Вот, например, — он чуть сосредоточился и магнитный замок тихо щелкнул. — Я отпер нашу дверь...

— Дверь?... — растерянно спросил Мепистоппель.

Поднялся и запер дверь снова — уже на механический запор.

— А лампу — вы тоже можете вот так включить-выключить?

— Нет, — вздохнул Гость. — Лампу так не могу. Там — сильные токи...

— А слабые, значит — можешь...

— Да — переключать и читать... — Гость прямо светился от возможности поделиться с кем-то своими умениями. — На Чуре это может каждый... Я и вас научу. Вот дайте вашу карточку...

Мепистоппель машинально протянул Гостю кредитку. Разумеется, на предъявителя.

— Вот тут записан остаток вашего кредита — восемь тысяч, пятьсот штук... А вот теперь я делаю так, — Гость повел ладонью над пластиковым прямоугольничком, — и теперь я все стер...

Адельберто посмотрел на карточку, потом на Тора, потом — снова на карточку. И — снова на Тора.

— Что ты наделал, урод?! — сурово спросил он.

— Это же, Бог знает, каким ослом надо быть, чтобы в лицо не узнать мсье Жана! — в сердцах крикнул Филдинг, отстегивая наручник, которым седой бородач был надежно прицеплен к никелированной трубе. — Так вы утверждаете, что вы действительно профессор истории? Вы ничего не перепутали, господин Покровский?

— Мои документы у вас в руках, — пробасил бородач. — Если не верите — сделайте запрос в отделе кадров Университета... Еще раз приношу вам свои извинения: я никоим образом не мог себе представить, что этот э-э... господин — из полиции...

— А что, профессорам истории возбраняется смотреть криминальную хронику по Ти-Ви? — зло спросил сидящий на подоконнике Роб Старинов. Вы о деле цветочников, допустим, слышали? Совсем недавно об этом трубили повсюду, как-никак...

— Я с криминальными проблемами общества знакомлюсь не по идиотским репортажам, — с достоинством ответил профессор.

— Понятно, вы читаете аналитические обзоры... — Роше протянул Покровскому его — порядком пострадавшие в имевшем место инциденте — очки. — Мы поговорим с вами об этом и еще — о многом другом. Но сейчас — прежде всего — поговорим по сути дела... Только не будем заниматься этим в подобном э-э... месте.

Филдинг осторожно повлек плененного профессора прочь из неподобающего для снятия показаний места. В гулкой пустоте пассажа уборочный автомат добросовестно, но без особого успеха пытался отбить у голубей остатки инстант-ланча. Роше походя приструнил пернатых.

Лео ждал их в машине — с подоспевшим на разгоревшийся сыр-бор Коротышкой Каспером под боком — и старался не высовываться наружу. Приняв комиссара и его спутников, машина бесшумно тронулась — с глаз подальше.

— Да, это — тот тип, — Лео косо глянул на Покровского. — В хорошую историю вы

меня хотели втравить, мистер...

— В историю — и далеко не в хорошую — нас втянула компания авантюристов, собравшаяся вокруг нашего уважаемого Всенародно Избранного, — зло парировал профессор. — Это они зазвали на от веку нейтральную Прерию такого Гостя, что...

— Лео, вы вообще-то свободны, — торопливо прервал его Роше. — Чувствуйте себя в безопасности — только не суйтесь в дела, связанные с этими псами... Однако, если что-либо станет вам известно на этот счет...

— Говорите без обиняков, комиссар, — сварливо остановил его Лео. — Могу я рассчитывать на вознаграждение, если окажу существенную помощь полиции в розыске?

— Я думаю, мы уладим это дело, — кашлянув, заверил его комиссар. — Но — предупреждаю еще раз — не суйте голову в петлю...

— На этот счет не беспокойтесь, начальник, — заверил его Лео. — О своей голове Косневски никогда не забывает... Кстати, если любопытствуете, то могу сообщить кое что новенькое — из того, что набежало со времени нашей последней встречи: похоже, что собачка с Чура кое-где себя разок показала...

И Роше и Покровский одновременно воззрились на Лео с неприкрытым интересом.

— Вы ведь знаете Баню Костандова? — продолжил тот, обращаясь к комиссару. — Ну такого, патлатого?

— Я знаю, о ком вы говорите, — кивнул Роше.

— Так вот, — Лео чуть недоуменно заломил бровь, словно заранее удивляясь своему рассказу. — У Баню — талант: он для себя точно вычислил места, куда заносит потерянных собачек, которые впервые в этих краях... Ну и я его и других своих гм... друзей, естественно намылил в соответствии с наводкой, что от вот господина хорошего получил... Так вот, почти сразу после того, как мы с вами поговорили — часу еще не пробило — я начал всем своим названивать — предупредить людей, что дело запахло керосином... И тут — Баню мне с места в карьер и выдает, что, мол, он идет проверить одно интересное местечко на Востряковской набережной, где пацанва — по его уже наводке — надыбала оч-чень странного пса... И что он, мол, сейчас двинет туда — самому разобраться... Ну, через часок, настучал я его номер еще разок и — пусто, никакого ответа... Ну, я делаю звонок мамаше его — Баню человек правильный: за десять лет ни одного случая не было, чтобы он обедать вовремя домой не приходил или, там, на стороне ночевал где-нибудь... Так вот — звоню и вижу, что старушка взволнована очень... Пришлось зайти — лично поговорить...

Лео сделал паузу. Взъерошил, затем пригладил волосы.

— Одним словом, сразу с Востряковской Баню — не в себе, как будто — влетел домой, что-то из шмоток пошвырял в сумарь и — только его и видели... Мать его так и спросила, мол, за тобой что — черти гонятся что ли, сынок? А он ей так и отрезал, что да, мол, Дьявол-Сатана — собственной персоной. И — с концами...

Лео снова помолчал со значением.

— Это, по моему, типично... — тихо умозаключил он. — Про собачек с Чура именно такое и говорят... Что с ними крышей поехать — не проблема... А может, — тут он одарил профессора недобрым взглядом, — пуганули его какие-нибудь...

— Будет лучше, если вы завтра с утра зайдете ко мне... — Роше протянул ему листок. — Это в Ратуше... Постараемся к тому времени уточнить — что же такое приключилось с Баню... Вы — по своей линии, мы — по своей... Где вас высадить?

— На Цепной, — хмуро ответил Лео и задумчиво замолчал.

Потом счел-таки нужным уточнить:

— Там тоже какая-то странная история... Мои ребята доложили мне, что там — тоже какая-то хреновина с собачками...

Комиссар недовольно шевельнул левой бровью. И обоими усами — не то, чтобы подчеркнуто, но так, чтобы все трое его подчиненных поняли его о них мнение.

— Интересно, почему мои ребята не доложили мне на этот счет ничего такого?... — спросил он себя вслух, с укором.

— Тут, гм, действительно днем проходило сообщение... — замялся Сэм. — Но вас интересовали инциденты с единичными собаками, с двумя, от силы... А тут... Одним словом, на Цепной-сорок стая беспризорных собак среди бела дня растащила партию изделий. Из закусочной-автомата. Сосиски там и прочее... В момент загрузки... Из доставочного автомата. Отменно глупо, но к нам отношения, вроде, не...

— Каспер, — сухо распорядился комиссар. — Вы сойдите тоже — на Цепной. И разберитесь с этим эпизодом. Постарайтесь не мешать друг другу с господином Косневски..

— Ну вот, — Роше энергично повернулся к Покровскому, как только за Лео мягко задвинулась дверца кара. — Теперь я бы хотел услышать от вас, профессор, связное объяснение вашего поведения.

— Я уже сказал, что принял вас за... за бандита или — что-то в этом роде... — профессор явно все еще оставался выбит из колеи. — Я просто принял, знаете ли, элементарные меры предосторожности: когда Косневски срочно стал требовать встречи, то на место этой встречи я пришел пораньше, чтобы обезопасить себя от сюрпризов... И естественно, когда я обнаружил за ним слежку, я дал ему знак не приближаться ко мне... Я долго наблюдал за м-м... вашим человеком, который следовал за господином Косневски. Затем его почти в открытую сменили вы... Я решил, что к добру промедление не приведет и хотел сдать вас властям...

— Очень мило... — комментировал его слова Роше. — Считайте, что — в определенном смысле — это вам удалось...

И подумал: Вот такие пошли у нас профессора. Пора, пора на пенсию...

— Хорошо, — сказал он примирительно. — Ну а кто вас, собственно, уполномочил заняться поисками собачек? Кто ссудил деньгами — ведь вы заплатили аванс господину Косневски не из своего оклада? И почему вам так дались именно эти два пса?

— С этого, пожалуй, и надо было начинать, господин комиссар, — вздохнул профессор. — Я, к вашему сведению, сопредседатель оргкомитета движения За демилитаризацию Прерии...

— И поэтому таскаете с собой пушку сорок пятого калибра? — ядовито поинтересовался Филдинг.

— Имею разрешение, выправленное по всем правилам, — с несколько преувеличенным достоинством парировал профессор. — То, что я не хочу, чтобы Прерия была превращена в военную базу или в полигон, вовсе не значит, что я питаю неприязнь к оружию самозащиты или, скажем, к охотничьим или спортивным ружьям. Это — разные вещи. Вы хотите выслушать мои дальнейшие объяснения?

— Я — весь внимание, — заверил его Роше.

— Тогда пусть ваши люди не перебивают меня... Вы, должно быть, не знаете также, что ваш покорный слуга — автор Новейшей истории Цивилизации Чур и, скажу без лишней

скромности, — один из ведущих специалистов в этой области. До недавнего времени — советник Президента по этому направлению... Так что неудивительно, что именно мне движение поручило курировать по нашей линии визит Торвальда Толле.

И каково же было мое изумление, когда из самых достоверных источников я узнал об обстоятельствах, при которых начался этот визит!..

— Вы имеете ввиду... — комиссар впери́л в профессора профессионально тяжелый взгляд.

Тот пожал плечами.

— Я имею ввиду только то, что, как вам должно быть известно, в движение и в его оргкомитет входят далеко не последние люди нашего Мира и то, что правительство скрывает факт похищения Гостя и в то же время ведет переговоры с похитителями не было секретом для общественности уже вчера... Естественно, что мы по своей линии предприняли все, чтобы выяснить местонахождение Толле...

— Вы, конечно, не станете называть мне, — комиссар сморщился как от касторки, — ваши э-э... источники...

— Конституция позволяет мне... — уверенно начал профессор.

— Никоим образом не оспариваю ваши конституционные права, — ядовито оборвал его Роше, — однако попрошу учесть, что не исключено — совсем не исключено, что из того же источника черпают информацию и те, кого в ваших аналитических обзорах именуют криминальными структурами... Это я о чистоте рук, док.

— У вас есть данные?... — начал профессор, но Роше остановил его движением руки.

— Мы не на брифинге, док, и я не даю справок о ходе дела...

Площадь Трех Звезд — не самая большая в столице — была и не самой живописной в этом городе. После окончания застройки патриархального некогда района Великих Оврагов, она походила более на колодец, образованный стенами жилых полунебоскребов, еле заметно стилизованных под архитектурный стиль времен Первопоселенцев. Среди этих громад легко было оставаться незаметным.

И, однако, беспокойство не покидало расконвоированного заключенного П-1414. Оно шло не от разума и не от фактов. Оно шло от того, что приобрел он там — на Чуре. От ощущения Знаков Судьбы, от странного внутреннего понимания хода событий. Так что не столько к тысячам окон присматривался он, вылезая из тесноватого салона робота-такси — за любым из них могла находиться отслеживающая каждое его движение камера — нет, он присматривался к чему-то внутри себя, к тому, что было наблюдательнее и мудрее, чем доктор философии Пер Густавссон, и что требовало для понимания чего-то, чего ему отчаянно не хватало...

Лифт доставил его прямо в приемную доктора Макса Зеллера — квартира 1118 занимала целый этаж. Доктор принял его как только он назвал свое имя. Недоразумений тут быть не могло. Разве что сам док Зеллер мог за эти семь лет загреметь в каталажку или — это куда более вероятно — получить пулю в затылок. Или просто бесследно исчезнуть в темных водах одного из здешних озер. Они многим рисковали — эти тихие люди, соглашавшиеся брать на хранение чужую память. Но их и оберегали — как в древности по молчаливому уговору ошестинившиеся оружием полубезумные империи оберегали от беды банки беззащитной, подернутой аппетитным жирком, нажитым веками нейтралитета Швейцарии. Тем более, что предметом хранения, строго говоря, были не сами темные

сокровища памяти тех, кто пожелал — на время или на всегда — от нее, памяти этой, избавиться, а всего лишь ключи к ней.

А сами эти темные сокровища оставались при них — при тех, кто не желал их возвращения в мир. Там — в глубинах их мозга — и оставались они, крепко запертые биохимическими замками от любого взлома. Допросы всех степеней, пытки, гипноз — все это практически было бесполезно против этих замков. Только дорогостоящая и находящаяся в большинстве Миров в руках государства техника зондирования памяти могла разрушить это колдовство — зыбкое и могущественное одновременно. Но такое вмешательство почти повсеместно могло быть осуществлено только с согласия самого забывшего. А здесь — на Прерии — еще и его адвоката. Оно было не менее опасно и разрушительно, чем само стирание памяти. А стирание в четырнадцать процентах случаев делало клиента недееспособным. Приводило к разрушению личности. Так же как и любой из методов проявления стертой информации.

Так что расконвоированный заключенный П-1414 шел на ощутимый риск. Но то, что он пытался ощутить и понять внутри себя подсказывало ему, что игра, которую он начал, не может быть выиграна без знания того, что ему пришлось забыть тогда — в преддверии ареста и суда.

Они, как правило, были не в ладах с законом — те, кто приходил — всегда по строго законспирированной рекомендации — к доку Зеллеру и другим банкирам памяти. Это — не говоря уже о том, что сам процесс стирания влек за собой серьезную статью как для клиента, так и для исполнителей его заказа, в любом из Миров. И с ними надо было держать ухо востро.

На этот счет у доктора все было в порядке. Перед тем как войти в кабинет, Перу было ненавязчиво предложено пройти небольшой осмотр, а заодно и на время сменить одежду. Он хорошо представлял себе это заранее, поэтому аппаратура, щедро предоставленная ему Агентом на Контракте, осталась внизу, в камере хранения организованного словно огромная гостиница дома.

— Вы пришли раньше времени... — доктор мягким движением ладони указал ему на кресло. — Я позволил себе навести справки — как только вы связались со мной: ни м-м... побега, ни досрочного освобождения в вашем общедоступном файле не записано... Как тогда изволите понимать ваше появление здесь?

— Верно, — признал Пер. — Я не бежал, и срок мне не скостили. Я согласился сотрудничать с Управлением. И с местной полицией. Дело идет о жизни моего друга. По крайней мере — о его свободе. В данном случае это — одно и то же...

— Вот как?...

Доктор прошелся взад-вперед по просторному кабинету. Остановился перед Пером.

— Вы убеждены, что вас снова не подцепили на удочку? Снова не играют на ваших благородных чувствах?

— Простите, доктор, но я не знаю, как это было тогда. Вам это лучше знать. Я не могу ничего знать о том периоде. Хотя и о многом догадываюсь...

— Вот как?...

Снова дока понесло из северо-западного угла своего кабинета в угол юго-восточный и обратно. И снова он остановился перед Пером.

— И о чем же вы догадываетесь, если не секрет?

— У меня есть такое ощущение, что то, что было стерто из моей памяти, стерли не

только от Закона, но и от меня. И неизвестно, чего тут было больше...

Доктор поморщился.

— А вы уверены, что это так уж плохо для вас? Может быть просто была проявлена забота о вашем психическом здоровье и, даже, о жизни, может быть... Вы знаете, были случаи — не в моей лично практике, но так... вообще... Мы делимся между собой информацией — люди этого ремесла... Редко, неохотно, но делимся. Так вот — были случаи, когда вот такие вот пациенты, как вы, которые пожелали вернуть себе память о том, что сперва пожелали забыть — из нежелания или невозможности давать показания на суде или в подобных случаях... Я не беру случаи, когда с клиентов бралась расписка о том, что они никогда не будут требовать возвращения памяти... То — особо. Нет. Просто вот такой обычный случай, как с вами: обратный билет оплачен, но... Несколько человек покончили с собой через неделю-другую после того, как им было возвращено их, так сказать, достояние. Слишком свыклись с тем, что не было в их жизни ничего такого... Я уже не говорю про нормальную меру риска, сопряженную с таким вот обратным рейсом...

— Забота о моих жизни и здоровье меня трогают, доктор, — Пер косо усмехнулся. — Но... Мне это не представляется вполне искренним — скажу вам это прямо. Если бы я не был в курсе биологических основ метода, я бы просто заподозрил, что вы хотите сэкономить на дефицитных реактивах...

Подобное — даже сделанное в шутку — предположение взорвало доктора.

— Х-хе!!! — возмущенно выкрикнул он, вновь замерев перед Пером. — Всех дефицитных материалов для воскрешения вашей драгоценной памяти — капля спирта на ватку да одноразовый шприц... Отпирающая последовательность — ген так называемой антисмысловой РНК уже встроен в клетки ваших нейронов. Вот он-то стоил денег — этот ген. Но они уже выброшены эти деньги — ни для кого, кроме вас, этот внутренний ключ не пригоден. Он определяется иммунной характеристикой вашего организма! А здесь — у меня в холодильнике — только активатор этого гена — относительно простое соединение, способное проникнуть через гемато-энцифалический барьер — слышали про такой? Оно, правда, для каждого м-м... клиента у меня тоже подобрано индивидуально — один вариант из сотен тысяч возможных — но стоит этот внешний ключ не такие уж большие деньги, по сравнению с тем, что уже потрачено... Как только он доберется до ваших нейронов, в них начнется синтез такой РНК, которая свяжется двойной цепочкой, блокирует РНК гена — тоже мною вам введенного, который производит фермент, давящий работу нервных клеток в процессе работы на воспроизведение... Так сказать, одна ошибка покроет другую — с точки зрения молекулярной психобиологии — и память вернется к вам... Никакого примитивного жульничества с наркотиками и...

— Не кипятитесь, доктор... — Пер сделал успокаивающий жест. — Я же сказал, что в курсе основ метода. У вас, разумеется, свои секреты, но я, знаете, лицо заинтересованное, много читал по этому вопросу... Вы бы мне лучше сказали — насколько верно то, что я добровольно просил вас об этой... услуге? У меня нет уверенности в такой вот добровольности...

Доктор отошел к окну и замолчал. Надолго. Потом повернулся к Перу и щелкнул пальцами:

— Так вы действительно согласились сотрудничать с Федеральным Управлением расследований и пришли сюда с их ведома?

— Первое — да, второе — нет. — Пер поднялся с кресла. — Не ждите от меня

неприятностей доктор. В том, что наш теперешний разговор не регистрируется, вы, я думаю, уверены. Ну, а если вы каким-то образом причастны к тому... к тому, что обработка моей памяти была проведена без моего согласия... то я понимаю, что вы — тоже человек подневольный. Я не мстителен. Тем более, что эти семь лет забвение было, скорее всего, добром для меня.

— Все не так просто...

Док возобновил свое маятникообразное движение по кабинету.

— Насколько я знаю — а знаю я о вашей истории далеко не все — вам... Вам просто был предложен выбор. Ваш адвокат... — док замялся. — Тот человек, что вышел на вас, перед тем как сдать властям, вашим адвокатом он стал уже потом... Он предложил вам на выбор — либо психохимическое удаление части памяти, либо... Скорее всего вы бы просто не дожили до суда. Я не в курсе дела, но вы были впутаны в некие государственные секреты очень высокой категории. У вас были серьезные подозрения, что вас сначала выпотрошат под химией, а потом отправят в психушку, как жертву криминального стирания. Но вы перехитрили господина Пареных... Прежде, чем явиться на встречу с ним, вы обратились ко мне... Так что ваши знания не достались никому. Я думаю, поэтому вам и вкатили такой срок.

— И господа из правительства не попытались забрать у вас мой ключ? — удивился Пер.

— Господа из правительства могут только гадать, к кому из двух дюжин специалистов обратились вы. А нашу гильдию сильно потрошить опасаются... И вас им расколоть не удалось. О моих услугах, оказанных вам, знаем только вы и я... Точнее — до сегодняшнего дня, думаю — только я. Уж и не знаю, как вам удалось уберечь свой тайник с моим адресом. Вы достаточно убедили господ следователей в том, что такого тайника нет и быть не может. Или они опасались потерять вас вконец — после стирания психика стабилизируется медленно. Вот так-то...

Док помолчал.

— Я сильно опасаясь, что вместе с памятью к вам вернется и та угроза, которая...

— Это уж мое дело, доктор, — сухо сказал Пер. — Вы выслушали мои гарантии. Давайте перейдем к делу. Я всего лишь прошу вас оказать мне заранее оплаченную услугу...

Намек на угрозу. Тень шантажа.

Этого было достаточно. Док был понятлив и перешел к делу.

— Тем не менее, — он впился своим прозрачным, ледяным взглядом в зрачки Пера, — не следует пренебрегать элементарными правилами безопасности. Я вовсе не исключаю того, господин Густавссон, что еще до того, как наш разговор закончится, или вскоре после этого, сюда вломятся милые мальчики со всяческими огнестрельными приспособлениями и не заставят меня давать показания по вашему делу, о котором я, кстати, не имею не малейшего понятия... Поэтому...

Док Зеллер сложил кончики пальцев домиком и нахмурился.

— Нам с вами, господин Густавссон, предстоит, по крайней мере, один конфиденциальный разговор... Так вот — ни один из нас не может гарантировать, что тот, кто будет находиться на противоположном конце линии связи будет э-э... волен в выборе того, что он говорит. Поэтому — прошу запомнить — если я попрошу вас Слушайте меня внимательно или Послушайте меня внимательно — я никогда не употребляю этих оборотов в телефонных разговорах по крайней мере, — то это будет означать для вас сигнал тревоги. Сигнал того, что вам нужно будет немедленно скрыться с того места, откуда вы свяжетесь со

мной. Вы поняли?

— Понял, — согласился Пер.

— И связывайтесь со мной не по своему собственному блоку связи, — доктор помассировал лоб, — а по гостиничному телефону или — из автомата, с улицы... Тогда вам не подвезят радиоэхо...

Он повернулся к вмонтированному в стену шкафчику, набрал многозначный номер и выкатил на свет Божий дохнувшую ледяным холодом стальную глыбку контейнера.

Сверился с номером и протянул Перу небольшой контейнер.

— Действуете, как и тогда... Господи, всегда забываю, что вы не можете этого помнить... Отправляйтесь в какую-нибудь незаметную гостиницу — их много в Нижнем городе. Запираетесь в номере — натошак и трезвым. Ложитесь на кровать и делаете себе укол. Препарат уже загружен в автоматический шприц. Справитесь?

— Справлюсь, — пожал плечами Пер.

— Процесс продолжается от двух до четырех часов. Вам будет очень плохо. Морально, но не более того. Перед тем как начать, позвоните мне и номер канала — если он у вас записан — сожгите. Когда все закончится — вы это поймете сами — позвоните снова. Если через пять часов звонка не будет, мне придется принять меры.

В номере Старого Льва Пер дважды повернул ключ в замке и оставил его торчать в двери — изнутри. Присел к столу и написал два письма. Позвонил доку Зеллеру. Включил наручный передатчик.

— Вы довольно долго не выходили на связь, — упрекнул его Ким.

— На то были причины. — Пер коротко кашлянул. — Вы засекали мое местонахождение?

— Да, — сухо ответил уязвленный Агент на Контракте. — И продиктовал адрес.

— Так вот, если я не позвоню вам через четыре часа, постарайтесь найти меня по тому адресу, который вы мне совершенно правильно назвали. И не устраивайте слежку за отелем, это может испортить все дело.

— Было бы неплохо, если бы вы поставили меня в известность о том, что вы там затеяли... — раздраженно прокомментировал это Ким. — Впрочем — как знаете. Жду звонка.

Пер положил трубку и потер лоб. Агент на Контракте был не худшим представителем рода человеческого — из тех, с кем ему приходилось встречаться в жизни. Тем более — в последние годы.

Будет обидно, — подумал он, — если через те самые четыре часа господин Яснов здесь в номере вместо меня найдет просто идиота, пускающего слюни и гадящего под себя... В конце концов, он вытащил меня из дерьма — хотя бы на время... Просто очень большая подлость будет с моей стороны — вот так подвести человека на первом же шагу свободной жизни... Но интересно, как он поступил бы на моем месте?...

Ему вдруг вспомнился этот странный — невинный, в общем-то — жест: словно невидимую паутину снял с лица господин Агент на Контракте, когда речь у них зашла о стертой памяти Пера. И пальцы Агента задержались тогда на такой отметинке — на шраме, что-ли? Что-то осталось в том недосказанное...

Пер подумал немного, потом набросал на бумажке те самые слова, что обнаружил на листке, вложенном в Атлас Тридцати Четырех Миров — мало ли что может выйти с его

памятью в ближайшие сутки. Листок с абракадаброй загнал за декоративный плинтус.
Протер сгиб руки купленным по дороге в аптечном автомате спиртом и вколол ключ.
Лег на кровать и начал медленно погружаться в ад.

Глава 6

ЗОВ ВО ТЬМЕ

Лицо, которому мы доверили переговоры об условиях предоставления свободы известному вам Гостю Прерии, не прибыло в условленное место, в условленное время и с условленной суммой, — вывел под диктовку Адельберто Гостя на листке почтовой бумаги. — Это вынуждает нас...

Наручник, застегнутый на левом запястье — второй браслет был накинут на трубу заброшенной пневмокоммуникации — не то, чтобы мешал ему писать, но отвлекал. И смущал.

Устроившийся у его ног Бинки всем своим видом выражал ему свое сочувствие, но помочь явно не мог ничем.

Ему самому требовалось сочувствие — в целях изменения внешности участников дела масть четвероногого сообщника была с помощью дорогого красителя изменена. Преобретя рыже-каштановый окрас, Бинки утратил душевное равновесие. Созерцая это дело рук своих, Мепистоппель чувствовал себя без малого преступником.

— Это вынуждает нас... — задумчиво повторил Мепистоппель, — э-э... удвоить сумму, взятую за основу предложенного нами соглашения... Впрочем — стоп! Не пиши этого, Тор... Что ты там успел нацарапать?

— Это вынуждает нас удвоить... — вздохнул Тор. — Почему ты сам не настучишь этот текст на терминале, Нос Коромыслом?...

— Или, например, — просто не позвоню в приемную господина министра и не поговорю с ним по душам... — Адельберто косо улыбнулся. А того лучше — вообще, лично зайти, перекинуться словечком...

— Понимаю — так не интересно... — пожал плечами Тор.

— Так что пиши дальше — твой почерк их убедит... удвоить м-м... меры предосторожности. Предоставьте свободу лицу, которому мы доверили вести переговоры до восьми часов утра следующих суток. Гарантируйте отсутствие слежки. В противном случае предмет переговоров становится проблематичным.

Адельберто с минуту пожевал губами.

— Поставь дату и час, — подумав, добавил он. — И можешь приписать от себя — что-нибудь этакое... Если есть что. В конце концов — ты самое заинтересованное лицо в этом деле...

Гость почесал щеку. Потом — лоб.

— В этом деле нет заинтересованных лиц, — как-то отрешенно сказал он и толкнул листок по столу к нервно барабанившим по дереву пальцам Мепистоппеля. — Я их не ощущаю...

Тот заранее подготовленным пинцетом подхватил письмо и определил его в конверт с отбитым на принтере адресом. Вздохнул.

— Пойми, — он постарался говорить как-то потеплее, но не скатываясь, все-таки, в полное амикошенство, — мы вовсе не рассчитывали поймать в сети такую серьезную птичку как ты. Самое большое, на что мы надеялись — это отловить какого-нибудь жирного каплуна из тех, что крутятся вокруг распределения господрядов и закупок — за пределами Прерии. Таких похищают и выкупают — если считать на Сектор — с пол-дюжины в год... И

обходится обычно все без особых драм... А тут — сфера высших интересов Имп... тьфу — Федерации... Как только тебя угораздило?... Так что для нас сейчас главный расчет — интеллигентно закончить это дело, имея маленький навар, а главное — оставшись живыми... Ты не должен нас бояться, но и на твою помощь мы хотели бы рассчитывать, в свою очередь...

— Не знаю, чем я могу вам помочь в этом деле...

Похоже, что Гость и в самом деле не знал этого. Требовалась подсказка.

— Ну есть же у тебя какие-то неофициальные каналы, через которые мы могли бы организовать переговоры о твоей передаче м-м... в руки властей... Ну, какие-то друзья, которые могли бы помочь в таких м-м... деликатных контактах. Вот, скажем, те люди, что пригласили вас... Вы должны хорошо знать их...

Гость мягко улыбнулся.

— Мне кажется, — он кивнул на экран телевизора, — что у меня здесь не осталось друзей. А те, кто меня пригласил никогда не встречались со мной... Вам придется самим найти нового посредника...

Адельберто нервно дернул щекой. Щека была сизой от наметившейся щетины. Он поднялся из-за стола. Бинки тоже вскочил на ноги и уставился на него — с тревогой.

— Ладно — воля твоя, — вздохнул Мепистоппель. — Я иду отправить письмецо. Не стану снимать с тебя наручники, но и давать снотворное не стану: замок тут вполне надежный, так что не трать время на глупости... Будь умником — не в твоих интересах чтобы сюда проникли посторонние... И постарайтесь поесть хоть немного. Яичницу, что-ли — еще горячая... Если уж тебе пицца в рот не лезет. А вообще — так я по дороге прикуплю что-нибудь на твой вкус... Жаль ты мне кредитку запортил — придется платить наличными. Не пугайся, если без меня заявится Тони...

— Тони — это Белая Голова? — осведомился Тор.

— Да — хозяин Бинки — у него есть ключ. У Тони, конечно, а не у Бинки... — он с некоторым упреком посмотрел на пса, проявляющего лояльность к постороннему.

Выйдя под звездное небо и убедившись, что складскую дверь не своротить и трактором, Адельберто ощутил себя школьником, сбежавшим с урока — таким было чувство облегчения от жуткого для него пребывания в четырех стенах с добродушным на вид Гостем.

Накормить ораву оказалось действительно несложно — в этом набитом тяжелой, сытной и ужасающе вредной жратвой городе оставаться голодными могли только такие вот как эти — оступелые и запуганные немые дикари. Замок на загрузочном автомате кормушки для людей был примитивным и — главное — электронным, его удалось бы вскрыть, поиграв электростатикой. Окажись замок механическим — без помощи человека пришлось бы потратить много сил и наделать много шума. Впрочем, так оно и вышло — и человек подсобил, и шум получился...

Труднее оказалось вовремя увести этих олухов от разграбленных железных коробок, от оставшегося россыпью на мостовой едыва, от готовых вот-вот очнуться и кинуться в погоню, но пока — остолбенело застывших людей вокруг.

Харр готов был уже отказаться от своей затеи и отпустить ораву на все четыре стороны, попридержав только троих-четверых — тех что посмекалистей — чтобы поработать с ними, но все-таки смог переломить и собственное, накатившее на него отчаяние, и непроходимую жадную тупость оравы. Отступали псы от кормушки нехотя, но командам Харра все-таки

подчинились — рассыпались мелкими группами и покатались к пустынному, раскинувшемуся на круто спадающем к реке берегу, парку. Здесь — на узкой полоске берега — между темной стеной нестриженного, буйно разросшегося кустарника и светловатой стеной осоки, означившей кромку воды, Харр с грехом пополам провел задуманный инструктаж. Работать приходилось почти на одних эмоциях — настоящего языка здесь не знал решительно никто. Особо тупых и строптивых пришлось потрепать — без этого, видно, тут было нельзя. Но все-таки — Харр отметил это с удовлетворением — авторитет его в ораве стал почти непререкаем. Орава разбежалась — исполнять приказ-внушение и он смог наконец сосредоточиться.

С тревогой он заметил, что почти не ловит давешний зов тревоги. Может, место было неподходящее — такое бывает. Но, с другой стороны, надо было по-просту немного передохнуть и сосредоточиться. Харр замаскировался и затих. Дрема поползла на него невидимой дымкой. На короткое время он подчинился ей.

— Хотите — не хотите, а нам придется проверить все обстоятельства, связанные с вашей м-м... активностью, профессор. Знакомьтесь, — обратился Роше к дежурному, — это господин э-э... Анатолий Покровский — экс-советник Президента по Чуру. Сейчас пробует себя в роли Шерлока Холмса... Вы-таки задали нам работы, док... — он указал Покровскому на диван в углу кабинета.

— Так что устраивайтесь поудобнее. Это займет некоторое время. Позвоните домой, успокойте своих. Можете, конечно, звонить и адвокату, но как только ваши показания подтвердятся, я не буду вас задерживать дальше ни на минуту. Джон, подумайте о бутербродах. А вы, док, за это уж просветите старую ищейку в, так сказать, историю вопроса... Я-то как-то мало интересовался на своем веку Цивилизацией Чур...

— Очень хорошо, что пытки голодом у вас не приняты, — отвечив профессор истории, принимая из рук Роше трубку блока связи. — Это очень приятное обстоятельство...

Он набрал номер, коротко буркнул в трубку нечто не слишком членораздельное, но, очевидно, принятое слушателями, как достаточное объяснение его — профессора Покровского — пребывания в узилище и, возвращая аппарат комиссару, откашлялся и уже с интонацией профессионального лектора заметил, что рад видеть в лице господ полицейских лиц, интересующихся предметом его академических штудий.

Джон появился на пороге с пакетом, посетовал, что гамбургеры успели вконец скукожиться и убыл выполнять многочисленные поручения. Дежурный выставил на стол объемистый термос с кофе и сообщил, что господин Яснов просил, не стесняясь, угощаться оставленным напитком. И принялся сражаться с терминалом системы. После чего принял позу прилежного слушателя.

— Поселение землян на Чуре имеет долгую предысторию, — заметил профессор, отхлебнув глоток кофе и оценив его. — Собственно, Чур — это самая первая землеподобная планета, открытая людьми. Причем, заметьте, открытая задолго, очень задолго до начала подлинной космической экспансии Человечества. По злой иронии Судьбы, Чур оказался и наиболее отдаленным — и поныне самым далеким из Обитаемых Миров — и, в то же время, наиболее приспособленным к заселению людьми миром. В ставших известными относительно недавно фрагментах Запретного Эпоса мы находим невероятные по своей силе и красочности описания Девственного Мира — описания природы дикой, так никогда и не

покоренной природы Чура — его невероятно разнообразных лесов, степей, гор... Его озер, рек, океанов... Поверьте — читать апокрифические описания Странствий Первопроходцев — занятие не менее захватывающее, чем первое знакомство с книгами Толкиена или... — тут Покровский пошевелил в воздухе пальцами в том смысле, что слушатели должны понять о чем идет речь.

Роше понимающе отхлебнул кофе.

Действительно, Прерия ночью была другой планетой, чем днем, столица — другим городом, а люди их населяющие — другим народом. Большая Ночь странно изменяла все тут. И Киму стоило немалых усилий вновь узнавать ставшие уже было привычными улицы городского центра. Никак не кончающий моросить мелкий дождик делал странствие по ним особо путанным и неудобным. На кар Энни он чуть было не налетел в тот момент, когда уже решил, что вконец потерял его позорнейшим образом.

Полуспортивный Тендресс был припаркован у нелепой громады древнего Почтамта на редкость неожиданным образом. Ким только крякнул, счастливо избежав необходимости вписаться бампером в имущество корпункта Гэлэкси ньюс. Выйдя из кара, поежился под сеющим дождиком, окинул взглядом многоэтажную, похожую на док для дирижаблей, громаду здания. Задача нахождения иголки в стоге сена стояла перед ним в совершенно правильном масштабе — если принять во внимание размеры Почтамта и комплекцию Энни.

Войдя в широченные двери архитектурной громады, он понял, однако, что Черт все-таки не так страшен, как его малюют. Что до Энни, то она знала это всегда.

Когда-то — в худые времена Изоляции, когда дороги Республик Прерии всерьез переходили с электротяги на гужевую, для спасения энергетики начали строить электростанции на угле и нефти, а высокие технологии шли на убыль, бумажная документация расцвела на планете пышным цветом. Люди узнавали новости из газет, учились читать по отпечатанным на бумаге книжкам в картонных переплетах и писали друг другу обширные, на многих страницах письма — личные и деловые. И все эти горы бумаги армии служащих прокачивали через конвейеры, сортировочные столы и конторки огромного каменного улья, воздвигнутого на перекрестке проспектов Фрейда и Павлова.

Возрождение информационных сетей, компьютерных, волоконных, лазерных технологий опустошило этот муравейник. Часть залов арендовали теперь музеи и офисы, часть их пустовала, и лишь небольшая — в подземных этажах здания сосредоточенная — часть помещений использовалась по назначению. Среди них — лабиринт абонентских ящиков и знаменитый Почтовый буфет, известный всей пишущей братии Прерии, и ставший со временем претендовать аж на некую богемную исключительность. Основана такая претензия была, в основном, на низких ценах на снесь и спиртное — секрете, тщательно охраняемом многочисленной и, вообще-то, болтливым крапивным племенем людей пера. Всякий раз проверяя конфиденциальную почту своего корпункта, Энни заворачивала сюда. Сегодня — в последний раз. Билет в иные Миры уже ждал ее на Космотерминале, и чемоданы были уже давно уложены. По этому случаю можно было позволить себе погрузиться в одиночку над чашкой здешнего мерзкого кофе, сдобренного рюмочкой кюрасао. Для этой капли алкоголя был и другой повод — конверт, вынутый Энни из абонентского ящика. Письмо, написанное второпях на грани ночи и сегодняшнего утра, практически на ее глазах. Письмо издалека. Наверное — с Того Света...

И еще ее беспокоил человек, уныло потягивавший пиво у стойки бара. Она уже не

первый раз видела его сегодня. И вообще, он был знаком ей, но только вот — в какой связи?

Почему-то среди местных ослов укоренилось твердое убеждение, что собкорр Гэлэкси должен быть девушкой несметно богатой, общительной, легкомысленной и доступной, — с грустью подумала она, наблюдая за тем, как широко улыбающийся скуластый и моложавый тип уверенно взял курс к ее столику и радостно водрузил напротив нее здоровенную пиалу с азиатским чаем — скорее бульоном по меркам здравомыслящих европеоидов — смеси крепко заваренного черного плиточного чая, молока и много чего еще. Напрасно я злюсь на парня, — тут же упрекнула себя Энни. — Похоже он недавно здесь. И даю голову на отсечение, кто-то из его предков пестовал рисовые чеки не очень далеко от тех мест, откуда пришли мои прадед и прабабка. Можно сказать мы с ним одной крови. Где-то на четвертушку... Если не придирается к мелочам.

Тип тут же все испортил.

— Вы не возражаете?... — жизнерадостно спросил он, имея ввиду, видимо, их уже состоявшееся соседство по столику.

И с ходу продолжил:

— Видел вас в новостях, мисс. Очень жаль, что это — ваше прощальное выступление по здешнему Ти-Ви...

— Да, жаль, — признала Энни, дав своим тоном понять, что не склонна продолжать разговор и клюнула рюмочку с кюрасао.

— Боюсь показаться назойливым, но хотел бы попросить вас уделить мне пару минут... — Для разговора на эту тему... Я, видите-ли — лицо заинтересованное... Вы могли бы сильно помочь мне...

Тип протянул ей через стол запечатанную в пластик и заверенную карточку-лицензию на самостоятельное проведение расследований любых нарушений федерального законодательства, действительное в любом из Тридцати Трех Миров. Лицензия была выправлена на имя Кима Яснова и, похоже, не была уж очень большой липой.

Ну вот, — тоскливо умозаключила Энни. — А с виду казался порядочным человеком...

— Вас что — наняли искать господина Толле? — осведомилась она. — В таком случае, если не секрет, на кого вы работаете?

— Допустим, что я действую по собственной инициативе... — задумчиво предположил тип.

— Не допускаю этого, — отрезала Энни и решительно поставила на стол недопитую чашку кофе.

Поправила перекинутый через плечо ремень сумочки и решительно направилась к выходу.

— Допустим также, что не только вы располагаете информацией, необходимой мне... — продолжал настырный тип, с удивительной непринужденностью, сопровождая ее в стремительном движении к ведущему наверх, в огромный общий зал, эскалатору. — Может и у меня найдется что-то, что сможет заинтересовать вас...

— Послушайте, это ваша Тойота висела у меня на хвосте последние полдня? — резко спросила Энни и ускорила шаг, не ожидая ответа.

Это уже интересно... — подумал Ким. — Я катаюсь на казенном Полюсе. Спутать трудно.

Блок связи на боку у Кукиша бесшумно завибрировал. Он хмуро поднес зловерный аппаратик к уху.

— Послушай, — довольно зло спросила его трубка, — по-моему, это ты утверждал, Кукиш, что возьмешь Гостя тепленьким вместе с э-э... принимающей стороной? Мне представлялось, что ты это будешь делать как-то иначе, чем вот этак вот — ожидая у моря погоды. Ты что — ожидаешь, что клиенты сами собой вылупятся на свет божий, если ты у себя в засаде на своей улице Темной Воды положишь себе под задницу дюжину яиц и будешь сидеть подольше?

— Это всего лишь один из вариантов, шеф!.. — энергично возразил Кукиш против подобной оценки его деятельности. — Я направил Меченого и Рубинчика... А здесь я вовсе не жду у моря погоды, а пытаюсь найти тут — в хозяйстве Мепистоппеля — какие-нибудь концы...

— Пожалуйста без деталей... — на том конце канала связи Великий Магир раздраженно скривился. — Конечно — ты будешь искать концы, а тем ребятам, что нас обштопали на Космотерминале, тем временем надоест валять дурака и они сами придут домой. Вместе с дорогим гостем...

— Но шеф... — раздосадованно попытался возразить Кукиш.

— Я жду результатов! — отрубил шеф. — И не далее как сегодня. Завтра разговор пойдет по-другому!

Кукиш скрипнул зубами, прицепил умолкшую трубку на место и зло прошипел:

— Ну так что имеем, ребята?

Ребят было четверо.

Чернявый Халид деловито, один за другим, курочил замки многочисленных шкафов, ящиков и ящичков, заполнявших лабиринт внутренних полуподвальных помещений Проката гробов и выворачивал наружу их содержимое. Предметы Мепистоппель хранил в своем логове самые невероятные: тут попадались и шкурки гринзейского бурундука, безнадежно траченные молью, и камеи с Шарады — жуткая подделка, разумеется, и прозрачные голографические маски из какого то еще Мира — те, что до неузнаваемости искажают облик того, кто их надел... Маски, кажется, были настоящие. Еще здесь была уйма контейнеров, пакетов и мешочков с какими-то экзотическими видами корма для неизвестно каких тварей. И много чего еще.

— Это вот — кисет Тони, — сообщил Халид, кивнув на брошенный на подоконник кожаный кошель. — И его Трубочник там, внутри... Так что, может, этот тип — где-то поблизости... Или, наоборот — случилось чего с ним... Обычно он эту штуку так вот не бросает — уважает он хреновину эту сильно...

— Спасибо, утешил... — Кукиш повернулся ко второму своему подручному. — У тебя что там, Лысый? Хотя... — он снова повернулся к Халиду. — Сунь-ка в эту штуку вот это... Может быть имеет смысл предусмотреть и такую комбинацию...

Он протянул Халиду небольшую, под кусочек щебня оформленную радиозакладку, и снова обратился к лишенному макушечной растительности подчиненному. — Я тебя слушаю, Поччо...

Лысый Поччо с головой ушел в раскладывание на очищенном для этой цели от хлама столе содержимого секретера Мепистоппеля и вообще — всех сколь-либо вразумительных документов, обнаруженных людьми Кукиша в доме 15 по улице Темной Воды. Это занятие его увлекло не на шутку — он даже не расслышал вопроса шефа.

— А? — спросил он, оторвав нос от пожелтевших счетов и квитанций. — Да тут кое-что интересное вырисовывается — вот тут счета за аренду склада... Где-то на Птичьих Пустошах...

— Ох и ох... — у черта на куличках... — буркнул Халид.

— Ну и что, что аренда? Что, что склада? — уныло осведомился Кукиш.

— А то, что склады на Птичьих — это просто заброшенные подвалы. Пока не построили северные дамбы там все время что-нибудь затапливало... Там ни один идиот ничего не хранит... А потом — что этому голодранцу там хранить — корм для мышей с Бетельгейзе? У него и в центральном оффисе шаром покатыть можно, половина шкафов — пустые, а он — арендует склад. Кстати, года два про него не вспоминал, а позавчера только — возобновил аренду... Свеженькая квитанция, — Поччо протянул Кукишу листок.

— Это — уже что-то... — задумчиво заметил Кукиш, крутя бумажку перед носом. — А у вас что, умники... Нашарили что-нибудь в подземелье вашем?

Мрачный Кноблех — это ему вчера выпало шарить под мостками на Ближнем в бесплодных поисках убиенного адвоката Гопника — уже давно порывался доложить обстановку.

— Во-первых, это — не наше подземелье, а чудака этого... — уточнил обстоятельный Кноблех, а во-вторых, это — вообще, ход такой — из ниоткуда в никуда... Потом, что главное — нет там ни фига. Туда кроме нас с Берни года два ни один дурак не спускался — паутина даже не тронута. Зря только Берни страху натерпелся.

— Берни чего-то испугался там — внизу? — непряженно поинтересовался Кукиш.

Берни, бывший сержант Космодесанта, в парнях робкого десятка не ходил.

— Еще как испугался — просто до поносу... — заверил шефа Кноблех. — Какого-то паршивого привидения — всего-то...

Нахлобучил шляпу и подался в уголок — раскурить отложенный до поры огрызок сигары. Отменно вонючий.

Кукиш возрился на старательно освобождающегося от остатков паутины и заплесневевшей трухи Берни — в другом углу.

— Там было привидение, сержант? — ядовито поинтересовался Кукиш у сурового усача.

— Точно, парень, — согласился покладистый, но не склонный блюсти субординацию Берни. — А если правильнее выразаться, то не столько привидение, сколько как бы что-то в виде смеси кенгуру с полярным сиянием и помноженное на крысу...

— С утра у тебя было время опохмелиться, — сурово заметил на это Кукиш.

— Нет, там, действительно, было что-то такое... светящееся, но очень маленькое... — подтвердил показания товарища Кноблех и выпустил струю ядовитого дыма — деликатно, в сторонку. — Я думал — гнилушка, но оно сильно пищало. Впрочем, все равно, эта штука сгинула куда-то... А Мепистоппеля там искать нечего — никаких следов...

— Короче, объясняю для глупых, — пояснил Берни. — Пушистый призрак то был. Кранты нам, другими словами. Сколько я в Десантуре чертовщины не насмотрелся, а хреновее приметы, чем Призрака, повстречать — нету...

Кукиш от бешенства скрипнул зубами: байки Усатого Берни о его похождениях на просторах Космоса сидели у него в печенках. Вместе с сотнями и тысячами примет, из которых — ни одной путевой.

— Ты, сержант, набрался у себя в Десантуре вредных суеверий больше, чем порядочный

кобель блох на помойке... — веско сказал он, показывая всем своим видом, что дурацкий разговор окончен.

— Суеверий или не суеверий, а претя сюда кто-то... — сообщил Халид. — Контролька на черном ходе сигналит...

— По местам! — коротко скомандовал Кукиш.

— Господин Комски распорядился... — человек в белом халате замер на пороге кабинета, ожидая реакции хозяина.

Тот только вопросительно блеснул насаженным на нос пенсне — редко когда господин Саррот позволял себе украсить свое лицо этим антиквариатом — пенсне делало его похожим одновременно на древнего писателя и драматурга Чехова и на не менее древнего разбойника и теоретика мировой революции Троцкого. Обоими сходствами шеф планетарного филиала Дженерал Трендс и гордился и тяготился — тоже одновременно.

— Господин Комски распорядился в том смысле, что если на почтовом ящике, который он изыал в э-э... Кафе букинистов, найдутся интересные следы, то мне следует, не дожидаясь, пока он возвратится с задания, доложить об этом лично вам...

Руководитель Отдела Экспертизы филиала Дженерал Трендс перевел дух.

— Так докладывайте, Генри, и не толките воду в ступе! — раздраженно приказал шеф.

— Основной материал — остатки записки, обработанной фотосенсибилизатором, восстановлению не поддается. Но... На книге найдены многочисленные отпечатки пальцев объектов Прокат-1, Прокат-2 и Седой, — начал Генри. — Отпечатки датируются различными сроками...

— На какой книге? — прервал его Саррот. — Я не в курсе ваших деталей...

— Почтовым ящиком, который нам передал для срочного анализа герр Комски, была книга. Малый атлас Четырех Миров. Имитация раритетного издания... — Генри откашлялся. — На обложке и двух страницах, кроме уже упомянутых, найдены отпечатки, идентифицированные по имеющимся у нас копиям файлов МВД Объединенных Республик. Они имеют странность...

Пенсне Саррота раздраженно и вопрошающе сверкнуло вновь.

— Они принадлежат некоему э-э... — Генри справился в записях, — Перу Густавссону, отбывающему срок заключения согласно приговору суда по делу известных вам Шести портов...

Господин Саррот снял пенсне и уставился на собеседника близоруким, ничего не понимающим взглядом.

— Кроме того, заключенный Густавссон не был ни освобожден досрочно, ни объявлен в розыск... И срок его заключения ИУСТ не истек... Отпечатки, однако, оставлены им всего несколько часов назад. Нет, — Генри предупредил возможный вопрос. — Тут не может быть ошибки. Единственно разумное предположение — книга была кем-то срочно доставлена из ИУСТ сюда — в Кафе букинистов...

— Вы долго думали, прежде чем его сделать — это предположение? — ядовито осведомился шеф.

И, не дождавшись вразумительного ответа, попросил:

— Продолжайте. Или заканчивайте...

— Еще найдено, что ряд букв в приложении атласа — в разделе указателей особым образом помечен...

Саррот продолжал сверлить подчиненного близоруким вопрошающим взглядом.

— Отметки, которые несет текст, сделаны карандашом, еле заметно, но легко обнаружимы. Мы прогнали эту информацию через систему дешифрации и получили двадцать четыре осмысленных варианта расшифровки.

Генри протянул шефу пачку распечаток.

— Вы хотите, чтобы я прочитал все двадцать четыре? — с ласковым гневом осведомился тот.

— Нет... — Генри смутился. — Из них только один читается как адрес. И адрес этот соответствует одной из записей в наших файлах. Вот...

Господин Саррот принял листок из рук шефа экспертизы, воздел пенсне на нос, прочитал: ZELLER 3 STAR 12 1118 и снова снял пенсне. Положил листок на стол, пенсне — на листок и ночной птицей нахохлился над столом.

— Спасибо Генри, — глухо сказал он. — Вы свободны...

Господи, — спросил Бога человек, коротавший время за пивом у стойки. — Кто это увязался за чертовой китайкой?... Готов поклясться, что я знаю этого пентюха. Видел его... Да это же — этот тип из Метрополии — Яснов! Как я не предусмотрел этого! Ждать больше нечего...

Он поднялся и двинулся следом за стремительно удаляющейся парой. Расстегнул пиджак и осторожно привел в боевую готовность скрытый под ним компактный автомат.

И еще один человек двинулся за ними. Сержанту Манфреду Кроне совсем не понравилось, что схема операции, которую ему с предельной ясностью втолковал Гурам, резко перекосилась и, чтобы не терять из виду Тихоню, ему пришлось двинуться через пустоватый зал, привлекая к себе совершенно излишнее внимание.

Ким Яснов был бы просто недостоин своей лицензии детектива, если бы не обратил внимания на этот маленький переполох.

Какого черта за нами увязался тип из жандармерии? — чуть рассеянно подумал он.

Энни ступила на торопливые ступени эскалатора. Чтобы ответить на назойливое жужжание Кима, она повернулась к нему — он уже был снова рядом. Отставая от них на пару шагов, на ступени вскочил тот самый худощавый любитель пива — сухой человек с резкими, словно шрамы, складками на лице.

— Мисс! — окликнул он Энни.

Младший следователь Смирный... — с легким удивлением констатировал про себя Ким.

Дальше события развивались слишком стремительно.

Впоследствии Ким не раз прикидывал и так, и этак — как обернулось бы дело, не поторопись неопытный жандарм, шедший в образовавшейся связке третьим, обнажить ствол. Узи-микро в прижатой к корпусу руке Смирного он заметил уже долей секунды позже. А в тот момент именно это — оружие в руках сержанта Кроне — заставило замкнуться в мозгу Агента на Контракте какой-то маленький, чисто профессиональный контур, который хранил в себе простенькую схему: Б стреляет в А, а В стреляет в Б. И шито-крыто. Против этой последовательности событий Агент на Контракте и работал дальнейшие тридцать секунд.

Резко толкнув Энни в сторону, он бросился на ступени, выбросив обе ноги вниз по ходу движущейся лестницы. Со стороны могло показаться, что неожиданно сдуревший посетитель буфета решил напоследок лихо съехать по эскалатору на собственных ягодицах.

Получив удар прочными походными ботинками по щиколоткам, Смирный взмахнул руками, словно увидев старого друга, и грянулся в объятия Кима. Впрочем, сориентировавшись уже в полете, он уберег свое оружие от профессионального захвата и, успешно вывернув руку Агента на Контракте, ткнул его носом в ступени. Оба тут же попытались вскочить на ноги, но именно в этот момент эскалатор доставил всю образовавшуюся кучу-малу в главный зал Почтамта и с облегчением вывалил всех ее участников на мраморную мозаику его пола.

Исключение составил сержант Кроне, который еще только по-пояс вынырнул с подземного уровня и сразу понял, что присутствует при попытке арестовать его объект. Инструкция на сей случай была совершенно четкой. Он снова вскинул пистолет.

— Сейчас укакошат моего главного свидетеля! — с досадой подумал пребывавший на четвереньках Ким и, сделав поднимающемуся в полный рост Смирному короткую подсечку, резким броском накрыл его сверху.

От полученного тут же прямого в челюсть, мир на мгновение превратился для него в подобие фейерверка. Однако цель броска была достигнута. Кроне продырявил из своего ZZ-21 не Смирного, а всего лишь пространство, в котором тот находился долю секунды назад.

Совершивший третью — более успешную — попытку подняться, и разминувшись с первой выпущенной в него пулей, осатаневший Тихоня не стал дожидаться второй, а срезал неожиданного нападающего короткой — на четыре выстрела — очередью. И тут же получил удар ребром ладони чуть позади уха. Удар Энни нанесла вполне профессиональный, и Тихоня послушно грянулся оземь, на несколько минут предоставив событиям идти своим чередом.

— И по все той же злой иронии Судьбы, — продолжил профессор, — обе экспедиции землян, в разное время достигшие Чура, оказались пленницами этой земли за Тысячью Небес. Первая — по причинам техническим: доставивший их на Чур Странник оказался неспособен на обратный рейс — трагедия целого ряда экспедиций того времени. Поняв — где-то к тому моменту, когда надо было начинать торможение на подлете к намеченной цели — тоже достаточно удаленной от Земли и Солнца звездочки — что стремительно состарившиеся в полете отражатели и несущая конструкция корабля не выдержат больше одного цикла такого торможения, и следовательно дороги домой нет, экипаж Странника решил достигнуть иной — предельно удаленной — планетной системы, единственным преимуществом которой было наличие в ней пригодной для жизни землян планеты. Планету эту — Чур — обнаружил автоматический, невозвращающийся зонд. В задачу Странника, кстати, как раз и входило — среди прочего — принять, обработать и сообщить на Землю сигналы с этого, на полвека раньше ушедшего в Дальний Космос зонда.

Вторая из этих двух невернувшихся экспедиций — та, что прибыла на Чур на Вызове и Колумбе изначально не собиралась возвращаться к Земле — по причинам политическим: экипажи обоих кораблей сразу после выхода на маршевый режим учинили мятеж и сознательно навсегда покинули пределы тогдашнего Обитаемого Космоса, в котором всюду шел процесс создания Империи... Неизвестно откуда заговорщики, подготовившие мятеж, узнали о самом существовании Чура и о возможности жизни на нем — в архивах Империи не было впоследствии найдено достоверных упоминаний об этом Мире. Впрочем, существует довольно логичное предположение — его подтверждают несколько малоизвестных апокрифов — что материалы, относящиеся к полету и исчезновению Странника, были заблаговременно изъяты из этих архивов или искажены с помощью

компьютерных вирусов самими заговорщиками. Среди них были довольно влиятельные лица... По этой то причине и не удалось организовать погоню или хотя бы карательную экспедицию вслед мятежникам. А в дальнейшем, тема Вызова и Колумба стала вообще запретной в документации Империи. Еще бы: потеря почти трети космического флота дальнего радиуса действия была неслыханной пощечиной тогда еще совсем молоденькому имперскому режиму... Да-да: в то время два корабля такого полетного радиуса были предельным достижением земной науки и технологии — и таковыми оставались до очередной революции в физике. А до революции этой было ох как далеко...

Даже если бы точное местонахождение Чура и было бы достаточно хорошо известно, долгое время приказ отправляться в те места — выяснять отношения с непокорными беглецами — означал билет в один конец: Чур располагался на пределе достижимости для любого корабля первого периода межзвездной экспансии — при условии полета только туда. Даже несколько за этим пределом... Империя не решилась выдать такой билет. Никому и никогда: межзвездный корабль — слишком самостоятельная штука.

— Дьявол! Невери разбился... — вздохнула Энни, подкидывая на ладони осколки каменной безделушки.

— Кто? — спросил Ким, не отрывая взгляда от мокрой пуганицы темных улиц, по которым ему пришлось вести кар.

— Невери-би-Невери, — со вздохом пояснила Энни. — Бог Счастья-Которого-Нет. Это его талисман. Видите — маленький пустой трон.

— Никогда не мог разобраться в пантеоне Пестрой Веры... — признался Ким. — А я думал, вы более склонны к буддизму...

Он протянул ей подобранные с пола каменные шарики — довольно увесистые с изображением Ий-Янь — судя по всему настоящие моленные, магические шарики.

— Будда — бог моих предков. — Энни деловито уложила и эти атрибуты веры в нарядность вместительную для ее кажущихся размеров сумочку. — И мой — тоже. Немножечко... А Пестрая Вера — она из детства... Когда я была ребенком, мы долго жили на Шараде... Ничего — всегда полезно иметь второго бога. Если первый подведет.

Она ссыпала останки пострадавшего в бою талисмана в сумочку и придирчиво осмотрела свой блок связи — самый маленький Эрикссон, который Киму доводилось видеть наяву.

— Кажется цел... — удовлетворенно констатировала она и отправила аппаратик вслед за остатками трона несуществующего бога. — Вы здорово приложили меня об поручни, надо сказать. Хорошо хоть кости целы...

— В другой форме заботу о вас я в тот момент проявить не мог... — чуть раздраженно пожал плечами Ким. — Надо же и журналистам спасать жизнь, даже когда они и не хотят делиться своими секретами с бедными частными детективами...

— Гораздо большую заботу вы проявили о господине Смирном... — ревниво возразила Энни. — Вот его вы спасали не щадя живота своего... Повернитесь сюда... У вас опять потек нос...

Она стерла клинексом кровь с подбородка Кима.

— И не грузите мне про то, что вы — бедный частный исследователь. Когда вы предъявили набежавшим легавым свои настоящие документы, копы чуть ли не под козырек взяли...

— Ну, господина Смирного я не мог не спасти — он сейчас, думаю, дает интереснейшие показания людям из ГБ, что так быстро прибыли за ним. Надеюсь, что и второго типа — того, что изображал жандарма — тоже еще вытянут на этот свет... А моя лицензия на частный сыск тоже вполне настоящая...

— Тоже... — презрительно пожала плечами Энни.

— Я просто работаю здесь по договору с Федеральным Управлением Расследований. Они, видите ли, не удосужились учредить в этой чертовой глуши свой постоянный филиал... И, кстати, забыл вас поблагодарить — если бы вы не уложили этого типа, он, пожалуй, еще имел бы шансы довести свое дело до конца...

— Не стоит благодарности. Вообще-то, сначала я подумала, что вы — уголовник... — призналась Энни. — Слишком аккуратно одеты. И к тому же половина частных детективов здесь принимают заказы от мафии. Так что ваша бумажка только усилила подозрения... Ну да ладно. Теперь мы с вами почти породнились — спасение жизни и все такое... Оба попали в сводку новостей, в конце-концов. У вас есть право задавать мне вопросы. Но я начну первая: куда вы, в конце-концов, везете меня?

— За город. С вашего позволения. Вам неплохо будет посидеть пару дней в наших конспиративных апартаментах — пока я вам не обменяю билеты и вообще пока не подстрахую вас с выездом отсюда.

— С вылетом, господин агент, — поправила его Энни. — С вылетом — в прямом и переносном смысле... Ну так тогда и с моей визой — она теперь будет просроченной — урегулируйте вопрос сами... В жизни бы не согласилась добровольно сесть под замок. Но сегодня меня сильно перепугали... Видит Бог — сильно...

— Вы не будете скучать — там есть Ти-Ви... — пообещал Ким. — И голодать тоже не будете — я буду приносить вам лапшу по-пекински. Ее делают неподалеку оттуда...

С минуту они молчали. Потом Ким осторожно осведомился:

— Скажите, информацию о похищении Гостя вы получили от Гонсало Гопника?

— Да... О Боже мой — я чуть не забыла про это!

Она извлекла из сумочки и бросила на колени Киму чуть помявшийся белый конверт.

— Это Гопник отправил на свое имя. Со срочным возвратом при неполучении в указанный срок. С обратным адресом моего бокса. Этой ночью. Он ко мне приперся прямо со дна реки... В буквальном смысле этого слова. Мы с ним, вообще-то, общались раньше. Он продавал Гэлэкси кое-какие новости из здешней криминальной жизни. Не только мне, впрочем. Но когда понял, что влип в дело с похищением Гостя, сразу вспомнил про меня. Дело в том...

— Дело в том, как я понимаю, — закончил за нее Ким, — что именно вы опубликовали материалы по предстоящему визиту Толле, и именно вас за это лишили аккредитации... Значит вы и будете больше всех заинтересованы в сенсационном материале на этот счет. И заплатите больше других...

Он врубил автопилот и принялся вскрывать конверт.

— Гонсало смылся от мафии... От людей Магира, я подозреваю, — пояснила Энни. — И его отрезало и от денег, и от всего... Так что оставалось только продавать секреты...

Ким вытряхнул из конверта пару мелко исписанных листочков. Внимательно прочитал их. Потер лоб и, со словами О, Гос-с-споди! схватился за трубку блока связи.

«Проклятье, хорошо было доку Зеллеру сказать этак: «Сами поймете, когда

закончится...» — Пер с трудом поднялся с измятой кровати и пошатываясь двинулся в ванную. Подставил голову под струю холодной воды и попытался сосредоточиться. Собрать воедино разбегавшиеся мысли стоило ему довольно большого труда.

Собственно, он не мог сказать себе изменилось ли что-нибудь в нем или эти часы болезненного блуждания мысли по зыбким лабиринтам — там, на границе яви и бреда, где кончается твое я и начинается... Начинается что?.. Или все это было напрасным и врата остались закрытыми? Врата в мир странной тайны, которая взорвала его жизнь и свела с доком Зеллером и Агентом на Контракте Кимом Ясным.

Пер еще раз энергично потряс головой.

Пора было возвращаться в этот мир, где эти двое ждали его звонка. Интересно, человек, внезапно утративший разум, способен понять что с ним случилось? — подумал Пер. — Или продолжает пребывать в уверенности, что рассудок его ясен? Вот как я — сейчас.

Надо было как-то провериться. Устроить тест. Сперва — память...

Он воспроизвел в памяти те слова тарабарского наречия, что были написаны на листке, вложенном в Атлас Четырех Миров. И чуть удивился: никакого секрета в них не было — это же был давнишний его собственный код. Специально, чтобы морочить голову излишне любопытному народу. Слова пиджина испано-язычного населения одного из анклавов Шарады. В основном числительные и всякая такая ерунда... Но ни к испанскому, ни к числительным это на самом деле отношения не имело: играло роль только число букв в слове. Так он записывал номера каналов связи в универсальной десятизначной системе, принятой в Федерации. Два слова лишних — с начала, если фраза начинается с гласной или с конца — если с согласной. И знаки препинания — для отвода глаз. Все очень просто.

Это было так же удивительно, как если бы вдруг заговорил доставшийся ему в наследство попугай. Где это ему случалось читать этакое сравнение... Так или иначе все это значит, что ключ удачно повернулся в своем замке... Пер не стал даже сверяться с засунутым за плинтус листком. Вытащил его и спалил. Сделал запрос в информационную сеть. Имя и адрес, которые появились в ответ на экранчике его блока связи, ничего не говорили ему. Подождем с этим. — решил он. — Сначала прощупаем этого человека. Но и это — потом. Возможно, это вообще не имеет отношения к делу. Сначала — звонок доку.

Он присел на кровать, взял трубку приютившегося на тумбочке стационарного гостиничного блока связи и набрал номер.

Зеллер поднял трубку почти сразу после первой трели сигнала вызова. У него были все основания поторопиться: под подбородок ему упирался обрез пистолетного глушителя. Глушитель был надлежащим образом повернут к стволу Парабеллума, а с другого конца этого ствола был добродушный, похожий на бессмертного Швейка человек. Его так и звали — Йозеф. Правда фамилия его была не столь мирная — Мессер. Он отвечал за режим секретности филиала Дженерал Трендс в Объединенных Республиках Прерии-II.

Йозеф подал доктору знак, и тот придавил клавишу mute на своей трубке.

— Постарайтесь потянуть время, доктор, — ласково попросил он и кивнул парню, лихорадочно работавшему над клавиатурой подсоединенного к блоку связи компьютера системы детекции.

— Звоню вам, как и было условлено, доктор... — раздался с того конца линии связи голос Пера.

Йозеф внимательно поглядел в глаза доктора. Тот утвердительно прикрыл их.

— Как вы себя чувствуете, господин Густавссон? — спросил он вслух. — Не испытываете м-м... сильной депрессии?

— Как сказать... Во всяком случае — могу, как видите, поддерживать разговор с вами...

Перу что-то не понравилось в голосе дока. Даже опытный профессионал не заподозрил бы тут подвоха. Но не человек, прошедший десять лет в системе Чур.

— Ну что ж... — доктор провел языком по пересохшим губам. — Теперь послушайте меня внимательно...

— Что вы сказали? — переспросил Пер и окинул взглядом комнату, в которой находился.

— Я сказал: послушайте меня внимательно... — док сделал паузу.

Парень с компьютером поднял свой ноутбук, чтобы всем было видно и показал Йозефу высвеченные на дисплее строки. Тот неслышно щелкнул в воздухе пальцами и двое из четырех мрачноватых типов, подпиравших стены кабинета доктора Зеллера, оторвались от косяка двери, прочитали выданный компьютером текст и, кивнув Йозефу, быстро вышли.

— Я проведу с вами короткий тест, — пояснил док, — потом вы подъедете ко мне и мы проведем э-э... глубокое обследование... А теперь — отвечайте на мои вопросы быстро и не задумываясь. Сейчас я продиктую вам последовательность цифр и вы мне ее воспроизведете... Не беспокойтесь, что не все ухватите сразу, так и должно быть...

Пер аккуратно пристроил продолжающую ворковать трубку на подушке и тихо и молниеносно встал. Прихватил стоящую на готове сумку-рюкзачок с ноутбуком и конспиративным барахлом, закинул на спину и закрепил понадежнее. Метнулся снова в ванную, отворил вентиляционное окно над полкой со всяческими принадлежностями, подобающими функциям этого помещения. Приемом старого скалолаза поднялся по стене тесной комнаты и, протиснувшись в окошко, оказался в щели между двумя построенными впритык зданиями. Спуститься по ней на три этажа вниз, держась на распорке — руками и ногами — меж шершавых, красного кирпича стен было скорее непривычно, чем трудно. Вдали — в каптерке дежурного заголосила сигнализация взлома.

Доктор Зеллер выдержал довольно длинную паузу.

— Вы слушаете меня, господин Густавссон? — осведомился он. — Алло? Вы меня слушаете?

Потом повернулся к Йозефу и высоко поднял плечи.

Наступил самый неприятный момент в этой их встрече.

Йозеф, чуть скривившись, принял от дока трубку и для порядка пару раз дунул в нее. Потом поднял на дока глаза.

В отличие от его лица — оплывшего и добродушного — глаза эти были злы, остры и холодны.

— Как это понимать, доктор? — осведомился он, прижимая клавишу гасителя звука. — Так что же — вы выполняете свои обязанности перед индивидуальными клиентами с куда большим тщанием, чем перед таким солидным заказчиком, как Дженерал Трендс?

Он резко положил явно ставшую бесполезной трубку на стол.

Док нервно пожал плечами.

— Этот клиент — довольно странная птица... Я не могу отвечать за его поступки. Вы сами слышали наш разговор. Вы просили потянуть время и я это сделал. Возможно, этот тип

что-то заподозрил...

— Хорошо, если так... — Йозеф задумчиво отбил своими короткими пальцами короткую дробь по краю стола, на котором устроился, напоминая позой и комплекцией Карлсона из старой детской сказки. — Хорошо, если так... Надеюсь, что вы не забудете дать нам знать вовремя — я повторяю: вовремя — когда клиент напомнит вам о себе...

Он сунул Парабеллум в наплечную кобуру и соскочил со стола. Махнул своим людям, и те не торопясь покинули кабинет. Йозеф вразвалочку последовал за ними. На пороге — обернулся.

— Я надеюсь, доктор... Я надеюсь, что вы достаточно хорошо понимаете, что только те услуги, которые вы оказали и продолжаете оказывать нашей м-м... нашей, так сказать, конторе, заставляют меня воздержаться от более энергичных действий в отношении вас. Но все имеет свои границы... Все, доктор...

— Я прекрасно понимаю вас... — развел руками доктор.

Двери за пухлым Йозефом закрылись. Доктор обессиленно опустился в кресло, в котором обычно принимал пациентов. Помассировал сразу отяжелевшее лицо, поднялся, достал из стенного шкафчика толстостенную колбу, налил себе граммов семьдесят неразбавленного спирта и залпом выпил.

Выбравшись из щели между домами, на — слава Богу — безлюдную улицу, Пер отряхнул одежду, пересек проезжую часть и вошел в подъезд дома напротив. Это тоже была гостиница. Он поднялся на второй этаж и устроил импровизированный наблюдательный пункт у коридорного окна, замаскировавшись к месту случившейся шторой. Ждать пришлось недолго.

К выходу из давешней щели почти одновременно подкатили золотистый «Меркюри-кэн» и полицейский «Полюс». Из обоих вышли плечистые громилы — в униформе и в штатском — покрутились у щели, старательно не обращая друг на друга ни малейшего внимания, убралась восвояси. Пер позвонил Агенту на Контракте — так, чтобы успокоить — и тоже отправился по своим делам.

... Так что развитие Цивилизации Чур — на первых ее этапах — происходило в благостной изоляции от цивилизации имперской. Но — в ее зловещей тени, — Покровский грустно улыбнулся.

Мир, в котором жили и который создавали первые поколения переселенцев на Чуре, был похож на некую героическую сказку. Она — эта сказка — потом так ранила души тех, кому выпало пережить крах и самоуничтожение ее, что они объявили все рассказы о прошлом Запретным Эпосом. Прокляли.

И тем, конечно, обеспечили им бессмертие.

Возможно, в ней и было нечто такое, за что ее стоило проклясть — эту сказку... Да, Запретный Эпос полон героизма — им было от чего стать героями, первопоселенцам Чура: звездные корабли доставили на планету, фактически только людей и знания. Всего остального: оружия, техники, продовольствия хватило только для заправки, для того только, чтобы инициировать рождение новой человеческой цивилизации в новом, пусть даже и весьма благосклонном мире. Но не поддерживать его дальше. Исключение из этой ситуации тотального технологического и продовольственного дефицита было только одно: мощности энергоустановок звездолета с лихвой перекрывали все потребности мятежной колонии на

протяжении, практически, всей ее истории. Но энергия, сама по себе — сколько бы ее ни было — не заменяет ни зерно, ни станки, ни крышу над головой. Сперва особо плохо дело обстояло с продовольствием: мощности бортовых биосинтезаторов катастрофически не хватало, чтобы прокормить растущее население колонии. На борту Странника был набор семян растений и латентных эмбрионов животных сугубо академического предназначения. Потребовались десятилетия кропотливой селекционной работы, чтобы адаптировать всего несколько сельскохозяйственных культур к почвенным и климатическим условиям Чура. А из животных прижились только кони... И Псы.

Собак везли с собой живыми — в качестве домашних животных — кое-кто из офицеров команды Странника. И они сильногодились на планете — за отсутствием практически любого другого дружественного человеку животного. Стали своего рода хранителями домашнего очага. Приобрели особый статус. Вокруг них сложился своего рода культ... А вот кошки — из размороженного материала — все или отдали душу своему кошачьему Богу, или покинули хозяев и образовали в лесах странный симбиоз с тамошним зверьем — сумеречные стаи... В общем-то враждебные людям. И этим все и ограничилось — с земным зверьем.

Бог, однако, милостив, и довольно скоро и успешно первопоселенцы освоили местные виды растений и животных: в конце концов, биосфера Чура в основе своей — биохимически — отличалась от земной всего-то двумя аминокислотами и одним нуклеотидом... Пришельцам с Земли повезло и с микрофлорой Чура: болезнетворных для земных существ микроорганизмов там было немного и земные методы иммунизации и медикаментозного лечения работали достаточно эффективно.

Так что только от самих бывших землян зависело во что превратить эту планету — в ад или в рай...

Сквозь неглубокий сон Харр чувствовал, как поодаль — на проходящей вдоль черты парковой зоны грунтовке — притормозил полицейский кар — он уже хорошо различал их по звуку — и из него, сопя и ругаясь, вылезли двое.

— Это тут где-то, — говорил один. — Ближе к реке... Я прямо глазам своим не поверил... Стая... стадо... Голов в сто, может, побольше... Как-то странно сбегаться они стали — такими... кучками... И тут же хороводиться этак стали — тоже странно очень... И, вообще, какие-то они были... Знаете, обычно, как набегут кобелины проклятые числом более одного, так лай стоит до небес и мех летит по сторонам — только успевай подметать... А эти — понимаете, не то, чтобы без этого, но... Понимаете, то они взлают, то затихнут и скулят — словно бы хором, только на разные голоса... Может больные? Затащили какое-нибудь хитрое бешенство сюда — с того же Харура...

— Следов действительно — много... — согласился второй, судя по всему, офицер полиции. — И шерсть...

Они стояли в десяти шагах от Харра, но и не думали замечать его. Ни с кем д-о-м-а такого не могло бы случиться. Но для этих вечно расслабленных увальней достаточно было простой ночной заслонки, такой, какую Харр приучен был выставлять чисто подсознательно еще в детстве, когда ему приходилось возиться с малышами — чтобы те не беспокоили его во сне.

И сейчас ему даже не надо было просыпаться: простенький набор защитных реакций: почти неслышимых, за гранью восприятия находящихся, звуков, которые без особой затраты сил производили его носоглотка, голосовые связки, легкие, когти; та фактура, которую

принимала его шерсть, рисунок, в который вписывались полурасслабленные мышцы тела, надежно рассредоточивали внимание ставших в полутьме подслеповатыми человеческих существ, делали его неприметной частью окружавшего их ночного мрака. Конечно, Харру было далеко до того, что умели вытворять боевые Псы-невидимки — он то был всего лишь Опекун. Опекун и защитник. Но здесь, среди вконец одичавших, бесхозных подобий людей, населяющих такой огромный, прекрасный и милостивый к ним Мир, для того, чтобы сыграть в невидимку не надо было даже размыкать веки.

Двое бестолковых созданий еще поприперались между собой и не придя, разумеется, ни к какому путному решению убыли по своим делам. Подопечный, конечно, много рассказывал Харру про порядки и обычаи Мира, в котором им предстояло гостить, но все таки так и не подготовил его к пребыванию в том, царстве непуганных растяп, в которое ввергла его Судьба.

Легкий, призрачный полусон снова начал уносить Харра на своих зыбких волнах. И странно — в этой стылой мгле все четче и четче стал слышаться ему тот странный зов. И одновременно с этим пришло неведомо кем или чем подсказанное понимание того, что торопиться с этой странной мольбой о помощи сейчас не стоит...

Из дремы Харр вынырнул легко: подсознательно он только и ждал, когда вернется — разумеется с дьявольским треском и шумом — первые из его посланцев.

Шуму посланцы наделали ровно столько, сколько Харр и ожидал. А вот числом своим превзошли его ожидания: привели с собой новичка. Новичок был отменно шелудив и голоден. Одно ухо — рваное. И от него пахло Тором.

Адельберто Фюнф поставил на землю грозящий рассыпать свое содержимое пакет с закупленным провиантом, вставил тяжелый, металлический ключ в фигурный вырез скважины замка и похолодел: тот и не думал поворачиваться против часовой стрелки, как то было предусмотрено нехитрой процедурой отпираания тяжелой складской двери. Оно и понятно: дверь-то была отперта.

Адельберто осторожно извлек из-за пояса тяжелый, десантного образца бластер, взял его наизготовку и, стараясь не производить излишнего шума, с натугой толкнул дверь, ведущую в помещения номер сорок по Птичьим пустошам...

Внутри царила полутьма. Пахло застоялой сыростью и поджаренной на сале яичницей. В углу продолжал бестолково мигать экраном портативной телевизор, расстегнутый наручник болтался на трубе пневмокоммуникации. Бинки нигде не было видно.

Адельберто решительным рывком, крутанувшись в движении вокруг собственной оси, занял позицию, защищенную углом контейнера и массивной переборкой, разгораживающей помещение номер сорок на две неравные части. Бластер он держал перед собой на вытянутых, так что тот заслонял от него большую часть сектора обстрела. Остальную его часть мешали видеть его — Адельберто — уникальный орган обоняния и клок его же бакенбарды.

— Ты — труп! — сообщил ему Тор, выходя из-за шкафа с провиантом. — Бах!!!

И сделал выпад мечом.

Адельберто медленно осел по стенке.

— Честное слово, я не хотел тебя так пугать, Нос Коромыслом... — озабоченно и

огорченно говорил Тор, отмеривая в неказистого вида алюминиевую столовую ложку капли из пузырька, извлеченного из кармана Мепистоппеля. — Столько достаточно?

Адельберто проглотил микстуру и перешел из горизонтального положения в положение сидя.

— Ты — идиот! — сформулировал он свое мнение о Госте Прерии. — Дай сюда виски...

— Не ругайся, Нос Коромыслом, — чуть обиженно возразил Тор. — Я очень хорошо работаю мечом и тебя поранить просто не мог... Я хотел пошутить... Виски у нас нет.

— Еще раз говорю тебе, что ты — идиот! — Адельберто с кряхтением поднялся и проследовал к облезлому железному шкафу.

Рванул его дверцу и уставился на опустевшую полку. На некоторое время он снова лишился дара речи... Затем с некоторым трудом вернул его себе.

— Так ты еще и воспитывать нас решил, придурок?! — просипел он. — С алкоголизмом среди меня бороться?! За каким чертом вылил все спиртное?

— Я не выливал его... Я его выпил, — объяснил Тор.

— Считаешь меня идиотом? — без особого удивления осведомился Адельберто. — Без малого — галлон пшеничного... Да ты бы сдох... Или под столом валялся бы...

Тор вздохнул.

— Это мутация — пояснил он. — Мы, на Чуре, можем очень быстро сжигать алкоголь... Так что нет токсического эффекта... Это очень хорошо восстанавливает силы...

— Несчастные... — помолчав, определил свое отношение к этому феномену Адельберто.

— Но можем и не сжигать... — виновато поправился Тор. — Когда нужен кайф...

Адельберто только махнул рукой.

Мгновенно вновь обессилев, он опустился на ящик, исполняющий роль стула.

— Ты понимаешь, дубина, что если бы бластер не глюканул, у тебя бы во лбу была дырка, в которую банка от пепси запросто пролезла бы? — устало спросил он. — Вас на вашем дурацком Чуре учат тому, что такие вещи трудно потом исправить? — И кто отворил двери? Тони заявился, что-ли?

— Нет, Белая Голова не появлялся. Ты знаешь, Нос Коромыслом, меня что-то начало беспокоить... Что-то с ним связанное. И я отправил Бинки его поискать. И вообще... И твой бластер не глючит... Это я его попридержал...

— Ты... попридержал... — Мепистоппель презрительно скривился, вскинул бластер в направлении допекшего его вконец своим свистом и треском Ти-Ви. — Не глючит?!

Он надавил спуск. Ти-Ви разлетелся клочьями, а стенка за ним пошла копотью и цветами побежалости.

— Не глючит... — ошалело признал Адельберто.

Оба помолчали.

— Значит, ты замки и это... все?... — Мепистоппель пошевелил в воздухе пальцами — вяло, но выразительно.

— Я же — Оружейник... — чуть виновато пояснил Гость. — Обязан уметь... Извини, что я достал меч из твоего сундука, но Оружейник не должен встречать опасность без меча... И еще — я поправил твою кредитку...

Несколько застенчивым движением он протянул Адельберто пластиковый прямоугольник. Тот обреченно приложил палец к сенсорному сайту.

— Зачем ты туда нарисовал такую уймищу баксов? — уныло спросил он, поглядев на индикатор. — Банк все аннулирует к хренам, как только я суну эту штуку в терминал...

— Нет, там — все правильно... — вздохнул Тор. — Я эти баксы не рисовал... Я их перекачал с моего счета... Когда меня пригласили, то на мое имя здесь открыли счет...

Адельберто остекленело уставился на карточку.

— Ч-через к-какой терминал ты вылез на б-банк, ч-черт тебя п-побери?!!! — спросил он, мгновенно помертвев.

— Через тот, что у тебя на радиотелефоне, — радостно пояснил Тор. — Я сначала хотел выйти и найти этот... банкомат, но решил, что раз я эту штуку ни разу не видел...

— Как только кому из дурней, что тебя ищут придет в голову проверить твой счет, — с ужасом вымолвил Адельберто, — здесь окажется половина полиции со всей Прерии...

Когда же эти ослы кончат шуровать там наверху и соизволят спуститься к нам вниз? — с досадой подумал Кукиш, в который раз ощупывая предохранитель своего бластера. — И, кстати — сколько же их, все-таки? Он уже вполне адаптировался к полутьме и теперь внимательно присматривался к физиономиям укрывшихся по углам подвального этажа Мепистоппелева заведения подчиненных.

Тем тоже уже основательно надоело это ожидание. Кноблех время от времени взмахами тяжелой ручки пытался отогнать предательскую вонь сигарного окурка. Берни и Халид с каменными физиономиями и бластерами наизготовку замерли на полусогнутых по обе стороны от лестницы, ведущей наверх. Поччо был готов блокировать тех, кто появится из люка в неизвестно куда уходящий подземный ход, а пока, в ожидании событий, судя по всему — молился. При этом — не сводил глаз с левой руки Кукиша. Тот глянул — что там с ней не в порядке? И действительно — оказывается, в ладони он сжимал и нервно комкал бумажку, что перед тем как сработала радиоконтролька, всучил ему Поччо.

Кукиш про нее и позабыл... После того, как все вырубил свои фонарики, единственным источником света в чертовой кладовке была витрина с кладкой яиц паука Подо. А всякому известно, что свет паучьих яиц зыбок и обманчив.

С пауком Подо и его яйцами, вообще — всегда одни неприятности.

С гамбургерами было покончено, но кофе в избытке хватало, чтобы поддерживать интерес комиссара к рассказу. Хотя он, похоже, чуть подремывал, но вставлял время от времени, к месту случавшиеся «В самом деле?» и «М-да...», чем стимулировал дока.

— Ясно, — продолжал Покровский, что несколько сот землян, полностью оторванных от Человечества могли основать новую цивилизацию только ценой огромных потерь. В том числе и потерь, так сказать, социального характера... Это началось еще на борту Странника: ведь дорога к Чуру заняла несколько поколений — это на корабле, вовсе для этого не предназначавшемся. А бортовая дисциплина в Дальнем Космосе мало общего имеет со светлыми идеалами всеобщих свободы и равенства. Братства — еще куда ни шло... А уж ТАМ — на девственных просторах чуждого мира — само собой, просто для того, чтобы выжить пришлось резко и несправедливо рассечь все настоящие и будущие поколения обитателей Чура на огромное большинство подчиняющихся и непосвященных, и ничтожное меньшинство подчиняющих и приобщенных к высшему знанию. Подчиняющемуся большинству на роду было написано, трудясь в поте лица своего, от зари до зари обеспечивать весь обосновавшийся на Чуре филиал рода людского хлебом насущным и

крышей над головой. Крошечное меньшинство правителей и хранителей знаний от рождения своего должно было быть убеждено в своей исторической миссии: возродить под чужими небесами не более не менее, как Новое Человечество — новое и очищенное от скверны прошлых грехов и ошибок! И, надо сказать, духовный потенциал этого новоявленного дворянства был — в основном, исключения не в счет! — неизмеримо выше, чем у их предтечь — феодалов древней Земли. Еще бы! Ведь за их плечами стоял истинный Золотой Век! Не выдумки праздных поэтических душ, не миф, воплотивший тоску о Несбывшемся — нет! Их Золотой Век был воплощен в металл и керамику тел звездных кораблей, в излучающую, воспринимающую, стреляющую машинерию. Воплощен и в самую их плоть и в их души: в манеру вести себя, в их язык и в их способ мышления, наконец!

О, это было совсем как в каком-то древнем фэнтэзи: трудолюбивые, суеверные крестьяне и ремесленники, отважные сквоттеры и стойкие духом землепроходцы... Преисполненное благих намерений, проникнутое сознанием своей высокой миссии рыцарское сословие... Университеты — больше похожие на монастыри тайных орденов. Целый спектр религий, сект и верований. Загадочные, всезнающие и действительно способные творить чудеса колдуны и маги — добрые и злые... О, этот великий век оживших сказок! За его магией стояло нечто большее, чем слепая вера суеверных толп: в ней слились и достижения земной НТР и тщательно культивируемые под чужими небесами паранормальные способности... Неслыханные твари, действительно, таились в дебрях лесов, в пучине морской, в высях небесных, а не были порождением болезненной фантазии...

Вот в такую магическую мозаику начала складываться жизнь Чура, к тому времени, когда на орбиту вокруг планеты вышли два мятежных звездолета... Это второе пришествие землян на Чур радикально изменило ход его истории.

Можно сказать, стало роковым.

Зазуммерил блок на столе у комиссара.

— Так это ты, Мариус?... Что? Думаешь, что-то готовится? Какой звонок от Яснова? Почему я опять должен смотреть новости?

Он раздраженно кинул трубку на стол, и та тут же вновь залилась трелью вызова.

— Слушаю вас, Агент... — Роше озабоченно глянул на возникшего на экране Кима.

Несколько минут напряженно слушал то, что втолковывал с той стороны канала Агент на Контракте. Поднял голову и, не отрываясь от трубки, стал отрывисто отдавать распоряжения.

— Простите господу, но, кажется, рыбка клюнула и грозит оборвать крючок... Я покину вас. Надеюсь, у нас еще найдется возможность поболтать о Чуре, профессор. Ким, — он снова поднес трубку к уху, — вам лучше не таскаться со мной — дело чисто оперативного характера...

Он повернулся к дежурному.

— Как только Роб и Сэм получают наконец справки с Университетского компьютера и от оргкомитета этого самого движения, верните профессору его пушку и можете отпускать на все четыре стороны, если не имеете к нему вопросов.

Взяв из ящика стола свой потертый Парабеллум, он нахлобучил шляпу. Коротко мотнул головой.

— Простите, профессор. Вперед, ребята!

— Давай! — тихо скомандовал Комски вконец позеленевшему в свете галогенового фонарика Гонсало и подтолкнул его к темному провалу. — Тебе там нечего бояться, кроме смерти...

Гонсало обреченно вздохнул и шагнул вниз. Двое крепко сложенных сопровождающих напряженно замерли за его спиной. Герр Комски отступил назад.

— Э-эй, это я... — негромко позвал Гонсало, в надежде, что никого здесь, в покинутом Прокате, нет и быть не может.

Вздохнул и, преодолев последние ступеньки лестницы, он чуть более уверенно шагнул в зыбкий сумрак.

— Здравствуй, — шепнул ему на ухо Кноблех, поплотнее прижав ствол бластера к основанию адвокатского черепа. — Пригласи сюда своих друзей, только смотри — не испугай...

Придерживая его за предплечье, он отвел адвоката к стене — от греха подальше.

— Ну, — спросили сверху, понизив голос, — что там?

— Никого... — стараясь не подвести вновь обретенных знакомых, выкрикнул Гонсало. — Никого и ничего...

По лестнице заспешил один из людей Комски. Второй, согнувшись в три погибели над люком и подсвечивая фонарем, пытался отслеживать его передвижения.

— Включи свет... — приказал первый, вертя головой. — Есть у них тут освещение?

И тут сверху — из тьмы за щелями утопленных в землю окон полуподвала — раздался душераздирающий визг стопорящихся флаеров полицейского управления — ни один другой механизм во Вселенной не издает настолько мерзкого звука — топот многочисленных башмаков и приглушенный галдеж: Со двора, со двора, блокируйте черный ход! Вторая группа — на окна, на окна!.. И прочая чушь в том же духе.

— Это — легавые! — громко вслух констатировал Кноблех и впилил из бластера в плечо свесившегося в люк противника. Тот молча, но с дьявольским грохотом обрушился вниз.

Берни приложился по тому, что бестолково крутил башкой посреди комнаты — и промазал с двух шагов. Испуганный боевик швырнул нечто, до того зажатое у него в ладони, вглубь комнаты и сиганул в сторону, головой — прямо в живот рванувшемуся в бой Кукишу. Оба грянулись оземь. Халид героически отфутболил пришедшееся ему под ноги нечто и шарахнулся за хлипкие стеллажи с надгробными плитами.

И вовремя: нечто оказалось десантной тензогранатой — знаменитым керамическим ежиком смертников. Такие шутки вечно случаются в плохо просчитываемых ситуациях.

Раздалось оглушительное Бам-м-м-м!!!! — словно ломом по рельсе, подвешенной над ухом — и на долю секунды подвал Проката заполнился роем микроосколков, летящих со скоростью, близкой ко второй космической. После чего наступила тишина, наполненная запахом озона — похоже было, что на совесть сработанный на предприятиях Святой Анны ежик отоварил всех присутствующих.

Так, про крайней мере, дело представилось Гонсало, чудом уцелевшему за кованным сундуком с неведомым барахлом Мепистоппеля. Он высунулся из своего укрытия и обалдело покрутил головой. Тому что сам он цел и невредим верилось с большим трудом. Сквозь звон в ушах он услышал, как герр Комски, наверху, в оффисе, говорил уже успешно вломившемуся в помещение комиссару Роше: По моему, тут что-то взорвалось — там внизу...

Не вставая с четверенек, адвокат сделал попытку выбраться на свободное от мебельной

рухляди пространство подвала. Тут он нос к носу столкнулся с лысым Поччо. Тот лежал ничком и из последних сил тянул покалеченную руку к развалинам акробатической комбинации, составленной телами Кукиша и незадачливого бомбометателя — то ли бездыханными, то ли, только бездвижными.

— Кви-тан... — простонал Поччо. — Кви-тан-ци-я-я-а-а...

И смолк.

Гонсало возрился в направлении, указанном его простертой окровавленной конечностью и узрел другую — тоже залитую кровью и скрюченную — руку. Руку Геннадия Кукиша, действительно сжимавшую какую-то бумажку. Квитанцию, надо полагать.

— Эй! — окликнул Роше предполагаемого противника, там — в глубине полуподвала. — Соппротивление бесполезно, дом окружен... Бросайте оружие и выходите по-одному...

Ответом ему послужили невнятные шорохи, скрипы, то ли всхлип, то ли вздох...

— Сколько их там? — сурово повернулся комиссар к герру Комски. За герром присматривали, держа оружие наготове, Мариус и Каспер. Комски пожал плечами.

— Во-первых, я этого действительно не знаю, господин комиссар... — он откашлялся, а во-вторых, на любые ваши вопросы буду отвечать только в присутствии своего адвоката...

Господин комиссар зло крякнул, проверил оружие, снова повернулся к люку и, упредив скрывающегося внизу потенциального противника, что они имеют дело с представителями закона, двинулся вниз. За ним — ошестинясь разрядниками — поспешили Филдинг и Старинов.

Свет фонариков прорезал столбы потревоженной пыли и скорее мешал разглядеть что-либо в заставленном и заваленном самым невероятным хламом помещении. Не без труда комиссар нащупал по левую сторону от лестницы выключатель и под потолком вспыхнула пара пыльных софитов.

— Боже мой... — тихо пробормотал Филдинг.

Послуживший местом короткого, идиотского, но довольно кровопролитного сражения полуподвал быстро заполнился людьми, молчаливо и энергично выполняющими каждый — свое дело. Четверка медиков вкалывала раненым фиксатор, обрабатывала раны биогелем и выносила — одного за другим, на раскладных носилках. Пара фотографов фиксировала все, что могла в памяти своих камер, еще тройка экспертов крутилась под ногами у всех остальных со специальными лампами, пробозаборниками и другой непонятной техникой. Впрочем, они тоже кончили свое дело в считанные минуты. Последними отстрелялись дежурные подметалы. Выпущенное ими море санитарной пены поглотило и обесцветило лужицы крови, застоявшейся на полу, после чего в прах обратилась и сама пена.

После этого, из спуска в подземный ход вылезли, отплеываясь и очищая себя от паутины, Мариус и Филдинг.

— Там — целый лабиринт, — доложил Сэм. — Кажется — бывший узел подземки. Времен зекстроа... Или — что-то в этом духе. На поверхность ведут с пол-дюжины выходов — на Пречистую и на Китайские заводы... Забраны только съемными решетками. Судя по всему, кто-то через эту систему от нас ушел — на слежено сильно. Крови нет — судя по всему не ранен...

— Кстати, о раненых, — заметил, подпиривший стенку Каспер. — Один из них —

лысый такой — все поминал о какой-то квитанции...

— Квитанций здесь нашли — море, — вздохнул комиссар. — Экспертиза их забрала — прогнать через компьютер. Завтра доложат...

— Пломбируем помещение? — осведомился сверху Старинов.

Роше снова тяжело вздохнул.

— Операция проходит как секретная. По инструкции — оставляем все как есть. Нашумели мы, конечно, сильно, и сюда еще дня два никто носа не сунет. Но на всякий случай — пришли сюда Каховского — он у нас с обеда без дела прохлаждается. Пусть присмотрит вокруг... Пошли, ребята...

Полутемная улица Темной Воды наконец опустела, и только через несколько минут вдаль раздались приближающиеся и нетвердые шаги.

Счастливец долго крутил ключом в старинном замке Проката, потом, чертыхаясь и рискуя поломать ноги, спустился в полуподвал и долго озирался в освещенном только яйцами дурацкого паука скопище хлама.

— Ну и бардак тут у нас с Мепистоппелем... — с тоскливым восторгом умозаключил он и прихватил с подоконника оставленный давеча кисет с Трубочником. Хитроватый бес Пестрой Веры выглядел невозмутимо — он свое дело знал.

Тони вздохнул, порылся в скрипучем — времен Реставрации — секретере и вытащил оттуда хорошо ему известную Мепистоппелеву заначку — плоскую фляжку коньяку из Метрополии. Отхлебнул сколько получилось, вернул емкость на место и убыл.

Вслед за ним, по темной улице потихоньку затрусил приبلудный пес — шелудивый, одно ухо — рваное. Он уже давно пристал к Тони, но тот был не против этого эскорта — все какая-то компания.

Еще минут через пять-шесть свой пост в ночном кафе-автомате — наискосок от Проката — занял сержант Каховский.

— Мерзкая выдумка — эти тензионные гранаты... — морщась, вздохнул комиссар, разглаживая на столе перед собой снятую с принтера распечатку. — Никакой взрывчатки — вся энергия в напряженной керамике. Потом — бах! И осколочки летят во все стороны что твои метеориты. И никакой ударной волны. Только осколки и электрический разряд — за счет пьезоэффекта... Мелкие такие осколочки... острые как шило... Из человека в долю секунды получается решето — а он еще ничего не замечает... Нельзя такие вещи давать в руки нервным типам. А лучше всего — собрать всю эту дрянь — и утопить в болоте...

— Откуда там взялись — в оффисе этом — люди Магира? — поинтересовался Ким. — Ведь агент Таневич — Мариус — контролировал там положение практически весь день...

— Только с часу дня, — вздохнул Роше. — Эти стервецы, видно, проникли туда раньше... И перебирали всю контору по соломинке... Теперь ясно, что это Гонсало навел их на след. А на Гонсало — господин Смирный. Никогда не стоит верить народу из министерств. Там много любителей поторговать секретами...

Он снова вздохнул.

— Итоги операции: три покойника, трое раненых, не способных давать показания... Кто-то один, по меньшей мере — в бегах... И никакого Торвальда Толле. Вот так оно и бывает — в трех случаях из четырех: мыши — отдельно, мышеловки — отдельно... Как аванс по зарплате и счет от дантиста...

— Кое-что операция, однако, дала... — утешил его Ким, удержавшись от того, чтобы сказать ваша операция. — Например, стало ясно, что ни группа Магира, ни люди Комплекса — ведь Клод Саррот — это Комплекс? — к похищению Толле не причастны.

— Да, — как эхо отозвался взгрустнувший — как всегда на подоконнике Джон Старинов, — Клод Саррот это — Дженерал Трендс, а Дженерал Трендс, это — Комплекс...

Иначе, — закончил свою мысль Агент на Контракте, — зачем бы им устраивать засады друг на друга?... Кроме того теперь уверенно можно утверждать, что Гости, так сказать, принимают именно хозяева этой забавной конторы — Проката гробов...

— Вы здорово меня вдохновили, агент, — ядовито парировал столь явное проявление сочувствия комиссар. — Как вы помните, я с самого начала был уверен, что похищение — дело рук дилетантов. Обидно только, что Магир и Саррот вычислили этих дилетантов раньше нас.

— Это не все наши неприятности... — пожал плечами Ким. — Задержанный Смирный меняет показания каждые полчаса, а совет безопасности не дает санкцию на допрос Альфреда Комски в связи со вторичным похищением Гонсало Гопника.

Комиссар поморщился.

— Секретарь Азимов был твердо уверен, что Гопник просто скрылся с деньгами... — комиссар пожал плечами. — Это — не так. И то, что у вас на Почтамте получилось — тому лишнее доказательство. Гонсало — темная лошадка, не спору. Но не мошенник из тех, что играет крапленой колодой. В посредничестве с похитителями — а это его епархия — требуется очень высокий уровень доверия. И Гонсало на этом уровне держался. А Комски — это тип из неприкасаемых. Если за него и разрешат взяться всерьез — то не нам, а господину полковнику Ваальде. Или другому тузу из той же колоды...

— Так что я и не делаю ставки на эту лошадку, — Ким начал выбираться из-за стола. — Время делать мой ход. И мне от вас потребуется кое-какая помощь, комиссар... Только — выпьем еще кофе. Уже поздно, а дел — хватает. Утром — встреча с господином Азимовым... Она мне почему-то не представляется приятной...

Когда Роше наконец отправился спать, Ким взглянул на часы и понял, что находится на ногах вот уже шестнадцать часов. Провел по глазам ладонью. Надо было или принимать психоэлеватор, или выспаться. Он все-таки нашел четыреста минут, чтобы забыться после этого суматошного ночного дня. Уж это-то он умел — отключиться от мира повседневных забот, выпасть из обращения, позволить своему мозгу растасовать насыпавшиеся в него за долгий — очень долгий день забот. Погасил в кабинете свет, раздвинул кресло-лежанку, набросил плед...

Обычно он никогда не запоминал сновидения. Разве что — как какую-то невнятицу, морок, привидившийся на рассвете. Но в этот раз он впервые за много лет не смог различить сон от яви.

Нет... Он, конечно, понимал, что должен проснуться в темном кабинете Ратуши, и где-то недалеко за стеной под тихое стрекотанье принтеров команда Роше разбирается с лавиной оперативок, справок и официальных ответов на многочисленные запросы, разосланные следственной группой во всевозможные инстанции. Но может быть... Может все это было давно — где-то в другой жизни, а сейчас — он на самом деле лежит — сна ни в одном глазу — в заброшенном сарае. Он был далеко — где-то на Земле, на окраине маленького городка, потерявшегося в горах, этот сарай. В далеком детстве каждое лето он

проводил в этом городке и часто ночевал в этом прохладном сарае, в углу которого стоял запыленный Квестар и в котором всегда стоял такой неуловимый аромат прелого сена. Он часто снился ему — этот аромат...

Так сон это или не сон?...

Он осторожно поднялся и, тихо ступая по разохшимся половицам, подошел к дверям. Снятые с петель створки были брошены через неглубокую канавку — прямо у порога. А дальше шел заброшенный сад. Собственно — не сад, а лес.

И в лесу его ждал Пес.

Он совсем не удивился тому, что этот красивый, скрытный зверь почти неслышно вынырнул из чащи и бесшумно пошел рядом с ним. Временами он совершенно четко начинал осознавать, что все происходящее зыбко как ночной туман, что лег на их пути, но уж очень оно было настоящим для простого сна — это происходящее с ним действо.

Пес вел его за собой, иногда забегая вперед и поджидая там. И что-то он хотел сказать ему — Киму. Что-то очень важное... Он и говорил — по-своему, немим языком движений, косых взглядов, еле слышным языком прерывистого дыхания, внутренним языком напряжения, разлитого вокруг, повисшего в сыром лесном воздухе. Только никак ему не удавалось докричаться до косного, словно замороженного человеческого мозга... Ким старался как мог — но его сознание оставалось куском льда, погруженным в этот, так и остающийся ему чуждым зыбкий туман. И он шел и шел вслед за Псом сквозь мертвый лес, и временами разные луны подсматривали за ними из-за причудливых стволов и ветвей. Господи... — сказал он себе, — где это мы? Неужели там, куда я так и не долетел в тот раз?

Он зябко повел плечами.

Все вокруг было наполнено каким-то смыслом, но понять его было ему не дано. Как там говорил расконвоированный заключенный П-1414?... Я во всем видел... тексты, знаки, сообщения... В опавших листьях на тротуаре, в том, как сучья лежат на полянке, как камни разложены на берегу... На миг Киму показалось, что вот-вот — еще чуть — и он поймет что-то в этом послании, адресованном ему. Кем?

Снова Пес оглянулся на него и темной молнией скользнул в колышущиеся складки тумана. Поспешил на зов... Да-да — только сейчас Ким сообразил, что Пес ведет его на чей-то неслышный, но повелительный зов...

Трель блока связи разбудила его...

— Этого и следовало ожидать, — Клод Саррот — человек с чеховской бородкой, больше похожий на стареющего литератора, чем на резидента Комплекса — откинулся в кресле и окинул взглядом собравшихся. — Госпожа Чанг по программе новостей сообщает миру и городу то, о чем мы собрались тут потолковать по большому секрету... Только это ей не стоило ни одной головы своих сотрудников — как, например, нам с вами, мистер Магиров. У нее таковых просто нет. Девочка обошлась своими силами...

Собравшиеся за столом в зале заседаний на девятнадцатом этаже Амбассадора мрачно поглядывали друг на друга и на мерцающее, бездонное окно голографического экрана Ти-Ви.

— Собственно, могло бы обойтись без всяких жертв, — мрачно заметил Рамон, покручивая перед собой пачку дорогих (прямая доставка из Метрополии) сигарет. — Все дело испортили ваши люди: не заметили полицейской засады, спровоцировали стрельбу...

— Я пригласил вас не для того, чтобы пререкаться о том, кто тут виноват, — господин Саррот почесал левую бровь — словно поправил невидимое пенсне, — все мы оказались хороши. Но хотя бы один урок для себя мы должны извлечь немедленно: наши с вами действия надо согласовать. Прежде, чем здешние органы оставят нас с носом. Собственно, наши цели, мистер Магиров, совпадают...

— Еще бы... — Рамон поморщился, вытягивая из белой с золотом пачки длинную сигарету. — Только они совпадают не вот так, — он сложил параллельно два своих смуглых и необыкновенно ухоженных указательных пальца и продемонстрировал их резиденту Комплекса, — а вот так! — тут он плотно сжал свои увесистые кулаки и крепко ударил ими друг в друга. — Пока что я нахожу наши с тобой интересы диаметрально противоположными, Клод...

Господин резидент был неприятно поражен:

— Вы зря драматизируете ситуацию, уважаемый. Оцените ее без лишних эмоций: нам нужен один и тот же товар. Если мы берем его сами, то как-то компенсируем вам ваше участие в наших э-э... общих усилиях. Если его первыми берете вы, то мы его у вас просто покупаем. И — по очень неплохой цене... Все просто как Колумбово яйцо. Остается просто обговорить эти условия в деталях...

Рамона такой вариант явно не устраивал.

Затянувшись легким дымком, он продолжил гнуть свою линию. С партнером он принципиально держался на ты. Без лишних церемоний.

— Из того, что мы с тобой, — он шевельнул зрачками в сторону Саррота, — иногда неплохо понимаем друг друга и мои люди выполняют для тебя кое-какие, гм, заказы — из этого еще ничего не следует. Постарайся в этот раз меня понять: у меня свой заказчик — очень серьезный, поверь, — Рамон выпустил в поверхность стола перед собой струйку дыма, и та почти невидимыми барашками разбежалась в стороны. — Твои, извини, заказчики никогда не заплатят за Толле столько, на сколько подписался я...

— Вот как? — Клод молитвенно сложил свои сухие ладошки.

То, что он услышал от своего давнишнего партнера и конкурента заставляло насторожиться. Более, чем насторожиться.

Оба его помощника и оба помощника Рамона с недоуменным ожиданием смотрели на него. Не следовало выкладывать сейчас все свои карты. Совсем не следовало.

— Ну что же... — наконец сформулировал он то, что стоило бы, все-таки, сказать. — Тогда, быть может, ваш щедрый э-э... клиент согласится заплатить мне? За участие в охоте. И за дичь, если уж она попадет не в ваши — извините, Рамон, — сети...

Рамон оценивающе воззрился на партнера.

— Так легко сдаешься? Или — хочешь двух зайцев получить сразу? И с Гостем поработать, и денежки сгрести?

— Это уж — как получится... Как сказал один академик одному, извините за выражение, политику, — Саррот снова поправил призрачное пенсне. — Лучше так, чем так, как вышло этой ночью.

— Итак, — Рамон не сводил с Саррота испытующего взгляда. — Положим, мои люди позволят твоим увести Толле у себя из-под носа. И где гарантии, что у тебя не пропадет желание продавать дичь, раз уж она будет в твоих сетях?

Клод поднялся и, придержав жестом своих помощников, задумчиво прошелся вдоль стола.

— Вы меня поставили в сложное положение, Рамон... Мне всю ответственность приходится брать на себя — экспромтом... Извольте уж сами предложить — какие гарантии вас устроят... А пока — примите один небольшой аванс. Для того, чтобы укрепить ваше к нам доверие. Из мест заключения в столицу переведен человек, который очень хорошо знает Гостя. Пер Густавссон. Думаю, вы слышали о таком. Думаю, также, что вам следует позаботиться о том, чтобы полиция и разведка не смогли его использовать.

Рамон задумчиво скривился.

— Ну что же. Благодарю за ценную информацию. И, с твоего позволения, беру тайм-аут. Завтра, — он быстро взглянул на часы, — не позже семи Конрад тебе изложит мои условия на этот счет. А пока действуем на условиях взаимного доверия. Тянуть время нельзя. Эти придурки просто обязаны попытаться второй раз договориться с правительством. Или с другим покупателем. Может, уже договорились.

— Если это и не так, — Саррот пожал плечами, — то какая-нибудь из спецслужб скоро их прихлопнет. Но пока — все мышеловки стоят пустыми, а мышка гуляет неизвестно где...

Все поднялись из-за стола. Саррот обронил несколько слов в свой блок связи. Рамон пробубнил нечто отрывистое — в свой.

Внизу — в подземном гараже Амбассадораводители двух роскошных наемных каров вышли из своих кабин и отправились пить имбирное пиво в бар этажом выше: им не полагалось видеть каких пассажиров они привезли сюда в закрытых кабинах своих машин и теперь должны развести в разные концы города.

— Вы верите ему хоть на грош? — торопливо спросил Рамона Конрад, когда они вошли в кабину лифта.

— Хитрая лиса просто тянет время, — уверенно ответил глава Торговых домов. — Он в принципе не может пойти на тот вариант, что подкинул нам: дело то не в деньгах — их у Комплекса хватает. Смешно даже подумать, что Клод станет Гостя продавать — он за него шкурой ответит... А этого Густавссона он нам подставил, чтобы нашими руками оформить мокруху. Умен... Знает, что этот секрет господ сыскарей нам уже известен...

— Значит... — подал голос Гурам.

— Значит решать вопрос надо быстро. До семи утра, во всяком случае. Ты, Гурам,

приводишь в действие свой больничный вариант, а ты, Конрад, не спускаешь глаз с людей Клода. И еще...

Магир повернулся к своему помощнику.

— За тобой должок, Гурам...

Гурам чуть заметно поежился.

— Чертова китаянка жива-здоровая, а, Гурам?... А Тихоня дает показания в кабинете на Козырной... Разве так должно было быть?

— Так не будет, шеф... Это — дело моей чести. Я — лично...

— Именно ты и именно лично...

Шеф поморщился.

— Вам все ясно, ребята?

— Не думаю, чтобы чертов горец купился на ваш экспромт шеф... — задумчиво заметил человек Саррота — высокий и желчный, стоя по правую руку от шефа у забранного золоченым стеклом окна.

— Я тоже так не думаю, Алекс, — резко отозвался шеф. — Но надо же было как-то закруглить разговор, не переходя на упражнения в стрельбе... Поручите Андрею усилить контроль за этой компанией... А для себя — заметьте отдельно: меня очень интересует заказчик господина Магирова. О-ч-е-н-ь интересует... А вы, Йозеф, — он повернулся ко второму помощнику, похожему на добродушного мельника из оперетты, — немедленно примите дела от Комски... От Альфреда... Его выпустили под залог, и он сейчас ошивается у меня в приемной — на Барабанщиков-десять... Я перебрасываю Альфреда на месяц-другой в наш филиал на Святой Анне — пусть помучается с тамошними поборниками соборности и коллективизма — от этого быстро умнеют...

— Комски уже скачал мне на терминал материал по Гопнику, — бодро доложил приземистый Йозеф. — Комски его пометил и через час — не позже — мы его вычислим...

— Эта бестия, наверное, уже сменила шкуру... — безнадежно махнул рукой Саррот, направляясь к выходу, — тем более, что деньгами на всякий пожарный случай Альфред его ссудил...

— Альфред скормил ему резонансные зонды — чуть ли не целый грамм, — возразил Йозеф. — С кофе и булочкой. Эти штуки не так легко вывести из организма... Тем более, что объект ничего не заметил. Недели полторы он у нас будет сидеть на крючке...

— Гм, — усмехнулся мсье Клод, — похоже, что и Комски тоже приходили-таки своевременные мысли. Действуйте как можно быстрее.

Роше принялся к запаху, исходящему от напаянной на электросушилку известной всей Прерии шляпы, и пришел к выводу, что пора переместить ее на обычную вешалку. Он долго, с суровым сомнением рассматривал ее фактуру, силясь усмотреть какой-то новый урон, нанесенный неумолимым временем его верной подруге.

— Журналисточка эта, конечно, нас обошла... — констатировал он. — В другие времена непременно сподобилась бы вызова на Козырную, а то и прямо на ковер к господину секретарю...

Но — при демократии живем. Который год уж. Так что вам повезло... — он понимающе подмигнул Киму. — Вы — теперь защитник нашей свободной прессы. Герой дня. Победителей, слава Богу, не судят... Однако — к делу. Вы от меня поддержки хотите — это,

пожалуйста.

Пока время позволяет — некого арестовывать, некуда мчаться сломя голову... Можно тихо бродить по улицам и собирать, скажем, собачью шерсть...

— Вот о ней, в некотором смысле, и речь... — улыбнулся Ким. — Старая перечница безусловно прибуднется, — подумал он, — какой-то план в голове да имеет. Но молчит.

Ладно, молчи, молчи — недолго осталось: утром — беседа в том самом кабинете господина секретаря. Приятнейшая...

— Я сейчас отправляюсь работать с моим подопечным, а вас, Жан, попросил бы все же попробовать раскрутить Крюге. Человек солидный кусок жизни провел на Чуре. И на разведку поработал основательно. Должен быть к нему какой-то подход... Может, стоит побеспокоить людей из его окружения... Кстати, тут у вас на руках козырь: Крюге на кафедре практической истории консультант на пенсии, а ваш новый друг Покровский — кафедрой той заведует...

— А сами — так легко от него отступаетесь? — продолжая разглядывать свой головной убор, укоризненно спросил Роше, начиная набивать на панели блока связи номер вызова.

— Я думаю, это — дохлый номер, — вздохнул Ким. — Но у вас, Жан, есть подход к людям. А мои методы рассчитаны на среднего гражданина Федерации. А у вас тут таких немного. Тот же Крюге — с виду, типичный немец: педант и законник. А взял да и послал органы следствия, в моем лице, весьма и весьма далеко...

Он поднялся и стал заботливо укладывать в кейс распечатки из накопившейся на столе груды ответов на самые разные запросы.

Роше, тем временем, наконец дозвонился до секретариата факультета Истории и прогнозирования и, поворковав немного с роботом-секретарем, со вздохом положил трубку.

— Что ж. Повторим попытку. Господин Крюге задержится, чтобы поговорить со мной. Через полчаса он ждет меня в музее факультета...

— Нам просто необходимо, чтобы на нашей стороне был кто-то, кто помог бы установить связь с Толле или найти его Пса... — чуть виновато пояснил Ким. — Других выходов на решение по-прежнему нет... Если вам и не удастся раскрутить Крюге, то вы сможете найти какие-то зацепки, увидеть что-то такое, что для полицейского с Прерии очевидно, и чего я — человек со стороны — в упор не вижу.

— А на вашего Густавссона вы, я вижу, не слишком-то полагаетесь? — ворчливо заметил Роше.

— Это — всего-навсего один человек. — Ким закрыл кейс и пожал плечами. — Семь лет в заключении. И темные пятна в деле...

— Ну что ж, не будем медлить... — Роше напялил шляпу вместо вешалки на собственную голову, одним глотком допил остывший кофе и поднялся с места. — Как говорится — удачи нам!

После ломки, вызванной введением ключа, на Пера навалилась тяжелая, тупая усталость. Он добрался до гостиницы — одной из огромных и безликих громад в центре города и, запершись в номере, проспал восемь часов. Слава богу, вычислить его по кредитной карточке, предъявленной автомату оплаты, а запоминать приметы очередного клиента в этом громадном, автоматизированном жилом комплексе было просто некому. Улей он и есть улей.

С раннего утра — такого же темного, как и ночь, на смену которой оно пришло, только

чуть менее мокрого — он начал работать, придерживаясь, может не столько какой-то системы, сколько интуиции. Ниточек, за которые можно было бы ухватиться, в деле было пока до отвращения мало.

Ответы на запросы, сделанные Пером еще вчера, спокойно дожидались своего часа в памяти его блока связи. И наконец — дождались. Как и предвидел расконвоированный заключенный П-1414, назвавшийся псевдонимом абонент телефонного номера, записанного в листке из Атласа четырех миров, был на самом деле одним из его старых знакомых. Но вряд ли он имел хоть какое-то отношение к похищению Гостя.

Хотя — как сказать, как сказать... Ниточки от Дела Шести Портов тянулись далеко... По крайней мере, от старого знакомого можно было получить справку о теперешнем положении дел... В этом смысле даже хорошо, если к Гостю этот старый знакомый не имеет никакого отношения. Но это — подождет, а сейчас...

А сейчас — собаки.

Науки бывают естественные, неестественные и противоестественные, — вспомнил Роше старую студенческую шутку.

Факультет Истории и Прогнозирования, занимавший огромный, причудливо построенный корпус чуть поодаль от более скромных зданий кампуса, воплощал, по его мнению, единение всех трех ипостасей науки.

Начинающийся прямо в просторном холле музей поражал воображение огромными голографическими окнами — панорамами, в которых воспроизведены были сцены из жизни Прерии разных эпох ее освоения. Любой забредший на факультет посетитель воленс-ноленс — хоть краем глаза — должен был обозреть их.

Те залы музея, что посвящены были самым первым шагам человека по неприветливой планете, изобиловали образцами вооружения и оборудования кораблей Первопроходцев. Части кораблей, осуществивших Первые Высадки, были использованы в архитектуре музея, один из залов целиком воспроизводил одну из секций первой орбитальной станции, выведенной на орбиту вокруг планеты, а другой — устроители музея попытались оформить под интерьер малого жилого купола Первопоселенцев.

Основательно представлена была тема борьбы с природой дикой планеты и побед над неуправляемой стихией.

Победами этими не всегда приходилось особенно гордиться. Как и в большинстве Обитаемых Миров, интенсивное вторжение землян периода Второй волны космической экспансии Человечества привело к экологической катастрофе.

Защищенные мощными иммунопротекторами люди и животные не слишком пострадали от здешней микрофлоры.

Судьба Уэллсовских марсиан Первопроходцам не угрожала. Но зато аборигены Прерии — тысячи и тысячи видов живых организмов — животных, растений и вконец экзотических форм, никакой из земных классификаций не поддающихся — не выдержали атаки завезенных-таки с Земли, да и из других, открытых к тому времени Миров, микроорганизмов, спор, насекомых. А со временем в атаку пошли подработанные генетиками под местные условия злаки, за ними — мясные стада — и вот теперь только в витрине музея можно было лицезреть легендарное Дождь-Дерево, только в немногочисленных, отснятых, как назло, неспециалистами можно было увидеть заросли осьминожьих кустов, о которых со времен Первопроходцев ходили по всей Федерации и вовсе уж похожие на сказки истории. Победа земных видов в борьбе за биосферу Прерии

была пирровой. С огромной скоростью началось превращение в болота озер и рек, массивы лесов стали угрюмыми чащобами мертвого леса. Стремительно пошло разрушение почвы, которую подняли в небо закружившие по планете пыльные бури.

Наступила эпоха черных зим. И без того неприветливая Прерия стала почти идеальным местом для размещения системы исправительных учреждений.

Собственно, весь период пребывания в статусе Имперской колонии Прерия отчаянно боролась за спасение биосферы — благо тогдашняя система жесткой вертикальной иерархии и суровой регламентации всех сторон жизни позволяла сосредоточить огромные — по понятиям того времени — ресурсы людей, материалов, энергии, на осуществлении непонятных большинству, только на потомков рассчитанных проектов. И ситуацию удалось переломить. Но к тому времени, когда экологическая кома пошла на убыль, на убыль пошла и Империя.

Грянула Эпоха Изоляции.

Для всех Обитаемых Миров эта эпоха началась гордыми победами разношерстных движений за политическую и экономическую самостоятельность и продолжалась, как правило, десятилетиями борьбы за элементарное выживание в чуждых мирах, в обстановке чудовищных внутренних склок и всеобщего раздрая. Исключение составляли, разве что процветающая с момента своего открытия Океания да Миры Фронттира, которые в Систему никогда и не вписывались и вписываться не собирались.

В остальных Мирах — Прерия-II не составила исключения — потеря связи с Метрополией обернулась стремительной деградацией технологий и инфраструктур. Почти все Миры потеряли свой космические флот. Предприятий, способных изготовить ракеты, которые бы смогли выводить хотя бы на низкие орбиты простейшие метеоспутники или спутники связи, на Прерии не было. Не было кораблей, способных обслуживать Ближний Космос. История отрезанных от планеты населенных орбитальных станций — отдельная эпопея. Довольно трагическая. Не было предприятий для поддержания и ремонта термоядерных энергоустановок. Не существовало производства интегральных микросхем и биокомпьютеров. Не было...

Много чего не было. К счастью, в лагерях, за колючей проволокой и среди расконвоированных вольнопоселенцев нашлось достаточно много головастых мужиков, имевших неплохой опыт работы в сфере высоких технологий. Они оправдали возложенные на них надежды — за два десятилетия на Прерии были возрождены все необходимые для нормального существования производства и промыслы, пошли в гору урожаи, по заросшим смесью здешних и земных трав разбрелись тучные стада... Прерия снова вышла в Ближний Космос и с почетом приняла на новоотстроенных Космотерминалах остатки выживших на обитаемых станциях робинзонов Космоса.

Портреты и изваяния создателей новой Прерии были симметрично расставлены по всему музею.

А еще в музее были выставлены поистине удивительные достижения изобретательности и догадки обитателей Прерии, которые им пришлось открыть в себе в долгие и далеко не легкие годы Эпохи Изоляции. Чего тут только не было — даже паравоз самодельный, на биогазе, даже электростанции, где приводом служили загнанные наподобие белки в колесо в соответствующее устройство, размером побольше, местные псевдолоемминги, даже заготовки микросхем, вытравленные дрессированными квазитермитами.

Как ни странно, громадной силы стимулятором для взлета промышленности Прерии послужили людские глупость и разобщенность.

С этим в Обитаемых Мирах дело обстояло по-разному. В большинстве из них уцелели унитарные государства, принявшие демократическую структуру — исключение составила, пожалуй, Империя Харур — и объединенными усилиями довольно однородного населения, противостоящие тяготам жизни в чуждых Мирах.

А на Прерии голодная свобода породила уймищу разношерстных и разнокалиберных государств, любое из которых спешило провозгласить себя Независимой Республикой, со своим флагом, гимном и обязательным салютом в двадцать один залп в честь Президента. Во главе одних из них стали бывшие заключенные, вырвавшиеся из расформированных лагерей, другие возглавили компании бывших вертухаев, в третьих — механизм власти представлял, вообще, невообразимую солянку.

После того, как самые мелкие из самостийных государств были сравнительно безболезненно проглочены своими, более серьезно организованными соседями, Независимые Республики начали стремительно вооружаться, готовясь к взаимной агрессии. На Прерии возникла серьезная военная промышленность, сколочены вполне дееспособные армии. Но войн не последовало.

Последовала Эпоха Смуты. Республикам пришлось воевать не с агрессором, а со своим собственным населением, вконец озверевшим от прелестей режима жизни в условиях непрерывной подготовки к никому не нужной междуусобице. Это закончилось поспешным компромиссом — созданием Объединенных Республик. Делу очень помогло вмешательство неожиданной возникшей внешней силы — небывало усилившейся орбитальной колонии Святой Анны. Несколько десятков вынесенных в Космос, на планетарные орбиты, предприятий, ориентированных на высокие технологии, выжили, объединились в единый, довольно жесткий государственный механизм, сохранили и усилили свой космический флот и стали превращаться в доминирующую силу в этом Секторе Обитаемого Космоса.

Государствам Прерии пришлось выбирать — либо объединение, либо судьба колоний Колонии. Выбрали первое, сохранив со Святой Анной наилучшие, хотя и слегка натянутые отношения.

Конечно, как и все Миры Периферии Прерия таила в душах своих обитателей глухую обиду на Мать-Землю, которая на долгие десятилетия бросила своих сыновей на отрезанной от всего мира, неважно оборудованной для жизни планете. В другом Мире... Так что представленные в окнах-реконструкциях, в витринах и на стеллажах материалы представляли те времена настолько героической и полной неслыханных деяний и свершений эпохой, что Роше с молодых лет и по сию пору не мог понять, как такое племя титанов и первопроходцев, что населяло Прерию всего лишь два поколения назад, породило весь тот заурядный, в общем-то, сброд, что крутился по улицам городов теперешней планеты, обеспечивая хлебом насущным довольно многочисленный штат криминальной полиции и его — комиссара этой богоугодной службы, в частности.

Но и Воссоединение, грянувшие с появлением на околопланетной орбите крейсеров ОКФ Федерации, было принято как великое торжество. Момент начала Современной истории был означен в музейной экспозиции полотном самого Марка Луцкого, изображавшего торжественную встречу хлебом-солью экипажа Тайфуна на главной площади Столицы.

За разглядыванием сего шедевра и застало комиссара легкое покашливание за спиной.

— Господин Роше? — осведомился у него невысокий худощавый тип. — Ганс Крюге — к вашим услугам. Пройдемте в мой кабинет...

Город не слишком следит за поисками пропавшего Гостя. Город не слишком озабочен участием Объединенных Республик в не слишком понятных военно-космических изысканиях. Городу было, в общем-то, наплевать даже на пару закулисных перестрелок доморощенных мафий.

Но город стоял на ушах из-за осатаневших бродячих псов.

Четвероногие друзья человека — довольно подло им покинутые — вдруг разом сбрендили и, сбившись в стаи, навели на Столицу немало страха. Детей на улице не выпускали.

Пострадавших от случайных укусов и сбитых бегущими собаками с ног чудаков с пристрастием интервьюировали журналисты.

Репортаж о нападении одной из таких стай на кафе-автомат прошел по всем каналам здешнего Ти-Ви. Ученые мужи спешили донести до публики свои высокоумные соображения на сей счет.

Профессионалов-кинологов мобилизовали по трем округам. На отлов треклятых тварей были брошены чуть ли не все силы правопорядка.

Похоже, один только комиссар Роше со своими людьми был вне игры.

Для расконвоированного П-1414 дело было ясно как божий день.

Незадача состояла только в том, что целью поиска был, все-таки, не Пес Харр, выйти на которого при таком раскладе было делом реальным, а его Подопечный. Впрочем, судя по развернутой активности, у Харра были какие-то шансы выйти на след Толле.

Поэтому Пер, слегка потренировавшись, принялся время от времени высвистывать повсеместно принятый на Чуре вызов Пса. Слава Богу, улицы Столицы были достаточно пустынно, чтобы этим делом можно было заняться, не привлекая особого внимания.

На карте города, введенной в память его ноутбука, он отметил передвижения стай очумевших собак. Ориентироваться приходилось на довольно разрозненные сообщения программ новостей. Единой картины из них пока не вытанцовывалось. Не было ясности и в других вопросах.

Запросы об адресах и номерах каналов связи всех известных ему людей, связанных с миссией на Чуре, информационная сеть выдала неохотно — несмотря на то, что пароли следственной группы обеспечивали Перу довольно высокий уровень доступа — и пользы от них было не так много. Бывшие комендант и директор постоянной космической станции наблюдения, на которой в свое время базировалась объединенная миссия Федерации на Чуре, уже не жили на Прерии. Еще четверых его знакомых, работавших на станции вместе с ним, судьба раскидала по Прерии, и вряд-ли они имели хоть малейшее отношение к происшедшим событиям... Из тех, с которыми он высаживался и работал на самой сожженной планете, только Крюге можно было легко найти. Валери Лунс убыла на Джей — работать в одном из тамошних университетов, а Тобиас Мак-Ни не пожелал оставить в сети своих координат.

Это привлекало внимание.

Пер поставил против этого пункта своего мысленного списка жирную птичку и перешел к его следующему — последнему пункту.

КОНДРАТИЙ ГРИВНИН — СИСТЕМОТЕХНИК ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ. РАБОТА В СИСТЕМЕ ЧУР — 5 ЛЕТ. МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА — РЕЧНОЕ СУДНО НИМФА, ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ В ФАРВАТЕРЕ НЕБЕСНОЙ И МАЛЫХ ОЗЕР. ИСТОЧНИК ДОХОДА — КОНСУЛЬТАЦИИ ЧАСТНЫХ ЛИЦ И ОРГАНИЗАЦИЙ. НОМЕР КАНАЛА СВЯЗИ В ОБЩИЕ СПИСКИ НЕ ЗАНЕСЕН.

Пер прикрыл глаза, потер виски. Вот как — оказывается старина Кон ушел на вольные хлеба... И найти его в фарватере Небесной и Малых озер будет задачей далеко не простой. Хотя, всегда можно обратиться за помощью к Большому Брату — тому, что стоит за спиной симпатичного Агента на Контракте. Но это — в последнюю очередь. Не стоит подставлять людей, которым многим обязан под этот прожектор. Что ж, попробуем подойти к этому вот с какого конца.

Он порылся в памяти и набрал номер, который считал давно забытым.

— Мэри-Энн? — спросил он без особой надежды услышать положительный ответ.

— Это я, Пер. — ответили откуда-то издалека.

— Ты так быстро узнала меня? — Пер поскреб в затылке.

— В этом нет ничего сложного. Ты из тех, кто мало меняется. Я знала, что ты мне позвонишь, когда выберешься из-за решетки... Хочешь увидиться?

— Это сейчас — опасное дело. Лучше подождать с этим...

Пер откашлялся, побарабанил пальцами по столу.

На том конце линии терпеливо и чуть напряженно молчали...

— Тебя... тебя не тревожили относительно меня — за последние день-два? — осведомился он.

— Нет. Ты имеешь в виду легавых?

— Не только их...

— Нет. Никто не интересовался. Просто было предчувствие...

Тебе нужна помощь?

— Ты помнишь Кона Гривнина? Того, что был с нами т а м?

— Я очень хорошо его помню...

— Мне надо поговорить с ним... Он на какой-то барже теперь живет, что-ли... Называется Нимфа.

— Яхта, — уточнила Мери-Энн. — Купил по случаю.

— Где она сейчас плавает? И как к нему дозвониться? Он свой номер на себя не зарегистрировал...

— Он его зарегистрировал на меня. Мы вместе... плаваем. А Нимфа причалена на Кузнечной. Если ты из Центра звонишь, то это — десять минут на такси. Приедешь?

Некоторое время Пер переваривал эту информацию.

— Ты не можешь позвать его к аппарату? — наконец спросил он. — Это в связи с делом одного нашего друга — Тора Толле. Ты знаешь. С ним сейчас нехорошо...

Теперь несколько секунд помолчала Мери-Энн.

— С Кондратом тоже... нехорошо сейчас... Обо всем этом надо поговорить... Приезжай.

Пер еще раз отбил по поверхности стола короткую дробь.

— Жди. — наконец сказал он.

Ганс Крюге был полной противоположностью тому образу, что сложился в воображении комиссара, после краткой характеристики, которую выдал ему раздосадованный Ким. Больше всего приват-доцент в отставке и сотрудник исследовательского отдела Разведслужбы (из которой, как говорят, в отставку не уходят) походил на лавочника-антиквара. Возраст его определить было, пожалуй, невозможно — есть такой тип людей, для которых в сорок время останавливается и напоминает о себе лишь в глубокой старости.

Еле кивнув комиссару, он продолжил энергично рыться в допотопной картотеке. Его повадки были повадками явного холерика.

«С немцами всегда так, — подумал Роше, — или педант или холерик. Зато, если уж холерик — так еще тот...»

Он пристроил шляпу на вешалку, роль которой выполнял мудреный рог какой-то нездешней твари и стал осматриваться, привлекая внимание хозяина задумчивым посапыванием.

Кабинет, любезно оставленный администрацией университета за доктором Крюге после его ухода на вольные хлеба, еще больше усиливал ассоциации с антикварной лавкой. На полках и стеллажах теснились экспонаты невиданные и чудесные. Тут были: целая коллекция мечей — удивительно узких и хищных, словно воплотивших в себе саму идею убийства, масса различных предметов вооружения и экипировки — от изящных стилетов до боевых шлемов с мощными респираторами, мудреной оптикой. Книги и свитки в причудливых футлярах. Одежда — словно из реквизита к модернистскому спектаклю о жизни древности. Масса предметов неизвестного комиссару назначения. Снимки — много снимков. И даже картины. Техника исполнения — детская какая-то. Примитивизм. Неосознанный, пожалуй, примитивизм. Но зато — как выразительно...

Вжатые в почерневшую, выгоревшую чашу долины строения — что-то явно оборонное: доты, бункеры.

Безжизненные, грозным хороводом замкнувшие горизонт изломанные вершины горной гряды. В узком просвете — жуткая даль, тонущая в зыбком, гноящемся мареве.

Цепочка отрешенных, отвернувшихся от царства зла, что там, внизу лун, спешащих по своему, неземному делу в стынущем небе: Чур...

Только потом, уже отрывая взгляд от полотна, замечаешь людей.

И Псов, разумеется. Слово просто для масштаба нарисованных. Но присмотришься к издаль уходящей цепи, что эхом повторяет цепочку лун в небесах — темнеющих, безнадежно отрешенных земного зла: нет, наверное, не просто для масштаба...

— Вам понравилось? — осведомился хозяин кабинета. — Мне тоже нравится их искусство. Тем более, что сами они его ни в грош не ставят — там, на Чуре... Могу смотреть на это часами... Вот и сейчас — засиделся здесь, среди этого...

Он повел вокруг себя руками. Роше перевел взгляд на свою нераскуренную трубку, которую машинально достал из кармана.

— Это — целый музей, — согласился он. — Конечно не такой, как тот, внизу, но... — комиссар постарался окрасить свой голос нотками восхищения.

И попал в точку. Ему даже было предложено сесть.

— Я так и задумывал свою коллекцию, — с гордостью признал Крюге. — Как музей — небольшой, но вполне самостоятельный... Я завещаю его Университету. Пожалуй, даже при жизни еще передам — тому жулью доверять нельзя... Я — про... — он ткнул крючковатым

пальцем вверх. — Но тут еще уйма работы — многое нужно описать, определить, свести в приличный каталог... На мой век дел хватит...

— А я-то удивился, застав вас тут в столь поздний час, док, — тут Роше принял как можно более смиренный вид. — Однако может у вас все-таки найдется чуток времени на то, чтобы выслушать меня?

Момент был сучковатый, как определил бы Джон Старинов.

— У меня-то найдется, с грехом пополам, — разом утратил благостное расположение духа Крюге. — А вот вы напрасно теряете время, комиссар. Ваш коллега уже имел удовольствие вести со мной душеспасительную беседу. Боюсь, что был с ним излишне резок. Мои ему извинения... На этом, думаю, нашу беседу можно закончить. Не сотрудничаю с властями. И не напоминайте мне о подписке, которую я дал этим интеллектуалам при погонах... Они могут использовать этот пипифакс по назначению...

— Воля ваша, — пожал плечами комиссар. — Слава Богу, не при Империи живем... Нс ситуация изменилась с того момента, когда вас навестил господин Яснов. Погибли люди...

— Вот как? — поджал губы Крюге.

— Именно так, док, — трое человек, — комиссар выпрямился в кресле. — И трое — в реанимации. Так что дело приобрело м-м... моральный аспект. Вы, док, не хотите, чтобы Прерия вооружалась.

Верите, что можете остановить потоп, как тот мальчик из легенды, что пальцем затыкал дыру в плотине. Только речь идет уже не о том. Хотите вы того или нет, а кто-то да заполучит Тора Толле...

Крюге иронически скривился.

— Я без малого десяток лет работал на Чуре. Из них большую часть — рука об руку с Тором. Получить его в свое распоряжение, говорю вам это с полной гарантией, не может никто. Даже Господь Бог. Если уж Тору вступило в голову сотрудничать со Спецакадемией, то он только с людьми из Академии и будет иметь дело — ни с кем больше. И не думайте, что Тор — рассеянный профессор из анекдота. На Чуре рассеянных не водится. Тор — Оружейник.

И сам пострашнее любого оружия. А то, что у него в башке — еще страшнее. И с этой точки зрения то, что Торвальд Толле похищен — большая удача. И для Прерии и для Чура. И, думаю, для всей Вселенной.

— Мне казалось, — Роше вздохнул и спрятал трубку в карман. — Мне казалось, что к человеку, с которым проработал столько лет рука, как вы говорите, об руку вы должны были бы питать некую м-м... симпатию. Во всяком случае, не желать ему зла.

Крюге молча рассматривал какую-то диковину на витрине своей экспозиции.

— Всегда приходится выбирать... — сухо обронил он.

И вдруг, резко повернувшись к Роше, разразился потоком сбивчивых, одна на другую налезавших, нестыкующихся фраз.

— Вы хотя бы представляете о какой опасности для всего Человечества идет речь? Вы, наверное, только и слышали то, что в уши вам надули наши замечательные СМИ: гравитационное, де, оружие будет самым гуманным средством защиты Федерации. Противник, буде такой объявится, просто-де не сможет преодолеть гравитационный барьер, без всякого вреда для нас и для себя. А то, что с помощью выдумок Тора гораздо легче печь черные дыры — вы знаете? И что ничто не помешает тем, у кого будет в руках способ манипулировать гравитационным потенциалом создать такую дыру, в которой сгинет вся

Вселенная, это вы знаете? Кому вы можете довериться т-а-к-о-е?

А свертка?! Вы что-нибудь слышали о так называемой свертке?

— Это что-то вроде... — Роше замялся. — Вроде того, что можно путешествовать с помощью этих самых черных дыр...

— Не совсем тех самых... — спокойствие отчасти вернулось к Крюге, а с ним и менторский тон. Это похоже, но не совпадает...

Падая в черную дыру, любой физический объект неизбежно разрушится. А в случае свертки такой объект как бы заворачивают в складки искаженного сложным гравитационным полем пространства, а внутри него самого поле остается неизменным.

Образуется как бы пузырь, изолированный от всей остальной Вселенной. В свертки можно упаковывать целые миры. По идее, без разрушения. Но где такой пузырь всплывет, где окажутся заключенные в нем путешественники сказать никто не берется. Очень неплохой способ карать миллионы, оставляя всем надежду, что лишь перемещаете прочь из Обитаемого Космоса неудобный корабль, астероид, планету, галактику...

— Все это — пока теории, — вздохнул комиссар. — А людей убивают уже на практике. Сейчас и здесь.

Подумайте об этом...

Он снял с рога неизвестной твари свою шляпу и двинулся к выходу. В дверях обернулся.

— Я не стану над этим думать, — ответил Крюге, не глядя на него. — Ни минуты. Я уже достаточно думал об этом.

«Нимфа» действительно была на месте — тихо покачивалась на ночных водах у полупустого причала Кузнечной набережной. Она казалась покинутой — эта среднего пошиба, оборудованная своим хозяином под постоянное жилье прогулочная яхта. Только трап был сброшен с борта на причал. Ступив на него, Пер громко откашлялся.

— Мери-Энн! — окликнул он. — Проходи сюда...

Мери темной, ночной птицей нахохлилась поодаль — на корме.

Тихо клацнула зажигалка — Мери прикуривала.

Некоторое время они всматривались друг другу в лицо в зыбком свете неровного пламени. Оба изменились за эти семь лет.

— Если хочешь, сначала спустись в каюту — повидеешь Кона. — сухо сказала Мери. — Выключатель у двери — слева.

— Он спит?

Темная фигура в ответ только вздернула плечи.

Пер, неуверенно ступая, спустился к дверям каюты. Толкнул их. Было не заперто. Под ногами звякнула бутылка.

Коротко щелкнул выключатель. Приглушенный свет залил тесноватую каюту. В общем-то в комнате царил не такой уж и большой беспорядок. Если не считать крутого перегара, пропитавшего весь ее объем, и большого количества емкостей из-под спиртного, набросанных на полу, каюта была вполне приемлемым для жизни человека местом. На столе тихо мерцал высокого класса профессиональный компьютер, мебель была расставлена по местам, кровати застелены. Кондрат не лежал на койке, как того ожидал Пер. Он сидел на корточках в углу — зажатый между столом и стенкой. Его трясло.

— Н-ну... — осторожно нагнулся к нему Пер. — Ты меня узнаешь, Кондрат?

— Д-дом... — с трудом выговорил Гривнин. — С-нова идти в с-старый д-дом... П-

погоды, я — сейчас...

— В какой дом? — без всякой надежды получить толковый ответ недоуменно спросил Пер.

Кон посмотрел на него мутными глазами, с трудом поднялся и чуть не рухнул вперед. Пер подхватил его и помог улечься на узкой откидной койке. Это, похоже, успокоило системотехника высшей квалификации, и каюта почти мгновенно огласилась судорожным похрапыванием.

Пер оляделся еще раз, выключил свет и поднялся на палубу.

Присел рядом с Мери. Та еще раз щелкнула зажигалкой, посмотрела немного на огонь и погасила его. Оба помолчали.

— Давно это он? — осведомился Пер.

— Последние лет пять — Мери снова дернула плечами. — Примерно три-четыре раза в год. С тех пор, как работает на Магира. Точнее, на тех, кому его сосватал Магир.

Завтра будет в форме. Тебе просто повезло — на самый пик делириума нарвался...

— Кто это такие? — Пер постарался рассмотреть лицо Мери в темноте. — Это связано с той работой, которую он делал для Шести Портов?

— Похоже, что да... — тусклым голосом сказала Мери-Энн.

— Он про это глухо молчит. О разном говорит — только не об этом... Все с вашими делами связанное — плохо оборачивается. Ты Тоба помнишь? Мак-Ни...

— Да, — настороженно ответил Пер.

— Его убили. И еще — несколько человек. И тот чужак, который был у тебя за сторожа — в каких-то ваших подземельях, век бы о них не слышать. Его полиция ищет и Магир — тоже. Побойце какое-то там было — у него в оффисе. Перестрелка. Это было по Ти-Ви — без комментариев. Я по адресу догадалась.

— В сети Тоб еще в живых значится...

— Те, кто видел его мертвым, не спешат отметить в участке... Я не хочу пугать тебя и... И вообще — ты молодец, не сдал Кондрата гебистам... Поэтому — учти: охота идет. Какая-то охота за вами всеми, кто работал по той теме, что ты привез с Чура... Вот и Тор ваш исчез — сразу, как только ступил на эту землю...

— Ты знаешь о нем что-нибудь?

— Ноль. Только то, что было в новостях.

Пер хрустнул пальцами.

— Тебя могут спросить — не заходил ли я к вам. Не делай из этого секрета. Только... потом сразу дай знать мне. Ну, скажем — отгони Нимфу на Остров. Я пойму.

— Договорились.

Мэри снова зажгла зажигалку и снова погасила.

— Дом... — Пер кашлянул. — Кон что-то такое говорил про какой-то дом... Старый дом... Похоже, что ему не особенно хочется в этот дом отправляться...

Снова Мери пожала плечами. Сгорбилась.

— Есть здесь такой дом... Там... плохо... — по голосу Пер почувствовал косую улыбку на ее лице. — Лучше не соваться туда.

Там водятся привидения...

— Проводи меня туда, — сказал Пер. — Прямо сейчас.

Табличка с надписью «Кафедра практической истории Периферии. проф. Покровский»

украшала дверь, находившуюся почти напротив кабинета приват-доцента в отставке. Увидев в том перст Господень, комиссар нажал сенсор входного сигнала. Как ни странно и этот его сегодняшний клиент коротал поздний вечер за своим рабочим столом.

Не спалось в эту ночь профессорам и доцентам Университета Прерии.

— Рад вас видеть в этих стенах, комиссар, — Покровский легко поднялся из-за стола навстречу приземистой фигуре Роше.

Тот явно нуждался в помощи — не так легко было найти в упомянутых стенах место, куда можно было бы пристроить заблаговременно снятую шляпу без опаски за ее дальнейшую судьбу.

— Чем обязан честью видеть вас уже менее чем э-э... через сутки после того достославного эпизода, когда я э-э?... — профессор перехватил неприкаянный головной убор из рук комиссара и украсил им чело какого-то мраморного мыслителя прошлого, бюст которого был единственным, пожалуй, украшением аскетичного кабинета почтенного историка. — Я распоряжусь касательно чаю...

— Не беспокойтесь, — Роше добродушно шевельнул усами в знак полного отсутствия каких-либо претензий к собеседнику. — Меня занесло в ваш храм науки по несколько другому м-м... поводу.

Но я решил не упускать случая и с вашей помощью, гм... составить себе хоть какое-то представление об объекте нашего розыска...

Комиссар опустил в фантастически неудобное кресло, на которое наивежливейшим жестом указал ему хозяин кабинета.

— Благодарю вас... Мне, знаете, до сих пор и в страшном сне не представлялось, что придется столкнуться с э-э... человеком о-т-т-у-д-а — с Чура. И вот оказалось, что мне как никогда важно ясно представлять себе как он себя поведет дальше. И как поведет себя его пес, черт возьми! Простите, что отнимаю у вас время, но, мне сдается, что вы сами понимаете, что это — далеко не пустой интерес. Когда обстоятельства вот так прижимают, лучше потерять пару часов на разговор с живым человеком, который смыслит в сути дела, чем разбираться с базами данных и справочниками...

— Не теряйте времени на объяснения... — замахал на Роше пухлыми ладонями Покровский. — Прекрасно вас понимаю, и нет человека на Прерии, который хотел бы помочь делу больше, чем я, комиссар... Давайте ваши вопросы, и мы попробуем сладить с ними...

Профессор достал из ящика стола трубку и энергично продул ее.

Комиссар выпрямился в кресле, воодушевился и извлек на свет Божий и свою носогрейку. Взглядом испросил разрешения у хозяина и с огромным облегчением принялся ее раскуривать.

— П-прежде всего, — попыхивая ароматным дымом, спросил он из глубины быстро заполняющего кабинет сизого облака. — Прежде всего, я м-м... не могу ухватиться... почувствовать — кто мы для человека оттуда? Почему там побывало так мало людей — уже в наше-то время?... И почему чуть ли не все, кто побывал там — так замкнулись, отгородились и от Чура этого, и от здешней жизни?...

— Вопросы у вас — не из простых... — профессор крякнул и принялся расхаживать взад-вперед по тесноватому кабинету, дымя как паровоз и входя в привычную для себя роль университетского лектора. — Типичные вопросы начинающего знакомиться с Чуром вплотную... Отношение колонистов Чура к Матери-Земле с самого начала было отнюдь не

простым. То-есть, конечно: с кафедр и амвонов постоянно звучали благие слова о возвращении в лоно Материнской Цивилизации, культивировалась вселенская скорбь по утерянной Родине Предков... Все это было. Но кроме скорби был и другой мотив: гордая вера в то, что именно они, пришельцы с далеких звезд, есть покорители и создатели всего сущего. Творцы нового мира — сурового и не знающего жалости. Но скроенного по их мерке и их волей, и потому — прекрасного!

Профессор сделал выразительный жест в сторону голографического окна, в котором открывался вид на взятое в кольцо заснеженных гор бездонное озеро.

Высокое небо с редкими, нездешними звездами отражалось в нем. Вдоль крутых берегов взбирались вверх — по склонам гор — диким камнем выложенные террасы, а над ними высились неприступные стены то ли замка, то ли невероятной архитектуры форта...

— Это — голограмма того времени... — пояснил Покровский, — одна из немногих, что дошли до нас... Станный мир, правда?

Уже тогда совсем чужой. А сама возможность возвращения в лоно напрочь перечеркивала в глазах обитателей Чура их великую роль создателей нового мироздания. Эпос о сотворении прекрасного нового мира делался просто рассказом о случайно приключившихся и, в общем-то, ненужных неприятностях горстки людей где-то у черта на куличках. Это вызывало уже не гордость. Скорее — сострадание. Но дело даже не в этом...

Приглушенный свет мини-софита вырывал из мрака только клавиатуру терминала, да пюпитр, укрепленный перед дежурным по блоку интенсивной терапии, а на пюпитре листок отчета по смене.

Лицо самого дежурного было представлено только фосфорическими, огромными белками глаз. Остальные детали его темнокожего лица просматривались лишь неясными бликами в темноте. Шум поднимающегося лифта заставил его отвлечься от созерцания дисплея и всмотреться в глубину холла. В открывшемся просвете двери прибывшей кабины обозначился стройный женский силуэт.

Над пюпитром, из мрака возникло еще одно фосфорически-белое пятно — дежурный улыбнулся неожиданной встрече.

Девушка, симпатичная, с резкими чертами очень молодого, на вид — цыганского лица, приветливо помахала ему рукой.

— Привет, Элли, — радостно приветствовал он коллегу. — Сегодня я тебя сменяю. Махнулась с Даном, — Элли одарила его жемчужной улыбкой. — Мне завтра днем вот так нужно в город.

Она энергично бросила сумочку рядом с распечаткой отчета и принялась извлекать из нее потребные для высиживания следующих четырех часов ночного дежурства предметы: патрончик губной помады, зеркальце, набор микросметики и другую чушь.

Сдающий смену с явным облегчением освободил место за столом со множеством кнопок и экранов.

За его плечами слышались шаги. Белоснежный халат человека, вышедшего на звук их разговора из глубины блока, был накинут поверх темно-синего мундира офицера уголовной полиции.

— Сегодня у нас гостит, так сказать, опекун с Козырной... — представил его чернокожий дежурный, — лейтенант Дин. А это — мисс Лихая... — у него была англосаксонская манера именовать людей. — Сменяет меня вместо мистера Штерна.

Полицейский улыбнулся — надо полагать, общество мистера Штерна было бы чуть менее приятно ему.

— О, я вижу, сегодня у меня будет приятная компания, лейтенант, — приветливо помахала ему Элли, — что, сегодня у нас в блоке опять очень важные персоны?

— Что поделать, мисс, что поделать, — полицейский пожал плечами, словно извиняясь. — Кто-то там, наверху, боится, что ваших сегодняшних пациентов могут заставить замолчать навеки.

Элли энергично поставила закорючку на бланке приема-передачи дежурства и помахала вслед неторопливо удаляющемуся коллеге.

Потом повернулась к лейтенанту.

— Вас в сон не тянет, герр офицер? Меня так — очень. По началу дежурства — всегда так. Но есть панацея — она помахала в воздухе небольшим термосом. — Хороший кофе... Скажу по секрету — настоящая контрабанда! Угоститесь.

Мисс с отраженной в ее фамилии лихостью наполнила заманчиво дымящимся напитком пару разовых стаканчиков и протянула лейтенанту его долю. Поклевывая крепко заваренный мокко, оба лица, непосредственно ответственные за жизнь пациентов блока, обменялись между собой мнениями о разных аспектах тягостей ночных дежурств, о затее муниципалитета с экотранспортом, об одолевающих эмигрантах... Особо подсадовали о волне преступности, из-за которой даже в реанимации за пациентами, что на пол-дороге в мир иной, могут прийти архангелы при пистолетах с глушителями, и еще о чем-то, что лейтенанту Дину и вовсе плохо запомнилось, а потом Элли отправилась осматривать пациентов. Когда минут через десять она вернулась к своему столу, лейтенант, притулившийся в кресле у уютного торшера, пребывал в глубоком ауте.

Препарат, проглоченный им вместе с мокко, действовал надежно и не оставлял клиенту времени обеспокоиться подступившим помутнением сознания.

Элли поправила стража порядка в кресле, сообщив ему более удобную позу, поколдовала со своим терминалом, переключив регистрацию текущего состояния с одного из пациентов на имитатор, и вернулась в блок. Подошла к койке, на которой покоился Халид.

За минуту до этого она ввела ему в вену содержимое пары небольших ампул, не предусмотренных списком дежурных медикаментов блока интенсивной терапии. Он уже пытался — мучительно морщась — открыть глаза. Справившись с этим, он некоторое время пытался сфокусировать их на лице Элли. Та придвинула к его изголовью стул, устроилась на нем, раскрыла небольшой коробок с набором шприцов.

Потом достала из сумки мини-регистратор и включила его.

— Где я?... — с трудом выговорил Халид.

— В больнице, — мягким голосом успокоила его Элли. — Не вибрируй особенно. Тебе привет от Рамона.

— Где... где остальные?... — Халид с трудом составлял слова в предложение. — Вы — кто? Я... я вас не знаю...

— Это неважно, — Элли взяла его руку и ввела следующий препарат. — Надо сосредоточиться. Мы вытянем тебя отсюда. Рамон хочет знать все о том, что там вышло — на улице Темной Воды...

— Дело, даже, не в этом... — Профессор помолчал, подбирая слова. — Будущее, знаете

ли, отбрасывает тени...

Странник отправился в свой путь за пару-другую десятилетий до того, как слово Империя стало официальным термином... Стало писаться с большой буквы... Но она уже существовала — фактически. Так что жителям Чура было от чего ужаснуться новостям со старушки-Земли, когда Вызов и Колумб вошли в их зону радиослышимости. Они знали с чем предстоит иметь дело.

— Ну, этим-то новостям с Земли ужасались не только на Чуре... — заметил комиссар. — И довольно долго ужасались...

— Так что вы тут достаточно хорошо можете себе представить реакцию уже привыкших к независимости поселенцев, — Покровский развел руками. — Но ужасом дело не ограничилось: Прекрасный Новый Мир стал готовиться к пришествию землян.

Уже не покинутых мудрых Предков, которым надлежало открыть сыновние объятия, а жестоких поработителей — воскресших чудищ из комиксов...

Носителей всех пороков Старого Мира. И так далее... Словом — теперь планета ждала завоевателей, которым надлежало дать достойный отпор. Как вы поняли, такой поворот в психике народов Чура был вполне закономерен и подготовлен всем ходом событий.

Даже необходим был такой поворот: общество первопроходцев уже решило тогда основные свои проблемы, подвиги незаметно сменились хлопотами по устройству быта. Это — при том, что сама структура общества — жесткая и нетерпимая была ориентирована только на бесчисленное тиражирование героических деяний. Это была его форма существования — непрерывное самоотречение и подвиг завоевания новых пространств. Чтобы перейти к спокойному перевариванию проглоченного мира это общество должно было разрушиться. Стать иным. Утратить свою суть. Бог ведает, что заменило бы его. Теперь мы уже никогда не узнаем этого. Но знаем, по крайней мере, что оно не стало так просто сдавать свои позиции — это общество героев и колдунов. Оно лихорадочно искало новые горизонты, новые точки приложения сил. Нового врага.

И звездные корабли из Метрополии открыли им глаза — этим, начавшим забывать славные традиции потомкам первопоселенцев Чура.

Вот-вот из глубины Космоса должен был явиться враг — жестокий и коварный. Это был прямо-таки бальзам на душу адептов чрезвычайного положения. Заржавевшие было мечи снова обрели силу и могущество. Касты рыцарей и оружейников снова стали надеждой и опорой мироздания. Правда, и до этого был — да, да, был-таки — враг... Нелюдь.

— Нелюдь? — расслабившийся, было, в кресле Роше подобрался, означив этим всплеск своего внимания к сказанному. — Столько об этом разговоров... Столько секретности... Это потому так тормозят связи с Чуром, что оно оттуда — с этой системы идет к нам...

Профессор нахохлился, глядя в окно голограммы.

— Нелюдь... Нечто, обитавшее на окраине известного людям мира. Нечто, также чуждое планете Чур, как и люди, но пришедшее туда раньше, теснимое ими, почти уничтоженное с лица нового мира, но все дающее о себе знать — призрачным, потусторонним вмешательством в дела бывших землян, зыбким участием в них где-то на заднем плане, за кулисами... Это, вообще говоря, тема для чего-то большего, чем нынешняя наша беседа господин комиссар. Нелюдь на Чуре... Но призраки — пусть даже самые жуткие — не годятся для того, чтобы против них создавать армии, разрабатывать новые виды вооружения, содержать штабы... Так что это так и осталось теневой мелодией в симфонии Чура. В реквиеме по этому миру. Трудно сказать, какую роль сыграло то, что там

у них обозначили этим словом — Нелюдь — в самоуничтожении этой цивилизации...

Профессор Покровский принял из хлипких лапок сервировочного автомата подносик, увенчанный парой чашек из нарочито грубой керамики, снабдил комиссара его дозой чая и продолжил свой монолог:

— Беда Чура состояла в том, что его жители вооружались именно против людей, и сами были, в то же время, именно людьми...

Пришествие землян заставляло себя ждать, а внутренние противоречия планеты становились все острее и острее — да и разве могло быть иначе в мире, который обратил все свои силы на разработку и создание оружия для победы над противником, превосходившим его во много раз и притом во всем, что только можно представить. Мир, заиклившись на такой безумной идее не может не расколоться. С самого начала — с первых десятилетий освоения Чура — его население образовало несколько совершенно непохожих друг на друга государств. Нам остается только гадать об их реальных особенностях и об их реальной истории... Нам достались не документы — легенды и сказания.

Только легенды и сказания не горят в атомном пламени... Возможно, раскол проходил именно по вопросу об отношении к вот-вот грядущему из Космоса нашествию землян, возможно, разногласия носили религиозный характер. И уж точно — экономический и политический. Без этого мы — люди — не можем... В общем, сейчас трудно — да может и невозможно — догадаться о том, кто первым нажал кнопку... Ясно одно: конец всему положила система ядерного самоуничтожения. Должно быть, ее привела в действие та из вступивших в сражение сторон, которая первой почувствовала, что обречена на поражение. Это был Мир не знавший компромиссов.

И десятилетия спустя — уже после того, как с планеты сошли снега ядерной зимы и изувеченная биосфера начала отвоевывать свое у проплешин рукотворных пустынь и дышащих радиацией кратеров. Над планетой все еще описывали свои орбиты спутники-невидимки, время от времени наносящие то друг по другу, то по каким-то целям на поверхности удары то излучением, то зарядами антиматерии. Из недр океанов — с бортов подводных ракетносцев — то там, то здесь все еще уходили на поражение цели баллистические ракеты, а по радиоактивным развалинам прокладывали путь автоматические танковые комплексы. Казалось, ничего, кроме ненависти, не уцелело в этом Мире. И все-таки...

— Доклад от Элли, — Гурам откашлялся, давая шефу время для окончательного пробуждения.

— У вас что — бронхит? — хриплым со сна голосом поинтересовался владелец Торговых домов. — Вы позвонили мне посреди ночи, чтобы я вам больничный лист выписал? Или горчичник поставил?...

— Излагаю суть дела... — чуть поперхнувшись, заторопился Гурам. — Говорить способен только Халид. Гавриш — плох, Кноблех — в коме... Халид выдал информацию — там какую-то квитанцию они нашли, которая Гавриша заинтересовала... Там был какой-то адрес...

— Какой адрес, Гурам, какой? — наливаясь холодной злобой, осведомился шеф.

— Он не помнит... Сотрясение — плитами привалило...

— Какими, черт возьми, плитами?

— Могильными... А остальные, я уже сказал... Если там что и было — все загребла

полиция...

— Спасибо, Гурам, вы очень много узнали... — ядовито молвил Рамон, явно намереваясь подвести черту под разговором — оказавшимся бесполезным.

— Еще там нашли кисет... — торопливо вставил Гурам. — Кисет Счастливого — с трубкой и Трубочником...

— С чем, с чем?... — с некоторой оторопью осведомился Большой Магир.

— С Трубочником... Это талисман такой — многие с собой таскают... Счастливчик не мог его просто так оставить... Они...

Халид, в смысле... кисет этот поместили... Маячок туда подпихнули... Халид назвал нам решетку частот...

— Что ты там несешь... — Рамон даже отвернулся от трубки и поморщился. — Там сейчас засада. Ваш Счастливчик, даже если он вконец спятил от виски, ни за какие коврижки не станет совать голову черту в зубы!..

— Не станет, спору нет, — осторожно настоял на своем Гурам, но мы на всякий случай прозондировали положение маячка.

Так вот: маячок и не думает валяться на улице Темной Воды...

Маячок болтается по городу...

Некоторое время Рамон пытался осмыслить значение странного факта. Потом треснул кулаком по столу и заорал:

— Так какого же черта ты молчал об этом до сих пор, остолоп?!!

Энни измерила комнату шагами — по диагонали, с северо-востока, на юго-запад. А потом, наоборот. Получилось ровно столько же — четыре с половиной ее энергичных, злых шага. Ни больше, ни меньше.

Она выкатила из сумочки на столик каменные шарики с изображением Инь-Янь. Чуть покатала их по полированному дереву, сердито фыркнула: Вам неплохо будет посидеть пару дней в наших конспиративных апартаментах — ха! Вы не будете скучать — там есть Ти-Ви- ха! Ну конечно, есть — чтобы выслушивать, как бестолковый Тимоти Рейдер подубовому раскручивает в Новостях твою кровную тему... Вот так и дисквалифицируются юные журналистки...

... И голодать тоже не будете — я буду приносить вам лапшу по-пекински... — ха! Ну — спасибо вам, агент Яснов, — для вас, разумеется, человек с таким разрезом глаз должен обожать китайскую кухню — как же еще!

Энни рывком раскрыла холодильник. Чипсы — море картофельных чипсов. И проклятые пирожки с куриным фаршем. По всей видимости, служба защиты свидетелей считала, что кулинарные пристрастия защищаемых не рознятся слишком со вкусами оголодавших школяров.

И еще тут был кофе — пропасть одноразовых термосов со здешним самопальным кофе, годным только на то, чтобы слагать о нем анекдоты. Мер-р-рзость. Энни передернуло.

Она взяла трубку внутреннего коммутатора и набрала номер вызова дежурного охранника. Через пару минут, коротавший время в одном из соседних домиков пустующего кемпинга — за карточным сетом с напарником — дежурный, осведомился, чего, собственно, угодно мисс?

— Пиццы и апельсинового сока, — определила Энни. — Пиццу, если можно, с грибами и сыром... Нет — лучшим с салями...

— Подождите немного, я сделаю заказ... — с оттенком досады в голосе обещал дежурный.

— Не стоит беспокоиться — линией доставки я умею пользоваться сама! — оборвала его Энни.

— Для этого вам придется выйти в общую сеть, а это...

— Энни дала отбой, зло хлопнув трубкой по столу, словно давя ею наглого таракана. Она присела на край стола и покрутила в руках извлеченный из сумочки — заодно с магическими шариками — блок связи. Конечно, господин Яснов предупреждал на этот счет, но ведь он просто сказал, что выходить в общую сеть мисс Чанг будет небезопасно... Конечно — это мягкая форма полного запрета — ни больше и ни меньше... Но ведь господин агент не опломбировал ее аппарат и не брал подписки, в конце концов! И, в конце концов, она находится в охраняемом домике, посреди пустого кемпинга. Да и перепуганы они основательно — люди, которые устроили этот цирк на Почтамте...

Она начала решительно нажимать сработанные под слоновую кость кнопочки.

— Ф-фу! — а я за тебя порядком переволновалась, Энни, — сообщила ей своим хорошо поставленным голосом Люси из Хроник Периферии. — Ты так таинственно легла на дно после этой перестрелки... Это правда? Тебя действительно хотели убить? Или просто пугали? Или это — вообще, утка? Может, легавые хотят запугать прессу?

— В таком случае, это у них здорово получается, — язвительно заметила Энни, — по Ти-Ви про похищение Гостя всего то и вякнули два-три слова пятым или шестым сюжетом... Да и то — сплошную чушь. Послушай меня внимательно: я тут не могу обзванивать подряд всех знакомых. Так что будь добра — свяжись с нашим филиалом и узнай, что там поступало для меня. И потом — с Энди Грином из Криминальной хроники, и...

— Тут на тебя уже пытался выйти какой-то чудак... Именно через Энди... А Энди перепасовал его мне — знал, зараза, что ты не удержишься от того, чтобы дать мне знать о себе... Выйдешь на связь... Это какой-то фотограф — Васецки его фамилия. Он имел с тобой дело по линии какой-то экспертизы или чего-то в этом роде... Так вот, он просит тебя связаться с ним через уличный автомат номер... номер...

На том конце линии энергично зашелестели листами блокнота.

— Вот! — Он просит тебя связаться с ним по номеру девятьсот шестьдесят — девятьсот девяносто — двадцать семь — одиннадцать — ты записала? В период от двадцати ноль-ноль до половины девятого... Каждый день. Он будет там ошиваться. Какой-то автомат в безлюдном месте...

— Это неважно, — Энни посмотрела на часы. — Вовремя это я... Одним словом — спасибо и держи меня в курсе.

— Хорошо сказано — ты же по личному блоку звонишь! По переносному! Ты никогда его номера никому не говорила — даже лучшим подругам! — в голосе Люси прозвучала хорошо промодулированная обида.

Энни назвала номер, вырубилась связь, положила блок на стол и еще раз посмотрела на часы. Оставалось еще время выпить чашечку кофе. Она поморщилась.

После покупки относительно приличного комплекта одежды на карточке-анонимке от Дженерал Трендс Гонсало осталось ровно столько, чтобы не умереть с голоду в ближайшие три дня. Это его, впрочем, не слишком волновало — чек от ГН он догадался оставить в надежном месте прежде, чем выходить на контакт с Комски. Поэтому, прежде чем выходить

на новый рискованный контакт, который подкинула ему судьба, он решил кутнуть на всю оставшуюся на кредитке сумму и позволил себе впервые за двое суток поесть по-человечески в недорогом, но вполне приличном баре Бродяга и даже закончить ужин графинчиком кальвадоса, к которому очень хорошо пришлась импортная папиросина, поданая, словно диковинное блюдо, на отдельном подносике с приложением дешевой зажигалки с оттиснутой сусальным золотом мини-рекламой заведения.

Прихлебывая согревающее душу спиртное и вдыхая кислотоватый дымок, Гонсало выслушал раздававшееся из пристроенного в углу бара Ти-Ви повторение сюжета ГН о предполагаемом похищении опасного гостя Прерии и довольно путаный комментарий заместителя министра внутренних дел к этой сенсационной информации, после чего впал в мрачную задумчивость, пощелкивая перед носом дешевеньким пьезо-огнивом, словно крошечный язычок пламени мог подсказать ему выход из сложившейся комбинации.

Зажигалка сгодилась еще и для того, чтобы наконец избавиться от ставшего ненужным драгоценного подарка Судьбы — квитанции за аренду помещения номер сорок по Птичьим Пустошам...

Он это место хорошо знал и запомнить адрес для него труда не составило, так что предать огню смятую бумажку — сам Бог велел...

Идти по этому адресу Гонсало было боязно сразу по двум причинам. Во-первых, предположение о том, что именно эти забытые Богом и людьми подвалы служили сейчас убежищем для двух придурков, сосватавших ему это непыльное дельце, могло оказаться чистой воды блефом. Во вторых, если упомянутые дурни и впрямь свили себе гнездо в этой обители крыс, то есть много шансов на то, что не он один — Гонсало Гопник — настолько умен, что проложит дорогу в убежище похитителей дорогого Гостя. В этом случае совершенно неизвестно было на что он нарвется по достижении своей цели — может быть что и просто на пулю в лоб.

Идти, тем не менее, было надо. Благо от Бродяги до Птичьих Пустошей легко и относительно незаметно можно было добраться через начавший тонуть в ночном тумане ненаселенный Мокрый Луг, что окаймлял русло Зимней речки.

Что делать с этим сочащимся болотной влагой клином земли, вонзившимся в рыхловатую ткань окраины, толком не знал никто еще со времен основания стольного града. Начинался град как лагерь отбывших срока вольнонаемных и расконвоированных спецпоселенцев поздней Империи, и до его планировки дела никому не было. Во времена, более располагавшие к расцвету градоустройства, Мокрый Луг местами обнесли декоративной оградой и объявили национальным парком. Теперь это было любимым местом периодического сосредоточения бойскаутов, влюбленных и самоубийц.

К первым двум категориям Гонсало себя самым решительным образом не относил. Что касается последней, то подозрения в своей принадлежности к ней все более овладевали им, по мере того как он углублялся в приветливо уплотняющуюся с каждой минутой белесую, сыроватую мглу.

Во мгле этой с адвокатом, правда, ничего ужасного не приключилось — разве что промочил ноги, форсируя ручеек, в который летняя жара обратила Зимнюю. Да померещилось еще всякое — в тумане... Должно быть со Ржавой Поймы пахло тамошной чертовщиной. Да заплутав в зыбком мраке, выбрался он не по центру Птичьих Пустошей, как собирался, а в самом их начале.

Что его, пожалуй, и спасло.

В слабо подсвеченном сумраке унылые, приземистые сооружения, понастроенные бестолковыми отцами-основателями по бывшим пустырям, образовывали лабиринт, в котором просто обязаны были водиться черти и домовые. Поэтому появившийся впереди поганого вида пес с рваным ухом, трусивший во мраке вслед за коренастой, нетвердой в ногах фигурой, вызвал у не чуждого знакомству с классикой Гонсало ассоциации с той тварью, что встретила как-то на прогулке герру Фаусту. Из книжки Г те...

Неприятно было то, что за этой странной парой ему пришлось следовать почти не отрываясь — и человек и пес словно подрядились вертеться у него под ногами.

Раздражение, которым от этого их занятия постепенно переполнялся Гонсало, даже помешало ему понять сразу, что это не за кем-нибудь, а вслед за Счастливым — Тони Пайпером — ведет его чертова псина. Осознание этого факта его добило. И — наредкость не вовремя — лишило способности критически воспринимать все другие факты. А они — эти факты — заслуживали того, чтобы к ним присмотреться.

Заслуживал того, чтобы присмотреться к нему, фургон, припаркованный немного впереди, на косом перекрестке — таком, с которого просматривались навывлет пять с половиной улиц, расползающихся подобно ракам, выпущенным из рачевни по всем просторам Птичьих. Фургон был сер, затемнен и явно покинут — то ли навечно, то ли — только на эту ночь, большую или малую...

Правда внутри кузова неказистой на вид машины кипела никому не слышная жизнь: четверо оперативников, не отрываясь, следили за передвижением объекта, двое — старших по чину — обговаривали последние детали предстоящей операции.

— Он где-то здесь... — задумчиво говорил Йозеф. — Точнее — вот он: топает прямо на нас... Пропускаем мимо себя — он нас приведет на место — прямым ходом. Подтягиваемся следом — без лишнего шума, ликвидируем чудаков, забираем Гостя — всех дел на штуку с лимонной корочкой...

— Мне не нравится, что вокруг объекта болтаются еще двое, — Алекс постучал пальцем по дисплею. — Один побольше, а другой...

— А другой — по всему судя, его пес, — оборвал его Йозеф. — Похоже, что придется... А это еще что?!

Покровский потер лоб.

— И все-таки... И все-таки, все воюющие стороны — или, по крайней мере, некоторые из них — готовясь ко всеобщей гибели и уже погибая, позаботились о том, чтобы забросить туда — за грань небытия — свое наследие, сделать свою последнюю ставку... Я имею ввиду сверхглубинные убежища. Видимо, на этот счет у них было соглашение и какие-то общие стандарты: по крайней мере, невозможно отличить эти шахты — в базальте континентальных плит и дна океанов — друг от друга. Какая сторона соорудила тот или иной колодец — полнейшая загадка. Но всегда и всюду железно соблюдалась единая схема: первые десять этажей вниз — уровни кратковременного пребывания всех способных носить оружие, следующие двенадцать — уровни долгосрочного пребывания взрослого гражданского населения, следующая дюжина уровней — убежища генштаба и правительства. Ниже — хранилища документации и памяти суперкомпьютеров — все достигнутое человечеством за века его письменной истории. Ниже, от тридцать шестого уровня, вниз —

убежище детей от шести до четырнадцати лет в земном исчислении.

На каждые пять тысяч по четыре взрослых педагога. Ниже, от сорок второго — для самых младших: от нуля до шести. По взрослому педагогу на пять сотен. Они были готовы к этому путешествию за край небытия, эти дети. Заранее обучены и тренированы — система подготовки молодого поколения к войне была куда жестче, чем любая бойскаутская или другая известная раньше система. Едва научившись ходить и говорить, они уже были разбиты на группы и отряды.

Старшие закреплены за отрядами младших.

Строгая иерархия, железная дисциплина, непрерывные учения.

Взрослые в роли живых богов — безгрешных и непререкаемых... Такими вот были обитатели этих нижних — придонных — этажей колодцев спасения. Еще ниже — криогенные колодцы. Там только генетический материал и замороженные трансплантаты для основных иммунных комбинаций.

Оборудование для госпиталей, законсервированная техника, стройматериалы, продуктовый НЗ — в перекрытиях, в отдельных шахтах, в потайных складах... Термоядерная бомбардировка полностью уничтожила верхние два десятка уровней почти во всех колодцах. Радиационное заражение поразило еще двадцать-тридцать. Вы понимаете, что это значит?

Три следующие поколения, Чур жил странной, призрачной, подземной жизнью. Не сохранилось ни клочка бумаги, ни одного достоверного свидетельства той поры. Можно только предполагать, как сложилась судьба, в общем-то, немногих уцелевших взрослых.

Сколько детей им удалось сберечь — сказать трудно. Если судить по тому числу людей, которое застали на Чуре добравшиеся до него, уже с помощью кораблей подпространственного перехода, посланцы Метрополии, то довольно много. Но выполнить свою роль до конца — сделать этих уцелевших полноценными членами общества — в том смысле, как мы это понимаем здесь — в обычных Мирах Федерации — их наставникам не удалось.

Цивилизация Чур стала цивилизацией детей, так и не узнавших, что значит быть взрослыми.

Нет, чисто биологически, они выросли. И даже старились и умирали естественной смертью, в тех редких случаях, когда условия жизни на прошедшей через атомный апокалипсис планете позволяли дожить до этого. Но вместе с сотворившими конец света старшими поколениями, в небытие канули целые пласты человеческой культуры.

Ушло тысячелетиями складывавшееся понимание уклада жизни, семьи, навыков и умений воспитания следующих поколений, не стало системы образования, здравоохранения, армии и полиции; не стало земной культуры вообще. Остались брошенные, одичавшие, так и не взрослеющие дети на смертельно опасной для жизни планете. И остались тщательно сохраненные для них знания.

Обо всем. В том числе и о строении и работе человеческого общества, о том как сеять хлеб и собирать урожай, о том как получать металлы и делать из них машины... И мечи. И очень много красивых историй о том, как жили во вражде, сражались и умирали люди сгинувшего мира.

Профессор помолчал. И добавил:

— И еще остались Псы.

— Псы... Вот о чем я хотел бы узнать поподробнее... — признался комиссар, пристраивая опустевшую чашку на краешек стола.

Покровский пожал плечами. Глянул на часы.

— Знаете, не буду отбивать хлеб у Клавы... Лучше обратесь к доктору Шпак. В конце концов, она — единственный человек на Прерии, у которого в доме жил настоящий Пес с Чура. Почти год...

— Как вы сказали? — комиссар вынул из-под усов трубку и наклонился вперед. — Доктор Шпак?

— Да, Клавдия Ивановна Шпак... Она у нас ведет небольшой семинар — Антропогенная фауна Чура... Как вы понимаете, это — в основном — Псы. И немного — с Сумеречных Стаях... Никто лучше нее не знает вопроса...

Комиссар задумчиво нахмурился.

— Простите, но как получилось, что в информационной сети...

— О, Гос-с-споди! — профессор безнадежно махнул рукой. — Информационная сеть! Готов поклясться, что про Федю Фельдмана, например, там значится, что он — электрик. Хобби — тату...

— Татуировки? — поморщился комиссар.

— Да. И ничего больше вы там в вашей Сети не найдете... Хотите пари?

— А что я должен был бы найти там? — поинтересовался Роше, кладя на колени блок связи.

Набрал на клавиатуре запрос, нажал ввод.

— Федор Максович — крупнейший специалист в области магической графики, — Покровский снисходительно пожал плечами. — Люди Чура всерьез полагают, что разного рода изображения — татуировка, в частности — может служить защитой для того, кто такой рисунок носит. Он, понимаете ли, как бы сам становится частью такого вот магического изображения... И вообще — там навечно много всякой теории. В психологическую и медицинскую фразеологию я, простите, еще могу как-то поверить, но что касается всякой паранормалики... Как историк — обязан разбираться в соответствующей терминологии, но принимать на веру эти...

Блок связи выдал справку Сети:

— Фельдман Федор Максович — год и дата рождения, электрик первого класса, место работы — электротехнические мастерские Университета Объединенных Республик Прерии-2, домашний и служебный адрес. Хобби — тату. В информационных массивах криминальной полиции не фигурирует.

— Что я вам проспорил? — осведомился Роше у профессора и с досадой выключил блок.

Номер девятьсот шестьдесят — девятьсот девяносто — двадцать семь — одиннадцать молчал довольно долго. Потом глухой, явно измененный голос спросил с того конца линии связи:

— Кто говорит со мной?

— Энни Чанг к вашим услугам, мистер. Вы хотели сообщить мне нечто...

— Вы уверены, что ваш аппарат не прослушивается, мисс? Я Васецки, Карл Васецки — вы приносили мне на экспертизу снимки с господами из военного департамента на них...

Оказалось — монтаж. Помните?

— Да, я вам очень обязана, господин Васецки...

— Так вот... Я не могу сейчас выйти на полицию — у них там, похоже, утечка

информации... Поэтому вспомнил про вас — надо предупредить одного человека. Он вовлечен в поиски Гостя...

Это как раз ваша тема... Вы сможете передать это людям из полиции, которым можно доверять... Речь идет о моем знакомом — я кое чем ему обязан и не хочу, чтобы у него были неприятности...

— Говорите... — Энни подвинула и без того готовый к работе блокнот поближе к себе.

— Речь идет о некоем Пере Густавссоне. Он был тесно связан со мной по работе. Кроме того — он личный друг небезызвестного вам Торвальда Толле. В свое время привез большое количество снимков и видеозаписей с Чура. Они были частично повреждены, и я помогал ему вытянуть из них всю возможную информацию. Потом он предложил мне некую э-э... работу по своим — чисто научным проблемам. Спецсъемка и все такое... Так вот — семь лет назад у него были большие неприятности. Его осудили по делу Шести Портов. Знаете с таким?

— Знаю...

Энни стремительно делала пометки в блокноте.

— Густавссон получил десять лет. Из них уже отбыл — повторяю — семь. Так вот. Сегодня ко мне пришли несколько вооруженных человек. Думаю, что это люди небезызвестного вам Магира... Точнее, я уверен в этом, но не могу доказать. Они в довольно резкой форме предупредили меня, что мне следует в ближайшее время ожидать появления Пера. Он, по их мнению, будет спрашивать меня о судьбе Торвальда Толле... Не знаю, как это взаимосвязано... По их мнению, он работает по заданию ГБ или полиции. Я должен буду немедленно дать знать этим людям о такой встрече. По номеру...

Энни записала номер.

— После того, как эти люди ушли, я нашел у себя жучки.

Несколько штук. Уверен, что это — не все. Не уверен, что нас не прослушивают сейчас. Но я обязан Перу многим. Он дал мне неплохо заработать в трудный период и... И оградил меня от излишнего интереса властей — когда им занялось ГБ... Так что... Я могу на вас рассчитывать, мисс?

— Можете.

Энни выслушала сигнал отбоя, набрала номер линии доставки и заказала пиццу с салями и грибами, Кьянти и апельсиновый сок.

Глава 8

СОБАЧЬЯ ШЕРСТЬ

Адвокат Гопник замер, словно разбитый неожиданно обрушившимся на него параличом. И было от чего: не успел Счастливчик нетвердым шагом миновать бесхозного вида фургон, вкривь и вкось припаркованный на пяти углах, как навстречу ему — мрачный, и недвусмысленный, черный как смертный грех — из переулка выполз Ноктюрн-форсаж прошлого десятилетия выпуска.

Люди внутри дурацкого фургона тоже замерли: сценарием вовсе не было предусмотрено явление на сцену такого изобилия действующих лиц.

Замерли и те — за непрозрачными снаружи бронестеклами Ноктюрна. Сидевший за панелью управления тип повернулся к Гураму и мрачно сообщил ему, что на его взгляд, на улице что-то слишкомлюдно... Тот с немым удивлением глядел на остолбеневшего Гопника. Такого подарка Судьбы он не ожидал и потому оцепенел.

Замер и Рваное Ухо — нутром ощутив опасный расклад.

Одному только Счастливчику решительно все было нипочем. Да и с чего бы? Трубочник снова был с ним. И надо отдать ему должное, хитрый бес старался как мог.

Всеобщее оцепенение длилось пару-тройку мгновений, не более, после чего события стали разворачиваться в совершенно сумасшедшем темпе и в самой дурацкой последовательности из всех возможных.

Прозвучали команды, и из обеих машин горохом высыпала и рассосредоточилась по немногим возможным укрытиям полная дюжина вооруженных боевиков. Гурам из-за корпуса Ноктюрна громко поинтересовался, что господам, собственно, надо от их человека.

Имея ввиду, вообще-то, Счастливчика. Рваное Ухо рванул в подворотню. Рванули, собственно говоря, все — кто куда мог. Ошеломленный Тони — назад, за фургончик. Наконец-то им замеченный.

Не менее него ошеломленный Гонсало — зайцем, вперед: сзади щелкали затворы.

Решительно не собиравшийся упускать добычу из рук Йозеф дал вслед петляющему по улице адвокату очередь парализующими зарядами, промазал и вывел из строя двух людей Магира и ошалевшего от страха Тони.

После этого стрелять стали все: можно было подумать, что это среди ночи заработала артель клепальщиков: огнестрельная техника особо не шумела, но пули долбили железо каров с гулким громом.

Цепочку людей Магира Гонсало миновал без помех. До путающегося под ногами прохожего им дела не было. Единственного из них, кто знал адвоката в лицо — Гурама — автомат Йозефа отоварил парализатором в плечо — случайно, рикошетом.

Остальные были заняты тем, что успешно подавляли огонь противника, чем изрядно облегчили Гонсало отход с театра военных действий. Свернув за угол, адвокат припустил сломя голову и только минут через пять стал прикидывать, куда же его несет.

Несло его куда надо — к заброшенным складам на Птичьих.

— Вот, вы просили держать этот момент на контроле... — Коротышка Каспер перебросил на стол Киму кусок ленты принтера.

Агент на Контракте с некоторым недоумением воззрился на лаконичную строку

распечатки. Потом — на подчиненных.

— Еще вчера, — напомнил ему Джон, — вы распорядились найти номер счета Толле. Вы отметили в показаниях Братова, что-то в том духе, что... Одним словом, у Гостя должна быть здешняя валюта на руках. Скорее всего — в виде электронной кредитки — как обычно... Вы тогда сказали, что номер, конечно,дохлый, но надо это проконтролировать... Я этим озадачил наш компьютер из финансового подразделения, Дело оказалось сучковатое: счет открывал комитет Азимова — по своим хитрым каналам — и тут сам черт ногу сломит... Но в домике на Козырной сидят люди ушлые, и к тому же у нас по этому делу — высокий уровень допуска...

— Одним словом, вы вычислили его карточку... Гм... Неплохой кредит спустил под это дело господин секретарь... — без энтузиазма констатировал Ким. — Хотя... — он присмотрелся к распечатке, — кажется, не это — самое главное... Ч-черт! С него же — с этого счета — сегодня скачали приличную сумму... Ничего не понимаю... Они, что, с ума сошли или... Так, номер счета получателя... Анонимный, разумеется. Но вот терминал... Каспер, запросите срочно идентификацию терминала, с которого...

— Уже идентифицировал. — Каспер иронически прищурился, — Абонентский счет оплачивает господин Адельберто Фюнф. По моему, мы слышали о таком... А это — показания радиозасечки... Конечно, мы там уже никого не найдем, но все же...

— Так, — определился Ким. — Джон, свяжитесь с прокурором: нужна санкция на арест счета. Выведите на дисплей карту города. И сводку по районам, пожалуйста.

— Вот так и со всеми остальными... Запрашивать Сеть — пустое занятие... — Покровский устало принялся собирать со стола бумаги, магнитки и прочие атрибуты своей деятельности. Он явно собирался домой. — Клавдия Ивановна у вас в Сети проходит как кинолог, — продолжил он. — Имеет соответствующий диплом. Заведует виварием нашей богодельни — и не более. А семинары, консультации, просто авторитет среди специалистов и знатоков — все это почти не документировано. Давно говорил ей, что надо написать монографию, отметится, так сказать, в академическом мире... Так нет! Вот и цитируют в мировой литературе чушь всякую. В том числе, явный бред, вроде сочинений господина Пакельного. Не имели удовольствия читать? Завидую вам... А между тем, Шпак лучше всех смертных здесь, на Прерии разумеется, смыслит в Псах Чура. Но — кому это надо... Можете звякнуть ей — хотя, в столь поздний час, скорее всего, нарветесь на автоответчик. Впрочем, если вам угодно... — профессор взял трубку. — Лучше я организую вам, гм, аудиенцию — завтра, на утро. Так будет лучше: Клава — человек непростой...

Комиссар уже давно понял, что простые люди к Цивилизации Чур, как правило, отношения не имеют и только пожал плечами.

— Послушайте, — осторожно осведомился он, — а ваша мадам Шпак не пошлет следствие точно туда же, куда меня с полчаса назад отправил герр Крюге?

Профессор, который тем временем, видимо, успешно миновал встречи с автоответчиком и гудел в трубку по-русски что-то весьма добродушное, воззрился на Роше с плохо скрываемой улыбкой. Потом пару раз гукнул в трубку что-то успокаивающее, положил ее на место и вздохнул:

— Завтра Клавдия в полном вашем распоряжении — сидит дома на бюллетене и пестует какого-то отпрыска собачьего племени. Не беспокойтесь — она человек, в сущности, добродушный — во всяком случае, не фанатик... Как и я... Оба мы не в восторге

от того, зачем к нам пожаловал господин Толле, но оставлять его в руках бандитов — это уже не политика. Это — пособничество уголовщине.

Крюге — другое дело. Людей, долго живших т-а-м, порой трудно понять... Кстати, Клава дала мне неплохой совет — в библиотеке у нас, в ее открытом файле, для студентов, есть запись последнего семинара — как раз вводного по интересующей вас теме...

Мягко засветилась лампа настольного блока связи. Профессор снял трубку. Потом передал ее Роше — несколько растерянно.

— Это вас, комиссар...

На том конце канала Ким недоуменно осведомился:

— Что там у вас, Жан? Я еле додумался позвонить еще и господину профессору... Почему вы?...

— Выключаю свой блок во время разговоров... — с досадой объяснил Роше, на ходу исправляя оплошность. — Дурацкая привычка... Что там у вас?

— Отправляюсь на Птичьи Пустоши, — уведомил его Ким. — Оттуда засекали выход на банковский счет Толле... Да, представьте себе — такое идиотство... Район складов Продуктового товарищества, помещения с тридцать шестого по пятидесятое... Здесь неподалеку зарегистрировали еще и перестрелку... Я до сих пор думал, что для Прерии разборки на улицах — редкость... Нет, думаю, вам не следует... Там уже патруль и вообще... Иду, как говорится, по холодному следу... Лучше подождите меня у дока Покровского — если дед не собирается ложиться — есть кое какие вопросы к нему. Как к специалисту...

Роше опустил трубку и нахмурился. Он не любил зевать пожарные ситуации. Кажется, однако, проехали уже вторую такую...

— Не стану вас задерживать... — комиссар встал с кресла и бережно освободил мраморного мыслителя от своего головного убора. — Продолжу свои поиски... собачьей шерсти.

— Если у вас еще есть свободное время, — добродушно посоветовал Покровский, — спуститесь в библиотеку. Там открыто круглосуточно. Прокрутите файл с семинарами по Псам: может узнаете что-то из того, что вас интересует...

— Спасибо за совет, — так же добродушно отозвался комиссар, перешагивая через порог. — И спокойной ночи...

Вот теперь Харр отчетливо слышал зов. Тот самый. Чтобы лучше сориентироваться, он осторожно поднялся и трусцой, рыскающим зигзагом двинулся по утопающей в темноте набережной. В движении было легче определить источник этого непонятного, тревожного сигнала. И действительно — старый, испытанный метод помог: Харр понял, что сбивало его. Их было несколько — этих источников. И Харр устремился к ближайшему из них. Он ясно понимал, что главное сейчас — это Тор, но этот непонятный сигнал слишком напоминал ему о том главном, что служило источником самой большой опасности для каждого, кто был рожден на Чуре — этот сигнал напоминал ему голос нечеловеческого, не Землей порожденного разума...

Достигнуть первого из источников сигнала оказалось довольно легко, но то место, где находился этот источник, было невероятно странным... Столь же странным оказалось и существо, которому принадлежал этот беззвучный голос. Существо, что звало на помощь... Как он только умудрился забраться на этот островок, вдали от заросшего камышом берега, этот пушистый малыш? Харру пришлось пуститься вплавь — другого способа добраться до

этой крохи у него не было. А как только он добрался до заросшего осокой клочка суши, отряхнулся и обнюхал кроху, ощущение страха перед чем-то совершенно чуждым, исходящим и-з-в-н-е, отступило, сменилось смешанным чувством сострадания и ответственности за этот крошечный кусочек чуждой этому миру жизни, неведомо как попавший в этот погруженный в хаос, безхозный мир...

И еще он, наконец, вспомнил, когда и как — там, на Чуре, ему встретилось... Нет, не эта, в беду попавшая кроха, но нечто очень и очень сродни этому зову и этому пушистому сиянию...

Кроха, однако, восприняла появление Харра как нечто должное.

Как только он попытался согреть это чуть мерцавшее во тьме почти беззвездной ночи создание, оно прильнуло к его короткой шерсти и что-то затараторило по-своему, силясь, видимо, убедить его в необходимости предпринимать какие-то совершенно срочные действия, куда-то спешить, к чему-то успеть... Харр не понял и малой доли из всего этого потока императивного попискивания. Уловил только общий смысл этого лопотания — намерения крохи в общем-то совпадали с его собственными... Подхватив малыша за шкурку на загривке, фосфоресцирующую в ночном мраке, Харр снова пустился в холодные воды реки. Второй источник призыва прятался где-то в глубине городской окраины. Он уже нашел второго малыша, и третьего, когда пришли новости от Подопечного...

— С нашей стороны — трое раненых, — доложил Алекс. — Двое — тяжело, держатся на фиксаторе. В том числе — Йозеф.

Потери противника — ориентировочно четверо. Одному — снесли череп. С остальными — неясно. С места действия все убрались до появления патруля. Мы забрали своих, они — своих. Один неустановленный тип — у нас с собой. Полный заряд пэ-двадцатого. Еще не скоро сможет... Да, при нем найдена кредитка на имя Энтони Мэлвина Пайпера...

Возможно, это он и есть.

Клод Саррот приложил определенное усилие для того, чтобы не хватить трубкой блока связи по столу.

— Где вы сейчас находитесь? — спросил он, нарочито спокойно, слегка притормаживая себя.

— Двигаемся по Цесаревича, в сторону клиники Шторха, — с готовностью определился на местности Алекс. — Сейчас проходим Алексеевские массивы...

— Очень хорошо... — Саррот прикрыл желтые, восковые веки и пожевал тонкие губы, представляя себе топографию того района столицы. — Сверните на явку. Там — практически по дороге.

— Понял, — подтвердил Алекс. — Сворачиваю на Полинга...

— Возьми с собой предполагаемого Пайпера и работаешь с ним — там есть все необходимое. Подошлю к тебе Кори — он хорошо соображает в таких вещах. К его прибытию приведи объект в порядок. Ты знаешь, что нам от него нужно. Нам нужно, чтобы он заговорил сегодня, а не завтра в обед... Йозефа и других к Шторху пусть подбросит э-э...

— Каммингс, — подсказал Алекс. — Он справится.

Голос его был далеко не бодр. Привести в порядок объект, получивший полный парализующий заряд стандартного Р-20, за считанные минуты не мог даже и всемогущий Господь. Но полученный приказ обсуждению не подлежал.

— Дьявол бы побрал проклятого Тони и его псину!

Дьявол бы побрал тебя — дурака! — Мепистоппель сделал небольшую передышку и воззрился на Толле, чтобы удостовериться, что до того доходит смысл сказанного. — Нам надо смываться как можно скорее, а мы сидим на этой куче капусты — он швырнул на стол пластиковый пакет с только что полученными в банкомате купюрами и воздел руки к заплесневелому потолку. — И все из-за этого треклятого идиота, который — видит Бог — где-то набрался и влип в какую-нибудь историю... Я чуть не поседел пока проклятая машина отсыпала мне нал. И — представляешь? — как только я вздохнул свободно, на индикаторе выскочила паскудная объява: Счет арестован!. Я только и успел, что показать чертовой железяке язык — вот так (Мепистоппель показал как именно — зрелище было внушительное) и дать драпа. Кто его знает — может через секунду они бы блокировали все ходы и выходы...

— Какие выходы? — поинтересовался Тор.

— Из Купермановского супермаркета! — там у них уйма банкоматов — на каждом этаже... Все-таки мы нагрели их!.. Это же надо — буквально на считанные секунды опередили... Но если они засекли мой блок связи, нам...

В этот момент в дверь помещения номер сорок, судя по всему, попыталось вломиться пол-дюжины чертей.

По крайней мере, так можно было подумать, судя по производимому ими шуму.

— Только не блокируй снова мой бластер, пожалуйста, — тихо попросил Мепистоппель Тора.

Тот молча взвесил на вытянутых пальцах свой меч. И остался доволен.

— Откройте, Бога ради! — взмолился с той стороны тяжелой двери адвокат Гопник.

— Это Гонсало! — не без удивления комментировал эту мольбу Адельберто.

И сделав недоумевающему Тору знак, замер сбоку от двери.

— Ты один? — проорал он в ответ на третий или четвертый вопль Гопника.

— О, Господи! Так вы живы? — искренне поразился Гонсало.

— И вы там тоже одни?

— Что значит тоже? — задал Мепистоппель один из самых идиотских вопросов, возможных в сложившейся ситуации.

Гопник задумался.

Дым от легкого табака свивался в замысловатый узор над не менее замысловатым узором малахитовой столешницы. Большой Магир старательно фокусировал свой взгляд на этой картине, чтобы не видеть устремленного на него сквозь мглистые завитушки взгляда того, кто сидел напротив.

— Меня не интересует то, как вы это сделаете... — Рамон медленно и веско цедил слова в трубку. — Меня не интересует, как вы будете откачивать Гурама. Мне надо до утра знать где находится Гость. И где находится Счастливчик. Его ведь заграбастали вместе с его радиомаяком? И еще вот что, Конрад, мне очень — ты понимаешь, о-ч-е-н-ь хочется узнать, каким образом наши лучшие друзья из Дженерал Трендс вышли на Пайпера... Кто продал им частоты маяка?... Ты хорошо понял меня?

Выслушав заверения в быстрейшем исполнении своих указаний, он опустил трубку на стол и тяжелым, выразительным взмахом руки внес некоторое возмущение в жизнь дымного узора над столом.

— Мне перестал нравиться... — тот, напротив, задумался, подбирая слова, — перестал нравиться метод вашей работы...

Слишком много убитых... бесплатно... Слишком много... времени затрачено. Я нахожу, что мы должны вмешаться в процесс... Сами...

Рамон поднял глаза на собеседника. Тяжело покачал головой.

— Это плохо кончится, — твердо отрубил он. — Очень плохо.

Трудно было определить, согласился ли с ним партнер. Он, похоже, думал уже о другом.

— Ведь тот, кто нам нужен... — все так же медленно выговорил он. — Тот, кто нам нужен — он тоже в это время что-то делает... Ведь так?

— Ваш подопечный окончательно спятил... — меланхолично констатировал Гонсало, выбираясь на грузовой пандус из наклонного лаза помещения номер сорок, следом за задумчиво нахмуренным Гостем. — Вот-вот сюда нагрянут архангелы мсье Саррота, а господин Толле, видите ли, не может оставить помещение в беспорядке. Ему надо расставить все по-своему... Тор пожал плечами и молча полез внутрь машины.

Мепистоппель энергичным тычком помог Гонсало упаковаться в Фольксваген, рядом с Гостем.

— Только не воображай, — сурово уведомил он адвоката, — что я хоть на грош поверил твоим сказочкам про то, как ты и от Рамона, и от Саррота, и от Черта с Дьяволом ушел... Я не собираюсь ни снимать с тебя штрафные меры, ни, тем более, увеличивать твой пай в деле. Ты дело это и так, считай, что провалил...

— Еще раз говорю тебе, старый дурень, что мне просто Фортуна улыбнулась, иначе я был бы уже трупом... — досадливо проскрипел адвокат, втискиваясь в довольно тесный объем кабины.

— Ага, Фортуна, значит, повернулась к нему лицом, и он и от бабушки ушел, и от дедушки ушел... — Адельберто даже оторвал руки от руля, чтобы изобразить всю меру недоверия словам утратившего доверие партнера.

— Да не лицом ко мне Фортуна повернулась, — зло возразил Гонсало. — Не везде у нее лицо, у Фортуны... И при чем здесь мои бабушка с дедушкой?!

— Значит, Фортуна ж...ой тебе улыбнулась, — констатировал Мепистоппель. — А что касается бабушек и дедушек, то раз уж взялся делать бизнес на планете, населенной недоделанными скифами, так уж надо их фольклор знать... Сказку про колобка, хотя бы... Хоть ты на него и не похож.

— Меньше эмоций, Адельберто, меньше эмоций... — устало парировал адвокат. — И ходу, ходу отсюда. Я повторяю — своими глазами видел, как Тони влез в облаву... Если он жив, то сейчас здесь будут гости...

— Ты не ошибся, Гонсало? — в который уже раз осведомился Мепистоппель, запустив движок. — И как ты сам-то вышел на нас?

Я ведь подстраховался и в том тайнике — не прямой адрес оставил.

Только телефон. На знакомого одного. Чтоб потом у него справиться — не побеспокоил ли его ты или кто другой.

— Тайник твой, Мепистоппель, засветился, — пожал плечами Гонсало. Я не могу повторять это тебе сто раз...

Ненадежное ты место выбрал. Какая-то тупая скотина нос в книжку сунула и — привет! Для меня осталось только дерьма сушеного грамма два. И никаких телефонов-адресов. Оно,

кстати, и к лучшему... А на тебя я по-другому совсем вылез — тоже второй раз объясняю. Не надо бросать где попало счета и квитанции... Половину секретов люди узнают из такой вот макулатуры, и только вторую половину — из газет...

— Я не верю тебе ни на грош! — заскрипел Адельберто, но Тор перебил его:

— Он не врет, Нос Коромыслом...

— Славно он тебя кличет, — заметил Гонсало. — Когда состоялось крещение под новое имечко?...

Адельберто зло зыркнул на него выкаченным глазом.

— Мне еще не такое приходится терпеть от этого парня из-за вас, дураков! — зло прошипел он, вырывая из едва освещенного складского двора в и вовсе неосвещенный переулок.

Такси они остановили где-то на самой черте города, там, где тянулись унылые, полузаброшенные кварталы неперспективной застройки — по сути дела остатки древних полудеревень, проглоченных когда-то Столицей, а теперь вновь выплюнутые ею. Расконвоированный заключенный П-1414 пошел первым, ориентируясь на короткие подсказки своей давней подруги.

— Он не хватится тебя? — тревожно спросил Пер, оглянувшись через плечо на Мери-Энн.

— Кон? Пил двое суток и сутки будет спать. Я это расписание выучила наизусть. Потом будет глушить кофе и работать сутками...

Пер мучительно поморщился, прислушиваясь к хлопанью воды в ботинках.

— Что ты знаешь о его теперешних м-м... заказчиках? И об этом доме? Он что-нибудь рассказывал тебе?

— Ничего. Ты же знаешь его — если не захочет, слова из него не вышибешь... Обо всем приходится догадываться... Но я — догадливая. Этот дом... Я его вычислила.

Пер понимающе хмыкнул.

— А началось все примерно через год после того, как ты загремел под суд, — продолжила Мери. — Точнее, не началось, а продолжилось, я так понимаю... Появились люди, которые начали дознаваться о связях тех, кто работал на Чуре — не только люди Магира, но и еще какие-то... Прямо, настоящая охота началась. И у многих из наших начались неприятности... Ну и... Я так понимаю, что Кон просто испугался. Особенно после того, как убили Тоби...

В конце концов, Магир и те... Те, кто за ним стоят — это хоть какая-то защита... И они очень прилично платят. Я не знаю, что им нужно... Скорее всего, они хотят довести до конца то, чем ты занимался — какое-то приложение идей этого Толле к здешним условиям... Или что-то в этом духе... А дом этот... Я его просто вычислила. Понимаешь, с этого и начались у него эти... заходы, — она сделала чисто славянский жест, скорее мужской, чем подобающий начинающей стареть женщине. — Сначала уходил в город надолго, а затем возвращался — с деньгами, уже порядком набравшись. И уходил в штопор... Ну и разговоры на тему об этом месте... К нему временами приходят... другие — из тех, кто тоже работает на этих заказчиков... А как ты сам понимаешь, у нас на Нимфе не очень то уединишься...

Обычно, я не понимала, о чем идет речь, но тему Старого Дома — для себя отметила. А потом — просто проследила его... походы.

— Вот как... — Пер откашлялся.

Подумал немного.

— Там — среди тех, кто приходил к Кондрату — не было наших общих знакомых? Ну — Васина, например... Карла...

Мери подумала с минуту.

— Нет... Пожалуй, что — нет. А с Карлом он, действительно, временами встречался — ты же знаешь, он в этих делах посторонний, но за небольшой процент позволяет использовать свою контору в темную. Передает когда надо, кому надо все что угодно — без лишних вопросов... Такой был, таким и остался. С него все как с гуся вода...

Она неожиданно попридержала Пера за локоть.

— Теперь подожди... Дальше я пойду первой...

Они двигались по лесополосе, протянувшейся вдоль пригородной — а может, уже и загородной — аллеи.

Старались не светиться в просветах между деревьями, держались ложбинок, сочащихся влагой прошедших дождей.

— Это уже близко... — тихо предупредила Мери-Энн. — По крайней мере, прошлый раз он был где-то здесь...

— Ты о чем? — чуть недоуменно осведомился Пер. — О доме этом? Он что — способен м-м... менять местоположение, что-ли?

Мери только коротко махнула рукой.

— Может и не меняет, но вот с памятью у всех, кто его находил, что-то явно происходит...

— Черт, какие-то надгробия пошли... — с досадой отметил Пер, подсвечивая вокруг фонариком, выведенным на минимум мощности.

— Да уж, — невесело усмехнулась Мери, — готический калорит у нас на высоте. Эта штука постороена впритык к погосту. С этой стороны кладбище не огорожено, а дальше — будет чугунный заборчик. Не зацепись... А дом уже виден — это вон та руина — за деревцами прямо по курсу... Охраняет его один только тип — из тех, что не просыхают с вечера до утра... Видно, тоже не любит этого места. Побайвается.

Пер вздохнул: куда бы не заносили представителей рода людского вихри технического прогресса, под какие бы небеса, к каким бы солнцам ни приходили люди, всегда за ними тянется это их древнее наследие: заброшенные погосты на окраинах, тоска дождливых ночей и страх чего-то, чего — каждый твердо знает это — нет и быть не может...

— Мери... — тихо окликнул он. — Откуда... Откуда на кладбище — светлячки?

Он погасил фонарик.

Мери приостановилась. Присмотрелась в направлении, в котором указывал Пер.

— Здесь не бывает светлячков... Это... Как ты только заметил... Ч-черт, подойдем ближе. У тебя есть шпалер?

— Нет... Оружие мне не положено, — с одному ему понятной усмешкой вздохнул Пер.

Мери удивленно оглянулась на него, пожалала плечами.

— Я теперь всегда таскаю с собой разрядник... Пошли.

Свечение было, и впрямь, еле заметным, но оно не померещилось Перу — зыбкий бело-голубой огонек высвечивал мох, которым заткана была каменная ниша, когда-то служившая раковиной, в которую стекали вечные слезы из фонтанчикакапельницы, украшавшим надгробие с давно стершимися именем того, кто лежит под ним и датами его жизни. Сейчас

нечто иное гнездились в этом каменном ложе — нечто, что всколыхнуло в памяти Пера замершую было темную гладь пруда, под которой таились странные образы и смутные страхи...

— Смотрите, — с каким-то облегчением в голосе сказала Мери. — Забавная кроха... Первый раз вижу такое. Наверное — какая-то здешняя мышь... Или — хомяк...

Она шагнула к осевшему надгробию.

Пер приостановил ее коротким движением руки.

— Не стоит... Это не тот зверек, которого я хотел бы встретить сейчас...

— Опасная тварь? — с недоумением спросила Мери, делая небольшой шаг назад. — Никогда даже не слышала ни о чем таком...

— Слышала, Мери, слышала — просто не сопоставила сейчас...

— Пер положил ладонь на вскинутый было его спутницей ствол разрядника. — Это Пушистый Призрак.

Таинственный зверек с Шарады. И еще — они водятся на Харуре... И еще на паре планет.

Как правило там, где мало кислорода и господствуют ледяные пустыни... Очень неприхотлив. Сам по себе — безобиднее таракана.

Но считается дурным знаком встретить его, если не искал. Купить, выменять, прийти посмотреть в вольере зоосада — пожалуйста, но когда он является непрошенным... Надо менять планы...

— Так то — Шарада... Откуда эта тварь взялась здесь?

— Вот и я — про то же... — задумчиво заметил Пер. — Вот что, Мери: выбирайся на дорогу, вызывай такси и жди меня там. В домик этот мне лучше наведаться одному...

— И не подумаю, — Мери высоко подняла плечи. — Ты первый заметил эту тварь — значит знак — тебе, а не мне... Это — во-первых. А во-вторых — я сыта по горло суевериями, которых ты понабрался на Чуре...

— Делаем так, как сказал я, — коротко оборвал ее Пер тоном, которому не приходилось возражать.

Когда надо, он умел говорить так.

— И вот что — передай мне разрядник... Где только достала такой... Или лучше вот что — оставь-ка его себе. Обойдусь.

В сотне шагов от здания Пер включил свой блок связи и через канал Кима вызвал картинку с орбитального спутника наблюдения. Повозившись минутой-другую, он узнал на экране слегка плывущий образ того квадратного километра, на котором находился сам и на котором стоял Старый Дом... Включил преобразование инфракрасного диапазона... Как и предупредила Мери, Дом охранялся: позади него был приткнут к кустам кар, марку и номер которого спутник наблюдения тут же отретировал по радиоэху. Неподалеку ошивался и тип в нахлобученной по уши шляпе.

Спутник заботливо вывел на экран информацию о том, что при типе имеется единица огнестрельного оружия и блок связи, зарегистрированный на анонимный номер. Пер выключил блок и спрятал его в траве у ограды.

Теперь уже не расконвоированный заключенный П-1414 владел навыками боевых искусств Чура. Теперь боевое искусство Чура владело им. Бесшумно преодолеть расстояние до темнеющего впереди кара было просто упражнением для разминки. Пер дождался

момента, когда сторож, совершая свое, видно, порядком осточертевшее ему маятникообразное движение, приблизится к машине, и приголубил нерадивого стража коротким ударом за ухо. Тот послушно опустил ему на руки. Пер закрепил отключку клиента аккуратным нажатием на магические точки и пристроил его на сиденье. Обыск показал совершенную правоту системы орбитального мониторинга: в карманах клиента, кроме умеренной суммы наличными, полупустой фляжки Джонни Уолкера и Смит и Вессона были только носовой платок, потертый цивильного вида ножик и блок связи.

Виски, наличность и платок Пер оставил пострадавшему, револьвер осмотрел не без опаски — он был снабжен зарядами повышенной мощности, разносящими вдребезги бронезелеты — и сунул себе за пояс, а из блока связи вытряхнул элементы питания и сунул их себе в карман.

После чего осторожно двинулся к Дому.

— Они здесь. Можно не сомневаться... Здесь... Или недавно были здесь... Оцените тепловой след...

Джон повернул монитор так, чтобы Киму лучше был виден его экран, а на экране — светлые пятна дверей и полуподвальных окон помещения номер сорок по Птичьим Пустошам. Все остальные пространства кирпичных стен, забранных решетками и железными дверьми дверей и окон, которыми изобиловал заброшенный товарный двор, были мертвенно темны и находились явно в температурном равновесии со средой.

— Ну что же... — Ким постучал пальцем по схеме выведенной на экран его ноутбука. — Выставляйте людей здесь и здесь, а я, с вашего позволения, попробую двинуться вот так — через разгрузочный люк... Передайте мне камеру...

— Пойду с вами, — уточнил диспозицию Джон. — А Сэм попробует поторговаться с клиентами через дверь. Если там, конечно, есть с кем торговаться...

Спрыгнув в благоухающую пригорелой яичницей темноту, Ким мгновенно понял, что он в подвале не один. Для того, чтобы быть пустым и безлюдным, этому подвалу нехватало гулкости. В нем было слишком много тишины — ватной, глухой, напряженной. Слегка посапывающей от этого напряжения тишины.

Только за тяжелой дверью слышался голос Филдинга, сообщавшего обитателям помещения, что они окружены и сопротивление — бессмысленно...

Ким типовым финтом рванул в сторону от того места, в котором его должны были бы ждать предполагаемые невидимые противники, расшиб локоть обо что-то отменно твердое и железное, однако, не стал торопиться бросать во мрак свето-звуковую глушилку. Он только тихо, но внятно спросил сопящую темноту:

— Господа?...

Господа не заставили себя ждать слишком долго.

Тьму складского подвала осветила неполная дюжина ярчайших карманных прожекторов. На каждый такой прожектор приходилось по одному плотно сколоченному и хмуromу типу в пятнистой форме.

Майор Свирский устало смотрел на Кима и осуждающе жевал спичку.

— Похоже, что и вы и мы немного припозднились, а? — флегматично поинтересовался майор. — А как хорошо было бы согласовывать свои действия, хотя бы на час вперед, господин Агент на Контракте...

Ким молча посмотрел на свою, явно ставшую ненужной, камеру голографической

регистрации и глухо спросил:

— Надеюсь, господа, вы хотя бы засняли э-э... место?

— Да, не беспокойтесь... — Свирский поморщился и махнул своим людям отбой. — Если это вас так волнует... Это, похоже, действительно то место, где держали Гостя. Вон, глядите: наручник на трубе еще болтается. Много следов и отпечатков. И еще — здесь стреляли, — он кивнул на обломки портативного телевизора. — Следов крови, правда, не нашли...

— А что же нашли? — без энтузиазма поинтересовался Ким.

— Собачью шерсть... — криво улыбнулся майор. — Разной масти. Довольно много собачьей шерсти...

Если верить изображению в голографическом окошке дисплея, госпожа Шпак не была идеалом женской красоты — скорее уж воплощением энергии и предприимчивости, свойственных потомкам амазонок. Первого из неполной дюжины слушателей своего семинара, она выдернула из сладостной дремы как морковку из грядки. Тот был лупоглаз и бестолков, однако, честно стал выдавать некий текст. Его невнятное блекотание Роше слушать не стал, прокрутив запись вперед. Энергичный допрос жертв длился довольно долго. Наконец слово взяла сама госпожа Шпак, и слово это было Псы.

— Псы... — Клавдия потерла лоб. — Это легко понять, друзья... И нелегко — одновременно... С самого начала роль собачьего племени в жизни колонистов Чура была несравненно выше, чем роль этих четвероногих в истории земной цивилизации: Псы стали как бы продолжением рук первопроходцев.

Здесь, мы только с долей условности говорим о языке, на котором хозяин общается со своим псом, а для Псов Чура был разработан очень совершенный, унифицированный язык. Существовал детально регламентированный ритуал обучения ему и Пса и человека. Уже тогда Псы стали общей собственностью, и за своего Пса человек нес ответственность не только перед другими людьми, но и перед Стаей. И Пес отвечал за своего Подопечного. Это уже были партнерские отношения. Не простой симбиоз. Стая вправе была ожидать от людей определенного поведения. Если ожидания не оправдывались, умела своего добиться.

Научилась вести себя с людьми на равных.

Из редких рядов слушателей потянулась поднятая в знак недоуменного вопроса рука.

— У вас вопрос, Карим? — повернулась к ней доктор Шпак.

— Так что, получилось так, что люди на Чуре стали у своих Псов рабами? — с возмущением в голосе спросил кудлатый Карим.

Тут же протестующе взвилась другая рука — шоколадно-коричневая, чуть светловатая.

— Нет, все не так! — не дожидаясь приглашения, вступила в полемику ее обладательница — метиска лет восемнадцати с модно раскрашенной прической. — Это — развитие тотемизма: Псы стали для них живыми тотемами...

— Нет, и не так, друзья, — энергично остановила Клавдия рождающуюся мысль. — Вы накладываете старые структуры на качественно новый цивилизационный феномен... — она даже прищелкнула пальцами, чтобы сосредоточиться на втолковывании слушателям своей мысли. — После краха цивилизации землян на Чуре роль Псов неизмеримо возросла: собственно, Псы и спасли остатки рода человеческого. Для того, чтобы выжить самим. Дело ускорила быстро протекавший жестокий отбор среди множества мелких и раздробленных сообществ, боровшихся за жизнь в погребенных под радиоактивным пеплом шахтах-

убежищах. Свое сделал и усилившийся мутационный процесс. О роли последних остатков взрослого населения Чура в истории раннего постапокалипсиса практически неизвестно ничего. Может и они, уходя со сцены, сделали последнюю ставку на Псов. И еще — какую-то свою, зловещую роль сыграла Нелюдь. Не будем забывать про нее...

— Кстати, о Нелюди... — попробовал вклиниться в разговор тот — потревоженный первым — пучеглазый оболтус.

Нелюдь, видимо, волновала его гораздо больше, чем Псы.

— Об этом — не сейчас, Людовик, — госпожа Шпак продолжала удерживать бразды в своих руках. — Сейчас мы говорим об итогах психо-социальной эволюции цивилизации Чура... О том, что и люди и Псы Чура изменились биологически. Не настолько сильно, чтобы стать чем-то чуждым Земле, но и не настолько слабо, чтобы разница не была видна невооруженным глазом. Утвердилась измененная — ювенильная — форма человеческого организма: они все очень молодо выглядят, жители Чура. Они не приучены к долгому сну, к обильной еде, они в постоянной готовности подняться по тревоге. Они очень деятельны, но способны, сутками сохранять неподвижность, исчезать в каком-нибудь самом невероятном, с нашей точки зрения, убежище, а если такового нет, то — слиться с обстановкой, стать неприметной деталью ландшафта. Они очень восприимчивы, догадливы. По-детски чутки. И по-детски жестоки. Способны к языкам. У них — тончайшая интуиция. У многих явно проявляются паранормальные способности. Они переносят стрессы и нагрузки гораздо лучше обычных людей. И они совершенно беспомощны. Несамостоятельны. Увлеченный игрой житель Чура может помереть с голоду. Или уморить голодом партнера. А игр у них много, и чуть ли не все виды деятельности они воспринимают как игру. Могут, забросив дела, до очумения спорить по пустякам — если пустяки интересные, конечно. Предоставленные самим себе, до бесконечности способны отлынивать от дела. Этим они мне напоминают кого-то...

Мадам строго глянула на подопечных.

— Полное доминирование игрового поведения над социальным. Начисто лишены чувства ответственности. И не могут шагу ступить без своих Псов. Побаиваются и уважают их...

— Но все-таки — уважать неразумную тварь, как себе подобного... — подал голос кто-то с последней скамьи.

— Разум вовсе не есть безусловный источник самоуважения... — парировала реплику Шпак. — Там, на Чуре, Псов вовсе не считают младшими братьями. Надо сказать, на Чуре не так уж ценится наш, привычный, людской интеллект. Не считается самодостаточной ценностью, по крайней мере. И разум, степень его развития вовсе не положены в основу шкалы ценностей. Да, логика, хваткость ума считаются полезными качествами — как способность хорошо стрелять или переносить жажду — но не более того... Многие инстинкты и способности ценятся гораздо выше. Честность, кстати, там относят к инстинктам. Не к навыкам, не к абстрактным понятиям, подлежащим усвоению и постижению, вовсе нет! Господь наделил эту новую расу избытком интуиции. Но начисто избавил от чувства ответственности. Ответственности в них не больше, чем в стае уличных мальчишек, всерьез играющих в войну. В рыцарей Круглого Стола, точнее...

— И что — эти недоросли, играющие в войну, — осведомился лупоглазый Людовик, — сумели построить целую цивилизацию? Псы что — им заменили няnek и учителей?

Столь примитивное понимание ее мыслей до глубины души возмутило госпожу Шпак.

Не надо понимать эти слова об их несамостоятельности и безответственности так, что, мол, бедные создания не могут ложку поднести ко рту, и требуется утирать им носы и умывать поутру, — с досадой стала объяснять она. — Эти создания вполне могут приготовить себе обед на походном костре, который разожгут без спичек и зажигалок. И умываться они не забывают. Чистоплотность у них в генах — иначе не выживешь в сочащейся радиацией среде, в глухих бункерах и в безжизненных просторах Поверхности. Это для них что-то вроде чужой планеты — Поверхность. Нечто, что ближе к Космосу, чем к родным колодцам. И обучать друг друга способны и грамоте и вещам посложнее. Мастерить могут такое, что не по силам здешним спецам. Если это для них достаточно интересно. Но вот спланировать свою жизнь, твердо идти к своей цели, изменить ее, если надо, тут уж — увольте! И чтобы не передрались — честно, по благороднейшим мотивам, но на мечях и с выпусканием кишок — этого нет. Чтобы удержать их от самоуничтожения нужны Псы...

Зуммер блока связи снова запел, и Каховский доложил, что в двери Проката гробов долго звонил и стучал какой-то чужак, подъехавший на такси. На вид — турист из Метрополии.

— Надо было снестись с дорожным патрулем, пусть придерутся к машине, а заодно и выяснят личность чужака, — раздраженно посоветовал комиссар.

— Уже, шеф... — устало вздохнул на том конце канала сержант Каховски. — Я примерно так и сделал: патруль беспокоить не стал. Сам подошел к машине с удостоверением, сказал, что ищем угнанный таксомотор. Чужак сейчас пьет со мной кофе. Зоолог из Метрополии. Большая шишка. Академик. Ему сдалась какая-то тварь, которук содержал у себя Мепистоппель. Он, говорит, здесь проездом, но очень обеспокоен тем зверьком — даже намерен задержаться на Прерии — дожидаться, когда господин Фюнф, наконец, объявится...

— Успокойте его, — посоветовал Роше. — И пусть он пока посмотрит достопримечательности столицы, а уж полиция постарается, чтобы господин Фюнф нашелся поскорее...

Комиссар со вздохом посмотрел на часы, скинул остаток записи семинара госпожи Шпак на свою магнитку и тяжело поднялся с сидения. Интуиция подсказывала ему, что завтра предстоит тяжелый день. Чтобы быть в форме стоило хоть немного выспаться.

Возня со странными малышами заняла черт знает сколько времени, но Харр чувствовал, что каким-то образом эти таинственные созданыца связаны с судьбой его Подопечного, и потерянное время окупится сторицей. Одно было хорошо — созданыца с аппетитом пожирали все, что Харр приволок им для подкрепления сил. Он позаботился о том, чтобы хорошо замаскировать наскоро найденное убежище и поспешил в тишину замерших на время улиц — его бестолковое воинство давно уже требовало о себе заботы. Откуда-то издалека подал голос Рваное Ухо.

Конечно, на Рваное Ухо надежда была маленькая — Харр и не надеялся тут на многое — разве что, на его гены — абориген был, конечно, туп, шелудив и нахален, но от него пахло умом — хорошим природным умом, закаленным борьбой за жизнь в этой чертовой дыре.

Внушению он поддался легко — способность к сопротивлению, неплохая от природы, у него была совершенно не тренирована — и теперь он должен был бы неплохо постараться на Харра — лишь бы не потерялся. Временами Харр пытался настроиться на него, но с дальней

связью у здешних псов дело обстояло просто никак или почти никак. Он поспешил на сближение.

Сближение... Хотя, какое может быть грамотное сближение тут, в этом лабиринте, провонявшем брошенной едой, нечистотами, целым букетом невероятной химии и к-о-ш-к-а-м-и?!!

Более неподходящего места для обитания нормальных псов придумать было невозможно! Харр замер, прислушиваясь к той какофонии звуков, которую вызвали к жизни кто-то из его четвероногих соратников в своем движении. Тут было и призывное подвывание, и приглушенное побрехивание и шерох, шелест и хруст кустов и других естественных препятствий, преодолеваемых верным Рваным Ухом. Кого-то он влек с собой, то понукая, то ободряя, то кляня, но кого — догадаться было трудно.

Харр осторожно подал голос. И осторожно двинулся на пересечение бестолковым сподвижникам.

Рваное Ухо был не один — вел с собой какого-то чужака. Они заметили Харра только тогда, когда он приблизился к нему на расстояние прыжка. Развернулись и кинулись навстречу. Ну прямо, как безмозглые щенки... Впрочем, это мелочное раздражение тут же ушло, как только Харр понял, что чужак, которого привел Рваное Ухо, изо всех сил тужится передать ему что-то от его Подопечного!

Он был совсем иной — этот чужак — не такой, как вся эта — грязная и ободранная, разношерстная, голодная орава здешних псов, с которыми был уже достаточно хорошо знаком Харр. От этого франта пахло человеком, он был хорошо — слишком хорошо и неумело — откормлен... И очень, очень зажат... Травмирован...

Харр сначала даже не понял, в чем было дело, но быстро сориентировался: пес был неумело перекрашен и чьей-то злой волей обречен был теперь слоняться по белому свету в чужом окрасе! Такое изощренное издевательство над живым существом Харр видел впервые. К тому же для чужака пребывание в одиночестве — без хозяина — на темных городских улицах было делом непривычным и страшным. Компания Рваного Уха только усугубляла его душевный дискомфорт.

Чужак отчаянно пытался донести что-то важное до сознания Харра. Но и у Рваного Уха было нечто такое, что, по его разумению, Харру следовало бы немедленно знать.

Все их усилия — вместе взятые — почти полностью блокировали друг друга.

Пришлось потратить порядком времени на то, чтобы понять, кого из этих обормотов надо выслушать первым, и что же все-таки означает этот их поток эмоций, немногим более членораздельный, чем мычание коровы. Решающим оказалось все-таки то, что Подопечный сумел-таки втолковать сообразительному и послушному, но столь же полоумному, как и все здешние звери и люди, Крашеному. Харр понял, что действовать надо молниеносно.

Ни одна из хитроумных игрушек, которыми Агент на Контракте снабдил расконвоированного заключенного П-1414 не зарегистрировала ни малейшего признака существования системы охраны этого странного места. Старый дом был пуст и мертв. И все-таки Пер не стал даже пробовать входить в него через тяжелую дверь, некогда выходящую на массивное каменное крыльцо, от которого мало что осталось теперь. Он влез на прикрытый кустами подоконник и поколдовав немного с заржавленными запорами ставен и оконной рамы, бесшумно спрыгнул в сырую тьму покинутых комнат.

Нет, дом не был разорен. Он был именно покинут. И вещи, оставленные в нем

неведомыми хозяевами медленно доживали свой век, лишённые заботливых прикосновений человеческих рук. Луч фонарика вырывал из мрака то диван с начавшей облезать обивкой, то тронутые плесень, обои, то картины в тяжелых рамах с облупившейся позолотой...

Пер осторожно толкнул дверь. Когда-то — белую, тоже с позолотой. С чудовищным скрипом открылся проход в холодный мрак коридора. Скучный луч фонарика метнулся туда-сюда...

Расползающийся, отсыревший ковер под ногами, двери направо, двери налево... Лестница в конце. Пойдем дальше...

А зачем, собственно, идти? Что там может быть — в этой скучной темноте?... Пер провел рукой по глазам и ему показалось, что невидимая, едва ощутимая паутина мешает ему видеть и сожранять напряженное внимание к тому странному, что наполняло темноту вокруг. Прижимаясь к стене, подсвечивая свой путь еле заметным лучиком, он стал подниматься вверх, туда, где — это подсказывало ему шестое чувство его ждала странная, темная душа этого покинутого людьми дома...

А темнота не просто норовила сомкнуться вокруг — она вела себя — словно перетекала из угла в угол, пыталась сгуститься где-то позади, за спиной, словно готовилась напасть на него. Шорох, движение почудились ему выше — на ступеньках второго марша скрипучей лестницы. Тяжеловатый револьвер словно сам прыгнул ему в ладонь. Собачка предохранителя легко, с характерным металлическим шелестом, поддалась под пальцами. Пер поморщился — он, вообще — еще в той, свободной жизни — не любил чужого оружия, а когда оружие это оказалось слишком послушным, он испытал что-то вроде подозрения к такой сговорчивости чертовой железки.

Еще пара шагов вверх по шершавым ступеням... И тут темнота метнулась от него. Нет — не в темноте метнулось что-то, а именно сама темнота метнулась, сжавшись на мгновение в нечто почти осязаемое, реальное и суетное. Дохнувшее на него нездешним холодом. Он прибавил мощность фонарика и быстрыми уверенными мазками ставшего ослепительно-белым луча, перекрестил площадку лестницы и глубину коридора. И готов был поклясться, что в сторооны, по углам метнулись торопливые клочья ледяного мрака.

Они и сейчас были здесь, но зыбко ускользали, играли с ним в прятки эти прорехи в ткани мироздания, ускользая от прямого взгляда, но оставляя после себя матовые пятна изморози, заставляя воздух клубиться еле заметным дыханием потустороннего мороза.

Стиснув зубы, Пер снова убавил мощность своего карманного прожектора, миновал заколдованный пролет и оказался перед незапертой дверью, ведущей в помещения второго этажа. Отвел в сторону тяжелую портьеру и шагнул в просторную и, как показалось ему сначала, пустую комнату. Собственно — в зал, с широким столом, занимающим всю его середину. Тяжелые, сработанные под старинные люстры, светильники нависали над ним.

Ни кванта света они, впрочем, не излучали. Вдоль стола по обе стороны в ряд стояли тяжелые кресла с отменно высокими спинками. Настолько высокими, что если бы не свет ночного неба, сочившийся в незашторенные окна, можно было бы подумать, что они пусты, эти кресла. Но они не были пусты.

Сутоловатые, одинаковые фигуры словно манекены в музее восковых фигур сидели в них. Но они не были манекенами.

Безразличные, плохо различимые в темноте лица — неполные пол дюжины — были повернуты к стоящему в дверях, в слабом свете, падающем из окон. Его внимательно разглядывали. Человеческому глазу едва хватало такого освещения. Но они не были людьми.

Вот, собственно и все.

Детали кошмара сложились в картинку-мозаику.

Теперь надо было уходить.

Пер вовремя отбросил себя назад и вбок — через перильца лестничной площадки второго этажа. Через долю секунды то пространство, которое только что занимало его тело, одна за другой прошли три жестко закрученных звездочки. Ему удалось отмотобилизовать свое неплохо отработанное когда-то чутье пространства и вторым броском он зашвырнул себя к примеченному заранее торцевому окну. Но и те кто играл против него не медлили.

Точно так же, как и он сам — бесшумно и стремительно — между ним и окном опустилась почти неразличимая в темноте фигура.

— Зачем?.. — спросил его картонный голос. — Зачем ты пришел сюда?

И снова — не дожидаясь ответа — воздух рассекла сумасшедшая, бешено вращающаяся сталь. В этот раз Пер уклонился от встречи с разящим металлом не без труда. И тут же — один за другим выпустил в едва различимый силуэт пять зарядов своего револьвера. Этого вполне хватило бы, чтобы в клочья разнести обычное человеческое создание из плоти и крови, но тому, что стояло перед ним, бронебойные патроны с их грозной маркировкой были — не указ. Удары пуль только отбросили того к стене, и дорога Перу на несколько секунд была освобождена. Но уже вскочив на широкий каменный подоконник, ударом плеча выламывая не слишком прочную раму, он снова увидел... В зыбком свете, что дарило ему еще не очистившееся от дождевых облаков звездное небо он увидел шагнувшее к нему этого. Ему приходилось нелегко — выходцу из кошмара: пули спецпатронов сделали свое. Ему нечем было смотреть. Ему трудно было удерживать равновесие — с разбитым позвоночником. Ему трудно было управиться с правой рукой — пули начисто снесли плечевой сустав. Но он шел. Преодолевал те три или четыре шага, что разделяли их. И из остатков глотки хрипело: З-а-ч-е-е-е-м-м-м-м?... А за его спиной на гнилой ковер непривычно тихо прыгивали вторая, третья неуклюжие на вид фигуры — одна за другой... Смит и Вессон, зажатый в правой руке Пера словно сам по себе ударил огнем — последним зарядом.

Выбив раму и проделав довольно крутой кульбит, Пер рухнул туда — вовне. Прочь из мира затхлого кошмара, в мир зябкой ночной прохлады, остро пахнувшей после дождя земли, в мир городского зарева — там за недалекими деревьями. И тут же — он готов был в этом поклясться — внутреннее пространство Дома содрогнулось, пронизанное странной, черной молнией... Он не обращал внимания на изрезанные стеклом руки и на заливавшую глаза кровь из рассеченного лба — в две короткие перебежки он преодолел расстояние до кара, в котором продолжал пребывать в прострации беспечный страж плохого места.

Только укрывшись за металлическим корпусом кара, он смог оглянуться, чтобы внимательно приглядеться к тому, что происходит с Домом.

И обмер.

Дом сотрясали судороги тьмы. Он не знал, как иначе назвать то, что он видел, точнее чувствовал. Но не эта странность была самой страшной из того, что происходило. Нет — расплзаясь белесой кляксой, от как-то внезапного поседевшего, ставшего зимним Дома, в стороны от него разбежалось по траве озеро изморози, инея над которым тут же начинал клубиться индевеющий, студеный воздух...

Пер рванул с пояса блок связи, надавил клавишу включения кодового канала. Но аппарат молчал. Он быстро включил второй — замаскированный под часы — передатчик.

Мини-дисплей просигналил: Сбой. Визит в царство ледяной тьмы не прошел даром для электроники. Пер подхватил передатчик сторожа, вытянул из кармана реквизированные батареи и торопливо втиснул их в гнездо блока питания. Надавил клавишу выхода в эфир — черта с два! Из динамика зашумел хрип кодовой приставки. Разбираться с ней было уже некогда. Пер кинул аппарат на колени все еще бесчувственному охраннику и перебежками кинулся прочь — буераками, к шоссе.

Адельберто прорвало — он излагал все беды, обрушившиеся на его прекрасно составленный и так хорошо начавший осуществляться план, уже ни сколько не заботясь о том, что не все, что наболело у него на душе, стоило бы доносить до ушей такой аудитории, как преобравший теперь совсем уж непонятный статус Тор Толле и адвокат Гонсало Гопник, которого теперь тоже вовсе непонятно было кем числить... Гонсало же чувствовал, что еще немного и крыша его поедет в только ей известном направлении.

— Послушайте, я ничего не понимаю... Если вы... — он ткнул рукой в Тора, — если вы... можете спокойно перебить их всех и уйти на все четыре стороны, потому что никакие замки вам не помеха, то какого же черта?...

— Что ты хочешь сказать? — пожал плечами Тор.

Он был занят приведением в надлежащий вид своего меча.

Интересная была штука. Хотя бы уже тем, что вместо ножи у него был предлинный футляр на хитром замке. И вообще, устроен он был не по-человечески, но очень удобно.

Гонсало открыл рот. Потом закрыл. Потом снова открыл.

— Я первый раз вижу такого пентюха! — признал он.

— Чего вы вообще хотите? В долю с ними, войти — он кивнул на Мепистоппеля, — что ли? Почему вы не убрались на все четыре стороны? Почему не сдали всю эту гоп-компанию в полицию?

— Я думал, — несколько огорченно объяснил Тор, — что я Гость планеты... А те, кто меня пригласил, меня потеряли. И не могут найти — вторые сутки уже. Пусть ищут. Теперь — пусть ищут.

— Так ты что? — Адельберто оторвался на секунду от борьбы с рулевым управлением и тоже воззрился на Гостя. — Ты хочешь сказать — обиделся на то, что они тебя не уберегли, и решил теперь задать им жару?! Поиграть с ними в кошки-мышки, так что ли?

Он замолк, переваривая такое понимание ситуации. Потом с размаху хлопнул себя костлявой ладонью по колену.

— Одобряю, однако!

Гонсало обмяк на сидении и просто беззвучно захихикал.

— Детский сад... Детский сад на минном поле...

Тор неодобрительно насупился. Потом энергично закрутил рукоятку, опуская боковое стекло.

— Да не высовывайся ты!.. — попробовал остановить его Мепистоппель, но без особого успеха.

Не обращая на него внимания, Тор подтянул к себе поближе свой меч, свинтил с его рукояти какую-то детальку и, поднеся ее к губам, дунул в нее, как в свисток. Ни Мепистоппель, ни Гонсало, не услышали ни звука, но оба одновременно, как по команде, стали мизинцами рук прочищать себе уши.

— Вот что, — энергично распорядился Адельберто, подозрительно скосив на Тора

налитый кровью глаз, — раз уж ты решил так, то сиди смиренно и не фокусничай! Мы сейчас подадимся в одно место, про которое ни Черт, ни Дьявол, ни господа Саррот с Рамоном не знают и не догадываются... Но не думай, — тут выпученный глаз обратился чуть ли не на затылок, стремясь пронзить взглядом Гонсало — тот подался в угол, — не думай, что и тебя я повезу туда же... Тебе пока — веры нет! Ты сейчас — мухой лети до господ министров и по-новой вступай с ними в переговоры. Выруливаем на Кольцо — и — лети, голубь ты наш... Сам понимаешь, раз Счастливчик влип, то каждая секунда на счету... Можешь сказать, что ввиду получившегося расклада, мы согласны снизить договорную сумму на по... на треть. И теперь, в связи с тем, что пустобрехи с Ти-Ви до чего-то дознались... мы требуем свободного выезда. Лучше всего в систему Мелетты... Ты понял наши условия теперь? На связь выйдешь через Фотографа. Теперь — открытым текстом говорю — через Фотографа. Не лучший вариант, но что поделаешь... Ты понял меня?

— Я-то понял, а вот Тони... Он-то про твое заколдованное место знает? Если знает, то не советую туда соваться... С ним сейчас работают и очень активно работают...

— Проявляй свою заботу, Седой, о себе самом! — раздраженно оборвал его Мепистоппель. — Сейчас притормаживаю на Пастернака и... Там выматывайся. Останавливаться не буду. И постарайся не попадать больше в гости. Ни к бабушке, ни к дедушке, ни к серому волку...

— Спасибо, Мепистоппель, ты дьявольски любезен... — с чувством произнес Гонсало, приоткрыв дверцу кабины и придерживая ее. — Постараюсь изучить здешние сказки. И не попадать в гости.

Убедившись, что высадка почтового голубя прошла успешно, Адельберто облегченно вздохнул. Вздохнул и Гость. Это вызвало еще один подозрительный взгляд вытаращенного глаза Мепистоппеля.

— Прости меня, Нос Коромыслом, — виновато потупился Тор. — Прости, что я называл тебя так... Но ты сам виноват: у нас, если человек скрывает имя, то его зовут по какой-нибудь примете... Теперь я всегда буду называть тебя правильно...

— Это ты про что!? — свирепо вытаращился на него Адельберто, круто вырвав по лабиринту Хитрых Переулков куда-то в направлении Каналов. — Как это ты удумал называть меня теперь?

— Теперь, Нос Коромыслом, я всегда буду называть тебя снова Мепистоппель! — с облегчением пояснил Тор. — И только так!

— Итак, вы, я вижу, не прочь продолжить наше знакомство... — человек, пристроившийся на стуле в изножье кушетки, сухо улыбнулся обездвиженному Счастливчику, лежавшему перед ним.

Стул был с неудобный, с прямой спинкой, а кушетка — классической Фрейдовской — узкой, черной кожей обшитой. Он и сам чем то напоминал этот предмет мебелировки, этот специалист по дознанию: узкий в плечах и затянутый в черное.

Он был даже как бы благожелателен к клиенту, словно его и не протащили ночью через полгорода, чтобы привести в форму шарахнутого парализатором дурня. Подняв глаза на заказчика — а заказчика представлял здесь мрачный как туча Алекс, он взглядом испросил разрешения начинать.

Подвижность членов все еще не полностью вернулась к Счастливчику и тот впервые задумался о том, что его прозвище, похоже, начало крупно подводить его. И еще он подумал

с горечью, что его талисманы подвели его, и пора бы ему, старому дураку, отрешиться от пошлых суеверий и зажить обычной, толковой жизнью, которой живут все нормальные люди — те, что исправно посещают церковь, чтут закон и уклоняются от налогов...

Только, откуда взяться деньгам для такой вот спокойной жизни в мире и гармонии с самим собой и Мирозданием? Тут мысли Тони стали окончательно путаться, и он понял, что введенный ему препарат начинает свою работу.

Боже, я становлюсь идиотом... — печально подумал он и твердо решил дать бой овладевающему им блаженному слабоумию.

— Так ты хотел что-то рассказать мне... — ласково сказал человек в черном. — Ну, например, кто ты такой, как попал в переделку... Мы тебя нашли еле живого... Кто всадил в тебя заряд?

Тони хотел неопределенно хмыкнуть, но, завладевший его душой и телом дебил расплылся в самодовольной улыбке:

— Ври больше, мистер... — радостно заявил он. — Сами меня грохнули, сами и подобрали... А теперь валяете дурачка — что, раскусил я тебя? И вас... Всех...

— Да ты, я вижу, не дурак, — польстил дебилу узкоплечий инквизитор. — Ну так и не упрямысь — знаешь же, что попал под раскрутку, так что и нечего изображать из себя героя...

Проклятая химия! — тоскливо подумал Тони и заголосил:

— А я, мистер, вовсе и не просил меня накачивать этой вашей дрянью! Это же, между прочим, запрещено законами — все эти сыворотки правды и другая разная психотропика...

— Ну вот видишь — голова у тебя варит, — к неудовольствию инквизитора в разговор вошел Алекс. — Ты никаких законов не нарушишь — все мы, мы... А ты будешь чистеньким — ты же не виноват, что тебе впрыснули препарат и раскрутили... Так что давай быстренько закончим с этим делом. Нам нужен тот парень, который числится на тебе с Мепистоппелем. Он вам не по зубам, поверь мне... За него вам головы поснимают, как только доберутся... А деваться вам с Мепистоппелем просто некуда... Так что всего лучше — сбagrить этого вашего клиента нам и — дело с концом. Всего то от тебя и надо, что адресок. Мы твоего друга не обидим. А потом — пойдешь отсыпаться и отлеживаться куда хочешь... Мы же не пытаем тебя, не делаем тебе больно... Ты же ведь не хочешь, чтобы тебе делали больно?...

Инквизитор ласково, но чуть нервно остановил поток его речи движением сухой ладонки и словно из воздуха достал сработанные под старину карманные часы на массивной цепочке. Металлические звенья неторпливо замерцали, перетекая между его пальцами...

— Ты понимаешь нас, Тони? — проникновенным голосом спросил он. — Все что надо от тебя — это адрес... Адресок... Место...

— Вы меня этой штукой, — Тони не без труда кивнул на уподобившуюся четкам цепочку часов, — не охмурите. Знаем мы эти штуки. И не такие еще. Адресок я вам теперь никакой дать не могу. Не знаю я куда Адельберто теперь подался. Если вы его на Пустошах упустили — а ведь упустили, мистер, верно? Так вот, если вы его там упустили, то он в другое укрытие ушел — в такое, про которое я знать не должен... Так что — дохлый номер, господин мистер...

Допрашивающие переглянулись. Клиент, похоже, не врал.

— А парень тот нам, правда, не по зубам... — вдруг изменил тему разговора Счастливчик, на глазах впадая в задумчивость. — И вам, господа, он тоже не по зубам будет...

С трудом, перекосившись от неприятного ощущения в спине, Счастливчик умудрился сесть и подтянуть под себя ноги. Глаза его округлились и он перешел на хриплый шепот:

— Он того... Порчу на оружие наводить может... И вообще...

— В самом деле? — вежливо поинтересовался инквизитор.

— В самом... И еще — вот что: вы как хотите... — Счастливчик подмигнул Алексу, верно определив в нем старшего тут.

Дурак, в которого его превратила химия из чемоданчика тощего супостата, был, оказывается, еще и дураком с инициативой.

— Вы как хотите, — он нагнулся к собеседнику, — но за хорошие деньги мы с Адельберто вам этого клиента с большим нашим удовольствием уступим... Он нам самим — что называется...

Счастливчик изобразил что именно и как называется.

— Стоп, стоп, стоп! — жестом прервал его Алекс. — Ты только что сказал, что на своего приятеля ты выйти не сможешь.

Так что торг у нас не получится...

— Вы, мистер, хоть, вроде, химию и не нюхали, а с крышей у вас проблемы, — поучительно попенял ему Счастливчик. — Ситуацию не просекаете. Это не я на Адельберто выходить буду, а он на меня.

Если убедиться, что на свободе я, и вообще дело идет без мудрежа.

А мое дело маленькое: на свободу в город живым выбраться и знак оставить, что все мол ОК, нашел покупателя. А там мы с Адельберто уж и обговорим условия. Мы за свой товар не держимся...

— Больно ты умен, как я погляжу, — констатировал Алекс. — Думаешь, нырнешь в город и ищи тебя до второго пришествия?

— До первого, мистер. На Прерию Христос не приходил. Ни разу.

Счастливчик был очень доволен этим своим замечанием.

— Ну что же... — Алекс снова понимающе переглянулся с экспертом и косо улыбнулся. — Мы тебя отпустим... На все четыре стороны... И разыскивать тебя не будем. Это ты будешь нас искать. Ты в этом будешь сильно заинтересован. Очень сильно.

Тони застыл в задумчивости. Блаженное выражение ушло с его физиономии. На ней отразились страх и невообразимые отвращение.

— Так вы что: на личинку меня посадить задумали? — ужаснулся своей догадке по-прежнему владевший его мозгами олух.

— И задумали, и посадили, душа моя, — заверил его узкоплечий профессионал. — Ты, я вижу, с такими вещами знаком?

Он похлопал его по предплечью. Закатанный рукав позволял Счастливчику видеть свежеприлепленную на тыльной стороне руки, ниже локтя, нашлепку репарирующего геля.

Нашлепка закрывала место внедрения начиненной молекулярными схемами микрокапсулы, которая теперь кочевала где-то в недрах его организма.

— Знаком... — с досадой признал Тони.

— Ну, тогда сам знаешь, — ласково улыбнулся инквизитор. — Двенадцать часов гуляешь, потом — первый звоночек. Так, немного неприятных ощущений... Если не отметишься у нас, разумеется. Или попытаешься надолго смыться из зоны радиовидимости. А еще через шесть часов — полный конец. Если будешь себя плохо вести...

— Ну что же... — Тони сел и уныло свесил ноги с лежанки.

— Я буду вести себя хорошо...

Отчаяние, охватившее его, было столь же глубоким и искренним, сколь и накатившая минуту назад решимость противостоять супостатам. Супостаты были довольны достигнутым.

Приглушенный свет скрытых светильников поддерживал в кабинете атмосферу глубокого вечера, хотя на улицах столицы продолжала царить глубокая ночь. Зато физиономии собравшихся за столом заседаний были хмуры и серы той особенной хмурой серостью, которая отличает физиономии государственных мужей ранними и неудачными утрами. Собственно, состав собравшихся почти не изменился. Большое начальство до вмешательства в ход оперативной разборки не снизошло. Новых лиц было немного. Всего одно.

Присутствующий по правую руку от председательствующего беспокойный тип заранее представлен никому не был и, похоже, от этого не страдал.

— Мы собрались выслушать доклады о результатах работы основных групп нашей Комиссии, — напомнил господин секретарь своим мрачным собеседникам о цели их присутствия в этих стенах.

— Однако я не понимаю, о каких результатах мы вообще говорим! Истекают вторые сутки оперативно-следственной работы. В результате в городе потихоньку началась прямо-таки какая-то гражданская война. Есть убитые и раненые. Силами контрразведки выявлена и арестована прорва вооруженных лиц, никакого отношения к делу не имеющих. Господа из группы полиции, усиленной представителем Федерального Центра, вломились напару с военной разведкой в пару убежищ, где жертву похищения, по всей видимости, и впрямь скрывали, но каждый раз — с опозданием. Наконец, любезный господин Гопник второй уже раз предлагает нам свое участие в освобождении Гостя, при этом, ни одна живая душа не может уточнить — кто кого водит за нос с этим делом. По ходу дела имеет место пропасть мелких и крупных правонарушений. Самое же приятное во всем этом, это то, что все мы выставлены на всеобщее обозрение нашими обожаемыми СМИ. Хорошо еще, что господа с Ти-Ви не появляются на месте действия раньше нас. Центральная Биржа, кстати, уже регистрирует ставки в пари об исходе поисков. Причем, ставки пока не в нашу пользу, господа.

Последовала довольно скорбная пауза, потом, откашлявшись, полковник Ваальде заметил, что, как показало развитие событий, упомянутый адвокат имел таки вполне серьезные основания для того, чтобы предложить свои услуги в хлопотах по поискам Гостя — в прошлый раз. Так что есть смысл использовать этот канал — параллельно со всеми остальными.

— Какими такими всеми? — осведомился господин секретарь.

Он старательно рассматривал белые кромки своих ногтей, не желая достаивать взглядом снова взявшихся за свое недоумков, окружавших его.

— Если смутные соображения господ Янова и Роше, — продолжил он, — о том, что де надо сначала найти Пса, а уж потом Пес нам найдет и в зубах принесет господина Толле, то я их принимаю только за полным отсутствием других путей... И каналов. Зато противная сторона, видимо, такие каналы имеет. И проявляет недвусмысленную активность.

Мери-Энн молча окинула взглядом окровавленного и порядком измазанного в

нескольких видах грязи одновременно Пера и не говоря ни слова, тронула машину. Она не спрашивала своего спутника ни о чем. Несколько минут Пер был занят тем, что прикреплял на шлепки репарирующего биогеля из аптечки на порезы и ссадины. После нескольких минут работы на форсаже, его нервы требовали осторожного обращения. Да и просто надо было собраться с мыслями.

— Там — плохо... — наконец сказал он. — Это... Это гораздо хуже, чем я думал...

Мери напряженно молчала, глядя на дорогу.

— Постарайся сделать так, чтобы Кон больше не ходил... в это место, — с каким-то трудом подбирая слова стал объяснять ей Пер. — И вообще — вам лучше лечь на дно... Хотя бы на пол-года... Сейчас высадишь меня в центре. Где-нибудь, где можно взять кар на прокат без особых формальностей. Потом свяжись из автомата с вот этим номером... Ты можешь хорошо запомнить, не записывая? Тебя должны соединить с человеком по фамилии Яснов. Расскажи ему о нашей поездке. И скажи... Скажи, что в этом доме...

Он потер лоб.

— Скажи, что Тартар пришел за нами следом. Он должен понять... Если нет — пусть передаст людям из Спецакадемии. Но — должен понять... А сама... Будь осторожна. Помнишь, что я сказал про то, что к тебе придут спрашивать про меня?

— Да. Я дам знак...

Они снова въезжали в город. Уже не унылая пустошь тянулась по обочинам — спящие дома и огоньки вечно открытых кафе и лавок.

— И еще скажи им...

Мери внимательно присмотрелась к лицу Пера.

Тот вздохнул:

— Скажи им, что, похоже, я вспугнул Ад...

Трель настольного видеофона не разбудила Рамона. Он не спал уже давно.

Собственно говоря — всю ночь.

Сложившаяся ситуация — вся эта идиотская цепь неудач требовала какого-то осмысления. И объяснения. Хотя бы для самого себя.

И чем дольше он думал, тем больше нарастали в нем горькая досада и злоба на себя и своих советчиков.

Господи — с кем он связался! Каких жутких спонсоров навязал себе на шею! Как прав был старый Баграт, когда повторял — снова и снова — что тот, кто садится ужинать с Чертом, должен запастись длинной ложкой...

Та ложка, которую он выбрал, оказалась явно коротка. И смрадное дыхание Нечистого уже обдавало его — вот и сейчас он напоминал о себе — и, Господи, как далеко еще до утра...

— Это я — Коста... — напряженным голосом сообщил ему человек, поставленный присматривать за Старым Домом. — Тут... Тут нечисто, шеф...

— Выражайся яснее... — раздраженно бросил Рамон.

Потянул к себе белую, с золотом пачку — вторую за эту ночь.

Заглянул в нее — она была почти пуста — нервно скомкал вместе с парой оставшихся в ней сигарет и запустил в угол.

— Здесь... Одним словом, они хотят видеть тебя, шеф... Эти твои гости... И еще... Здесь не то что-то твориться... К-кляксы какие-то бродят... По стенам и вообще... И —

иней...

— Какие, к черту, кляксы? — внутренне цепеня, но все так же зло спросил шеф. — Какой иней...

Он-то знал, какие...

— Н-ну, сначала я думал, что это от виски... Темнота... Темнота сгущается такими кляксами... А присмотришься — ничего, вроде, и нет... и так — всюду здесь — в Доме и рядом... В саду. И холод. Из Дома — холод прет. Аж инеем стены покрылись...

— Я приеду через двадцать минут... — голос шефа чуть дрогнул. — Возьми себя в руки и не паникуй. Я предупреждал тебя, что ты сторожишь не простой домик...

Он положил трубку на стол и, подумав, надавил на клавишу внутреннего селектора.

— Поднимай наших людей, Конрад, — распорядился он. — Дела принимают серьезный оборот...

Часть 3

ВРЕМЯ РАССВЕТА

Глава 9

НОРЫ И ЧУДИЩА

Теперь господин секретарь поднял на присутствующих слегка запавшие за последние сутки-двое глаза и кивнул майору Свирскому, с которым, видно, предстоящий номер программы был оговорен ранее.

Тот ответил понимающим взглядом и с нетерпением забарабанил пальцами по разложенным на столе распечаткам.

— Довожу до вашего сведения, — господин секретарь перевел взгляд на сидящего справа беспокойного типа в штатском, — что на нашу встречу приглашен э-э... виновник присутствия господина Толле на нашей планете... Руководитель Второго Сектора Академии Специсследований, доктор Николай Федин, к вашим услугам... По ходу сообщения, которое нам сейчас сделает господин Свирский, Николай Сергеевич даст пояснения э-э... профессионального характера, которые могут потребоваться...

Господин секретарь придал своему взгляду как можно большую значимость. Доктор Федин как-то суетливо кивнул, представляясь собравшимся, и нервно сплел пальцы. Господин секретарь продолжил:

— Часть вопросов, связанных с визитом Толле на Прерию, был строго засекречен, и до этого момента считалось, что они не нужны для решения задач, поставленных перед Комиссией. Однако, судя по всему, ситуация изменилась... Уровень доступа всех членов Комиссии позволяет ознакомить вас с частью материалов, которые необходимы нам для дальнейшей работы... Кое с какими фактами мне ранее пришлось ознакомить господина Яснова. Не знаю, сделал ли он из этого, гм, выводы... А теперь, прошу вас, господин Свирский...

Майор чуть перекосил — из понимания важности момента — тонкие губы и стал подходчивее объяснять собравшимся суть дела.

— Я отвечаю за работу оперативного отдела Второго Сектора.

Этот отдел, господа, занят разработкой мер на случай вторжения неземных форм разумной жизни на Прерию и в контролируемые Объединенными Республиками области космического пространства.

Задача эта числилась несколько абстрактной. До некоторых пор...

Присутствующий здесь господин Федин может более подробно посвятить вас в историю обнаружения наших э-э... соседей. Того, что в публикациях обычно называют подпространственной цивилизацией... Название чисто условное, но не о том речь. Суть дела в том, что в области пространства, захватывающей, главным образом, систему Чура, но граничащую и с нашим Сектором, проявляет свою активность иная форма разумной жизни...

— Ага... — Роше, до того словно вздремнувший, повернулся к суетливому доктору. — Значит, они действительно существуют, эти пресловутые черви пространства? И Таргар — тоже существует?

Доктор поморщился.

— С тех пор, — стал объяснять он, — как стали применять подпространственные скачки для переноса информации и для космонавигации, мы многое узнали о свойствах того э-э... континуума, который именуют подпространством... Он действительно пронизан

своего рода туннелями, которые соединяют разные точки пространства и времени... Их по-разному называют — кротовые норы, червоточины... Со стороны — для нас, обитателей, так сказать, поверхности этого континуума, они представляются быстро перемещающимися подобиями черных дыр.

Иногда они возникают как бы из ничего, иногда — исчезают, сливаются друг с другом. Обнаружить их обычными методами астрономии практически нельзя. Требуется систематическое зондирование подпространства. В иных местах Обитаемого Космоса их, вообще, нет. В секторе Метрополии, к примеру.

А иные области ими изобилуют, как Сектор Чура. Или сектор Шарады. Это называют кротовые холмы, или говорят о зонах со структурой червивого яблока. Некоторые из таких червоточин, сливаясь, образуют даже нечто вроде пещер, пузырей... Такие, изолированные области Вселенной, в которых время и пространство свои, не совпадающие с нашими, образуют как бы подземелье Вселенной. Его окрестили Тартаром. Впрочем, для Тартара как раз наоборот, подземелье — это наша Вселенная. Считалось, что они, эти червоточины и пещеры, имеют, конечно, естественное происхождение и в общем редки, неопасны и практическое значение имеют только для служб космонавигации...

Ким чуть поежился. Какая-то жуть сквозила в речах суетливого дока. Он вдруг ощутил себя пассажиром утлой лодочки, которую мертвая зыбь надвигающегося шторма покачивает над призрачной бездной, в глубине которой происходит еле заметное шевеление таинственных чудищ... И действительно — док перешел к чудищам.

— Однако, — он откашлялся, — в основном, после событий на Харуре, обнаружилась связь возникновения червоточин с м-м... некими формами жизни. Их несколько, этих форм, и есть основания говорить о том, что в Тартаре есть даже разумная жизнь. Но ее существование протекает в условиях энергетических затрат на много порядков, превосходящих наши возможности, в совершенно другом пространстве-времени... Контакты с его — Тартара — обитателями представляются невозможным...

— И вы это считаете секретом? — поинтересовался человек из военной разведки. — Об этих секретах физики болтают в курилках...

Док из Спецакадемии пожал плечами.

— Может, вы все-же услышите сейчас нечто новое для вас...

— А Предтечи? — поинтересовался любопытный Роше. — Предтечи, тоже оттуда — из Тартара?

Док чуть диковато глянул на комиссара.

— Только не забивайте мне голову еще и проблемой Предтечь! — досадливо отмахнулся он. — Нам с вами хватит и червей подпространства. Это — совсем другое. Это — Нелюдь...

Роше выразительно крикнул, углубился в созерцание своей носогрейки, и док продолжил без помех:

— Долгое время никак не связывали ту информацию о Нелюди, которая поступала с Чура, с особенностями строения пространства в этом Секторе. Только когда сопоставили массу данных, поняли, что Нелюдь — результат активности обитателей Тартара.

— То есть, все эти призраки, люди-куклы, монстры, странные птицы, заколдованные деревни — все это приходит на Чур оттуда — из Тартара? — попробовал уточнить тип из внутренней разведки.

— Эти вещи пусть вам уточнит Аркадий Иванович, — док кивнул на Свицкого и,

неприязненно морщась, откинулся в кресле.

— Приходит — не то слово... — объяснил тот.

— Скорее всего их изготавливают на месте. Сами черви пространства — форма жизни, очень отличающаяся от человека и на прямой контакт с нами неспособная. Наблюдавшие червей описывают эффекты, связанные с их появлением: нарушения восприятия времени, причинности, разные нарушения своей психики, только не самих червей. Все сходится на описании какой-то сгустившейся тьмы, неких пятен небытия...

Одно хорошо: нас они, судя по всему, тоже воспринимают нечетко. И им до нас особенного дела не было до тех пор, пока на Чуре не начались известные вам работы по управлению гравитацией. Именно это мы хотели конфиденциально обсудить с Толле.

— Значит, это они побеспокоили этих червей... И после этого обитатели Тартара перешли в атаку? — с интересом спросил Роше. — Начали агрессию?

— Это уж, — поморщился майор, — скорее мы, люди, точнее, обитатели Чура, начали агрессию против Тартара.

Для этого мира, упрятого в скрытых измерениях пространства-времени, создание первой искусственной черной дыры было катастрофой. А дальнейшие эксперименты должны нанести этой цивилизации непоправимый ущерб.

Привычная среда жизни червей оказалась под угрозой. И они стали принимать меры. Прежде, когда люди для них были еще безопасны, они их только изучали. Должно быть удивились их приходу на Чур.

Начали создавать свои модели людей, разных объектов цивилизации земного типа — вот вам и призраки и куклы-биороботы. Начались экспериментальные воздействия — вот вам и заколдованные деревни и нашествия монстров... Сейчас они о нас знают много больше, чем мы о них. Но, по всей видимости, до недавних пор в дела наши они целенаправленно не вмешивались...

Майор сосредоточенно уставился на разложенные перед ним листки. Обменялся взглядом с нервно жующим губы доком и продолжил:

— Когда Тартар перешел к активным действиям, то эти знания использовали весьма эффективно. Речь идет о том, что на Прерии и еще в ряде Миров ими была создана настоящая агентурная сеть. На астероидах, брошенных космических станциях найдены так называемые порталы, места выхода червоточин из Тартара и инкубаторы, в которых, по всей видимости, формировались поколения биороботов и других... странных объектов. Некоторое число биороботов было нами захвачено при разного рода инцидентах и изучены. Они — предельно схожи с людьми, но жить и работать среди нас, оставаясь полностью незаметными, все-таки не могут. Слишком отличаются от нас своим э-э, software, да и достаточной информацией о нашей жизни не располагают...

Майор снова поморщился.

— Но они нашли свои методы работы. Достаточно эффективные.

К сожалению, всегда найдутся среди людей такие, что даже с Чертом начнут сотрудничать ради денег. Биороботы нащупали для червей наши криминальные структуры и через них развернули активную деятельность. Никто из вас этого не знает, господа, но примерно в течении десяти лет на Прерии существовала даже мощная корпорация, финансируемая из Тартара. Судя по всему, они пытались где-то здесь, непосредственно на планете, построить портал. Используя наши технологии, наших специалистов и рабочих... Из которых никто не знал о конечной цели проекта. Вы, возможно, помните

историю — примерно семилетней давности — с уничтожением агентурной сети Харура на Прерии. Могу вам сказать, что и Харур и его Одноглазый Император к делу отношения практически не имели. Была уничтожена агентурная сеть Тартара. Захвачено много биороботов. Считалось, что их не осталось более... Люди, работавшие на Нелюдь — все за двумя-тремя исключениями, понесли наказание за шпионаж в пользу антифедеральных структур, так и не узнав, на кого работали... Считается, что оглашение информации о деятельности Нелюди на Прерии произведет на общество слишком деморализующий эффект... И главное — не стану скрывать — присутствие на планете агентуры иной цивилизации — слишком веский повод для перехода ее под прямое Федеральное Управление. В тот период...

Господин секретарь жестом приостановил майора.

Ким спросил:

— А портал? Червям его соорудить так и не удалось?

— Хотел бы я быть в этом уверен, господа, — тяжело вздохнул майор. — Нам не удалось его найти. Несколько похожих объектов были построены, возможно, как отвлекающие... Теперь — о главном. Корабль, которым прибыл на Прерию наш Гость, привез еще и четыре погибших биоробота. Вам это говорит что-нибудь? И еще: вот уже почти сутки наше оборудование выдает положительный результат теста на присутствие на планете действующего портала. Станный по некоторым параметрам результат, но — положительный. Это, кстати, еще и в ответ на ваш вопрос, господин агент...

— Так почему портал не атакован? — удивлся Ваальде.

— Потому, господин полковник, что точная локализация таких объектов не разработана. Портал, если он есть, расположен где-то у нас под носом, на поверхности планеты. И все. Правда, есть еще один научно-технический тест, э-э...

Майор обратил мятущийся взгляд на Руководителя Второго Сектора Спецакадемии. Док Федин засуетился, переложил карманный компьютер из бокового кармана во внутренний, а записную книжку из внутреннего на стол и пояснил:

— Вообще-то, многие считают, что метод детерминационных нарушений — это шарлатанство, но он работает. Возмущения вакуума, вызываемого червями и порталами, вызывают нарушение вероятности. Тогда, в период ликвидации Тартарской сети, мы изготовили уйму детекторов отклонения вероятности туннельного перехода от нормы и снабдили ими всех участников акции... Сейчас они сняты со складов и будут вручены вам и вашим подчиненным, господа.

Господин секретарь кивком поблагодарил майора, своим видом показывая, что все, что могло быть сказано, — уже сказано.

— Николай Сергеевич проинструктирует вас относительно того, как с помощью этих вот, — он поднял над столом плоскую коробочку, — приборов определять присутствие в радиусе около километра порталов и червей. Но не биороботов. Их нам дистанционно определять не удастся до сих пор.

Он смолк и тяжело поднял от бумаг взгляд своих глаз-маслин.

Этим утром под ними набрякли аккуратные кожаные кошелечки.

Морщась, господин секретарь сглотнул слюну, которая, видно, была горше желчи.

— Не далее, чем час назад, господа, состоялся весьма важный разговор. Там, наверху... Нам дано время — до Рассвета.

Взгляд главы комитета безопасности стал суров и бессмыслен, словно он все еще зрил

перед собой суровый лик Его Превосходительства Президента Объединенных Республик или, на худой конец, просто самого Дьявола-Сатаны.

— Это еще не все. При разговоре присутствовали господа Ларсен и Хачикян...

То, что Посол Ларсен представляет на Прерии Федеральный Директорат, было хорошо известно всем в этом кабинете. И то, что Артур Хачикян возглавляет здесь отделение Информационного Агентства Колонии Святой Анны — тоже.

Вот так: от Метрополии — Полномочный Посол, а от Колонии — только шеф Связьинформа... — подумал Ким. — Вот так...

— Федеральный Посол сделал заявление, — морщась, продолжил господин секретарь. — Если в указанный срок проблема Гостя и связанной с ним активности цивилизации неземного типа на планете не получают разрешения, то на Прерии предложено ввести режим особого положения. Это условие Президент принял. Для нас это означает: с восходом — прочесывание города и окрестностей силами армии, блокирование дорог, пропускной режим. Главное: по статусу такого режима в систему будет введен контингент Объединенного Космофлота, с которым нам предлагается взаимодействовать...

Собравшиеся обрели еще более кислый вид, чем имели до этого.

— Директор же филиала АБК зачитал заявление правительства Колонии... — секретарь криво улыбнулся. — Думаю, вы, господа, догадываетесь о его содержании... Колония считает, что система имеет особый статус, основанный на ряде соглашений, подписанных Директоратом Федерации. Колония возражает против применения сил Космофлота в ее пределах и примет меры противодействия такому развитию событий... Теперь вам понятна, господа, важность нашей задачи? И, надеюсь, ясно, что начнется после того, как взойдет наше благословенное светило, если мы с задачей не справимся?

В тишине стало слышно, как Роше барабанит пальцами по столу.

Кажется, мне был обещан прекрасный рассвет... — подумал Ким. — И кажется, мне будет не до его красот...

Как Харр и ожидал, толку от деятельности Рваного Уха на пару с Крашеным было меньше, чем шуму. В той странной норе, из которой Крашенный принес запах Подопечого, все трое чуть не влипли. В тот момент, когда Харр нашел-таки способ проникнуть в этот темный подвал, н был пуст. Но почти сразу, Пес понял, что Подопечный не только был здесь, но и оставил ЗНАК.

Проклятая электропроводка в подземелье была древняя, все переключатели — механические и отчаянно бьющие током, и справиться с ними Харр не сумел. Читать знак пришлось в тусклой полутьме, в лучах света ночного неба, сочащегося через забранные стеклоблоками щели под самым потолком. Делу крупно мешали любопытствующий Рваное Ухо и Крашенный, подобострастно вертевшийся под ногами, замаливая какой-то свой грех перед Подопечным.

Его бестолковые компаньоны слишком поздно почували опасность и убираться пришлось в бешеном темпе, через узкий — наверное вентиляционный — лаз, обдирая бока и бесцеремонно проталкивая и давя друг друга. Целая орава людей лезла в это время в подвал через ведущий с глухого двора грузовой спуск, а другая топталась на мокрой после ночного дождя улице. Было просто чудом — в основном, чудом человеческой бестолковости, что визги Рваного Уха и подвывания Крашеного не выдали их. Харр, конечно, надавил на возможных преследователей неслышным воем, который хорошо рассеивает внимание, но

трудно делать такие штуки с уймой агрессивно настроенных психов.

Знак, оставленный Подопечным, был первой долгожданной весточкой, полученной от него. Теперь, наконец, Харр знал, что Тор жив и — хотя бы приблизительно — где искать его дальше. Еще он хорошо знал теперь, как пахнут те двое, которые увели Тора. И еще — теперь он более или менее представлял себе этот город и начал понемногу представлять этот Мир.

Но Подопечный чудил — Боже, как он чудил! Указал, что его увозят вниз по реке, предупредил своего Пса, что и его — Харра — будут искать много разных людей, но ничего не сделал, чтобы избавиться от тех, кто увел его, освободиться...

Это могло означать только одно — Тор Толле и так считал себя свободным.

Он всегда оставался свободным — или, по крайней мере, всегда считал себя таким — всегда и везде! Харр знал это, помнил еще со времен, когда сопровождал его совсем зеленым мальчишкой в Непременном Странствии. Даже в руках суровых мюридов, владельца Горелых Городов, даже в круге Сумеречных Стай седых лесов Осенних Долин... Но как давно это было! Уже много лет Тор шел совсем другими путями: дорогой Оружейника, дорогой наук. Совсем другими были кручи и перевалы на этих дорогах.

Непонятные Харру, лишь ощутимые для него. И совсем другие опасности подстерегали на них.

И другая несвобода. И все-таки Тор не изменился с тех пор, когда только Харр и Меч сопровождали его в пути по плохим местам. Он всегда был уверен, что сам выбирает свой путь.

Неважно — ведет его по этому пути кто-нибудь или нет...

У реки Харр получил от Тора вторую весточку. Только вторую за время странствий по этому чужому городу. И после этого уже уверенно вел его — вниз по течению, далеко, к окраинам города.

Временами он даже почти видел Подопечного — тень лодки скользила в тени заросших запущенным кустарником берегов совсем незаметно для человеческого глаза, но то — для человеческого...

Харр выслушал несколько трелей ультразвукового свистка, с меланхолической периодичностью доносившихся с водной глади, и ответил Подопечному суровым, на низких частотах выговором. Тор, видно, остался при своем мнении. А потом Харр стал снова терять Подопечного в этом загромоздившем течение реки лабиринте, в этой нелепой, пропитанной тленом пойме, полной корявых, изъеденных ржавой гнилью железобетонных островов. Сигналы здесь глохли, коверкались причудливым эхом. Тень лодки, прижатая к тусклому отражению неба в маслянистой, медленной воде, ломалась, таяла, ныряла в пропахшие плесневеющим цементом протоки. Это было так похоже на окраины Горелых Городов — там, на родном Чуре. Но Харр уже понял, что здесь где-то, в этом лабиринте, Подопечный может остаться надолго, что он не боится своего спутника. Наоборот...

И еще он понял — именно здесь где-то, в этой путанице ржавой воды, перекошенных железных створов и пустынных громад доков, прячется зло... И что Тор Толле — тоже это понимает...

Когда след Подопечного истаял, растворился во тьме, Харр снова стал лышать зов...

Клавдия Шпак раннему визиту комиссара полиции удивлена не была ничуть. Комиссару были предложены объемистая чашка чаю и возможность пригреть на коленях щенка дога,

оправившегося от хвори. Выдержав приличествующую паузу, Роше предпринял-таки попытку взять быка за рога. Он настойчиво поинтересовался, какой метод уважаемый специалист по четвероногим считает наиболее подходящим для поисков Пса Харра и, главным образом, его хозяина. В ответ на это плотно сбитая доктор ветеринарии только махнула рукой.

— Вся Прерия уже знает, что мафия, полиция, контрразведка и Лео Косневски днем с огнем ищут сбежавшую псину. Если вы думаете, комиссар, что первым пожаловали ко мне за консультацией, так ошибаетесь. Первым — вчера еще — пожаловал старый приятель народа Чура — Пер Густавссон. Я прямо обмерла. Мы с ним часто встречались, пока его бес не попутал торговать государственными секретами... Но он, однако, показал мне бумагу, где велено всем и вся ему оказывать всяческое содействие и так далее, и тому подобное... Но уж Перу я никакого содействия оказать не могу, хоть на месте тресну. Это он — не я — десять лет жил и работал в тех местах, и с тех пор нового о них совсем немного прибавилось. А попозже чуть — на всех парусах сюда примчал господин Косневски. И все хотят знать каким свистом и каким притопом зазывать и подманивать Чурских Псов. Будто я — кудесница или что-то такое... И будто я так вот запросто должна делиться секретами с первым встречным. Я их слишком мало — секретов этих — знаю... Я всего только приучила к нашей жизни одного-единственного Пса. Пса немного смешно — Гррохом звали, а его Подопечную — никогда не говорите хозяина — запомнили? — ее звали Эванджелистой. Джеллой. Они мне пишут изредка. Приглашают. Вот найду спонсора и на старости лет двину...

— И все-таки о Псах... — кашлянул Роше...

Доктор ветеринарии снова махнула рукой.

— Да, боюсь, что заболтаю вас пустыми разговорами. О Чуре можно говорить бесконечно, — она с сожалением посмотрела на дно своей чашки. — Но вас интересуют именно Псы... Хотя, там это все увязано... Прежде всего, сами люди там другие. Преобладает, так называемый, ювенильный тип. Только не считайте их дегенератами какими-то. Они во многих вещах нам, грешным, сто очков вперед дадут. А Псы... Их генофонд тоже изменился. Продолжительность жизни выросла, сильно возрос набор способностей, интеллект... Они порядком умнее своих земных предков — Псы Чура. Необыкновенно хитры. Могут маскироваться на местности и вписаться в любую среду. Даже паранормалика у них развита. Но приписывать им разум — разум в нашем, человеческом, понимании — наивно. Дальше навыков счета у них дело не идет. И вообще, не их собачье дело — возиться с техническими деталями. Они уверены, что Подопечные сообразят КАК Может, даже, сообразят ЧТО. Но вот священное ЗАЧЕМ — это их, Псов, монополия. Мне это, кстати, кажется довольно логичным. Прикиньте сами: то, что мы привыкли считать высшим пределом эволюции материи — разум, человеческий интеллект — какую функцию он играет объективно? Разве это интеллект ставит перед человечеством его цели?

Доктор явно села на своего любимого конька. Чего-чего, а склонности к философским обобщениям в этой бойкой толстухе Роше не ожидал. Он изобразил предельную степень внимания. Этому примеру последовал и увечный щенок на его коленях.

— Вы напрасно беспокоитесь за меня... — голос Энни в микродинамике был почти безмятежен, лишь чуть тронут тревогой. Именно это чуть очень не понравилось Киму.

— Я сижу в вашей берлоге тихо, как мышь, и не думаю шалить, — продолжила Энни чуть обиженно. — А вот если вы, господин агент, не пошутили насчет пекинской лапши, то

сейчас, я думаю, — самое время привести вашу угрозу в исполнение... У вас здесь холодильник — пустой, и линия доставки не фурычит. Но я не поэтому звоню вам. Здесь... Ну, в общем, по-моему, одному из ваших людей угрожает опасность...

Прекрасно... — Ким откинулся на спинку отменно неудобного кресла и тяжело вздохнул: отрезанный от окружающего мира, запертый в охраняемой конспиративной квартире, фигурант по делу о похищении Гостя знает, оказывается, нечто, чего не знает никто из оснащенного всеми современными средствами связи и обнаружения воинства, брошенного на поиски Торвальда Толле... Прекрасно!

— Кого вы имеете ввиду, Энни? — он тут же обругал себя за фамильярность, но она сошла ему с рук.

— Я тут поговорила с одним моим знакомым, который кое-что смыслит относительно Чура и всего с ним связанного...

Час от часу не легче!.. — с тихим восторгом подумал Ким. — Интересно, брифинги и вечеринки с раздачей автографов у нас на спецквартире еще не проводятся? Надо было без церемоний забрать у нее блок связи...

— Вы, возможно, знаете такого, — продолжала Энни, — Карла Васина? Его еще называют иногда Фотографом...

Киму это прозвище кое-что говорило. Но мало.

— Не имею чести знать такого лично...

— Он предупредил меня... Сугубо конфиденциально... К нему наведовались люди от мафии. Человек Магира — нам с вами доводилось говорить о таком... — Энни иронически глянула на Кима с экранчика блока связи. — Этот тип предупредил Фотографа, что по городу слоняется некий Густавссон — у них с Фотографом раньше были какие-то общие дела — и что этот Густавссон ходит на поводке у легавых — это, я думаю, он о вас... Так вот, Фотографа предупредили — очень недвусмысленно — чтобы при встрече с этим господином он заткнул свой язык в задницу и был осторожен — очень и очень... И главное — чтобы немедленно дал знать, как только Густавссон появится на горизонте... А когда тот тип из мафии отвалил, то Фотограф у себя дома и в оффисе выловил пару жучков. И думает, что этим добром он теперь обеспечен надолго... Жучки он трогать не стал и честно просил предупредить кого надо, что если этот самый Густавссон его потревожит, то ему — Фотографу — просьбу Магира волей-неволей, а придется уважить. Такие вот дела, агент... Мне кажется, что этому шведу во всей этой истории может выпасть совсем неважный расклад... Люди от Магира ведь явно не к одному только Фотографу заходили по этому делу... И ищут они этого вашего типа вовсе не для того, чтобы вручить ему букет цветов.

— Послушайте, Энни... — Ким придал своему голосу как можно большую суровость. — Ведь мы договорились в вами, что вы выходите на связь только по этому каналу, только со мной и только в случае экстренной необходимости...

— По вашему, сейчас такой необходимости не было? — парировала его укор Энни.

— Может быть и была, — не дал сбить себя с толку Агент на Контракте. — Но как прикажете быть с тем, что вы засветились с вашим Фотографом?

— Он такой же мой, как и ваш! — возмутилась Энни.

— Я, разумеется, говорила с ним не по его каналу. Точнее — он со мной... Воспользовался городским автоматом и себя не называл... У нас с ним — старая договоренность... И он знает, что я работаю по Гостю и по Чуру...

— Вам не звонил никто больше? — задал Ким чисто риторический вопрос. — И вы

сами никому не звонили?

Ответом ему было недвусмысленное молчание.

— Вот что... — Ким потер лоб и выразительно посмотрел на Роше. — Я сейчас подъеду к вам. Раз уж линия доставки сплосховала... Заодно и проверим, нет ли еще каких проколов... Ждите и запомните: открывать можно только мне и — никому другому.

— Не забудьте про лапшу... — сурово напомнила Энни.

Фольксваген они оставили в путанице сбегаящих к реке полуосвященных и утопающих в зарослях черемухи переулков. Потом Адельберто потерял без малого пол-часа, сбившись с пути, который, будучи найден вновь, привел-таки их к незаметному причалу, хорошо замаскированному от окружающего мира густым кустарником. Из кустарника этого, Мепистоппель, чертыхаясь придушенным шепотом и сетуя на бестолковость помогавшего ему Тора вытащил довольно углого вида плоскодонку и чуть не утопив сей шедевр судостроения, погрузился в нее. Тор совершенно бесшумно — не плеснув даже водой — оказался рядом с ним. Дружно оттолкнувшись от берега веслами и обмениваясь в пол-голоса короткими замечаниями, они вывели лодченку в струю незаметного в толще темных вод, но уверенного и сильного течения.

Тут Адельберто самолично укрепил весла в заранее смазанных уключинах — путь своего последнего отступления он обустроил и поддерживал в полной готовности — и принялся подгрести, удерживая посудину в тени высокого берега. Гость темной птицей сгруппировался на корме.

Убедившись, что лодчонка, словно привычный ишачок, ни шатко ни валко следует надлежащим курсом, Мепистоппель отвлекся и вытащил из под своей лавки, укрепленный там скотчем пакет, тихо ругаясь разорвал пластик и вытащил на свет Божий небольшой радиотелефон. Сгобившись над плохо различимой во тьме мини-клавиатурой наощупь набрал номер кодированного канала и стал нетерпеливо дожидаться ответа.

Довольно долго ему пришлось выслушивать заунывное попискивание сигнала вызова. Он уже начал скрежетать зубами, когда оно прервалось. С того конца линии последовал, наконец, шелчок поднятой трубки и измененный шифрацией голос произнес условленный вопрос.

Это ты, Робин?

— Да. Тебя никто не беспокоил за это время, Роб?

Пауза. Адельберто уже стало казаться, что слишком затянувшаяся пауза. Потом — короткое Нет.

— Мой почтовый ящик кто-то открывал... — Мепистоппель прислушался к тишине на том конце линии. — Мовет быть — случайно. Письмо сгорело. Ты уверен, что тебя никто не беспокоил?

Снова короткое «Нет» — теперь уже без паузы. Слегка раздраженно.

— К тебе пойдет Седой. Дашь ему координаты норы. Той, которая движется... Ты понял меня?

— Понял. Я дам Седому координаты движущейся норы.

— Все. Конец связи.

Адельберто придавил клавишу отбоя, помассировал болезненно набрякшие веки, вытащил из радиотелефона батарейки и выкинул их за борт. Потом, подумав немного, завернул в остатки пакета саму машинку и отправил ее вслед за ними.

— Ну в самом деле? — возмутилась доктор Шпак бестолковости рода людского — Разве это разум диктует нам выбор тех пределов, к которым мы устремляем всю громаду человеческой цивилизации в ее сокрушительном и безжалостном движении? Разум не решает, биться за выживание Человека или нет. Быть иль не быть? — это не вопрос вовсе. На него не предусмотрен ответ. Нам просто приказано быть!. И точка. Нам просто предписано распространять пределы своего рода до крайних пределов мироздания. Не разумом. Природой! И с этой точки зрения Человек не отличается от любого другого животного. Разве что — в худшую сторону. Потому что задумывается над тем, над чем задумываться не должно. Быть иль не быть? — подумаешь! Это же просто глюки нашего разума. Природа не затем нас им снабдила, чтобы он обсуждал исполняться ли ее велениям или нет. А для того, чтобы исполнять их наилучшим образом!

И ничего удивительного в том нет, что изошренное в борьбе за выживание инстинктивное сознание, дух Стаи оказался куда более надежен. И Стая сама стала духом этой цивилизации.

Именно духом: Псы не диктовали людям свою волю. Нет, они просто жили одной с ними Стаей, делили все их беды и удачи составляли неотъемлемую часть среды, в которой любой из колонистов Чура пребывал от рождения до смерти. Псы присматривали за малышами и участвовали в их воспитании. Пес был другом и помощником колониста в период его возмужания и становления. Его неразлучным спутником и помощником до конца жизни. Нет, Псы не могли учить людей. Но могли заставить их учиться. Не могли решить задач, встающих перед Стаей, но могли поставить эти задачи перед людьми. И уж потом, во вторую очередь, людям было позволено поиграть в любимые игрушки: в электросхемы и в математические уравнения, в химические формулы... Главное, Стая могла быть уверена: люди, если не дать им отвлекаться, заставить их кормить и поить друг друга, если позаботиться, чтобы не пропали их дети, сладят со всем остальным. Вылечат больных, накормят голодных, защитят, согреют Стаю. Надо только присмотреть за ними...

И они справились. К тому времени, когда корабли уже недужной Империи вышли к системе Чур, та была уже вновь обитаема и могла защитить себя. Правда, лучшей ее защитой была почти полная непригодность к заселению землянами. Тот волшебный, сказочный мир девственных лесов, чистых рек, зеленых пастбищ и богатых уловом морских недр исчез навсегда — в том обозримом будущем, которым оперируют в своих расчетах реальные политики. Так что если и была у Империи хоть какая-то нужда присоединять Чур к себе, то нужда чисто идеологическая. Решено было не тратить силы на вооруженную акцию. Проблему решили самым экономным способом: Чур простонапросто засекретили. Это понятно: ситуация, сложившаяся на Чуре, была предельно оскорбительна для рода людского. Бросала вызов основам, на которых зиждилась земная цивилизация. По крайней мере, в представлении правителей Империи. Была чудовищной карикатурой на светлые идеалы... О таком следовало забыть — забыть навсегда!

А потом пришла Эпоха Изоляции и надолго отсекала Землю от Чура. Империи не стало и ничто ее не заменило. Колониям было предоставлено выживать в одиночку. И снова Чур жил своей жизнью. И эту возможность он использовал до конца: Третья волна земной экспансии, уже мирная и прагматичная, в общем-то, волна застала этот мир на подъеме. Вокруг планеты вращались новые населенные станции, на самом Чуре активно реализовалась программа реанимации биосферы и процветали новейшие технологии.

Причем такие, которые не имели аналогов в Метрополии. Впрочем, вы сами это знаете: Тора пригласили на Прерию не для того, чтобы угостить здешним кумысом.

— Да, согласился Роше, — не для того... — А теперь — ваш прогноз, доктор: Гость и его Пес — где они?

— Еще раз должна признаться — не могу угадать где именно. Но, скорее всего, они уже вместе.

Тихой свирелью залился блок связи комиссара.

Выслушав Кима, он помрачнел и буркнул в трубку:

— Заверните за мной, одному туда вам соваться не стоит. И пусть наши подтянутся к кемпингу — сразу за вами...

Потом перевел ставший рассеянным взгляд на госпожу Шпак.

Она замолчала и энергично потерла лоб.

Поднялась с кресла, подошла к секретеру и вынула на свет Божий какую-то малую вещь.

— Держите, — она протянула ее инспектору. — Это, пожалуй, единственное, чем я могу вам помочь. Знаете, как пользоваться?

Роше недоуменно повертел в руках вещь. Свисток.

Ад воскрешения памяти и визит в Заброшенный Дом довольно сильно отозвались на нервах, мышцах, ясности сознания расконвоированного заключенного П-1414. Давно ему не приходилось пускаться в ход те — не совсем обычные умения — что приобрел он да далекой, сожженной войной планете. У Пера хватило сил и денег чтобы взять в аренду незаметный и мощный кар и поколесить на нем немного по городу, в поисках места, где можно было бы не привлекая внимания приткнуть машину на ночь.

Так — не вылезая из салона кара — он и проспал несколько часов глубоким, смывающим воспоминания сном.

Когда он раскрыл глаза ничего не изменилось вокруг — только положение стрелок на циферблате часов изменилось. Пер тронул машину, подоогнал ее к кафе-автомату и выпил здоровенный разовый термос здешнего мерзкого кофе и сжевал двойной мясной салат, слушая сводку новостей, которую гнал дежурный канал, на который был настроен Ти-Ви, украшавший интерьер заведения.

Теперь голова его работала четко и сложившаяся ситуация представилась уже подлежащей мало-мальскому анализу. Самым неприятным в ней было то, что вернувшись к нему память не помогла понять главного — чем же были на самом деле Шесть Портов и, что важнее всего — имеет ли все то, что случилось тогда, семь лет назад и теперь — там, в Старом Доме — к исчезновению Гостя. То, что он открыл в своем тылу, то с чем столкнулся в шевелящемся, зыбком мраке странного места, было необыкновенно важно для Прерии. Оказалось, что то зло к столкновению с которым готовилось уже не одно поколение жителей Чура, где-то за эти последние годы просочилось, дало о себе знать здесь — на спокойной и нестрашной Прерии... И следующий его — этого зла — шаг мог сделаться роковым для земной цивилизации в этой части Обитаемого Космоса. Но вовсе не обязательно было чтобы именно это зло поглотило Торвальда Толле...

Никакой подсказки расконвоированный заключенный П-1414 не получил, ни от собственной — тоже расконвоированной теперь — памяти, ни от Старого Дома и ночных тварей, притаившихся в нем. И у него в кармане оставался только один камешек для того,

чтобы наугад бросить его в кусты и спугнуть дичь. Да нет, не дичь — охотника. Это он сам дичь на этой охоте.

Он проехал по набережной и притормозил у блока торговых автоматов — отсюда хорошо просматривался Остров. Теперь Нимфа покачивалась там. Присмотревшись, он даже разглядел нахохлившийся на корме силуэт в наброшенном капюшоне. Еле заметно вспыхнул огонек зажигалки. Погас, снова вспыхнул...

Пер внимательно осмотрелся вокруг. Где-то здесь должен был быть кто-то, кто шел по его — расконвоированного П-1414 — следам. Но он ничем не проявлял себя — этот кто-то. А может и не было его вовсе — Мери Энн удалось вернуться на борт Нимфы, не возбудив особых подозрений... В конце концов и те не могли, может быть, слишком широко забрасывать сеть...

Нет. Не удалось перехватить нить слежки. Не получилось у дичи пойти по следу охотника. Ну что-ж, достаем из кармана последний камушек: воскрешаем в памяти номер канала связи с листка из Атласа четырех миров — как выяснилось, номер старого знакомого. Не очень близкого — но старого. Оттуда, из того мира, из которого ты ушел семь лет назад.

Номер блока связи Карла Васина — Фотографа. Но сначала подберем информацию о нем, факты... Фактики... Придется потерять два, а то и три часа.

Без канала связи Федерального Управления дело затянется.

— Я не буду задерживаться надолго... Не стоит подруливать к дому. — Ким подхватил с сиденья пакет со снедью и слабо улыбнулся комиссару. — Надо поторопиться с Пером... Он упорно не выходит на связь. Это начинает действовать на нервы.

— Я подстрахую вас, — угрюмо буркнул в усы Роше. — Мне очень не понравился этот номер с аварией на доставке. Стерты адреса и заказы в блоке оперативной памяти региональной Службы. Этот район обслуживает Трансфлекс. Они считают, это это типичный случай компьютерного хулиганства. Хорошо если так...

Служба защиты свидетелей определила фигуранта по делу 1944/17 — Энни Чанг — в однокомнатный блок загородного кемпинга Речной. Сейчас — практически пустом. Лишь в паре домиков горел свет, слышалось бормотание Ти-Ви, да несколько трейлеров у подсвеченных столбиков платной парковки подсыхали потихоньку после прошедшего дождя. Ким беспрепятственно подошел к ничем не примечательному домику и надавил на кнопку сенсора входного сигнала.

Энни с минуту рассматривала гостя через односторонне проницаемое бронестекло входной двери и, впустив Кима, искренне расстрогалась выставленным на стол саморазогревающимся упаковкам, действительно содержавшим в себе обещанные китайские разносолы.

— Вы напрасно приняли меня всерьез, агент... — рассмеялась она. — К вашему сведению — с детства не терплю китайскую кухню... Но не огорчайтесь: если сможете провести в моем обществе еще минут пять-десять, угощу вас нормальной пиццей. Биг спешал с грибами и салями. И еще — кьянти. В конце концов, я перед вами в долгу... Согласны подождать?

— Черт возьми, вы выходили в магазин? — поразился Ким. — Этого не следовало делать... И на досуге занялись кулинарией?

— Нет. Сроду со мною такого не бывало, — призналась собкорр ГН. — Терпеть не могу кухонные заботы. Просто этих типов из службы доставки замучала совесть, и они послали по

моему заказу посылного... Звонили минуты три-четыре назад...

— Очень любезные люди работают в этом Трансфексе... — улыбнулся Ким. — Но я, собственно, приехал не за тем, чтобы угощаться пиццей с кьянти. Просто хотел поподробнее узнать от вас, Энни, о том, с кем еще в городе... и на Прерии вообще вы связывались за это время...

— Уверю вас, я знаю, какие меры предосторожности надо принимать в таких случаях. Я сняла свой аппарат с регистрации и делала разовые заказы. Это — полная анонимность...

Какая-то мысль отвлекла Кима. Он отрешенно уставился на расставленные на столе пакеты.

— Полная анонимность... — машинально повторил он. — Господи! Ведь ваш заказ и адрес стерты из памяти компьютера службы доставки... А они присылают посылного с пиццей...

Он торопливо присел к панели настольного блока связи. Минуту заняло выяснение номера канала здешнего филиала Трансфекса. В филиале агенту ответил дежурный техник Антон Фукс. У Антона уже в печенках сидели клиенты, скорбящие по невыполненным заказам, и Киму пришлось представиться ему совершенно официальным образом. В ответ на вопрос о том, как справляются с проблемой посылные, техник разразился ядовитым смехом.

— У вас немного преувеличенные представления о наших штатах, господин э-э... Яснов. — Филиал обслуживают трое: зав-программист и два техника. На десять тысяч клиентов этого даже много. Нанимать посылных может позволить себе Ритц, но не мы... Заплатить неустойку — гораздо дешевле...

Ким сказал: Гм-м!.. и положил трубку на стол.

— Энни, вам лучше надеть защитный комплект, — посоветовал он. — И посылного с пиццей, пожалуй, стоит встретить мне...

Снаружи по гравию зашуршали шины подъехавшего кара.

Мгла окончательно ушла с остывших и наконец просветлевших небес Прерии. Отшумев грозой, убралась дальше, вслед за неспешно бегущей по громадной равнине, линией терминатора, низкие тучи.

Теперь, казалось, что над Степью перевернули огромный колодец, на самом дне которого в прозрачной тьме подрагивали, похожие на глаза глубоководных рыб, звезды. А между этими, призрачными, чуть нереальными огнями чужих миров, и едва намеченными во мраке, контурами высоких облаков, медленно скользили, словно повисшие в невидимой паутине, золотые огоньки небесного архипелага Колонии Святой Анны.

— У вас — красивое небо, — сообщил Тор Мепистоппелю свое мнение о панораме ночных небес. — Но нет луны. У нас их много...

— Есть у нас луна... — устало вздохнул Адельберто. — Только она очень медленно движется. Сейчас она на том полушарии.

Этой ночью здесь не взойдет. Толку от нее, кстати — никакого.

Он вовремя ткнул веслом надвинувшийся из тьмы берег и снова удадом нахохлился на корме утлой плоскодонки.

Лодчонка неторопясь, временами нороя заскрести по песчаному дну, скользила вниз по течению — подальше от городских массивов.

— Нет, я просто удивился, — пояснил, лежащий на дне лодки Тор. — Всюду я читал,

что у Прерии есть большой спутник, а так его и не увидел... Даже с корабля...

— Здесь у нас все этак вот, — уныло заметил Мепистоппель.

— Луна есть, но хрен ее увидишь, река течет через центр города, а по берегам — пустырь чертов. Словно в лесу диком. Бардак, конечно, но нам так лучше: до Ржавой Поймы дотянем без проблем...

Тора особенности планировки столицы Объединенных Республик, видно, нисколько не удивляли и он довольно вяло реагировал на нытье Мепистоппеля. Его гораздо больше занимал другой вопрос.

— Слушай, Мепистоппель... — он оставил в покое ночные небеса Прерии и повернулся к Адельберто. — А почему те, кто меня сюда позвал... Ну — ваше правительство. Почему они, в самом деле, меня не ищут? У нас в такой ситуации поднимаются все способные носить оружие. Ведь и у вас считается позором, если гость...

— Здесь не Чур, Торри, совсем не Чур... — вздохнул Адельберто. — И не думай, пожалуйста, что тебя никто здесь не ищет. Ищут и еще как ищут. И не только те, кто тебя сюда позвал...

Тор пожал плечами.

— Ведь так легко было бы перекрыть дороги, и реку... И...

— Ну уж нет, Торри. Осадное положение они вводить не станут.

Никто не хочет, чтобы вокруг тебя поднялся большой шум. Но — не сомневайся: столицу просеивают через мелкое сито. И чем быстрее...

Мепистоппель смолк, обдумывая пришедшую ему мысль. Она уже не в первый раз посещала его за последние часы — эта мысль...

— У тебя проблемы, Мепистоппель? — сочувственно поинтересовался Тор. — Ты так забавно морщишься...

— А ты откуда знаешь — морщусь я или в заднице ковыряю?

Видишь в этой темнотице? — флегматично спросил Адельберто.

В принципе его уже ничего особенно не удивляло, если это имело отношение к Тору... Тот и не стал отвечать, ограничившись утвердительным мычанием. Потом снова потянулся к рукоятке меча и снова отсоединил от нее свою свистульку.

— Нет! Только не это! — Адельберто торопливо поднес руки к ушам. — Ультразвук? Кому ты сигналишь?

— Я тихо... — пообещал Тор, и невидимый палец все же снова — деликатно на этот раз — надавил на барабанные перепонки Адельберто. — Я не хочу, чтобы Харр волновался...

— Харр? — удивился Адельберто. — Какой еще Харр?

— Мой Пес, — снова пожал плечами Тор.

— Ах да — Пес... — сообразил Мепистоппель.

Берег снова сделал попытку наехать на угловое суденышко, и минуты три-четыре Адельберто решал проблемы чисто навигационного характера. Тор не мешал ему. Потом, убедившись, что очередная докука миновала, осторожно спросил:

— Ты сказал, Мепистоппель... Ты сказал, что... что меня ищут не только те, кто меня сюда позвал — на Прерию... А они почему еще не нашли меня?

— Типун вам на язык! — поспешно прервал его Адельберто. И не называйте меня, пожалуйста, этим словом...

— Ваш друг Гонсало... — недоуменно возразил Тор.

— Гонсало вовсе не друг мне. И вообще... Когда он назвал меня этим м-м... именем, он

хотел сделать мне гадость. И-таки сделал! — с чувством признал Адельберто. — И радуйся тому, что разминулся с гостеприимными господами, которые устроили на тебя охоту. Благодарите нас со Счастливым, что мы утащили тебя у них из-под носа... Иначе ты узнал бы, что означает сидеть под замком по-настоящему...

— Я дружу с замками, Нос Коромыслом... — меланхолично заметил Тор: угрозу пленения он, видно, не то, чтобы не принимал всерьез, но и не расценивал ее так уж трагически. Здешние игры все больше приходились ему по вкусу. — Тебя можно называть снова так, или?... — спросил он, спохватившись.

Адельберто неопределенно и досадливо крикнул.

Сатанинское искушение вновь овладело им. И победило-таки!

— Послушай... — сказал он проникновенно. — А почему бы нам все это дело не закончить так... миром... Мне сейчас, когда Счастливчик влип, главное — уже не выкуп за тебя, чудака, иметь, а его, дурня такого, на свободу вытянуть, да и свою шкуру спасти... Хотя все это, конечно, и чревато...

Адельберто помолчал, пытаясь во тьме уловить реакцию собеседника. Но тот не особенно помогал ему в этом деле.

— Давай, может так... — с надеждой в голосе продолжил Мепистоппель. — Я сейчас к берегу пристану и там мы и разойдемся — миром, как я говорю, а?... Ты пойдешь, в город поднимешься, своих друзей там найдешь, скажешь так мол и так — просто недоразумение вышло... Никаких выкупов, никаких похищений... Ну, просто не поняли друг друга люди... Ну и замнем все это, а?...

Мепистоппель, конечно понимал, что городит глупости, недостойные своих седин, но интуиция подсказывала ему, что из этой игры надо уходить. Бежать сломя голову...

В ответ ему последовало долгое и, кажется, обиженное молчание. Дважды лодка скребла днищем дно, еще разок — попробовала зацепиться за прибрежный кустарник. Потом Гость, наконец собравшись с мыслями, соизволил ответить.

— Нет, Нос Коромыслом... Так не пойдет... — в голосе его, действительно, звучала обида. Но и какая-то глухая ирония.

— Мы уж договорились, что я у тебя в плену, а не ты у меня... Так и будем — дальше... И потом... Главное — вот что... Я сейчас думал про это... Те, что ищут меня — чтобы держать под замком... Как ты думаешь, Нос Коромыслом, зачем я им нужен?

— Ну, Торри, ты же сам хорошо понимаешь, — даже в темноте было заметно, как Мепистоппель пожал плечами. — Им секреты твои нужны. По Ти-Ви болтали, что там на Чуре вы у себя прямо фокусы творите с гравитацией. Даже черную дыру себе сделали...

— Да, — с гордостью подтвердил Тор. — Микроскопическую. Она нас должна была обеспечивать энергией за счет того, что туда, в нее падает... Но потом мы решили, что это — слишком опасно: иметь черную дыру спутником планеты. Ее изолировали и теперь отбуксируют. Придадут ускорение, чтоб удалялась. Бесконечно...

— Ну вот — ты сам видишь, Торри, какими опасными штуками вы там занимаетесь... Прямо-таки — очень опасными... А все опасные штуки очень нужны господам, которым очень сдалось пугать друг друга пострашнее. Они за них и озолотят, и удавят...

— А тем, кто меня пригласил, я тоже для этого нужен? — задал Гость наводящий вопрос.

— Для чего же еще, Торри?... — вздохнул Адельберто, глядя в темноту перед собой. — Пора бы догадаться, что все это — одно и то же яйцо. В одном случае — в профиль, в другом

— анфас. Ты, вроде, уже вырос из коротких штанишек, Торри. Должен понимать кое-что в таких вещах...

— Ну так вот, — с задором (он явно поймал Адельберто на слове) подхватил тему Гость. — Раз так, то те, кто позвал меня, сами должны будут посадить меня под замок — под свой замок...

Адельберто снова крикнул, оценив неожиданный выверт мысли Гостя. Тот явно делал прогресс в области политической морали и философии мира Периферии. Он заметил философски:

— Один принц в одной старой пьесе сказал, что вся Дания — тюрьма со множеством казематов и камер. Так вот: он недооценивал масштаб явления. Я так думаю, Торри, его извиняет невежество, свойственное древним. Но вообще, молодой человек был догадлив...

Трудно было сказать, оценил ли Тор отсылку к авторитету великого драматурга, или Шекспир не входил в число землян, известных на Чуре, но высказанная мысль оказалась очень близка к тому выводу, к которому он пришел.

— Так что я предпочту пока побыть в одной камере с тобой, Нос Коромыслом, — вздохнул он. — Известное зло все-таки лучше неизвестного...

Адельберто так и не понял, снова ли цитировал Тор Принца Датского или просто констатировал банальную истину, но то, что, он все равно, никуда от него не денется — понял.

Глава 10

РЖАВАЯ ПОЙМА

Гурам поморщился: плечо, в которое всего несколько часов назад пришелся заряд парализатора, все еще плоховато слушалось его. В другое время он предпочел бы еще пару часов задержаться в сауне, но слово, данное самому Магиру, надо было выполнять. Он застопорил кар перед порогом домика, в который легавыми была вселена чертова девка, так насоливившая шефу.

Глянув в зеркальце заднего обзора, он проверил окрестность и свой внешний вид, нацепил кепочку с анонимным трафаретом Доставка, подхватил с сиденья пакет с тем же текстом на нем и бластером внутри и вышел из кара. Трудно сказать, насколько его вид внушал доверие. В век сервисной автоматике разносчиков и курьеров народ знал только по фильмам о добрых старых временах.

А вот комиссара Роше, внимательно разглядывавшего гостя мисс Чанг на мониторе, на который была подана картинка с видеокамеры, присобаченной на притолоке входной двери коттеджа, увиденное заставило нервически завозиться на сидении укрытого за стеной кустарника кара.

— Господи, — пробормотал он. — Готовьтесь к большому представлению, ребята: господин Табидзе пожаловали собственной персоной. Кто бы мог подумать, что вот так встретимся...

В ответ на прикосновение к сенсору внутри дома послышалась музыкальная трель сигнала. Очень молодой и чуть хрипловатый женский голос попросил его зайти и оставить доставленный заказ в прихожей. Это Гурама вполне устраивало: просто идеальные условия для работы. Замок щелкнул и дверь, тихо и гундосо подвывая, отошла в сторону. Проходящую заливал мягкий свет скрытых софитов.

Гурам шагнул в этот уютный мирок, незаметным движением включив активную полевую защиту, и, изображая легкое восхищение, стал пристально оглядываться вокруг.

— Вот туда — на столик... — окликнула его из двери, ведущей в гостиную, миниатюрная китаянка.

Гурам послушно поставил пакет куда велено, выдернул из него бластер, загодя выставленный на режим стрельбы в закрытом помещении, и вlepил в объект полный заряд.

Объекту ничего дурного не сделалось. То, что он палит в голограмму, Гурам понял еще до того, как отпустил спусковой крючок, примерно в тот момент, когда уловил — где-то почти за своей спиной, в проеме еще одной двери — призрачное движение ствола парализатора.

Подставив под выстрел плечо из тетракевлара, он бросил себя в угол, посылая перед собой веером заряды бластера. В этой прихожей просто невозможно было повернуться, чтобы не втемяшиться в какое-нибудь смежное помещение, и вместо твердой преграды его спина встретила мишуру из под бамбук сделанной занавески, маскировавшей чисто символическую мини-кухоньку. Чудом не свернув шею, Гурам вписался точно между тумбой мусоропровода и плитой, а сверху на него обрушилась чертова уйма всяческой утвари самого невероятного предназначения.

Секундой позже все окна домика залил беспощадный свет штурмовых прожекторов, и комиссар Роше в мегафон сообщил ему, что дом окружен и дальнейшее сопротивление

бессмысленно. По комнатам слоями плавал дым, с шипением догорало что-то, во что пришелся один из семи-восьми зарядов бластера. С гулким грохотом катились по полу слетевшие со стола каменные шарик.

Один из них натолкнулся на стоящий у порога голографический сдвиг-проектор, который продолжал работать, транслируя в проем двери изображение опустевшего объема пространства регистрации, из которого уже убралась Энни. Оно напоминало заполненный дымом аквариум. Гурам ругал себя последними словами: купиться на дешевый гэг — из тех, которыми торгуют в провинциальных лавочках...

Но игра была еще не проиграна. Далеко нет!

Теперь все трое, заблокированных в домике, начали перекликаться друг с другом.

— Прекратите палить попусту! — выкрикнул Ким. — На нас точно такая же защита, как и на тебе... Так что...

— А это ты видел?! — Гурам отцепил с пояса и поднял над головой — чтобы лучше видно было — невзрачный, защитной окраски цилиндр.

Почти все взрослое население Прерии знало, что это такое — эта характерной формы железка. Плазменная граната ВВ-410 — она снискала себе мрачную славу во многих локальных войнах, тлеющих и полыхающих по Тридцати Трем Мирам... Даже далекая от военных реалий Энни узнала эту кошмарную штуку, воспетую не одним поколением фронтовых журналистов.

И уж тем более ее узнал Жан Роше, нависший над крошечным экранчиком монитора, транслировавшего в кабину дежурного кара картинку с камер, установленных в месте обитания охраняемого свидетеля. Довольно плохо охраняемого, стоило признать теперь.

— Не делай глупостей! — посоветовал он в мегафон. — Ты же не самоубийца, Табидзе — я-то тебя знаю: как облупленного. Брось размахивать своей хлопушкой и сдавайся...

— Черта с два! — твердо и негромко — в исправности микрофонов прослушивания он был уверен — ответил Гурам. — Я шесть лет оттрубил на Седых Лунах и больше меня там не будет!

Сейчас вы, комиссар, прикажете пригнать сюда вертолет, я и оба эти — мадам и ваш легавый — в него сядем и без шума и пыли тихо отсюда подадимся туда, куда надо. И если за нами будет хоть маленький — я сказал: хоть маленький хвост, я этой штукой, честное слово, спалю и вас и себя и на километр все вокруг спалю...

Роше нахмурился: ему уже приходилось сталкиваться с Гурамом Табидзе в острых ситуациях и одно он усвоил четко: акцент появлялся в речи правой руки Большого Магира не к добру.

Правильность речи Гурам утрачивал вместе со способностью рассуждать здраво и инстинктом самосохранения.

— Осторожнее ребята... — тихо распорядился он в микрофон.

— Тип завелся...

Ким поднялся с четверенок и осторожно выглянул в заполненное дымом пространство, разделявшее его и нападавшего. Бластер он держал наготове. Энни тоже выбралась из-за массивного стола и держа свою Беретту стволом вверх стала осматривать поле боя. От Гурама их обоих отделяло не более пяти метров, и все трое мгновенно узрели друг друга. Толку от этого было мало.

Огнестрельными хлопушками никто из них не мог причинить особого вреда противнику. Все трое были осенены чуть мерцавшими ореолами: вспыхивали частички

дыма, отбрасываемые полем активной защиты.

Решающим аргументом оставалась ВВ-410. От атомного пламени поле было весьма хлипкой защитой. В сочетании с мыслью о том, что у господина Табидзе слегка поехала крыша, аргумент получался неслабый, и Гурам не собирался медлить с его применением.

— Вы, оба — бросить пушки и сами — на пол! — скомандовал он. — Вот там — спиной к стенке садитесь!.. Оба! Быстро! И без фокусов...

Ким и — с меньшей покорностью — Энни выполнили ценные указания.

Второй раз я из-за дел, связанных с Чуром, становлюсь заложником... — с досадой подумал Ким. Энни вполголоса чертыхнулась — прямо под ней проявил себя с нелучшей стороны чертов шарик для медитаций. Она осторожно стала вытягивать его прочь.

Гурам, сгибаясь в три погибели, подошел к ним и ногой отпихнул подальше брошенное оружие. Потом отступил в простенок и, присев на корточки, отключил защиту: аккумулятор стремительно садился, а гулять под прицелом полицейских ему предстояло еще основательно. Да и здоровью пребывание в защитном поле на пользу не шло.

Агент на Контракте не спускал глаз с гранаты, которую судорожно сжимала волосатая кисть бандита.

Что-то было чуть-чуть не так с этой штукой... И Энни совсем не мешало бы знать его — Кима — соображения по этому поводу. А господину Табидзе, наоборот, знать эти соображения было вовсе не обязательно.

Говорить на пиджине или по-русски — бессмысленно, — прикинул Ким. — Вряд ли этот тип знает французский, но и Энни может его не знать — на нем говорят только в двух из Тридцати Трех Миров...

— У него не снят чехол с... — сказал он, наконец, по-китайски.

Этот язык не был его сильной стороной и как сказать предохранитель он не знал.

— Это нам дает секунд тридцать форы... Вы меня понимаете?

— У... — неопределенно ответила Энни, тоже впившаяся глазами в физиономию Гурама.

— Не слышу ответа! — заорал тот, адресуясь к невидимому Роше. — Когда будет вертушка?!

— Не делайте глупостей... — продолжал гнуть свою линию Ким.

Он перенес свой центр тяжести вперед и тоже сел на корточки.

— Не рыпайся! — прикрикнул на него Гурам и нервически дернул стволом бластера.

Энни демонстративно повторила движение Кима и стала тихо покачиваться взад-вперед, катая зловредный шарик между вытянутыми перед собой ладонями.

Невидимый за слепящими прожекторами Роше начал по мегафону торговаться с Гурамом, объясняя как можно более доходчиво, что дело его — швах и что самое лучшее, что он — Гурам Табидзе, по кличке Тифлис — может предпринять сейчас, это, не усугубляя своей вины, сдать в руки властей...

— Не разоряйся, комиссар! — оборвал его Гурам. — Если через полчаса вертушка не будет здесь, то...

И в этот момент каменный шарик точно пришелся ему в лоб.

ВВ-410 с глухим стуком покатила по полу.

Сам Тифлис с достоинством, не торопясь, грянулся физиономией оземь, и секундой позже Ким защелкнул на его запястьях наручники. Затем стал на колени перед гранатой, бережно поднял ее и с облегчением убедился, что из трех ее систем защиты, две — слава

Господу-вседержителю — не тронуты.

К тому моменту, когда он оторвал взгляд от страшной игрушки, в комнате было уже полно народу — и команда Роше, и прибывший по тревоге наряд спецназа, и пара операторов с камерами голографической съемки, и медики не оставшиеся без дела — за неимением других жертв они колдовали над бесчувственным телом Гурама.

— Надеюсь, я не укакошила гада насмерть? — без особого сожаления в голосе осведомилась Энни.

— Нет — просто задали работу тюремному госпиталю, — успокоил ее Роше и повернулся к Киму. — Будет лучше если вы, агент, лично сопроводите э-э... мисс в более безопасное место.

Знаете, лучше всего свезите ее на нашу явочную квартиру — ту, что от Следственного Управления. Сейчас там сам собой получился этакий импровизированный штаб — Гостев и его люди держат связь между нами, контрразведкой и все такое... Так что без присмотра мисс там не останется... Кстати, вот что от них поступило — на ваш почтовый ящик. — Роше пожал плечами, протягивая Киму распечатку. — Женский голос. Говорит, что ваш человек остался без связи. И — некий адрес плюс нечто непонятное про Тартар...

Ким пробежал распечатку глазами и вернул ее Роше.

— Не хочется впутывать в дело одного господина по фамилии Свирский, но... Это — его епархия. Свяжитесь с ним и передайте текст. Я присоединюсь к вам, как только...

— Как только станет понятно какой ход делать... — вздохнул Роше. Мы с чертовыми мафиози морочим друг другу голову и подставляем под пули себя и людей, а Гость гуляет сам по себе...

— Вы действовали энергично, — сказал Ким, открывая перед Энни дверцу кара. — Не стоило вам так рисковать... Ведь я же сказал вам...

— Я не знаю венгерского, — угрюмо прервала его Энни. — поэтому не могла выполнить ваши... инструкции...

— Вообще-то, это был китайский, — осторожно возразил Ким, садясь за руль.

— Китайский? — искренне поразила Энни.

Ржавая Пойма надвинулась на них словно обитель древних чудищ.

Чудищ, злобно затаившихся в глубинах обрушенных доков и во тьме полуразрушенных эллингов. Чудищ, так состарившихся, что лишь их голоса сохранили свою силу и окликали друг друга — эхом скрежета металлических листов, качаемых ночным ветром, скрипом ржавых сочленений доживающих свой век ржавых монстров, побеспокоенных неровным течением вод: гаммой потусторонних шумов и гулов, идущих из дряхлой утробы прошлого. Оркестр Дьявола потихоньку настраивал свои диковинные инструменты в этом забытом Богом уголке успевшего состариться Мира, и двое, примостившиеся в углой лодченке посреди полной мертвыми звуками, пропитанной запахами тлена и ржавеющего металла тьмы, были на этой репетиции совсем незванными гостями...

Исковерканные временем утесы портовых сооружений вконец заслонили небо. Лодка второй или третий раз ткнулась в незримое препятствие, чуть не перевернувшись при этом.

Адельберто тихо включил УФ-светильничек и стал осторожно мазать лучом по нависшим над ними, изъеденным плесенью стенам доков и шлюзов.

Из темноты стали являться тлеющие призрачным огнем люминесценции непотребные

пятна и разводы. Наконец, в одном из этих призраков, Адельберто узнал нарисованный когда-то, давным-давно им самим знак и уже более уверенно стал направлять движение лодочки. Тор заинтересовался этим процессом, неслышно, легким движением сменил позу и стал помогать Мепистоппелю, отталкиваясь длинной, сильной рукой от влажного бетона стен.

Адельберто нащупал в месте, помеченном знаком, светящимся в ультрафиолете, пролегающий под водой осклизлый трос и, перебирая его, стал подтягивать лодку по одному ему известному фарватеру. То и дело ему и Тору приходилось перетаскивать плоскодонку через железобетонные рифы, перекрывшие обмелевшее по летнему времени русло. Вымокли оба основательно, а ночной ветер стал студеным.

Дальше пришлось лезть под жутковатые своды немногим, верно, известного подземного дока. Тут Мепистоппель уже не таясь врубил ручной прожектор. А Тор словно ожил среди этой ржавой Вселенной.

Он чутко вслушивался в сырую тьму, медленно, словно дегустируя, вдыхал ее. Он уверенно чувствовал себя здесь.

Порой, даже, короткими точными движениями направлял Мепистоппеля, не давая ему ступить в плохие места. Это было тенью его мира: Ржавая Пойма...

А для Адельберто она была страшным лесом заколдованных пещер и дьявольских ловушек. Лесом, населенным духами непонятного зла.

Колдунами и ведьмами. Чудищами... Впрочем, одно такое чудище он собирался сам призвать из бездны небытия — вот прямо сейчас...

— Так куда же везете меня? — спросила Энни беспечно высовывая руку из окна петляющего по переулкам Старого города Полюса и ловя в ладонь капли вновь начинающегося дождя. — Надеюсь не в карцер? И не к хирургу — для производства пластической операции?

Бог его ведает почему, эта немудрящая шутка сбила с Кима все желание сурово отчитывать легкомысленную журналистку подставившую себя и его под ствол пистолета и под приятную перспективу испариться в пламени плазменного заряда.

— Нет, хирургу я вас не отдам даже по приговору трибунала, — Ким скопился на тонкий профиль Энни. — Я всегда был против порчи предметов искусства. Вас явно рисовали с храмовых фресок — я такие видел на Желтых Лунах... А вот в карцер я бы вас запер с радостью — хоть на сутки можно бы было вздохнуть спокойно. Но ордера на ваш арест не даст сейчас даже Верховный прокурор. Никто не хочет ссориться с прессой.

Так что я везу вас просто на нашу явочную квартиру — там вам не будет одиноко: всегда есть дежурный...

— В много-много картофельных чипсов... — вздохнула Энни. ам никто не говорил, Агент, что вы не умеете делать комплименты? Но вы не огорчайтесь — у местных государственных мужей с этим делом еще хуже... Кстати о Желтых Лунах — вы уже второй раз о них поминаете — вы действительно долго были там? И, если не секрет — давно?

— Я там просидел в общей сложности пол-года. А дело было в период открытия нашего там Посольства...

Он кашлянул, подбодрив себя таким образом, и добавил:

— Что касается комплиментов — постараюсь исправиться. Нет времени учиться у мастеров — разезды, перелеты... А насчет фресок — это я серьезно — очень похоже...

Он глянул наружу и грустно улыбнулся дождю.

Вряд ли им с Энни отпущено много времени на то, чтобы отвешивать друг другу комплементы. Уже через несколько дней фотонные движки лайнеров дальнего следования унесут их в другие Миры — каждого в свой...

Я жертва своих дурацких мальчишеских амбиций, — подумал он. — Бойскаутских мечтаний... Вот и сбылась мечта идиота: и вместо того, чтобы бродить сейчас с удивительно понравившейся ему девушкой по таким колоритным закоулкам Старого Города, под тихо накрапывающим, еле заметным дождем середины ночи, вместо того, чтобы сидеть с ней в уютном кафе на Святошных Полях за беседой о тех же, скажем фресках с Желтых Лун, он везет ее на прокуренную, но хорошо, правда, охраняемую явочную квартиру и, кстати, рискует не довезти, если будет вот так отвлекаться на посторонние мысли.

— Значит когда вы там были, как раз и нашли Книги Шепперда? — проявила Энни живейший интерес к теме, к которой Киму не слишком хотелось бы обращаться. Это я их и нашел... — у него были все основания сказать так. По крайней мере — был одним из первых землян, читавшим их.

Но он только неопределенно пожал плечами.

Разное было связано с той находкой. В том числе и потерянные человеческие жизни. И Агент на Контракте не был уверен, что действительно сделал все возможное — тогда в странном человеческом муравейнике страннейшего из Миров Федерации, чтобы не случилось того, что случилось-таки.

— Да, это тогда и было, — согласился он. — Я их даже видел — эти книги...

— Я — тоже, — Энни зябко поежилась и подняла стекло в своем окне. — В Библиотеке Директората. — У меня тогда была сумасшедшая мысль — найти там, на Лунах кого-то из моих предков. Но это — глухой номер...

Она помолчала.

— И долго мне придется куковать в вашей конторе? В конце концов, вы намерены найти Торвальда Толле или занимаетесь только выяснением отношений с мафией и другими конкурентами?

Ким усмехнулся. Вопрос был по существу. Мягко выражаясь, по существу... Уйма народу пострадало. Уйма народу поставлена, что называется на уши, а толку — чуть. Известны похитители. Но больше — ничего.

— Я думаю, — бодрым тоном предположил он, что это — дело нескольких суток. Может быть — нескольких часов... Но, как видите, в дело вовлечены м-м... третьи силы. Та же мафия... Все это сильно мешает...

— Знаете, — с досадой взмахнула рукой Энни, — если бы ваш обожаемый Президент и его Спецакадемия не вздумали изображать из себя Святую Невинность и представлять дело так, что Толле прибыл сюда по своим личным делам...

— Президент, может быть и обожаемый, но не мой, — попытался было возразить Ким. — Я нахожусь в подчинении Федерального Управления Расследований...

Энни ограничилась только еще одним раздосадованным взмахом.

— Так вот, если бы они честно играли — в открытую — и признали бы, что существует программа разработки нового оружия и Толле в нее вовлечен, если бы его не тихой сапой везли на машине Департамента Туризма, а как и положено — посадили бы в бронированный членовоз и приделали сзади и спереди эскорт мотоциклистов, то...

— Боюсь, что и в этом случае до него бы добрались... — вздохнул Ким. Только это

были бы куда более серьезные люди... Или — так лучше скажем — куда более серьезные силы... Простите, но я просто не могу болтать лишнего на эти темы... Но постараюсь держать вас в курсе дела — насколько это возможно... Надеюсь, что вы не станете покидать э-э... охраняемое помещение... — он опасливо покосился на свою подопечную. — Или как-то иначе вмешиваться...

— Не стану я вам ничего обещать! — отрезала Энни.

— Мое право — объективноосвещать ход следствия... Я, конечно, не самоубийца, но если ваши обо мне, господа, заботы станут чересчур навязчивы...

— Я чувствую, вздохнул Ким, — что вам не терпится влипнуть в очередной инцидент, третий раз подставить нас всех под пули и третий раз спасти мою брэнную жизнь... Что поделаешь, Всевышний любит Троицу...

— Я — не католичка, Агент, и правило Троицы — мне не указ. Надеюсь, не доставлю вам лишних хлопот. Но, как говорится — будьте готовы. Вашу-то жизнь я — коли придется — спасу, но должен же кто-то, — тут она наконец улыбнулась, — позаботиться и о моей. У вас это здорово получается. Если что...

Эти слова вызвали у Кима вместо вспышки праведного гнева только ответную улыбку. В конце концов ему и самому приходилось вести себя так. И он тоже не любил давать обещания, которые не собирался исполнять.

— Вот мы и приехали, — он притормозил кар и аккуратно въехал под арку ворот, ведущих в глухой дворик неприметного корпуса старой стройки. — Простите, я дам радиосигнал и выйду первым...

Радиоподтверждение музыкальной фразой прозвучало в динамике его блока связи и Ким кивком пригласил Энни следовать за ним. В тесноватой клетушке лифта она грустно улыбнулась ему.

— Не расстраивайтесь, Агент, ваш Толле найдется.

У меня чутье на такие вещи. И комплименты вы говорить научитесь. Читайте дамские романы и не теряйте надежды...

В обыденно выглядевшей прихожей явочной квартиры их встретил рыжий и веснушчатый Иван Гостев. Он расплылся в открытой и на редкость наивной улыбке, увидев, что определяемая на охранение от супостата персона оказалась не стервозной ведьмой, как того следовало бы ожидать исходя из известной ему предыстории вопроса, а похожей на школьницу тоненькой девочкой с глазами темными и быстрыми как озорные тараканы.

— Вам будет удобно здесь... — дежурный двинулся в просторный коридор, машинально стараясь прикрыть широкой спиной оплошно оставленную отворенной дверь в соседнюю комнату, где над спецаппаратурой корпели двое дежурных.

Те были тоже не лишены чувства любопытства и Ким громким покашливанием не дал бородатому Лоренцу свернуть себе шею, при попытке рассмотреть гостей, не покидая рабочего места. Энни всем своим видом показывая, что ей абсолютно безразличны секреты гостеприимных хозяев, проследовала в снабженную достойной сейфа дверью комнату для гостей.

— Вы знаете, мне уже скоро сутки, как не удается поесть по человечески... — посетовала она, окидывая взглядом помещение, дизайн которого отражал не столько художественные вкусы работников Следственного Управления, сколько его бюджет.

Решительно подошла к Ти-Ви и включила Поток новостей.

— С едой — нет проблем! — обрадованно заверил гостю Иван и убыл за провиантом.

— Ну, позвольте мне оставить вас в распоряжении э-э... — Ким поклонился и двинулся к выходу.

— Будьте поосторожнее, Агент, — окликнула его Энни. — А то кто же будет дежать меня в курсе?...

Они улыбнулись друг другу.

Чуть зардевшийся Иван внес и поставил на стол термос с растворимым кофе, местным суррогатом, разумеется, и еду — чипсы и пирожки с курятиной.

Карл Васин звался Фотографом по той простой причине, что фотографом — специалистом по всем видам регистрации изображений — он и был на самом деле. Карл числился среди специалистов высокой квалификации, и к его услугам прибегали не только редакции и издательства столицы, но и разного рода клиенты, для которых важно было запечатлеть на пленке или в памяти компьютера нечто более конфиденциальное, чем заурядное бракосочетание или первые шаги любимого первенца. Ну, например, интимную встречу председателя парламентского комитета со шлюхой. Или стукача из высоких кругов церковного клира с комиссаром ГБ. Кроме того, Карл ходил в известных экспертах по распознаванию и изготовлению высокого качества фотомонтажей и других компрометирующих материалов. Известность эта носила, впрочем, весьма специфический характер — его ателье на Святошных полях не вызывало у непосвященных излишнего интереса. Несмотря на это, Тони Пайпер предпочел явиться туда не с парадного входа. Предварительно подбодрив себя парой стаканчиков спиртного в баре Тоффлера.

Заднюю дверь ателье Фотограф открыл ему со слегка перекошенной физиономией. «Дела плохи — молчи!» — говорила эта физиономия всем своим видом.

Счастливчик, несмотря на действие паров виски, отлично его понял и тут же завел бодягу о том, что хотел бы присмотреть себе камеру что подешевле, но...

— Вот — посмотри каталог... — с этими словами Карл уселся за свой стол, набросал несколько слов на листке бумаги и перекинул его на колени усевшегося напротив Тони.

«Уматывай! — было написано там. — Возьми такси и жди меня у Старого Дурня!»

Тони пошуршал для порядка каталогом и со словами мура одна у вас тут, в каталоге вашем... покинул место действия.

Фотограф запер дверь, прошел через ателье в оффис и, кивнув киберсекретарю: сегодня меня не будет, вышел на Святошные.

Нервно дернул щекой — сегодня меня не будет... — нашел, дурак, формулировку...

Поймал такси-автомат, попетлял немного по залитому тьмой городу, пересел в другую машину и с ее блока связи вызвал номер, которым пользовался редко, очень редко — в таких вот случаях, как этот. И в записной книжке этого номера не держал.

— Мириам, — перебил он приветственный возглас, — у меня к тебе просьба...

— Иначе ты бы про меня и не вспомнил, — вздохнула женщина на том конце канала связи... — Что в этот раз?

— Как всегда... — Карл нервно провел рукой по лицу. — Как всегда: звони ко мне домой каждые полчаса. Начиная... — он сверился с часами. — Начиная с четырех. Если я не отвечу или отвечу, но не скажу тех слов — помнишь...

— Все ОК — действительно, а не все, действительно, ОК, — процитировала Мириам.

— Правильно, умница... Если ты этого не услышишь, или даже... Если тебе покажется что-то... То, значит, у меня — плохие гости. Ты знаешь, что тогда делать.

— Знаю... — вздохнула Мириам. — Тебя убьют когда-нибудь, Карл. И мне тебя будет жаль.

— Знаю, — ответил Фотограф.

Ждать Фотографа у памятника Первому Президенту, наматывая все новые и новые шпуки на счетчике такси-автомата Тони пришлось недолго: Карл вынырнул из другого таксомотора, подрулившего к соседнему перекрестку, и после короткой полу-пробежки через слабо освещенный переулок, нырнул в кабину такси Тони, нервно дернул щекой и спросил:

— Гонсало Гопник... Знаешь такого? Он у меня был за час до тебя. Ты — по тому же делу?

Счастливчик кивнул, хотя и не был до конца уверен, что уж совсем по тому же. Фотограф нервно, наугад, набрал на панели управления маршрут и включил максимальное затемнение окон салона.

— Камера хранения Терминала, — коротко сказал он. — Ячейка пятьсот двадцать. Код — шестьдесят шесть, восемьдесят, девятьсот. Семь цифр. Повторить?

— Шестьдесят шесть, восемьдесят, девятьсот, — повторил Тони. — Ну?

— Правильно, — вздохнул Фотограф. — В ячейке — папка, в папке — два пакета. В каждом — карта с координатами какой-то блуждающей норы и инструкции по тому, как там быть с охранной системой. Это — все, что Мепистоппель просил вам двоим передать. Это — во первых. Во-вторых, Гопник забирает свой пакет, ты — свой. И делай это поскорее. Похоже — мы все под колпаком. Люди Магира меня обложили. Уже побеседовали пару раз — очень убедительно. Если станут спрашивать, о чем я говорил с тобой, я им скажу. Потяну время, но в конце-концов — скажу. Так что: постарайся поскорее управиться с картой этой.

— Спасибо, — сказал Тони и остановил кар. — Я пересяду, а ты уж давай, постарайся — потяни время как следует... За те денежки, что мы тебе отстегнули, можно и постараться...

Самым нелегким, что пришлось сделать Харру теперь, это стянуть к гнилым железобетонным заводям свою, рассеившуюся по городу ораву и разогнать хотя бы наиболее понятливых по периметру предполагаемого местоположения Подопечного.

Крашенный и Рваное Ухо активно путались под ногами и увязались за ним, когда он наконец смог отправиться туда, откуда — все слабее — доносился до него зов, и Харр просто оставил мысль о том, чтобы отделаться от них.

Сначала Харр не понял, что именно остановило его. Но, тем не менее — остановился и резко свернул в укрытие — за чернеющую неподалеку стенку декоративного кустарника. Но еще не успев скрыться за ней, уже понял: дело не в какой-то опасности, которую засекло его подсознание, нет... Он только что пробежал мимо ЗНАКА.

Снова — знак!

Но знак очень странный — словно его раскладывал ребенок. На этот раз знаком не была расстановка предметов в комнате — это всего-то и было несколько помеченных веток и камней на, черт, влажной после дождей земле. Харр нервно обнюхал камни. Откуда здесь неумелый детеныш? Или... Воспоминание о чем то уже погрузившимся в призрачные

глубины памяти юркой мышью скользнуло где-то по краю светлого поля его сознания, но там и задержалось, не попав в центр. Хотя это и был знак для него или, точнее, для него и Подопечного (для кого же еще в этом мире?), что-то очень важное, связанное со странными малышами, которые зывали к его помощи, заставило его ограничиться тем, что он переложил несколько веточек так, чтобы и дураку было ясно, что послание принято, и помчался дальше.

И интуиция не подвела его.

В странном месте нашел он последнего из фосфоресцирующих пушистиков: в темном подземном проходе, что вел в пропитанное страхом, болью и смертью подземелье, подземелье, в котором совсем недавно умирали люди, а еще это подземелье и странный дом, в который выходило оно, пахли тем — вторым человеком, что был с Подопечным в том подвале со знаками, где его чуть не сцапала орава вооруженных дурней. Видно этот — второй — много лет провел в этом доме, сам стал частью его. Если бы Харр потратил на это побольше времени, то мог бы многое поразузнать об этом человеке. Но Подопечным этот дом не пах — он никогда не появлялся тут. И главным сейчас были эти странные крохи. Их появление здесь, в совершенно чуждом для них Мире, было как-то связано с судьбой Подопечного. Сначала надо было свести вместе и накормить эти шесть странных созданий, а потом все они — и крохи, и Тор Толле, и то чуждое и злое, что таилось в черных глубинах ночного каменного лабиринта — должны были сойтись вместе. И — как можно скорее.

— Боюсь, что мы порядком опаздываем, — Роше энергично надвинул шляпу о самые уши и тревожно засопел своей носогрежкой. — На Северный полюс вы отвозили что-ли мадам? Тут события пошли вдруг непредвиденным ходом... Я, знаете ли, послал Каспера присмотреть там — на Фернанделя-десять... Это — где живет Фотограф. Карл Васин. Ну чтобы он там и от нас приладил жучка и, вообще, проконтролировал ситуацию на случай, если Густавссон пожалует туда, — он смолк и, сипя трубкой, уставился на пролетающую за окнами кара тьму.

Редкие огоньки тянущегося вдоль шоссе пригорода чуть подсвечивали ее. Зарево городского центра маячило еще далеко впереди.

— Я уже говорил вам, что передал Перу, на его пейджер, предупреждение на этот счет... Но ответа не было, — огорченно напомнил Ким.

— Вот именно, поэтому я и решил подстраховаться, — пожал плечами Роше. — Но тут вышла накладка. Пока Коротышка проводил, как говорится, рекогносцировку и страховался на предмет хвостов, к Васину в открытую заявили гости. Двое. И до сих пор находятся у него... Каспер выжидает. Прослушивает его канал связи... За это время Фотографу звонили дважды: какая-то женщина и еще один неизвестный — предупредил, что зайдет... Оба раза Васин брал трубку и разговаривал... Но Касперу что-то не понравилось как он говорил... И потом — тот неизвестный, что назначил встречу...

У Коротышки на ноутбуке есть фонограмма голоса Густавссона и он, конечно, провел сравнение — есть сходство...

— Когда он должен подойти туда? — тревожно спросил Ким.

— Рисуем опоздать... — Роше выразительно посмотрел на часы. — Каспер нас, конечно, подстрахует, если что, но...

Трель вызова прервала его. Некоторое время комиссар, придерживая наушник вздернутым плечом и неприязненно морщась, выслушивал нечто, что допекло его

окончательно, затем с клавиатуры отбил ответ и, нервно придавив отбой, сообщил попутчикам:

— С Козырной только что сообщили, что какая-то баба вызвала полицию на Фернанделя — десять. По ее мнению, в квартиру Карла Васина вломились убийцы. Я сообщил, что мы будем там через минуту. Они пришлют свой наряд и амбуланс... А пока там один только Каспер. Merde!

Каспер действительно был один, и прибытию припозднившегося подкрепления был несказанно рад. Кар Роше он встретил на углу Рю-Фернандель и Хольцштрассе и бросился к нему, чуть не угодив под колеса.

— Он уже здесь — этот ваш швед! — срывающимся голосом сообщил он, втискиваясь в салон. — Подъехал на такси минут пять назад. Я как остолоп ору ему по эфиру, что он прется прямо в засаду, а он и ухом не повел — дунул напрямиком к подъезду. Но прошел мимо и свернул в следующий. Только что. Никого не вызывал по внутреннему коммутатору. Замок сам открыл, что называется, только так.

— Иди за ним! Быстро! — Роше решительно отворил дверцу кара и стал выбираться наружу, попутно перекладывая свою пушку из наплечной кобуры в карман плаща. — А мы, пожалуй, проведем Фотографа напрямую...

Ким чуть опередил его и сунул в щель электронного замка электронную карточку-отмычку. Филдинг и Старинов тактично пропустили шефа вперед, помедлив у входа в подъезд. Лифт тревожить не стали — двинулись цепочкой по лестнице.

— По-моему, там шумно — заметил Филдинг, прислушиваясь к доносившимся откуда-то сверху звукам.

— Вы топчете, как стадо слонов! — раздраженно буркнул Роше и жестом придержал всю компанию на середине лестничного марша. — Тише! Как можно тише!

Блок связи в его кармане тут же залился звонкой трелью.

Вот так же, примерно, я погорел на Харуре, — тоскливо подумал Ким. — В той истории с заколдованными пуговицами.

— Слушаю... — просипел в микрофон комиссар.

Потом поднял глаза на спутников и, уже не понижая голоса, сообщил:

— Господин Густавссон просит нас побыстрее прибыть на Фернанделя — десять... И лучше, если с нами будет скорая...

— Мы уже здесь! — с досадой рявкнул он в трубку. — Вы можете отпереть дверь?

Фотограф — Карл Васин — лежал на диване, уставившись неподвижным взглядом в потолок. Он честно потянул время. На полу — чуть поодаль — валялись несколько пустых разовых шприц-ампул и обрывки клеящей ленты, которой еще несколько минут назад Фотограф был связан. На стуле, в изголовье, лежала похожая на пульт дистанционного управления коробочка — электрошокер. Отдельно — в углу, неопрятной кучей тряпья, привалившейся к стене, сидел один из тех, кто Фотографа связывал и потом баловался шприцами и электричеством.

Особых признаков жизни он не подавал, но наручниками был уже отоварен. Балконная дверь была вышиблена напрочь. В остальном, в квартире царил похвальный для жилища одинокого холостяка порядок.

— Я сюда прошел по аварийной лестнице, — пояснил Пер Киму. — Вот так, как сейчас

делает ваш сотрудник... — он кивнул на появившегося на балконе Каспера. — Когда я заглянул снаружи в окна и понял, что здесь происходит, то вынужден был действовать... быстро. К сожалению один гость ушел...

Комиссар наклонился над неподвижным бандитом.

— Это Султан, — определил он. — Человек Магира. В розыске по мокрым делам. Очень непростой тип. Но показания даст как миленький: Госбезопасность Харура его очень желает видеть... А он ее — как вы понимаете — не очень. Там высшая мера не заменена. И о методах допросов ходят легенды... Так что с ним будет легко работать. Не скажу что приятно, но — легко.

Он повернулся к Перу.

— Это на Чуре вас научили этак лихо драться?

— К вашему сведению — это тот самый Тор тренировал меня, — косо усмехнулся Густавссон. — Так — забавы ради...

Роше откашлялся.

— Похвально, — констатировал он. — Похвально, что вы не прибегли к этим своим умениям тогда... при аресте. И потом — в местах э-э... дальнейшего пребывания...

— Аккуратно вы его приложили, — с пониманием заметил Старинов, — Он, по-моему, очухался... Кончай разыгрывать отключку, — он резко тряхнул бандита за плечо. — Это не в твоих интересах...

Поименованный Султаном тип ойкнул, застонал и приоткрыл глаза. Взгляд его был мутен.

— К сожалению, инвалидность я ему, кажется, все-таки обеспечил... — пожал плечами Пер. — А вот Фотограф... Фиксатор я ему, конечно, ввел, но что они ему кололи до этого...

Роше носком ботинка пошевелил шприцы, разбросанные по полу.

— Пентатал... Старый как мир пентатал натрия... Интересно, почему это они вдруг решили допросить его? Сначала поджентльменски предупредили о вашем, господин Густавссон, возможном визите, жучками культурно обложили, а потом вдруг — так вот резко... Что-то случилось за это время, а, Султан? Я бы на твоём месте не играл в молчанку. У тебя еще есть шансы уклониться от вышки. От выдачи органам Харура, я хотел сказать. Если, конечно, желаешь бескорыстно помочь следствию...

— Желаю! — Султан выплюнул на ковер выбитый зуб.

— Если вы, комиссар, по-умному протокол заделаете...

— Султан, мы будем торговаться, или мы будем говорить? — жестко спросил Старинов и аккуратно взял со стула шокер. Просто так. Повертел машинку в руках и положил на место.

Султан нервно облизнулся.

— Магир приказал, чтобы... — торопливо путая и глотая слова, начал колотиться он, — чтобы, ну срочно выяснить... Ну тип, оказывается, встречался со Счастливым... С Тони Пайпером... В смысле — Фотограф... В городе. Пару часов назад. Латыш видел... Он был за ним пошел — за Счастливым... Но у того на хвосте кадры от Кобры сидели... В смысле — люди Саррота... И они Латыша отшили... Глаз ему еще попортили... И Магир велел...

— Магир велел, — определил Старинов. — Ты сделал...

— Я... Как Бог свят — я не!.. Это Меченый допрашивал! Я — на стреме только...

Неподвижный до этого Пер быстро, без размаха двинул Султана в челюсть.

— Я видел: как ты был на стреме... — подчеркнуто спокойно объяснил он.

Роше повернулся к нему, но ограничился осуждающим взглядом.

Потом поторопил Султана:

— Ну и что же вы дознались от Фотографа?

— Я не... — тут Султан выплюнул второй зуб и опасно зыркнул на Пера. — Одним шловом — Нора...

Фотографу Фюнф координаты швоей Норы ошгавил... Фотограф шказал — блуждающей: какой-то норы... Где он Гостя прячет...

— Merde!!! — Роше поперхнулся своей трубкой. — Где это?! Говори!

— Н-на Терми-ми-н-нале... — в дополнение к благоприобретенной шепелявости, речь Султана обогатилась нервической икотой.

Закладывать боссов — дело нелегкое.

— Т-там — в камере х-хранения...

— Они что — Гостя прячут в камере хранения? — уточнил Каспер.

— И-идиот он у вас, комишшар... — преодолел очередной приступ икоты Султан. — Там, в яшейке пятьшот двадцать, под шифром... Ш-шерт, не помню... Все равно, Щ-щастливчик оттуда уже вше ушшел жабрать... Там должна была быть папка, а в ней — карта, схемы, пароли... Все равно, Щ-щастливчик уже вше жабрал... А у него на хвоште — люди Шаррота...

— Джон, — повернулся Роше к своему помощнику. — Заканчивайте здесь. Этого — врачам, того — на Козырную. Потом присоединяйтесь к основной группе. Эй, Сэм, — окликнул он Филдинга. Спускайтесь с ним, — он кивнул на Густавссона, — к машине. Мы с агентом сейчас тронемся в город.

Он поднял глаза на Кима и вздохнул.

— Проверим Терминал, — пожал тот плечами. — Хотя это, конечно — дохлый номер...

— Зачем вы везете меня туда? — спросил Рамон того, кто сидел справа от него.

Теперь это был вовсе не верный советник Конрад. Он был как-то непривычно угловат и матово бледен — этот его спутник. Также, как и другие трое, сидевшие в салоне. И тот, что был за рулем.

— Достаточно того, что мои люди будут там. Их больше дюжины в двух машинах...

— Надо ускорить события, — как-то неточно подбирая слова и интонацию, ответил странный спутник. — Твои люди слишком часто проваливают дело. Надо, чтобы ты поработал сам.

И мы будем работать сами... Теперь мы точно знаем, где хотят спрятать Гостя...

— Откуда вы знаете это, если даже я?... — начал Рамон.

— Он стал... разговаривать со своим Псом... — все так же косноязычно стал объяснять его спутник.

— Так они нашли друг друга?

— Нет... Они разговаривают... издалека... Так, как они это делают там, на Чуре... Мы... мы хорошо знаем это — как они это делают... Умеем прочитать... Они отправляются в такое место, где мы очень легко получим Гостя себе. Это — очень большое совпадение...

— Совпадения — очень опасная вещь... — вздохнул Рамон.

Теперь они были вместе — все шесть комков голубого, фосфоресцирующего меха — если странную субстанцию, из которой Бог или Дьявол сотворили эти существа, можно было

назвать мехом. Скорее, это было что-то из разряда гибридов между нежнейшей молодой плесенью и волокнистыми лучами света гнилушек в тумане. И все это в сочетании с огромными — тоже слегка светящимися — глазами, пронзительными и совершенно чуждыми всему земному. Харру стало не по себе. И не даром.

С ними что-то явно происходило — с этими малышами — с того самого момента, как они оказались вместе. Тихое пощечивание, которое испускал то один, то другой из них, пока Харр стаскивал их по-одиночке в этот теплый и сравнительно чистый подвал, стало странным пульсирующим хором, зазвучавшим в такт с каким-то внутренним ритмом, который индуцировало в сознании Харра их общее сознание. И из неразумных, полуголодных крох они вдруг перевоплотились в сонм странных демонов — древних и мудрых, дьявольски целеустремленных...

Харра вовсе не удивило, когда все они, словно зачаровывая друг друга, завели по темному подземелью жутковатый призрачный хоровод, а затем, словно подхваченные незримым потоком неведомого какого-то ветра, торопливой, мерцающей вереницей унеслись во тьму. Он и сам устремился за этой стайкой призраков... Впервые за много-много лет он ощутил себя чем-то невероятно тяжелым и неуклюжим. Впервые он ощущал потребность подчиниться чему-то, кроме Закона Стаи... И только когда мерцающая вереница пошла выписывать в темных буераках круг за кругом, он понял, зачем он здесь. Демоны призрачного света хотели, чтобы он повел их, защитил в пути...

— Там — у Фотографа — я не имел возможности представить вас друг другу... — извиняющимся тоном начал Ким, занимая место за рулем. — Но, кажется, в этом уже нет необходимости...

— Так это и есть тот самый страшно секретный тип, из-за которого вы поцапались с майором Свирским? — констатировал Роше, с некоторым неодобрением разглядывая Пера.

Потом выпустил в пространство едкий клуб дыма, снова воткнул трубку под усы и полез в кар.

— Доктор Пер Густавссон — будьте знакомы, — Ким приоткрыл дверцу кара, помогая Перу занять место рядом с комиссаром.

Сам сел за руль. Тронул кар и неторопливо повел машину по Бульварному кольцу.

Роше представился, приподняв шляпу и умудрившись не вынимать трубку изо рта. Подумав, шляпу он не стал возвращать на голову, а пристроил у заднего стекла.

— Как я понимаю, у вас есть что-то новое, господа? — сразу перешел к делу Пер. — Кроме того, что... имело место быть?

— Во-первых, что нового у вас? — осведомился Ким.

— Я оставляю знаки. И ищу их...

Пер потер лоб.

— Пока — как я понимаю — безрезультатно, — мрачно предположил Роше. — Это все, что вы делаете?

— Не совсем... — Пер пожал плечами. — Один из оставленных мной знаков был считан. Как я понимаю, Псом... Но ответа на вызов я не получил... К сожалению, почти утратил способность воспринимать подпороговый звук — на аккордах и гармониках... Но кое-что улавливаю. И нет подходящих генераторов...

— Вот один, похоже, есть, — комиссар разжал перед ним ладонь, на которой блеснул подарок Клавдии Шпак — странный, тяжелого металла, свисток.

Пер удивленно поднял бровь, потом быстро взял хитрую шуковинку и повертел перед глазами.

— Надо же... — пробормотал он. — Настоящий Свисток Подопечного. На Чуре — предмет почти священный. Такие там вручают при посвящении — когда у человека появляется собственный Пес... Откуда у вас это?

— Не обижайтесь на доктора Шпак... — вздохнул Роше. — Вы сегодня свалились на нее как снег на голову...

Она не могла так уж сильно доверять вам — принимая во внимание историю вопроса.

Густавссон понимающе пожал плечами. Подкинул свисток на ладони.

— Вы позволите попробовать вещь?

— Затем я ее и прихватил сюда, — теперь плечами пожал комиссар. — Вам с ней работать... Боюсь, что это слишком далекий потомок браконьерских свистков древности. Краткий инструктаж мадам Клавдии мне не слишком-то помог... У вас, во всяком случае, получится лучше...

Пер поднес свисток к губам. Киму и Роше показалось на мгновение, что в уши им настойчиво втыкают нечто гибкое и эластичное, словно пальцы привидения.

— Работает, — констатировал Пер, рассматривая вещицу. — Здесь нанесено имя... Господи, так это маленькая Джил и ее Пес были на Прерии? Мадам Клавдия даже не знает, наверное, какую честь ей оказала Гостья... Спасибо господу, что доверили мне эту... вещь. С ней наши шансы основательно выросли...

— Это неплохо, — констатировал Ким. — Только это еще не все, зачем мы вышли на контакт. Посмотрите еще вот эти снимки. У вас в памяти не сохранилось ни одно из этих лиц?

Пер внимательно разглядывал снимок за снимком.

— Ну эти-то трое — мои непосредственные руководители. В прошлом, естественно. В фирме, где я работал перед тем, как... А это, посторонний... Почему он попал в вашу м-м... коллекцию?

— Вы знаете этого человека? — вопросом на вопрос, словно дело происходило в древней Одессе ответил Ким.

— Что у вас с ним могло быть общего?

Фото Адельберто он сунул в эту пачку только для порядка — чтобы в ней числились все возможные фигуранты по делу.

— И этого — тоже знаете? — он протянул Перу фото Энтони Пайпера. — И этого? — он вытянул из пачки портрет Гонсало.

— Нет... Этих двоих я не помню... Совершенно не помню... А с господином Фюнфом... Я имел с ним дела сугубо м-м... приватные.

И не хотел бы впутывать его...

— Это один из подозреваемых по нашему делу... — уточнил Ким.

Знакомство Пера с Мепистоппелем было большим для него сюрпризом, но форсировать это неожиданно возникшее направление дела он не стал. Пер, между тем, снова сосредоточенно перебирал голограммы.

Он отложил в сторону несколько новых снимков и еще раз стал перекладывать их.

— Эти лица говорят мне что-то. Я определенно имел дело вот с этими двумя... И эти двое — тоже... Не могу только вспомнить, в какой связи я помню их... Напомните мне — в какой связи я должен их помнить?... Вы же знаете — перед арестом мне ввели... или я сам

себе ввел...

— Да, конечно, — вздохнул Ким. — Мэвори эрайзер Тьерри.

У вас его действие будет сходить на нет еще несколько лет... Пока не важно, кто именно эти м-м... люди. Вам все равно не удастся восстановить память сейчас. Но вы уже сильно упростили дело... Пролили на него новый свет... А теперь это... Это снимки мест, где предположительно мог находиться Толле... Вы понимаете, зачем я вам это показываю? Помните то, что вы мне говорили про язык следов?

Но Перу не требовалось этого напоминания. Как замороженный он смотрел на один из снимков, осторожно поворачивая картинку, чтобы разглядеть изображение под разными углами. Ким молча протянул ему спецочки, чтобы тот мог получше рассмотреть детали.

Пер надел их, снял и быстро повернулся к Киму.

— Черт возьми! С этого надо было начинать!..

— Этот снимок сделан... — начал Ким.

— Собственно, неважно, где он сделан... — в голосе Пера ясно означилась досада. Здесь — практически открытый текст! Поворачивайте к Старому Порту... Господи... Адельберто и укрытие на реке... Район Старого Порты... Это же надо...

Ким задумчиво поглядел на него и стал аккуратно разворачивать кар. Роше достал блок связи. Пер понимающе кивнул.

— Да, господин комиссар, вы правильно сделаете, если вызовете подкрепление. Только действуйте очень осторожно.

Роше коротко распорядился в эфир.

— Речь может идти только об одном убежище... — стал взволнованно объяснять Пер. — О том, в котором я скрывался перед арестом... Это — несколько подземных цехов предприятия Семь портов... Окончательная сборка изделий, испытательные стенды... О назначении многих устройств я не имел никакого представления. И сейчас не имею... О них знали только посвященные... Когда было арестовано руководство филиала, немногих специалистов, что работали там, успели убрать с планеты... А я остался чем-то вроде зрителя. Фюнфа я нашел самостоятельно... Встретился с ним довольно случайно — когда искал покупателя на коллекцию всяческих достопримечательностей, которую привез с Чура... Готовился убыть с Прерии. Но не пришлось...

— Эту информацию мемори-эрайзер не стер? — живо поинтересовался Роше.

— Вы же знаете, это — процесс управляемый... — пожал плечами Пер. — Хотя и очень неприятный... Приняв препарат, сосредотачиваете свое внимание на том, что хотите вычеркнуть из сознания... Для этого необходима очень высокая степень самоконтроля... Можно изуродовать память. Лишить себя личности... Так что я старался не думать о лишнем... Об этих цехах — в частности... Так что они и сохранились в памяти. Просто на допросах не заходила речь о том, где я находился несколько недель до ареста. Просто подразумевалось, что эта часть памяти у меня стерта... Я и забыл про Адельберто... А ему, оказывается, пригодилось...

Пер вытащил из внутреннего кармана блокнот и с ожесточением принялся набрасывать кроки и схемы.

— Вот маршрут, которым с поверхности можно пройти в бункеры Семи портов... Если показать это на плане реки... Это — в Ржавой Пойме... Вот...

— Знакомое место... — задумчиво прокомментировал рисунок Роше. — У него дурная

слава... Чертова Лысина называется... Там в свое время пропало несколько человек...

— Это — работа защитных систем... — вздохнул Пер. — И бродячих собак...

— Господи, — пожал плечами Ким. — У вас пустошь в черте сколько квадратных километров вклинивается в город... И никто не удивлен...

— Ржавая Пойма — это развалины целой системы верфей портов и доков времен Изоляции... — объяснил комиссар. — Теперь они никому не нужны. Но чем сносить и переоборудовать все это, проще строить на новом месте. В Степи места много... Некоторое время они молчали, потом Роше откашлялся и заметил, что за то время, пока они доберутся до Порта, не грех ему — старой полицейской ищейке — порасспросить вас, человека, побывавшего в таком Мире... На Том Свете без малого... А то досье, да файлы — одно, а вот поговорить с вами тет-а-тет, вы уж извините, так и не удосужился...

— У меня секретов на этот счет не осталось... — Пер невесело усмехнулся. — О Чуре всегда есть что порассказать. Что вас интересует, комиссар?

— Начните с того, например, что объясните мне, как так получилось, что людей из Федерации на Чуре и всего-то побывало — раз-два и обчелся, а с Чура к нам, и вообще, не больше дюжины Гостей за десять лет...

Пер пожал плечами.

— История давняя и особо не рекламируемая, комиссар. Все это сложилось еще во время оно... Встретились посланцы Матери-Земли и ее блудные дети в открытую несколько натянуто. Земляне еще не окончательно расстались со своим традиционным подходом к проблеме колоний — не мытьем, так катаньем наложить на колонии, забывшие за время вольной жизни всякую благодарность и уважение к Метрополии привычную матрицу политико-экономических связей. Это значит: оставить туземцам герб, флаг и гимн — в соответствии с типовыми рекомендациями Комитета по Геральдике — разрешить сохранить парочку законов почуднее — для привлечения туристов — вроде обязанности для холостяков всенепременно — в селе ли оный селибатер живет или на сто пятом этаже городского билдинга — содержать в своем хозяйстве козу противного пола, предназначенную для их совместного участия в регулярных патриотических парадах, как на Террамото. А главное — понавтыкать в столице побольше филиалов заинтересованных фирм и министерств, да и жить так дальше, поживать, наживая праведное добро. Под охраной баз Федерального Экспедиционного Корпуса. Понятно, такая формула не годилась для Чура. Да и генералитету Экспедиционного Корпуса не улыбалась затея с усмирением довольно хорошо вооруженных и непредсказуемых колонистов где-то у Черта на куличках, на краю Обитаемого Космоса. А сами колонисты, если что и сохранили из заветов своих сгинувших предков, так это недоверие к Метрополии и традиции постоянной готовности к отражению вероятного нашествия. Именно поэтому оружейное колдовство на Чуре процветает. Это, впрочем, стало ясно далеко не сразу. И во многом, благодаря усилиям таких лиц, как Крюге и ваш покорный слуга.

— Тяжело вам там приходилось? — сочувственно спросил Роше.

— Я уже сказал, — пожал плечами Пер, — что большой симпатии к Матери-Земле колонисты Чура не испытывали. Также, впрочем, как и к собственным предкам, бросившим их в сожженном мире... Сама память о рухнувшем золотом веке была проклята. Но это — скажем — политика. Но и в чисто психологическом плане, мы — земляне — не слишком привлекательны для колонистов Чура. Подумайте сами: в сравнении с рядовыми обитателями этой планеты, мы — сущие дети, лишённые самых элементарных навыков

выживания и к тому же — чудовищно капризные и тупые. Я, впрочем, выбрал не совсем правильное сравнение: дети... Дети еще способны вызвать какую-то симпатию к себе. Землянин же в окружении жителей Чура смотрится куда хуже, чем штатский рохля, навязавшийся на шею взвода ВДВ в разгар проведения ответственной операции. Мягкотелые, переполненные жалостью к себе, капризные эгоисты-неумехи... Что, вам не понравился портрет? Ну — тут уж ничего не поделаешь: на это зеркало нам пенять не приходится. Сами виноваты, что наши брошенные дети выросли жестокими беспризорниками и смотрят на нас свысока и без всякого снисхождения и жалости. Так что, как вы можете понять, наши дипломатические миссии на Чуре еще терпят — волей-неволей — а вот личные, индивидуальные контакты с землянами, это — уж извините... Это — понятное дело — напрочь лишает все наши разведслужбы — кроме служб дистанционного наблюдения, да кабинетных аналитиков — каких бы то ни было возможностей всерьез развернуться в системе Чура. Всерьез представить себе члена Стаи, который стал бы работать на чужаков — задача просто невыполнимая... Даже наши чисто академические потуги — фольклорные, этнографические экспедиции и индивидуальные миссии колонисты встретили враждебно. Впрочем, тут и наша собственная вина: вокруг Цивилизации Чур возвели такой барьер секретности, да и просто — дезинформации, что широкая научная общественность Федерации и сам Чур, и всю с ним связанную тематику обходит за три версты. Типичная, между прочим, картина: специалисты считают, что делом занимаются компетентные органы, а компетентные органы единственное чем и заняты, так это тем, что длинной хворостиной отгоняют от своей территории всех тех, кто хоть что-то может и хочет узнать о сути дела. Это пошло еще с двадцатого века — синдром НЛО называется... Поэтому даже такие простые вещи, как общая численность колонистов, продолжительность их жизни, соотношение полов среди них, возрастной состав колонии, обеспеченность пищей, энергией — все это долгое время земляне знали только приблизительно, по расчетам и экстраполяциям. А уж такие тонкости, как роль Псов и достижения оружейного колдовства, народной медицины на Чуре — это была заповедная область легенд и апокрифов. Наши архивы нас больше дезинформировали обо всем этом, чем позволяли умозаключить что-либо путное.

— Я это заметил, хотя Чуром много не занимался, — заметил Ким. — Послушайте, я той дорогой еду?

Роше поднял к глазам сложенные рогоулькой очки и направил строгий взгляд за ветровое стекло.

— Той, той... — успокоил его Пер. — Я, оказывается, все еще хорошо помню эту часть города...

— Но, все-таки... — Роше с сопением повернулся к нему... — Неужели предки так вот все развалили, что на Чуре на землян так до сих пор глядеть не могут?

Пер хмыкнул.

— Если что и сближало землян и жителей Чура, кроме их общей биологической природы — так это та призрачная, на краю Обтаемого Космоса еле заметно шевелящаяся опасность, которую в сложившемся жаргоне ксенобиологов окрестили Нелюдь. Понятие весьма относительное: Предтечи — тоже не были людьми, и Древние Империи — тоже не людьми были населены... Но термин Нелюдь закрепился только за тем, что мы встретили в области Космоса, простирающейся дальше, по направлению к центру Галактики, от системы Чур... Собственно, колонисты Чура и были первыми, кто это встретил... И первые — очень

редкие — чисто человеческие контакты людей и колонистов и наметились во время совместных операций, проводившихся для сбора информации об этой, потенциально враждебной форме жизни. Тогда это было принято определять именно так: одна из потенциально опасных форм жизни — хотя все уже понимали, что определение это хромает... Вы должны помнить — программа Клеймо, программа Лесной пожар, программа Болотные огни... Я во всех них участвовал. Кроме Болотных огней, конечно: все, кто в ней непосредственно работал, погибли... Но я близко знал Метцнера и встречался с ним после того: как он вернулся на Океанию — после всего этого... До самого того дня, когда он... И Кладникова — тоже знал, и тоже говорил с ним о тех делах... И еще — я очень много общался с колонистами Чура. Они — несмотря на малочисленность — были ударной силой во всех тех затеях. И среди прочего, мы спасли одного Пса. Я и Крюге... Имя его — Пса этого — приблизительно, было Анорр... Он был Псом одного из участников работ по Клейму со стороны Чура — далеко не самого важного... Но, думаю, именно поэтому мы получили в свое время предложение работать непосредственно на Чуре. Сначала пригласили Крюге, потом — меня... Это была не просто м-м... благодарность с их стороны — сентиментальность в отношении людей Земли колонистам не свойственна. Я не даром помянул про свою близость с Метцнером и Кладниковым — колонистам про это было что-то известно... И они хотели как можно больше из этого использовать. Вытянуть из меня. Не напрямую, конечно — они очень чуткий народ и ничего не делают этак вот — прямо в лоб. Знаете, когда с человеком работаешь рука об руку, можно многое понять из того, что ему известно. Даже если не удастся его раскрутить в привычном смысле этого слова... Я не случайно так выразился — не узнать, а понять... Думаю, они достаточно много поняли из того, что им нужно было. Но, думаю также, что и я многое понял в них.

И того, что хотел понять, и того, чего не хотел. И главное — то, что Чур — это уже не просто отломившийся кусочек земной цивилизации. Тогда в ходу было выражение — склеить осколки Империи можно: но кому нужна склеенная чашка?. Кусочек, осколок еще: действительно, можно приклеить к тому, от чего он откололся, но Чур уже перестал таким кусочком быть. Претерпел изменение.

Стал Цивилизацией Стай.

Это, действительно, очень тяжело было — жить на Чуре. И не потому, что приходилось вести образ жизни, мягко говоря, спартанский. И даже не потому, что все — абсолютно все без исключения — там превосходили тебя во всех жизненных навыках и умениях и не стеснялись смотреть на тебя сверху вниз — к этому я привык еще по работе в Клейме. Нет. Тяжело было смириться с их моралью. С моралью полного и абсолютного коллективизма — когда человек существует только как составная часть своей Стаи, как ее инструмент и — не более. Когда понятие личная жизнь понимается, ну, как медицинский термин — что-то вроде состояние организма и никак иначе. Когда у тебя нет и не может быть секретов: а значит — нет и не может быть и того, что у нас называется словами стыд или, скажем, святое... И только когда я понял, наконец, что имею дело уже не с людьми, мне стало легко.

Но это — очень тяжелое знание.

Я составил тогда доклад — Симбиотический характер цивилизации системы Чур. Разумеется — секретный доклад. Мы вместе писали его с Крюге. И мы много спорили с ним. Проводили целые вечера, споря до хрипоты. Разрабатывали программы различных испытаний для наших хозяев, для того, чтобы решить, кто же из нас двоих прав. Выдумывали тесты. Если можно так выразиться, ставили на них опыты. Часто — довольно жестокие, если

вдуматься.

Но у нас было оправдание: нами двигала великая цель — мы изучали первый реальный случай перерождения человека в нечто иное! В нечто — что могло быть смертельно опасным. А могло и не быть... Нужно было сделать все возможное, чтобы понять смысл этого перерождения. Предупредить Человечество.

Врубить колокола громкого боя... Я был достаточно наивен, чтобы остаться верным этой цели до конца.

А Крюге сломался. Уже в самом конце той эпопеи — когда доклад был уже готов и оставалось зашифровать его и закинуть в подпространственный канал, Ганс пришел ко мне, потеревил разложенные на стальной плите стола листки распечатки и сказал:

— Я не буду подписывать это...

— Он и сейчас много чудит — доцент Крюге... — с досадой заметил Роше. — Трудновато его понять...

Снова Пер хмыкнул.

— Я и не понял его тогда. Видит Бог, я сделал тогда все возможное, чтобы понять, но так и обломал себе все ногти, пытаясь вскарабкаться на эту стену... Ганс сам тогда не понимал, видно, своих мотивов. Такое бывает. Теперь, когда прошли годы, мне кажется, что я понял, что сломало его. Эмпирическая теория физических взаимодействий Толле. Возможность создания гравитационного оружия... А теперь, — он повернулся к Киму — чуть помедленнее... А лучше — остановите кар и дальше двинем пешком...

— Придется немного повременить... — попридержал его комиссар. — Вы сами говорили о том, что подкрепление нам не помешает. Бригада подтянется сюда на мой пеленг...

Ким молча достал из кармана плоскую коробочку.

— Скажите, Роше, тот приборчик — из тех, которым нас снабдило ведомство доктора Федина, с вами? — повернулся он к комиссару. Давайте сверим показания... И напомните своим людям, чтобы они не забыли прихватить эту потеху с собой...

Адельберто сделал знак Тору — остановиться. Тот, впрочем, и сам застыл настороженно, как-то предугадав этот сигнал.

Адельберто подозрительно покосился на подопечного, достал из глубокого кармана куртки старинный радиобиппер и, напряженно хмурия лоб и заслоня приборчик ладошкой, набрал состоящий из многих цифр код.

Не произошло ровным счетом ничего.

Время уходило, отмериваемое гулким звуком падающих где-то в темноте капель, и Тор начал с беспокойством поглядывать на своего Вергилия. Однако Адельберто олицетворял собой воплощение горделивой хитрости, торжествующей над уловками простаков, населяющих окружающий мир. Он недремлющим оком созерцал маслянисто поблескивающую поверхность озерца, расположившегося у его ног. Должно быть некое, вызванное им к жизни, событие все-таки непременно должно было последовать.

Только заставляло себя ждать...

— Ты уверен, Нос Коромыслом, что никто не найдет нас здесь?

Это ведь очень просто... — начал было Тор, но Мепистоппель одернул его.

— Черта с два! Черта с два нас найдут даже архангелы из Федерального Управления... Потому что то убежище, которое я подготовил на самый крайний случай, не из тех, что

дожидаются себе пока их найдут... Она хитрая — эта нора... Она умеет уходить от погони...

Тор хотел было сказать что-то, но тут события, наконец, получили свое развитие.

Воды разверзнутого перед ними скверно пахнущего подземного озера пришли в движение, забурлили, вскипели и извергли из себя нечто тускло поблескивающее и огромное. Нечто, что с еле слышным гулом стало из этих бурлящих вод расти и расти, норвя сокрушить низко нависшие над головами незваных пришельцев железобетонные своды...

— Ну как? — поинтересовался произведенным эффектом Мепистоппель.

— Рубка... — определил Тор... Субмарина... Откуда она здесь — на реке?

Адельберто гордо посмотрел на него.

— Эта потеха стоит здесь еще со времен Изоляции... Тогда Республики еще не объединялись... Наоборот — думали воевать. За полярные месторождения... Там — у полюсов — под ледяными шапками у нас целых два океана... А на дне — и полиметаллы и нефть здешняя и редкоземельные... В общем, было за что подраться. И активно строили подлодки. Для охраны и разработки всего этого... Здесь были сборочные верфи, а к океану их доставляли по рельсам и дирижаблями... Еще та была эпоха... Потом все это не пригодилось... Но несколько таких вот лодочек до сих пор рассованы по разным тайникам. Одни в деле, про другие — забыли... Однако, как видите — не все, не все позабыли... Кое-что приспособили для разных других дел. Вот как про эту вот... В старину была такая сверхсеретная контора типа шарашки — Семь островов. Про нее знал мало кто, но очень серьезная была лавочка. Атомные разработки и все такое... По заказам разных подозрительных организаций. Считается, что их — контору эту ликвидировали. Стерли в нуль. Была здесь закулисная заварушка с агентурой Харура в промышленности Республик — тому лет несколько... Может и так, но кое-чего осталось. И смотрите — система управления вполне живая еще... На совесть работали предки...

Он откашлялся — со значением.

— Ну, теперь — помогай...

Нырнув в темноту, Адельберто с грохотом и скрежетом принялся вытягивать на освещенный пяточок подземного причала ржавые сочленения складной лестницы. С помощью Тора он быстро преуспел в этом. Дюралевая многоножка, переброшенная на появившуюся из глубины узкую палубу субмарины, послужила трапом, по которому Адельберто уверенно устремился навстречу наполненному неслышным, утробным гулом монстру.

— Осторожнее... — окликнул его придерживающий конец лестницы от сползания в подземную хлябь Тор.

Но имел он ввиду не шаткую дюралевую конструкцию...

— Там... — понизив голос, предупредил он. — Там по-моему...

— Это автоматика работает... — досадливо отмахнулся от него Мепистоппель. — Один я знаю коды управления... В свое время кто-то немалые деньги за эту информацию отвалил... Но не я — мне это не стоило ни шуки! Даже подзаработал немного на этом деле. А теперь вот не могу найти на эти секреты покупателя... Хоть самому в плаванье отправляйся... Впрочем, оно и к лучшему получилось.

Он еще раз — с гордостью осмотрел монстра, вызванного им из небытия.

— Здорово, а?

Адельберто придержал свой конец лестницы и попытался подхватить за руку Тора, но тот благополучно преодолел недлинный путь над сурово поблескивающей в темноте узкого

провала водой.

Оказавшись на палубе, легким движением обнажил меч. Адельберто снова недовольно покосился на него. Потом молча стал взбираться к люку, расположенному сверху на рубке.

Повозился с запирающим устройством и откинул крышку. Из открывшегося провала пахло запахом нагретого металла, смазки, пластика. Надежным запахом боевой машины. Но и еще чем-то...

Адельберто нырнул в темноту, Тор, чуть помедлив, последовал за ним. Крышка люка — тоже слегка помедлив — с низким гулом стала задвигаться за ним.

— Так этот тип — Крюге — работал непосредственно с Тором? — поинтересовался Роше, поглядывая на часы и барабанил короткими пальцами по коробочке блока связи.

— Тут надо кое-что уточнить, — возразил Пер. — Это не Ганс, а я работал с Толле... И тем не менее, я не думал, что использовать его идеи можно будет где-нибудь в обозримом будущем.

Не хватило интуиции. А вот сам Толле был в этом уверен с самого начала. Тут дело в особенностях науки Чура. Если это можно называть наукой. Они все что могли прочли из того, что им оставили сгоревшие в прах отцы — и премудрости физики и секреты физики и тайны математики... Они постарались все это понять и как могли переварили в своих головах, брошенные дети Чура... Но в этих же головах бродили и дико перевернутые сказания Запретного Эпоса, и невероятные понятия Языка Псов и жуткая, искаженная логика всего мира постапокалипсиса... И черт знает какой коктейль образовался в этих головах!

— Продолжайте, Пер, — ободрил его Роше. — Неплохо узнать, наконец, с кем нам предстоит встретиться...

— Я уже сказал, — отозвался Густавссон, — что для выживших после термоядерной катастрофы поколений Чура характерна невероятно развитая интуиция. Так вот, сказать это — значит не сказать ничего! Лет сорок тому назад эти итальянцы — Кармоди и Реджиани — неплохо продемонстрировали всему миру чего можно добиться, растормозив скрытые сигнальные системы человеческого мозга. Так вот: это были только цветочки! Если Кармоди удалось, так сказать, сыграть на этом инструменте лишь пару тактов, то самый серый из колонистов Чура может исполнять на нем фуги и роковые композиции. Запросто! Мы вообще недооценивали богатство внутренней жизни этих людей. Воображаем, что она столь же бедна и аскетична, как их быт. А дело то обстоит наоборот! Это мы с нашей постоянной завязкой на средю, на внешние условия смешны им. Когда — в две тысячи сороковом, кажется, появилось доказательство невозможности построения единой теории поля, наши теоретики облегченно вздохнули и махнули рукой на эту тупиковую ветвь познания. На долгие годы. Занялись проблемами подпространственного перемещения и всем таким... А если разобраться, то Гартман и братья Измайловы всего-то и доказали тогда просто вариант теоремы Г деля: невозможность непротиворечивого описания множества всех известных физических взаимодействий на формализованном языке современной физики. Только и всего. Я в свое время сам с тупым самодовольством растолковывал это Тору — тогда, на мой взгляд, зеленому мальчишке. Он, впрочем, наверное, мало изменился.

Он к этому отнесся совершенно спокойно, Торвальд Толле — к невозможности объединить в одной физике гравитацию, электричество и ядерные силы! К тому, что завело в тупик Эйнштейна, и от чего Гартман ушел в монастырь, а Ватанабе застрелился! А вот Тор ни капли не расстроился. Не стал делать из этого трагедии. И потихоньку слепил себе

другую физику. Которая все это смогла. Это и многое другое. Правда, в ней — этой его физике, нельзя сформулировать понятие поля, и арифметика к ее объектам не всегда применима, но это уж — детали. Это ведь в нашем понимании Толле — крупнейший теоретик, а на Чуре он — Оружейник... И в его задачу входило не преодоление противоречий физических теорий, а создание надежного средства защиты от Нелюди.

Что, в общем-то, и было сделано.

Так вот — понять возможности, которые открывает подход Толле, я смог не сразу, а когда понял, я... Я написал донос на Ганса Крюге. Перед этим мы поспорили в последний раз. И, наконец, сформулировали свои позиции: Динамит стирал в порошок города, ядерное оружие — страны и континенты, — сказал мне Ганс тогда. — Антиматерия дала нам возможность сжигать планеты и взрывать звезды.

А то, что придумал Тор будет уничтожать миры. Это — то знание, которое человечеству не нужно и не будет нужно никогда. Может быть среди многих возможных Вселенных лишь наша обрела реальность, что в ней разуму не дано уничтожить себя... А то, что придумал он — это не от разума. Не от человеческого разума, по крайней мере. Это нарушает запрет. Нам должно хватить мудрости отказаться от этого знания.

От мира Чура — вообще, ибо он стал чужд самому существованию Мира и Человека.

Я возражал ему. В конце концов, — говорил я, — гравитационное оружие никогда не будет применено в полную силу: достаточно, если мы будем создавать на пути потенциального противника непреодолимые барьеры, сворачивать его корабли в сторону. На худой конец, уничтожать какие-то объекты — базы, пусть даже города — гравитационным коллапсом. И вовсе незачем прибегать к крайности — к Свертке Миров... Тем более, к Свертке Космоса в целом. Тем более, что Свертку нельзя назвать уничтожением в полном смысле этого слова: речь идет, скорее, о перемещении свертываемого объекта в некий иной пространственно-временной континуум, свойства которого нам, конечно, заранее неизвестны...

Тут он перебил меня: Точно так же, как неизвестны нам свойства Того Света, куда случается отправлять врага или отправляться самим — с отпущением грехов или без...

И выложил главный свой аргумент: Никогда в истории, ни одной из цивилизаций не удалось сохранить монополию ни на какое чудо-оружие. Не знаю с кем в действительности собрались воевать наши стратеги — с Предтечами, с иными цивилизациями, с демонами ночи, но только очень скоро противник получит в руки точно такие же возможности манипулировать пространственно-временным континуумом, что и мы. И начнется стремительная эскалация разрушения. С тем только отличием от классического механизма наших, человеческих эскалаций, что мы можем не успеть найти общий язык с противником, природа которого нам неизвестна. И вина за то, что произойдет, падет на того, кто начал первым — на нас. Нет, Разум только тогда заслуживает названия Разума, когда он способен ограничить себя.

Тогда и я выложил свой аргумент. Точнее — свое кредо.

Нам не суждено знать, — сказал я ему, — погубит нас новое знание или не погубит. Но одно я знаю точно: нам не дано по своей воле отказаться от своего пути. И единственное, что может помочь нам устоять против бед, принесенных знанием, которого мы достигли — это новое знание, которого нам следует достичь как можно быстрее...

Потом нам нечего было уже сказать друг другу. Я отправился в свой блок и написал дополнение к нашему докладу — в конце концов, надо же было хоть как-то объяснить,

почему один из двух его авторов отказался его подписывать. Я не стал, разумеется, вдаваться в те дебри философии, в которых увязли мы в своих ночных дискуссиях. Я коротко характеризовал Ганса, как принципиального противника дальнейшего развития отношений Федерации с Цивилизацией Чур, выразил предположение о том, что такая позиция может привести к неадекватным действиям уполномоченного Крюге в ходе текущего Контакта и к его общей необъективности в интерпретации имеющейся в нашем распоряжении информации и даже к ее прямому искажению...

Думаю, что я не покривил душой, хотя у тех, кто прочитал его, сложилась в отношении Ганса не совсем правильная иллюзия — к самим-то колонистам он отнюдь не был враждебен... В его к ним отношении было гораздо больше доброты и сострадания, чем в моем, например, отношении... В чисто эмоциональном плане ему понимание колонистов давалось неизмеримо лучше, чем мне.

Дальнейшее было вполне предсказуемо и не принесло никому ничего из того, что мы все ожидали. Ганса, не откладывая дела в долгий ящик, отозвали, и здесь, на Прерии, он занялся активной пропагандой против развития отношений с Цивилизацией Чур.

Некоторое время он был лидером этого движения, но потом в Метрополии у него нашлись такие талантливые и популярные последователи, что сам он просто зачах в их тени. Сейчас он возглавляет местного значения комитетик этого своего движения...

Я еще три года работал на Чуре. Подготовил еще несколько докладов — один секретнее другого — о возможностях использования результатов Тора в оборонных проектах Федерации. И вернулся в эти края — по состоянию здоровья. До самого того времени, когда разгорелась эта история со шпионажем, я довольно активно консультировал подготовку новых кандидатур для работы на Чуре и вообще — привлекался к разработке разных тем, связанных с Чуром... Но то, что так развело наши с Гансом дорожки — работы Тора — больше никогда не всплывали на поверхность этих темных вод, что зовутся официальной политикой Федерации...

Сейчас я только посмеиваюсь, вспоминая наши споры там, в подземных бункерах сожженной планеты. Мы-то воображали: что решаем мировые проблемы и что от нас и в самом деле что-то зависит... Нет, ей Богу, это — очень смешная тема: философы и бюрократы... Программа разработки гравитационного оружия не двигалась с места вовсе не из-за того, что к региональным парламентам и к резиденции Федерального Директората время от времени стекались жидкие ручейки демонстрантов с требованиями запретить исследования, опасные для мира и существования Человечества. Просто эту программу отторгала громада бюрократической машины: бюрократия Академии — из косности и непонимания, бюрократия военной машины — из страха перед неизбежной перетасовкой постов, бюрократия промышленности — из страха перед сменой привычных приоритетов... Но были и те, кто сделал ставку на перемены — и вот первые ласточки: Тор Толле приглашен в один из Миров Федерации — в тот, что поближе к Чуру и подальше от посторонних глаз... Для участия в научных штудиях... Верно, где-то не так пошли дела...

Но я — в те дальние годы — был нетерпелив. Не хотел дожидаться, пока новое победит старое в ходе естественного развития событий...

И Дьявол мне подкинул прекрасную возможность пришпорить клячу Истории — ко мне обратились за моими секретами некие анонимные покупатели... Сделано все было достаточно тонко: сначала просто приятное знакомство с приятными людьми издалика, изнывающими в нашем захолустье, потом — по счастливой возможности — приглашение

прочитать курс лекций — перед избранной аудиторией — о цивилизации и культуре Чура. На основе рассекреченных материалов, разумеется...

Неожиданная, до смешного щедрая оплата этой безделицы... И предложение с лекциями этими совершить турне — тоже за головокружительно высокую плату. В поездке — интересные встречи, намеки на то, что вся эта таинственность, накрученная вокруг работ на Чуре — секрет Полишинеля. Намеки на знакомство с моими докладами. Лестная их оценка. Вполне оправданные сожаления о том, как меня недооценивает руководство Федерации...

Предложение консультировать престижный проект — без разглашения секретных данных, но с их учетом... Затем — очень аккуратно — демонстрация того, что состав преступления уже набрался: тут и факты и провокация и умелая подтасовка... И в финале — вербовка. И гоп-ля! — вы уже получаете зарплату за работу в бункерах Семи портов...

Не могу сказать, что я с самого начала раскусил эту игру. Но и наивным дурачком я отнюдь не был: для меня участие в этой игре было не только способом поправить свое материальное положение и потешить свое тщеславие — это был способ свести счеты с ненавистными тупицами из бесчисленных министерств и ведомств, готовыми похоронить важнейшее направление оборонных исследований в своей бумажной текучке. И способ расшевелить эту тупую, косную машину. Заставить ее работать, наконец, на благо людей. Да, это представлялось и представляется мне и сейчас неоспоримым благом — познание природы гравитации и овладение ее силами...

Единственный способ пришпорить современное бюрократическое государство — это испугать его. Предоставить конкурентам шанс обойти его на повороте... Впрочем, я не был настолько глуп, чтобы на корню продать всю информацию по нашим с Тором работам. Самое основное я придержал... С этой точки зрения, я добился своей цели и не жалею о заплаченной цене...

А вот на ваш вопрос о том, кто же был моим покупателем, я так и не могу вам ответить. Попросту не знаю ответа... Конспирация у этих господ была на высоте.

Впрочем, не трудно догадаться: скорее всего — те неконтролируемые законом промышленно-финансовые группы, что принято называть Комплексом...

Или — тоже законопослушные — производители вооружений с Дальних Баз. Или... Это, впрочем, не так уж и серьезно — заниматься гаданием на кофейной гуще на все эти темы. Какое значение имеет кого на самом деле представляли Семь портов?

Гравитационное оружие все равно в кратчайший срок станет достоянием всего Человечества, как только его разработка будет окончена. Когда и если... Оно не предназначено для войны между людьми — только для сражения людей с кем-то иным...

— Вот об этом я и хотел спросить вас... — Ким поднял глаза на заключенного П-1414. — Вы уверены, что за ваш товар вам платили именно люди?

Какое-то мгновение длилось молчание. За это мгновение взгляд заключенного П-1414 стал сначала недоуменным, затем — наполнился ужасом.

— Что вы хотите сказать? — потеряв дыхание, спросил он одними губами.

— Только то, что на тех снимках, что я показывал вам, изображены биороботы. Нелюдь... — пожал плечами Ким. — Снимки предоставлены господином Свирским — он работает с такими вещами... И еще — индикаторы, сработанные в Спецакадемии — мой и комиссара — показывают высокую вероятность того, что мы находимся в непосредственной близости от открытого Портала...

Некоторое время они молчали.

— Пожалуй, мы не напрасно ждем подкрепления... — произнес наконец Пер, глядя в пространство перед собой.

— А я, пожалуй, свяжусь с майором Свирским, — Ким достал блок связи. — Вы не против того, чтобы поделиться лаврами с этим джентльменом, комиссар?

— Не против, — вздохнул Роше. — Майор просил передать вам свою благодарность за ту информацию о Старом Доме... Но просил добавить, что она слегка запоздало. Гнездо было уже пустым, когда туда нагрянули люди из Спецакадемии. И он боится, что в ближайшее время мы встретимся с теми птичками, что из него улетели...

Кто бы только мог подумать... — вздохнул Иван.

— Кто бы только мог подумать, что девушка хрупкого телосложения может этак вот гвоздить в стальную дверь — так, что та с направляющих вот-вот слетит...

Он поднялся со своего места, вышел в коротенький коридорчик, придал своему лицу предельно любезное выражение и надавил комбинацию кнопок шифрозамка. Дверь в комнату для гостей послушно съехала в сторону, явив лейтенанту Гостеву репортера Гэлэксиньюс Энни Чанг, разъяренную, как все демоны ада вместе взятые.

— Не стоит бить дверь кулачками, мисс, — ласково посоветовал Иван. — Еще покалечитесь... Лучше воспользоваться коммутатором...

— Лучше вообще не запирайте своих гостей словно арестантов, — возмущенно парировала Энни. — Я хочу, наконец, заварить себе настоящий чай! Где этот ваш бородатый тип? Он обещал сходить за Липтоном и...

— Я очень сожалею... — развел руками Иван. — Вы совершенно правы — мы не должны были ограничивать вашу свободу... Но сложилась, как говорится, форс-мажорная ситуация. Похоже, что мы здесь находимся под колпаком — есть признаки прослушивания наших переговоров. Вокруг шляются типы, похоже ведущие наблюдение за деятельностью явки. А тут — потребовалось срочно подключаться к операции... С Липтоном придется немного подождать: все наши брошены на прочесывание Поймы...

— Поймы? — Рефлекс сотрудника службы новостей сработал четко. — Вы говорите о Ржавой Пойме? Там происходит что-то, связанное с..?

— Спецоперация, мисс. Пока не могу сказать вам ничего больше...

Мысленно Иван обругал себя за очередной прокол. В присутствии работников СМИ лучше вообще не раскрывать рта...

Как ни странно, взрыва интереса к деталям операции со стороны неугомонной Энни не последовало.

Вместо того, чтобы одолевать дежурного бесполезными вопросами, она, сердито схватив свою сумочку и заявив, что ей давно пора привести себя в порядок, уединилась в ванной. Там она убедилась, что имеющееся обычно в такого рода помещениях вентиляционное окошко в этой спецквартире надежно забрано довольно частой и очень прочной решеткой.

— Слушайте, офицер! — сердито воскликнула она, появляясь в гостиной с брызгами воды на лице и сумкой, накинутой на плечо.

— Да мы с вами здесь — в самой настоящей ловушке! Сплошные запоры и шифрозамки. Даже — на отхожем месте! Да вы в своем уме были, когда сооружали все это?! А куда мы денемся, если нас тут блокируют? Или — если просто пожар? Или...

Иван снова тяжело вздохнул. Но вынужден был признать, что беспокойная подопечная полностью права — ее позабыли проинструктировать о правилах поведения на явке в критических ситуациях.

— Не стоит держать нас за таких уж тупых копов, мисс, — улыбнулся он. — Квартира имеет три запасных выхода. Вот смотрите — один здесь, — он сдвинул декоративную панель, — прямо за спиной у Энни. — Выходит к ближайшей станции подземки. Вот этот —

пройдемте — выходит на пожарную лестницу... А здесь, — Иван позволил себе увлечь Энни под локоток в другой конец казенных апартаментов — это не просто декоративная железка.

Под ней — скрытый люк. Открывается так... И по этому медному шесту — такие в старину в пажарных частях ставили — вы за пару секунд съезжаете в подземный гараж. Он изнутри открывается без проблем и из него можно выйти прямо...

— Это — как раз то, что надо! — Энни поправила сумку на плече. — Ну прощайте — я пошла.

Она уверенно обхватила отполированный шест и бесшумной тенью скользнула вниз.

Пробежав легкой спортивной трусцой пару кварталов, Энни перешла на быстрый шаг и вытащила из сумки свой Эрикссон, чтобы вызвать такси. Но аппаратик молчал как заколдованный. Энни сдвинула крышку отсека батареек и с досадой взмахнула рукой — он был пуст. Возможно Агент на Контракте проявил о ней свою заботу.

Ну — спасибо вам, господин Яснов, — возмущенно поблагодарила она отсутствующего виновника сией очередной неприятности и принялась поднятой рукой голосовать редким в этот ранний час малого утра попуткам.

Хотя улица и выглядела пустой, ждать долго ей не пришлось.

Тяжелый, чуть напоминающий катафалк, Лорд-мастер вывернул сзади, из-за угла, так тихо и незаметно, что Энни даже подпрыгнула, когда услышала позади мягкий, с еле заметным акцентом голос:

— Садитесь, мисс... Нам по-пути.

Пенсне человека на заднем сидении приглашающе сверкнуло.

— По пути, мисс — смею вас заверить...

На несколько мгновений их поглотила темнота, потом Адельберто наконец нащупал сенсор осветительной системы и рассеянное сияние наполнило внутренность рубки.

— Теперь делаем так... — он нагнулся над приборами и снова наморщил лоб, вспоминая нечто, надежно упрятанное в памяти. — Вот... — Он потыкал в панель управления. — Снова погружаемся. И уходим отсюда потихоньку... Пошли отсюда, а то — неровен час — зацепим за какую-нибудь хреновину, которая пульнет с дюжину зарядов по местам дислокации противника...

— Это — не ракетносец... — встревоженно возразил Тор. — Это, вообще, очень странная субмарина... От нее...

Она просто пахнет бедой...

— Я вижу — ты разбираешься... — усмехнулся Мепистоппель, открывая дверь, ведущую в помещения основного корпуса субмарины.

— Конечно, это — всего навсего патрульная посудина, переделанная под баржу. Точнее — под что-то типа парома. Ходит на полной автоматике — туда-сюда-обратно по подземному туннелю. Там — в скальном грунте — какие-то секретные установки. Их нагородили здесь черте когда... Те самые — Семь островов... А один малый, что был связан с той конторой, от которой все это добро осталось, держал меня чем-то вроде связного, а заодно и ночного сторожа, когда отлучался тот надолго. Он здесь довольно долго отсиживался... Но в конце концов — слопали его господа из контрразведки. Но все равно — ты прав... Что-то здесь есть во всей этой консервной банке... Потустороннее... Жуть какая-

то... нечего нам торчать в рубке без дела. Тем более, что мы уже приехали... Приплыли, точнее...

— Это вы называете подкреплением? — с некоторой долей скепсиса осведомился Пер, разглядывая выбирающихся из подоспевшего флаера Коротышку Каспера, Старинова, Филдинга и громадного типа, совершенно незнакомого ни ему, ни Киму, ни даже комиссару Роше.

Со спины типа подпирал агент Таневич.

— Кого ты притащил на операцию, Мариус? — совершенно недружелюбным тоном спросил Роше, пожимая протянутую ему — с лопату величиной — ладонь незнакомца.

— Это тот самый зоолог из Метрополии — господин Аркадьев... — ядовито и выразительно ответил агент Таневич.

— И избавиться от него — попробуйте сами, мсье... Ему позарез нужно видеть господина Фюнфа — живого или мертвого и все тут! Я не смог от него отвязаться даже с помощью Верховного. Он добился... Господин академик, видите ли, распределяет какие-то ассигнования, и это сильно влияет...

— Живым — Адельберто Фюнф нужен мне только живым! — низким басом прогудел господин Аркадьев. — Рад с вами познакомиться мсье... э-э...

— Роше, — без всякого оптимизма подсказал ему комиссар.

— Вот именно... Весьма наслышан о вас, — невозмутимо продолжал гудеть зоолог. — К сожалению, как я понял, никто на этой планете не понимает того, как важно найти — и найти именно живым — господина Фюнфа. Это, можно сказать, самое значительное для науки лицо на ней. Говорю вам это как руководитель Федеральной Программы биобезопасности. Этот человек прислал мне уникальное по важности письмо... По сути дела он сообщил мне, что намерен осуществить уникальный эксперимент по размножению в неволе так называемого Пушистого Призрака — вида практически эндемичного для...

— Насколько известно мне, — раздраженно оборвал его Роше, — господин Фюнф проводит эксперименты по похищению людей... Это не очень-то совместимо с тем, что говорите мне вы... В любом случае вам, господин зоолог, здесь не место.

Речь идет об операции по захвату опасных преступников, и любой из нас легко может нарваться на пулю. Несмотря на специальную подготовку... А вы... Да что там говорить, вообще — участие посторонних в таких операциях полностью исключено! Отправляйтесь немедленно в вашу гостиницу и...

— И не подумаю! — категорически заявил зоолог. — К вашему сведению, ваш покорный слуга свой воинский долг исполнял в рядах Ночных Рейнджеров и имеет боевые награды... Член Совета Ветеранов Освобождения Периферии...

— Тогда, док, вы должны иметь представление о воинской дисциплине... — Роше смерил громаду нависшего над ним чудака и вдруг в отчаянии махнул рукой:

— Ладно, раз Верховный допустил вас к участию в операции, то извольте подчиняться мне, как ее руководителю. Надеюсь, Мариус... Агент Таневич изложил вам ситуацию... Если нет, то изложит. А сейчас — оперативная группа в составе пяти человек продвигается вперед, осуществляет обнаружение преступников и заложников и далее действует по обстоятельствам. Например, вступает с этими типами в переговоры... Вы же с агентом Таневичем находитесь в э-э... экипаже, — Роше сделал широкий жест в сторону флаера, — и обеспечиваете нас с тыла. Дублируете связь со штабом и все такое... Мариус в курсе. И ни в

кчем случае не предпринимаете никаких самостоятельных действий. Вы способны исполнить такой приказ?

— Отчего же нет? — охотно продемонстрировал наличие у него доброй воли руководитель Федеральной Программы биобезопасности.

— Однако обещайте мне, что если господин Фюнф действительно является, как вы говорите, преступником... Я, вообще-то думаю, что это какое-то недоразумение... Так вот, если вы будете осуществлять задержание господина Фюнфа, то обещайте мне, что ему не будет причинено вреда, и что я смогу немедленно побеседовать с ним...

Роше тяжело вздохнул.

— Неужели вы не поняли, что старый мошенник просто морочил вам голову с какими-то, одному Черту известными целями? А вы ради этого протащились через половину Обитаемого Космоса и теперь торчите в этих буераках и подставляете башку под пули... Ну — воля ваша, господин академик. Обещаю вам полное соблюдение законности в отношении вашего подопечного. А сейчас, простите, мы, с вашего позволения, должны приступить наконец к делу...

— В принципе сюда, конечно, можно проникнуть каким-то путем с поверхности... — пояснил Мепистоппель. — Но единственный парень, который знал этот путь, тянет срок на плантациях и не скоро оттуда вернется... Для всех остальных — на маршруте полный комплект неприятностей. Начиная от противопехотных мин и кончая гипноиндукторами...

— Здесь — нехорошо... — коротко констатировал Тор. — Ты выбрал плохое место, чтобы спрятаться, Нос Коромыслом...

Они стояли на стальных плитах причала, и низкие железобетонные своды, казалось, давили им на плечи. Адельберто наклонил голову и прислушался к гулкой тишине. Он уже привык к мысли о том, что его Гость далеко не прост и к его заскокам следует относиться серьезно.

— Ч-черт... — наконец выдавил он из себя. — Ч-черт! Такое впечатление, что совсем недавно... Да нет, чушь... Мне показалось... Нет, действительно, только что какой-то из этих чертовых агрегатов работал... Пахнет разогретым металлом... И озоном. Это ведь цех... Точнее, целая галерея цехов. Или каких-то стендов... Нет, черт возьми, здесь все законсервировано! Невозможно включить здесь даже кофемолку... И все-таки — будь я проклят! — воняет горячим металлом...

— Это не металл, Нос Коромыслом... — покачал головой Тор.

И расстегнул футляр своего странного меча.

Тони ощущал себя совсем убитым. Убивало его главным образом полное отсутствие вокруг неведомо куда сгинувшего Бинки. Кто теперь знает, где прячет его четвероногого друга ненадежный партнер? Кто знает, что станет с ним, когда наступит роковой момент их встречи с силами зла, воплотившимися столь неожиданно в узкоплечего, затугованного в черное палача, одарившего его «личинкой», странствующей где-то в недрах его кровотока, пачкой кредиток на мелкие расходы и свободой — гнусной свободой предателя...

Он не мог отделаться от мерзкого ощущения, что уже предал своего лучшего друга, свой талисман... И теперь обречен предавать дальше и дальше. Всех и вся вокруг себя...

Надежный, солидный и мрачный, как сам Дьявол-Сатана, «лорд-мастер» высадил его там, где Тони и попросил, — на углу Центральной и Нижней, и никто не висел у него на

хвосте ни до его разговора с Фотографом, ни после, по дороге к Терминалу. По крайней мере, он не засек никого. Но в том, что за ним наблюдают, и наблюдают внимательно, не сомневался. Безусловно, каждый его шаг становился известен коллегам узкоплечего палача.

Тем не менее, а может, именно поэтому он строго выдерживал все меры предосторожности. Взятую из камеры хранения Терминала карточку он заныкал во взятый напрокат потертый ноутбук, только наглухо запершись в кабинке отхожего места. Изучив карту и текст, он впервые за эти сутки рассмеялся. Мепистоппель окончательно сбрендил, если всерьез считает, что он, Тони Пайпер, в состоянии хотя бы наполовину пройти этот идиотский подземный лабиринт, напичканный хитроумными минами и ловушками... Тем не менее он честно постарался запомнить все, для такого подвига необходимое, стер из памяти компа всю эту чушь, сам комп зачихнул в мусоропровод, спалил карточку (что оказалось делом нелегким), умылся и монорельсом отправился в город. Вышел у реки.

Он не торопился лезть в ловушку, совсем не торопился. Вместо этого он задумчиво побрел по знакомым с детства улицам, улочкам и дворам, погруженный в тягостные размышления о своем — в данной ситуации — дерьму подобии. Привычная, такая родная вывеска «Мамбы» как-то сама собой, ненавязчиво обратила на себя его внимание.

— Зачастил ты к нам... — безразличным тоном комментировал его появление Кунцевич — неизменный бармен заведения, импозантный, как канделябр в стиле ампира, и столь же бесполезный в эпоху автоматического розлива и электронных кредиток.

— Так наличными плачу... — мрачно отозвался Тони, устраиваясь у стойки и тяжким взглядом окидывая немногочисленную сегодня публику: с полдюжины основательно уже упившихся литераторов, отмечавших выход поэтического альманаха — совсем как настоящего, на бумаге.

— Не в настроении? — все так же безразлично осведомился Кунцевич и, не спрашивая, «что будем пить», налил Тони двойной бурбон.

Этого своего посетителя он знал как облупленного.

— Зато при деньгах, — все так же мрачно, не отвечая на вопрос, сказал Счастливчик.

— Что-то Бинки твоего не видно... — высказал наконец бармен немного сочувствия постоянному клиенту «Мамбы». — Не случилось чего с песиком?

Ответом ему был мрачный, чугуновой тяжести взгляд.

Мучительно вздохнув, Пайпер, перед тем как опрокинуть бурбон в недра своего исстрадавшегося организма, привычным жестом похлопал себя по карманам и извлек потертый кожаный кисет.

— Дымить будешь? — неодобрительно предположил Кунцевич.

— Ничего, напоследок — не возбраняется... — совсем уж непонятно ответил Тони. — Нацеди-ка по второй...

Он потянул за стягивающую кисет кожаную лямку и чуть неожиданно для себя самого наткнулся пальцами на своего старого советчика — беса курильщиков. Вырезанный из крепкого импортного камня, Трубочник стал сегодня суровым и насупленным.

Тони сдул с него остатки табачных крошек и задумчиво всмотрелся в лицо своего последнего советчика, ожидая главной — он уже догадывался какой — подсказки, которая так нужна была ему на дороге «отсюда — туда»...

Кунцевич молча поставил перед ним второй стакан и двинул по стойке массивную зажигалку. Судя по всему, у клиента были основательные неприятности.

Тот почти не реагировал на эти жесты внимания. Взгляд Счастливчика был

сосредоточен на каменном бесе, которого он поворачивал то так, то этак, словно пытался уловить какую-то небывалой красоты игру света на его потертых боках.

— Что-то ты...

Тень тревоги, вполне искренней на этот раз тревоги, прозвучала в этих словах насупленного бармена. Его внимание, впрочем, тут же отвлекла чета туристов, приближающаяся к стойке, и на пару минут Пайпер был оставлен наедине со своим талисманом. За это время тот подсказал ему решение всех проблем.

— Ну что ж, сатана гороховый, будь по-твоему! — решил Тони и спрятал Трубочника в кисет, а кисет — в карман. — Наливай, Кун, мне по третьей, и я пошел...

— А не много будет — по третьей? — задумчиво спросил бармен.

— В самый раз! — изрек Тони. — И вон ту емкость здоровую мне — с собой!

В гараже Черемных он взял в аренду одноместный «суперпони» — вездеходишко мелкий, но надежный, подбодрил себя глотком из купленной в «Мамбе» бутылки и погнал машину по околицам к берегам Ржавой Поймы. Добираться туда пришлось не один час, и солидная емкость опустела наполовину. По мостовой «пони» не набирал уж слишком высокую скорость, но по буеракам Поймы помчал уверенно, видно почуяв родную стихию. Тони удалось загнать машину в самую глубь гиблого места, прежде чем вездеход заглох, сев на обе оси.

— Ладно, ребята, — злобно пробормотал Счастливчик, вылезая из тесной кабинки и очередной раз прикладываясь к литровой бутылке, — ладно, дорогие... Я вам бучу отчубучу...

Не разбирая дороги и спотыкаясь через каждые два шага, он побрел в заросли, не выпуская из рук стеклянной подруги. Путь ему перебежала бездомная собака. Потом — вторая...

— Второй уже... — с досадой констатировал Роше, с трудом удержавшись на ногах, из-под которых с коротким брехом вырвался и прыснул в темноту еле различимый в тумане, начинающем заполнять расщелины Ржавой Поймы, пес.

Казалось, вся Пойма поддержала собачий лай рассыпавшимся и не сразу затихшим вдалеке приглушенным потягиванием и порывиванием.

— Сколько же их здесь!.. — с невольным восторгом прокомментировал этот мощный хор Каспер.

— Теперь — пора! — несколько неожиданно определил Пер и, остановившись, поднес свисток к губам.

Пальцы его задвигались, производя сложные и стремительные манипуляции на этом сложном гибриде затвора, органа и флейты. Продолжавшаяся еще над погружающейся в белесую хмарь Поймой перекличка многочисленных псов смолкла, словно топором отсеченная. И спустя несколько мгновений откуда-то со стороны реки раздался долгий, с переливами, почти лишенный каких-либо интонаций вой.

— Харр... — сказал Пер, опуская свисток в карман. — Это Харр. Сейчас он будет здесь. Через считанные минуты. Мы с вами не ошиблись, господа.

Ким напряг все свое внимание. Он как бы слился с этой, уже наливающейся светом далекого пока утра тьмой, но так и не уловил того момента, когда вплотную к нему из белесой тьмы приблизился громадный короткошерстный, жутковатый на вид пес. Только еле заметное тепло, исходившее от этой монолитной массы мышц, энергии и настороженной

железной воли, доказывало, что перед ними возник не призрак и не ночной морок.

— Так вот ты какой Харр из стаи Харра... — пробормотал Ким, присаживаясь на корточки, чтобы заглянуть в глаза собаки, явившейся из ночи...

Рядом с ним присел Пер и уверенно коснулся загривка Пса. Харр ответил низким, почти в инфразвуке, рычанием.

Но в этом рыке не было гнева. Это было приглашением к разговору. И разговор начался.

Ким и комиссар чуть ошалело вслушивались в этот обмен повизгиванием, рычанием, скрежетом зубов громадного пса, старательно втолковывающего что-то человеку, и человека, запинаящегося, долго подбирающего «слова» и временами переходящего на язык странных жестов...

Разговор продолжался довольно долго.

Потом Пер поднялся на ноги и, коротко бросив «Пошли!», не оборачиваясь, шагнул в темноту. За ним двинулась короткая цепочка спотыкающихся, чертыхающихся, но не задающих лишних вопросов людей. Пес, почти невидимый во мраке, уверенно рассекал редкий пока туман, следуя к какой-то, одному ему известной, цели. Где-то после четвертого падения Роше и второго Коротышки Каспера они увидели перед собой свет — призрачный, потаенный свет неведомого мира...

Странный хоровод кружился на крошечной поляне, утопленной в заросшей черным кустарником чащобе. Пушистые фосфоресцирующие живые комки двигались в каком-то немислимо сложном танце, каждый раз замирая в траве, перед тем как исполнить новое сложное па. Они перекатывались друг через друга, бесшумно сталкивались и разбегались под звуки только для них звучащей мелодии. Киму показалось даже, что он тоже слышит эту странную мелодию где-то внутри себя...

— Ч-черт! «Пушистые призраки»... Целых шесть! — прошептал Филдинг. — Зоолог-то недаром перся с нами в эти буераки... Дьявольски неприятная примета, говорят... Откуда они здесь, на Прерии?..

— Боюсь, что их сюда принесло не по наши души... — задумчиво пробормотал Пер и обратил свой взгляд на занявшего позу терпеливого ожидания Харра. — Я не понял до конца, как ОН встретил их и как это связано с...

Он снова опустился на корточки и возобновил свой странный диалог с Псом. Это заняло не так много времени, остальным его спутникам показалось, что прошла вечность. Потом Пес с настороженной успокоенностью прилег в кусты и сразу словно растворился в них. Только еле слышное дыхание выдавало его присутствие. Пер поднялся и, проведя ладонью по волосам, повернулся к Киму.

— Я пойду первым, — явно не рассчитывая ни на какие возражения, заявил он. — В блокноте, который я вам передал, наброски маршрута и все мне известные пароли охранной сигнализации проходов подземных цехов... Если в течение часа не получите от меня никакого сигнала, пускайте на разведку Харра. Для этого сделайте так...

Он хлопнул в ладоши характерным прихлопом и кивнул Киму:

— Повторите... Вот так... Харр, ты понял? Пес ответил из темноты глухим, понимающим, надо полагать, рычанием.

— Сами идти остерегитесь. Только после того, как вызовете саперов и штурмовое подразделение... Здесь вы еще в относительной безопасности. Можете даже позвать сюда этого чудака зоолога. Недаром же он действительно сюда рвался... Может, его эти зверьки наведут на какие-нибудь ценные мысли. Но ниже к берегу в направлении к Чертовой

Лысине, на подходах к стволу шахты могли сохраниться защитные устройства и другая... техника. Если все-таки сунетесь туда, старайтесь не отклоняться от того маршрута, который я нарисовал...

Пер еще раз повернулся к невидимому в темноте Харру и махнул ему рукой. Потом шагнул в темноту.

— Оттого, что мы будем топтаться здесь, дела не пойдут лучше... — вздохнул Адельберто. — В конце концов, у нас нет другой норы... Единственные, с кем мы можем встретиться здесь, это призраки прошлых хозяев этой лавочки. Он тяжело вздохнул.

А может... А может, ну это все к шуту, Тор? Дадим задний ход и вернемся в город? Тебя там заждались... Хватит в кошки-мышки играть... Пропустим по рюмочке и разойдемся с миром? А то здесь действительно плохо. Вот и ты учуял что-то в воздухе... Металл...

— Не металл... — снова покачал головой Гость.

— Конечно не металл... — охотно признал истомившийся от нервного напряжения Мепистоппель. И вдруг резко изменил свой настрой. — Я ошибся. Может быть, это кошачье дерьмо. Или какая-нибудь дурная тварь забралась сюда и отдала концы... Не будем мнительны, Тор. Хватит ждать у моря погоды...

— Ну что ж... — улыбнулся ему в ответ Толле.

Но улыбка его была отнюдь не ласковой. Это была безжалостная улыбка бойца, вышедшего на ринг. Меч Тор держал теперь какой-то странной, непривычной для землянина хваткой — словно некий хирургический инструмент.

— Пошли... — распорядился он. — Игру надо сыграть до конца. Где твоя нора, Нос Коромыслом?

— Гос-с-споди!.. — растроганно шептал доктор Аркадьев. — Танец «пушистых призраков»!!! Ради этого стоило проделать путь и в сто раз более долгий... Он не отрывался от визира своей видеоканеры, но продолжал все время говорить: — Значит, Фюнфу все-таки удалось спровоцировать их на размножение... Вы не представляете, насколько ценна эта информация! Ведь «призраки» — это существа из совсем иного мира... Из совсем другого Пространства-Времени...

— Это правда, что они из Тартара? — осторожно спросил Ким. — Оттуда же, откуда и «черви подпространства»?

Аркадьев на секунду оторвался от камеры, чтобы искоса бросить на него пристальный взгляд.

— Гипотеза, господин сыщик... Гипотеза, очень похожая на правду... Где одно, там и другое... Где «черви», там и «призраки»... Я считаю, не я один, что это две конкурирующие формы подпространственной жизни... Каждая из них стремится вытеснить другую, и в то же время каким-то немислимым для нас образом они неразрывно взаимосвязаны...

Ким почувствовал, что где-то в подсознании у него замкнулся еще один, очень глубоко захороненный контур. Но на то, чтобы сразу понять, что означает это острое предчувствие какой-то важной догадки, Судьба времени ему не отвела. Призрачный хоровод светящихся малышей неожиданно разомкнулся и, стремительно растягиваясь все более редкой цепочкой, устремился вдаль, над стелющейся пеленой реденького тумана, потом исчез, истаял во мгле. И, так же стремительно рванув с места, исчез Харр...

— Гос-с-споди, что это такое было?! — ошолбенел Каспер.

Никто не торопился дать ему толковый ответ. Единственный человек, который мог бы сказать об этом хоть что-то путное, док Аркадьев, сосредоточенно провожал фосфоресцирующую вереницу движением объектива сверхчувствительной камеры.

— Они... они выстраиваются по какому-то периметру... по кругу... — пробормотал он.

Роше, не отрываясь от окуляров ночного бинокля, вынул изо рта свою носогрейку и объяснил:

— Они берут в кольцо Чертову Лысину...

— Кольцо... — пробормотал Аркадьев. — Круг... круг «пушистых призраков»... Это...

Господа, если хотя бы половина всех этих апокрифов и мемуаров относительно свойств этих существ верна, то... то стоит убираться отсюда подальше...

Комиссар ожесточенно потер лоб.

— Что... — начал он. — Что вы имеете...

Но договорить до конца ему не удалось.

Над Ржавой Поймой разнесся заунывный, полный глубокого отчаяния собачий вой. И десятки, а то и сотни собачьих глоток подхватили его со всех сторон...

Мепистоппель увлек Тора за собой по низкому коридорчику. Невидимая автоматика включала в нем свет, освещая секцию за секцией...

— Иди за мной, — махнул рукой Адельберто насторожившемуся Гостю. — Тут у меня неплохая заправка на камбузе. Я так здесь все называю — по-морскому... Есть чем расслабиться и чем закусить. Консервы, правда, все же помоложе будут, чем эта старая жестянка, на которой мы сюда приплыли... Я думаю, Господь позволит нам немного сбросить напряжение. Мы с тобой, Торри, и так натерпелись за последние сутки...

Господь, однако, придерживался совсем другого мнения. Свет в камбузе загораться сам собой не пожелал, а когда Адельберто принялся нащупывать сенсор осветителя, кисть его перехватила быстрая и твердая рука.

— Здравствуй, Мепистоппель... — сказал кто-то из темноты.

Тот, естественно, нечеловечески заорал, рванулся в проход, чуть не напоровшись на меч Гостя, и упал. Но Тор вовремя убрал оружие и отступил на шаг. Свет упал на лицо говорившего.

— Так и знал, — произнес Адельберто, поднимаясь на ноги. — Так и знал, что ты смоешься с проклятых плантаций и припрешься в эту нору...

Человек, улыбаясь, смотрел мимо него.

— Здравствуй, Тор, — сказал он. — Поосторожнее с твоей кочергой... Никак не ожидал, что мы встретимся вот так...

— Я тоже этого не ожидал, Пер... — признался Толле.

Должно быть, в подземном доке «Шести Портов» в былые времена дежурил немалый контингент охраны. По крайней мере, кухонный блок охранного сектора, в котором Адельберто принимал своих несколько необычных гостей, был просторен и основательно обеспечен необходимой утварью, машинерией, запасом продовольствия и выпивки. Мепистоппель бросил на стол упаковки с разогретой в микроволновке снедью, молча, устало проковылял к бесшумно вибрирующей машине рефрижератора и, поколдовав немного, отворил тяжелую дверцу.

Некоторое время он созерцал открывшуюся его взору галерею разной степени початых

емкостей со спиртным.

— За такую встречу нельзя не всосать по маленькой... За здоровье тех, кто вернулся, и тех, кто оставался, — задумчиво определил он суть дела (как она ему представлялась теперь). — Бога ради, спрячь свою кошмарную железку, Тор...

Он извлек на свет божий пару на удивление чистых стаканов и начал разливать скотч. Виски, кажется, и впрямь было настоящим — из Метрополии, но Толле не спешил вернуть свой меч в ножны.

— Ты бы на часок позабыл про свои мутации, Тор, и употребил бы спиртное по назначению, — посоветовал Мепистоппель. — Расслабиться тебе не помешает... Я, признаться, труса отпраздновал, когда чужих в норе почувствовал...

— Я не буду расслабляться, Нос Коромыслом, — вздохнул Гость. — Еще ничего не началось и не кончилось...

— Типун тебе на язык! — от души пожелал ему Адельберто и опрокинул его виски.

Пер тоже не спешил принять протянутую ему заздравную чашу.

— Ты уверен, что стоит так уж радоваться этой нашей встрече, Фюнф? — спросил он, наклонив голову набок и заглядывая в глаза Мепистоппеля. Они немедленно спрятались в зарослях насупленных бровей.

— Мне тебя бояться нечего, Швед, — фыркнул Адельберто раздраженно и чуть обиженно. — Я тебя никому не сдавал. Нору, как видишь, сохранил в целости, а что гостей сюда привел, так извини — не легавых как-никак. А ты сразу на пушку меня брать начинаешь. Это дурной тон, Швед... Тем более после стольких лет...

— Верно, — согласился Пер. — Ты легавых сюда не приводил. Их привел я.

— Сообщение от Гостева. — Каспер протянул трубку блока связи перед собой — с некоторой неопределенностью: то ли Роше, то ли Киму. — Госпожа Чанг отказалась от дальнейшей охраны и...

Комиссар и Агент выразительно посмотрели друг на друга. Потом Роше сделал жест, означающий нечто вроде «вот только этого нам и не хватало...», и поднял руку, призывая всех обратиться в слух.

Снова отчаянный вой огласил Ржавую Пойму.

Но Харр уже не слышал этого воя. Траншея, сначала еле намеченная, а потом укрытая зарослями черного кустарника и утонувшая в зыбком тумане, превратилась в глубокий, в два человеческих роста, замаскированный ров с надежно — на века — укрепленными стенами. Здесь он отыскан то, что так долго и тщательно втолковывал ему друг Подопечного. Нашел не столько благодаря этим косноязычным объяснениям, сколько по его же, этого туземца, следу. Перед Харром был заложённый железобетонными плитами-решетками канал, очень похожий на обычное цементированное русло ливневого стока. Но, пробравшись по нему вглубь — тут даже людям приходилось идти по колено в воде, — в зловонном сумраке можно было найти каменными грибами торчавшие из гнилой жижи жерла колодцев, ведущих в подземную сеть туннелей. Сюда с поверхности не проникал ни один звук.

Подземелье жило своей жизнью — жизнью диковинных, медленно умирающих механизмов, диковинных тварей, поселившихся тут, пугливых и опасных, а иногда просто безразличных всему человеческому... Здесь было много опасных ловушек Опасных, но примитивно задуманных и основательно состарившихся. Людям, которые сооружали эту

защитную систему, было далеко до Оружейников Чура. Хотя что-то во всем этом полуразрушенном, пропахшем злым, ржавеющим металлом мире тронуло его. Это было словно оттуда — из Мира, пронизанного ненавистью, страхом, отчаянием. Из Мира Без Надежды Из Мира его детства.

Но сейчас было не до сантиментов. Не примитивные, легко угадываемые ловушки насторожили Харра и не беспокойство за неумелого, как ребенок, друга Подопечного. Нет! Сначала он не понял, в чем дело, но теперь сообразил: в лабиринте ощущался след замаскированного запаха. Только что здесь прошли те, кто умел делать такое... И Харр очень хорошо знал, кто это умеет... Еще здесь провели людей — чужих, не своих. И тоже попытались замаскировать след. Но это не очень получилось. Они пахли оружием, злобой, страхом, эти люди, которых провели здесь. Но те, кто провел их, людьми не были... И еще один след петлял здесь — трусливый, замирающий и топчущийся у каждого перекрестка. След человека, который не хотел идти сюда, но тоже прошел этой дорогой. Впрочем, на людей не стоило обращать внимания. По-настоящему были страшны не они! Шерсть поднялась на загровке Харра. Нервы словно слились с мышцами и сжавшимся комком внутренностей. И по нервам этим, откуда-то из глубины мозга, прокатился приказ, который для механизмов, сделанных людьми, звучал коротко и понятно: «Форсаж!!!»

Признание Пера не произвело на Адельберто никакого впечатления. Он молча сунул стаканы с виски обоим своим собеседникам и со свистом всосал оставшуюся в штофе изрядную толику спиртного. Передернулся и запустил опустевшей емкостью в темноту коридора. Потом неодобрительно посмотрел на все еще не прикасавшегося к выпивке Густавссона.

— Так, значит, тебя, Швед, легавые вычислили, с зоны приволокли и посадили здесь меня караулить? — Он иронически скривился. — Лихо, ничего не скажешь... А сами-то они что же не пожаловали? Или... — Мепистоппель зыркнул вокруг антрацитовым зрачком, — или где здесь сидят ненаглядные?

— Не сидят... — Пер отхлебнул из своего стакана и на минуту мечтательно смолк — это был первый его глоток настоящего виски за семь с лишним лет отлучения от воли. — И не вычислили... Совпадение. Случайность... Но нас, людей, повязанных с Чуром, так немного, что любая случайность становится чуть ли не законом природы... На Святой Анне народ на этот счет имеет какое-то заковыристое выражение, но я его не помню...

Он залпом допил виски и чуть неуверенным движением поставил стакан на скользкую сталь разделочного стола.

— Короче говоря, Адельберто, я здесь для того, чтобы обсудить с тобой условия капитуляции. И времени нам на это дано очень мало. Власти готовы ограничиться тем, что вышлют тебя и Пайпера в двадцать четыре часа под подписку о неразглашении...

Слава богу, кое-кто там, наверху, не хочет ни огласки этого дела, ни суда, ни скандала...

— А кто хочет скандала? — неожиданно спросил до того молчавший Тор.

Лицо его было непроницаемым. Каменным.

Он продолжал придерживать свой меч на растопыренных пальцах, словно какой-то древний измерительный инструмент. Словно ожидал от инструмента этого подсказки, как поступить в возникшем зыбком раскладе обстоятельств. Наконец меч подсказал ему слова.

— Я следую за этим человеком вовсе не потому, что он меня заставляет... — чуть улыбнувшись, сказал он. — Просто он ведет меня туда, куда я должен прийти. Уже привел...

Пер посмотрел на него понимающе.

— Я так и знал, Тор... — Он резко оттолкнул свой опустевший стакан. — Я так и знал, что тебе понравится эта игра... Но наверное, пора остановиться. Я думаю, Харр будет сильно тебя ругать. Мы с ним поболтали немного, он очень сердит на тебя...

Впервые Мепистоппель увидел Гостя смущенным. Не то слово — смущенным. Торвальд Толле — Оружейник и создатель теории управляемого гравитационного поля — выглядел виноватым школяром. Нашкодившим мальчишкой. Длилось это, впрочем, считанные секунды. Лицо Тора вновь странно окаменело, глаза и сталь меча блеснули мгновенным пламенем опасной тайны.

— Ты думаешь, я просто гуляю по этим краям, Пер? — спросил он тихо.

Но в его голосе чувствовалось внутреннее звонкое напряжение. Оно очень не понравилось Адельберто.

— Если и гуляю, Пер, то так, как червяк гуляет на крючке у рыбака... — Тор чуть скосил уголок рта. — Я, знаешь, такой червяк, на которого должна клюнуть большая рыба. Очень большая, Пер, и очень опасная...

— Ты... — Густавссон удивленно поднял бровь. — Так ты понял, что за тобой охотятся ТЕ?.. «Черви»... Ведь вы их так называете? Ты знал про эту опасность?

— Сначала только догадывался... — Толле смотрел прямо в глаза Пера, и теперь в его взгляде не было и тени смятения. — Потом в Большом Космосе они чуть не добрались до меня. Если бы не Харр... Там на корабле он им помешал. Основательно помешал. Но я понял, что они дотянутся до меня и здесь, на Прерии. Ведь это их Пространство — Кротовый холм... Ты говоришь «опасность»... А помнишь, там, на Чуре, я тебя учил, как надо поступать, когда становится опасно?

— Помню... хорошо помню, — кивнул Пер. — Человек Чура не ждет, пока беда найдет его, — он заманивает беду в ловушку и убивает ее. И из убитой беды творит добро и удачу... Но я так и не понимаю — почему?..

— Знаки Судьбы, Пер, Знаки Судьбы... — Теперь Гость снова сосредоточенно рассматривал злое, узкое полотно своего меча. — Вы — люди Земли... Хотя она отсюда и очень далеко, но все равно: все вы — и здесь, и в других Мирах — люди Земли... Вы почти не умеете читать Знаки. Говорите про интуицию, про предчувствия, про озарения... Все это — не то. Просто надо... ну, ощущать узлы событий. Трудно вам втолковать, что это такое... Это... это — из детства... Надо по-другому совсем думать. Даже не думать, а... Он запнулся и на мгновение жестко сжал губы, досадуя на свое косноязычие. Чуть поморщился. — Вы — как слепые... Видите только события, факты. А мы — люди Чура — умеем смотреть на ситуацию изнутри. Чувствовать ее узлы. Вот и я такой узел почувствовал. Очень важный. Сначала, правда, я ошибся: подумал, что эти двое — Белая Голова и Нос Коромыслом — пришли за мной от ТЕХ... Это из-за куклы все... Кукла на дороге... Это так похоже на ТЕХ — кукла... Но потом понял, что дело сложнее. Но все равно, они привели меня к самому узлу, эти двое...

— К самому узлу? — Пер вскинул глаза на лицо Тора, стараясь поймать его взгляд. — Ты знаешь... ты узнал про «Шесть Портов»?

— Это я привел его сюда... — встревоженно вмешался в ставший ему непонятным разговор Мепистоппель. — Что он мог знать про нору? Никто про нее ничего не знает. Здесь мы — у Бога за пазухой...

— Скорее уж у Черта в ж...! — оборвал его Пер. — Я сам думал, что эта шарашка всеми

позабыта и в ней снова можно будет отсидеться, как в старые добрые времена... Но вот и часа не прошло, как мне объяснили мою ошибку... Ты знаешь, Тор, чем я занимался здесь после того, как вернулся с Чура? Десять лет, Тор, десять лет! Я думал, что разрабатываю технологию Свертки пространства для Империи Харур. А оказалось, что «Шесть Портов» строят портал для «червей». Роют туннель в Тартар с нашей стороны! Здорово, а?! И он здесь, Тор, здесь, этот портал! В соседнем бункере...

Адельберто онемел. Не поняв и половины сказанного, он осознал все же, что Судьба заманила его в свой капкан.

— Совпадения... — пробормотал он. — Случай...

— Это — не очень-то случайность... — насмешливо поправил его Тор. — Вблизи действующего портала причины и следствия связываются совсем не так, как в гладком пространстве... — Беду мы подманили, Пер. Теперь осталось победить ее...

Но Густавссон плохо понимал, что говорит Гость. Побелевшими губами он повторял:

— Действующего... Вблизи действующего портала... Так он стал действовать, Тор? Надо уходить!

Он стремительно поднялся. — Надо уносить отсюда НОГИ!

Но ноги уносить было уже поздно: гулкий грохот пришел из глубины темного коридора — в пещере стреляли. Стреляли и орали как резаные...

Топографию подземелья Пер помнил, а Тор чувствовал. Хуже приходилось Мепистоппелю. Ему не оставалось ничего другого, как, ломая ноги в темноте, поспевать за этими двумя. Он почти потерял ориентировку в путанице стальных лесенок, едва подсвеченных дверей и переходов. Но самым плохим было то, что Тор явно не стремился выбраться из этой чертовой ловушки. С каким-то варварским изяществом, не производя ни малейшего шума, он двигался по призрачному, потаенному краю к чему-то одному ему известному... И их таинственные противники тоже затихли — больше никто не палил и не орал во тьме. Но тихо топал, перебегая от укрытия к укрытию. Шуршал где-то поблизости. Опрокидывая попадающиеся на пути железяки... Стон. Это жутко действовало на нервы: Мепистоппель вытащил флягу и приложился к ней. Та предательски булькнула и опустела. Нервы Адельберто сдали, и он с остервенением запустил чертову стеклотару в темноту. Тьма отозвалась душераздирающим воплем. Вопль перешел в поток сдавленных проклятий, до боли Фюнфу знакомых. Он осторожно двинулся вперед и, чуть не сорвавшись в озеро по скользким ступенькам очередной лестницы, оказался на слабо освещенном молу.

Адвокат Гопник сидел, стараясь укрыться в темноте, зажимая раненое плечо объемистым, желтой бумаги пакетом. Желтая бумага пакета быстро пропитывалась кровью.

— Где вас черти носят в этих катакомбах?! — зло зашипел он, узнав в движущейся к нему тени своего старого знакомого.

За спиной Адельберто тут же возник Пер.

— Я же сказал, что напрасно вы швыряетесь бутылками! — шепотом заметил он, приседая на корточках около раненого адвоката. — Однако вас зацепило далеко не бутылкой...

Он вытащил из поясной сумки баллончик репарирующего биогеля и принялся распаривать рукав пропитанного кровью пиджака Гонсало.

— Бутылкой — тоже! — злобно сверкнул тот глубоко посаженным левым глазом.

Правый был почти не виден из-за быстро наливающегося синевой «фонаря»,

украшившего физиономию адвоката по темным делам.

— Осторожнее с пакетом! — шикнул Гопник на Густавссона, небрежно отбросившего сей предмет в сторону. Там ваши деньги, Фюнф. Я же принес вам откупные... Принимают господу — там, наверху — ваши условия... Принимают не глядя... А вы меня под пули подвели... И как таких дураков земля носит...

— В самом деле, почему вы так поступили со своим старым другом, господин Фюнф? — вкрадчиво прозвучал голос из темноты за его спиной.

И темноту эту вдруг залил ослепительный свет.

Ярчайшие прожектора полыхнули из-под сводов подземелья, превратив пяточок мола, нависшего над подернутым масляной пленкой озером, в подобие операционного стола. К ним добавились лучи карманных прожекторов, которые держали обступившие этот пяточок люди. Странные какие-то люди. А может, и не люди вовсе: свет слепил глаза Адельберто, а за кругом света тьма оставалась тьмой.

Только сгустилась, словно зажила какой-то своей жизнью.

— Потрудитесь бросить оружие и поднять руки, — продолжил Магир, делая шаг в залитое светом пространство. — Надеюсь, вы все хорошо понимаете, что при малейшей попытке сопротивляться вас изрешетят... Нам... Ох, черт!!!

Глаза Магира как-то странно округлились и растерянно забегали. И было отчего: неведомо откуда оказавшись в круге света, крепко держа свой меч, перед ним стоял Тор. А из тьмы неслышным кошачьим шагом выходил второй — точно такой же... И у боевиков, стоявших по обе стороны от Магира, тоже забегали глаза. Они тоже видели что-то...

И в это мгновение один из прожекторов — там, под сводами пещеры, — погас. Совершенно бесшумно, словно порыв ветра задул его. А потом в пещере раздался вой.

Жуткий, до кончиков ногтей пронимающий вой Пса. Даже Пер, которому такое было не в новинку, с трудом справился с охватившим его душу запредельным, каким-то леденящим страхом при звуке этого воя.

И Магир, и странные его спутники на миг потеряли ориентацию. И этого было достаточно. Меч сверкнул в руках Толле — теперь это был только один Тор, но оказавшийся совсем не там, где его искали взгляды странных противников. И один из них лишился головы и части плеча. Адельберто еще успел подумать, что это дико — человек с отрубленной башкой стоит и не валится с ног. И тут под ноги Рамона бросился Пер. И наступил полный бардак. Погас второй прожектор, потом сразу еще два. В наступившей тьме лучи карманных прожекторов бестолково металась по стенам, по химерическим, словно из дурного сна пришедшим металлическим сочленениям, по мгновенно исчезающим фигурам людей...

Страх, охвативший Мепистоппеля, страх остаться одному в этом чертовом бедламе толкнул его на что-то вроде подвига. Он закинул себе на шею не пострадавшую руку адвоката Гопника и, поднатужившись, ползком потащил его, пребывающего в полной прострации, неведомо куда — прочь с поля боя. Происходящее слишком напоминало дурной сон, чтобы хоть как-то сориентироваться в своих действиях. Ко всему еще и стрельба смолкла. А фонари — погасли. Все, кроме двух или трех, валявшихся на цементе причального мола.

Остались тьма и шорохи в ней.

Но эта темнота жила. Какие-то ее отдельные части были более черными, чем весь остальной непроглядный мрак. Адельберто никак не мог сообразить: в действительности они существуют или только в его собственных, изрядно помутившихся мозгах, И эти

сгущения тьмы, они шевелились, словно были какими-то существами, слепыми щенятами, ищущими в окружающем пространстве чего-то... ЧЕГО...

Адельберто почувствовал даже некоторое облегчение, услышав где-то впереди явно человеческого происхождения звуки: кто-то неуклюже топтался и сопел в темноте, пытаясь обойти препятствие, такое же невидимое, как и он сам. Впрочем, не так уж и невидимое: рубиновые огоньки индикаторов какого-то то ли пульта, то ли распределительного щита, установленного поодаль, подсвечивали мрак inferнальным, потусторонним отсветом. Фюнф осторожно пристроил полубездыханного адвоката к какой-то оказавшейся рядом преграде, осторожно выглянул из-за нее и обомлел. Сопел и топтался... Нет — сопело и топталось то самое, что остается от человека, когда меч сносит его череп и часть туловища. Это и не думало падать. (Чем, собственно, оно должно было думать?) Это, тяжело, с бульканьем вдыхая и выдыхая воздух из кровавых дыр, снова толкалось в нелепую металлическую ферму, преградившую ему путь. Терпеливо перебирало вариант за вариантом... Адельберто так и не мог потом вспомнить, как долго он, разинув рот, в оцепенении таращился на эту жуть. А это наконец обогнуло преграду и кануло во тьму, протопав неровной поступью мимо замеревшего Мепистоппеля. Пришел в себя Адельберто только тогда, когда что-то из темноты осторожно прикоснулось к его руке, а что-то другое крепко зажало рот, чтобы заглушить уже готовый из него вырваться вопль ужаса.

— Вы, я вижу, совсем сдурели, — прошептал ему в ухо Пер. — Биоробота испугались... Притом поврежденного... Тащите раненого следом за мной... Я знаю, где выход...

Фюнф не заставил его повторяться и снова послушно перекинул здоровую руку Гонсало себе на плечи.

А во тьме шло сражение, почти бесшумное и потому особенно страшное. То вспышка выстрела подсвечивала мрак, и ослабленный глушителем треск очереди гас под каменным сводом, то короткий вскрик долетал издалека. То звук короткой перебежки. А то и недолгое, полное своего рокового смысла рычание Зверя, его сдавленный лай.

— Этот Пес тут, кажется, повсюду, — раздраженно прошипел Адельберто, с натугой волоча бесчувственного Гонсало под низкими сводами какого-то перехода. — Только что лаял там — сзади. А теперь рычит откуда-то спереди...

— Это Тор, — прошептал Густавссон. — Это Тор разговаривает со своим Псом...

Толле ждал их у самой горловины туннеля, скрытой за массивными металлическими щитами. Рассмотреть его лицо в темноте Адельберто не смог, но голос Гостя был печален.

— Теперь все в сборе. — Он провел ладонью по лезвию меча, запнулся. — Уходим, Ты, Пер, идешь первым. Знаешь дорогу. Я помогу нести раненого.

— А Харр? — вдруг неожиданно для самого себя спросил Мепистоппель. — Вы бросаете своего Пса здесь?

— Когда в бою надо отступить, — все тем же скорбным голосом ответил Тор, — Человек уходит, а Пес останавливает врага. На Чуре такой закон. Так Псы приказали Людям.

— Это там... — определил Роше. — Но по-моему...

— По-моему, это — какая-то другая собака... — подтвердил его сомнения Ким. — Стоит посмотреть, что у них там...

Фидлер промычал что-то утвердительное, а Старинов только кивнул.

— Сэмюэль! — коротко бросил Роше, вытягивая из кобуры свой пистолет. — Ты

отвечаешь за доктора Аркадьева. Джон и Каспер пойдут с нами. Не уходите из эфира...

— Хочу дать вам совет... — окликнул уже шагнувшего в темноту комиссара зоолог. — Кольцо «призраков» — очень... очень нехорошая вещь... Вы постарайтесь не пересекать его — круга этого границу...

— Спасибо, док, — кивнул Роше. — Постараемся... — Конечно постараемся... — бурчал он, двигаясь по колону в тумане следом за легким, проворным Каспером.

Длинноногие Ким и Джон еле поспевали за двумя коротышками.

— Вот только где она, граница кольца этого... — продолжал пыхтеть комиссар. — Да и самих тварей этих не разглядишь в тумане...

Туман действительно вступал в свои права над озябшей за долгую ночь Поймой...

— Метров за сто хотя бы... — продолжал Роше. — Апокрифы... — Он переложил трубку в зубах поудобнее. — Мемуары... Матерь Божия!!!

Последнее относилось к неожиданно вынырнувшему из мрака здоровенному, рыжекаштанового окраса — насколько позволял судить свет ручных фонарей — псу. До размеров Харра зверюга не дотягивала, но достаточно впечатляла. Таких держат не для охоты за сусликами... Когти и зубы зверя были способны внушить ужас не только рядовому обывателю, но и людям с боевым опытом, вроде комиссара Роше или Кима Янова. Однако именно этого псина делать и не собиралась: глаза ее полны были не яростью, а безысходной тоской и отчаянной надеждой на помощь.

Пес кинулся почему-то именно к Роше, словно почуяв в нем хорошо замаскированную от простых смертных добрую душу. С остервенением отчаяния он принялся атаковать полы его плаща, явно норовя увлечь комиссара в нужном ему направлении. Направление это совпадало с намеченным отрядом, да к тому же неприкаянная псина была явно источником того зова, на который отряд этот двинулся. Так что оставалось только поторапливаться за рыжеватой бестией в глубь тьмы. Далеко забираться в чащобу не пришлось.

— Смотрите! — объявил подсвечивавший дорогу галогеновым фонариком Каспер. — Имеем труп...

И действительно: в черных кустах, завалившись на бок и уткнувшись порядком исцарапанной добродушной физиономией в сырую землю, лежал одетый по-спортивному, крепко сложенный, слегка полноватый тип. Недавно, видно, проклюнувшаяся, небольшая лысинка его была обрамлена венчиком настолько светлых волос, что в лучах фонарика они сначала показались комиссару просто седыми.

Псина суетилась над бездыханным телом. Это и была цель, к которой она стремилась доставить подмогу. Роше нагнулся над «клиентом» и перевернул его лицом вверх. Жертва скрывала под собой орудие преступления — литровую бутылку можжевелевой водки. Полностью опустошенную.

— Для покойника этот тип слишком пьян, — определил комиссар, втягивая ноздрями воздух и похлопывая ладонью по карманам незнакомца. — Бедняга просто плохо закусывал... К рассвету будет как огурчик. Оружия при нем нет. Зато есть это... — Он принялся рассматривать извлеченный на свет кожаный кисет. — В табаке... э-э... пострадавший толк понимает... А это... смотрите-ка — настоящий Трубочник... Настоящая монастырская работа — немалых денег стоит, между прочим...

Он привел «клиента» в сидячее положение и прислонил к пню.

— Беднягу зовут Энтони Мелвин Пайпер, — продемонстрировал неплохую зрительную память Ким. — По крайней мере, он как две капли воды похож на фото из файла...

Первая отрезвляющая пощечина не возымела на пьянчужку никакого действия, зато вторая, которую вкатил ему раздосадованный своей ошибкой — Каспер, заставила его открыть глаза. Из всего окружавшего его взгляд выделил только собачью морду. Счастливую, как никогда.

— Б-бинки! — изумленно выдавил из себя Тони. — Верный друг Бинки...

Глаза Счастливчика стали закатываться, однозначно свидетельствуя о том, что он не намерен в обозримом будущем связываться с докучливой прозой жизни. Каспер в сердцах одарил его третьей оплеухой, которая придала совладельцу «Проката гробов» гораздо больший жизненный импульс, чем первые две.

— П-полицейский произвол!.. — констатировал Пайпер, не раскрывая глаз.

Потом с усилием поднял набрякшие веки и одарил верного друга Бинки укоризненным взглядом.

— Б-бинки, ты предал меня!.. — с глубоким чувством произнес он. — Т-ты с-сдал меня легавым!..

Осознавший всю глубину обрушенного на него обвинения, пес поджал хвост и, жалобно повизгивая, отбежал в сторону. Тони перевел взгляд на комиссара, похоже, узнал его и сообщил:

— Я хочу покоя, мсье... покоя и тишины...

— Будет тебе покой... — заверил его Роше, легким похлопыванием по щекам удерживая хозяина Бинки на зыбкой поверхности реальности окружающего мира. — Скажи мне только одно, где находится твой друг, Мепистоппель? Это — в его интересах... И где Торвальд Толле? Что с ним сейчас? Как пройти к ним? Как добраться?

— А вот это — черта с два! — заверил его Пайпер и снова закрыл глаза. — И плевал я на все в-ваши «л-личинки»... — Он стал крениться в сторону, намереваясь снова обрести горизонтальное положение. — Л-лучше у-умереть лежа, чем п-предавать стоя... — заключил Тони гордо.

Роше, не реагируя на эти слова, закатал рукав Счастливчика и внимательно осмотрел его руку.

— Дело плохо, — констатировал он. — Ему, похоже, действительно ввели «блуждающую капсулу»... Он отцепил с пояса свой блок связи.

— Что за ч-черт?! Каспер, у меня что-то приключилось с аппаратом... Врубите свой — надо вызывать медиков и...

— Не надо вызывать медиков... — раздался за его спиной хриловатый голос. — Не стоит...

И на несколько мгновений все обступившие Тони ослепли от света направленных на них карманных прожекторов.

— И не стоит вообще будоражить эфир... — продолжил господин Саррот, поправляя стволом десантного лазера свое пенсне.

Пенсне в данной ситуации было явным декоративным излишеством, а вот лазер мог за три тысячных секунды вывести из строя средний гвардейский танк. Впрочем, сам глава филиала «Дженерал Трендс» мог быть вооружен и просто зонтиком: за его спиной мрачно ждала команды дюжина головорезов в полном обмундировании бойцов-десантников.

— Не стоит будоражить эфир, — продолжал Сар-рот. — Мы перекрыли район демпфирующим полем... Пожалуй, нам будет проще говорить, если вы положите оружие на землю, господа. Вы все равно не успеете им воспользоваться... Вот так, правильно...

Уверен, что мы найдем с вами общий язык...

— Что-то я не вижу никаких точек соприкосновения в наших интересах, господин... э-э... — Ким не то чтобы совсем уж не понял, с кем имеет дело, он просто отчаянно тянул время. — Простите, кому обязан?

Клод коротко кивнул одному из своих, и тот вытолкнул из темноты тонкую фигурку с заведенными за спину руками. Вид у пленницы был, несмотря на ситуацию, довольно независимый.

«Гос-с-споди, Энни!.. — потрясение подумал Ким. — Можно было заключать пари на то, что она здесь появится... Тот тип наверху действительно любит Троицу...»

Саррот в пенсне приставил ствол своего оружия к виску репортера «Гэлэкси ньюс» и осведомился:

— Надеюсь, теперь вы видите точки соприкосновения наших интересов, господин Агент?

— Этого козла зовут Клод Саррот, и он присматривает здесь за одной лавочкой от Комплекса... — громко, назло врагу, объяснил присутствующим Коротышка Каспер.

— Ну вот мы и представлены друг другу... — Саррот одарил Каспера улыбкой, не оставляющей сомнений в том, что за «козла» тот ответит, причем весьма скоро. — Так вот, кроме... э-э... здоровья и жизни этой излишне любопытной особы между нашими позициями все-таки есть и другие точки соприкосновения. И вы и мы заинтересованы в том, чтобы разработки методов манипуляции гравитационным полем остались в руках людей... Согласитесь, что ради того, чтобы не допустить захвата или уничтожения такой информации чуждой землянам цивилизацией, можно забыть о том, что у людей бывают разные точки зрения на... э-э... практические аспекты проблемы... Так что вам имеет смысл не занимать позицию собаки на сене... Если нам не удастся перехватить Гостя, он еще до рассвета станет гостем Тартара... И вы это знаете, господин Агент. Как видите, мы тоже неплохо информированы о присутствии на Прерии агентуры «червей»...

— А что вам, собственно, угодно? — продолжал гнуть свою линию Ким. — Похоже, что вы лучше нас информированы о местонахождении Гостя... Мы, как видите, далеки от того, чтобы...

— Бросьте, Агент, — поморщился Саррот. — Вы здорово обскакали всех, сделав ставку на Густавссона. Думаю, он не стал делать секрета из местонахождения своего убежища и своих былых связей с господином Фюнфом... И если он привел вас сюда, то это не случайно... Вот господин Пайпер тоже оказался здесь... Бедняга разрывался между страхом перед капсулой, которая гуляет у него по... э-э... организму, и товарищеским долгом... Он уже почти привел нас к цели, но в конце пути, как видите, принял героическое решение принять смерть в состоянии алкогольного опьянения и товарищей не выдавать. Вы, я вижу, — Саррот повернулся к жшиссару, — обеспокоены его судьбой... Знаете, героев надо поощрять, так что мы инактивировали его капсулу... Зачем лишние жертвы? Тем более когда вы любезно предоставили себя в наше распоряжение...

— Так вы просто-напросто нагло шли за нами след в след? — начиная закипать от негодования, осведомился Роше. — По пеленгу?

— Вы недооцениваете себя и свои технические средства — такое просто технически невозможно... — польстил ему Саррот. — Нас привел сюда посредник — милейший господин Гопник... В прошлый, наш... э-э... контакт с господином адвокатом мы позаботились, чтобы его... м-м... организм отзывался 3 на определенную радиочастоту...

Это не слишком вредная процедура. Как видите, мы даже дублировали наши методы обнаружения... м-м... цели. К сожалению...

О чем именно он сожалел, участники беседы узнали много позже, потому что в этот момент Счастливчик, не раскрывая глаз, совершенно трезвым голосом скомандовал: «Фас!!!», и на мсье Клода молча и с быстротой молнии кинулся Бинки, норвя с лету перехватить горло. Зубы пса сомкнулись на вовремя подставленном под удар корпусе боевого лазера, и половина боевиков кинулась на помощь шефу. Двое из них успели получить неожиданную подсечку от мгновенно среагировавшей на изменение ситуации Энни, прежде чем Ким ухватил ее за локоть и коротким рывком выбросил с ринга в темноту у себя за спиной...

Ким потом не раз спорил с Роше за чашечкой кофе: случайность то была или Счастливчик все-таки не врал в своих показаниях и, каким-то шестым чувством угадав момент, предпринял отвлекающий маневр. Потому что в следующую долю секунды на всех них — и на правых и на виноватых — с небес обрушилось море ослепительного света.

Удар слепящими прожекторами производился одновременно с залпами шумовых петард. Ослепший и оглохший Ким кинулся лицом на землю, проклиная методы работы, принятые в секторе безопасности здешней Спецакадемии. На ощупь он попытался дотянуться до своего, лежащего в метре от него пистолета. На руку ему тотчас опустился подкованный ботинок десантника, а голову он еле успел защитить от опустившегося на нее приклада.

Вывернувшись из захвата противника, он сообразил, что нападающий — боец штурмового отряда — не слишком хорошо сориентировался, кто здесь свой, а кто чужой. В этой ситуации ему, Агенту на Контракте, просто не следовало пугаться под нотами у людей. По крайней мере, до тех пор, пока перед глазами все еще плавали разноцветные фейерверочные огни, а в ушах звенели колокола громкого боя. Он снова вдавил физиономию в прелую листву, толстым слоем устилавшую землю Ржавой Поймы.

Пребывать в этом положении ему пришлось недолго.

— Вы с ума сошли, Аркадий Иванович!.. — с досадой выкрикнул Ким, еще почти не слыша собственного голоса, когда почувствовал, что на руки ему норвят нацепить наручники. — Усмирите ваших придурков!..

— Прошу извинения, господин Агент... — чуть иронично сказал майор Свирский, помогая ему встать на ноги. — Нам приходится действовать без лишних сантиментов. — Сержант Ханумов, уберите эти наручники и верните Агенту оружие... Что значит «какое»? Разберитесь... Он снова повернулся к Ясному: — Благодарю вас, вы точно вывели нас на портал...

— С порталом не все ладно... — стирая грязь с лица и вертя головой, чтобы определиться в ситуации, отозвался Ким.

Пара боевиков Саррота неподвижно лежали на земле. Еще двоих десантники уже кончали вязать и запихивали в вертолеты. Остальных, включая самого Саррота, как корова языком слизнула. Чуть оклемавшийся Счастливчик, казалось, никому не был нужен и с идиотской улыбкой сидел у пня, глядя на ничего не понимавшего Бинки. Роше с печалью разглядывал пострадавшую в суматохе трубку, а Каспер и Стариков сокрушенно выражали ему свои по этому поводу соболезнования. И нигде не было видно Энни.

В целом работа почти провалена. Точнее, эта часть работы.

И еще двое были явно не у дел в этой деловитой суете — чуть в стороне от залитой светом вертолетных прожекторов площадки стояли Филдинг и док Аркадьев, должно быть спешившие на шум. У зоолога вид был чертовски озабоченный. Он тревожно крутил головой, всматриваясь в чертову темень, казалось еще больше сгустившуюся вокруг.

— С порталом не все ладно... — повторил Ким. — Собака, кстати, не пострадала?

— Собака не пострадала... — рассеянно ответил Свирский. — А эти сволочи ушли. Отступают как раз в сторону портала. Видно, у них тоже имеются индикаторы... Их накроют с вертолета...

— Когда вы засекали людей Саррота? Они обложили нас совершенно неожиданно...

— Господа из «Дженерал Трендс» совершенно напрасно воображали, — самодовольно улыбнулся Свирский, — что если они втихую досыта накормили адвоката Гопника резонансными зондами, то только им это и известно. Мы с такими штучками знакомы давно, и как только господин адвокат снова объявился в поле зрения... со своим предложением продолжить переговоры... Как только он снова объявился, мы хорошенько проверили его на этот счет. Дистанционно, господин Агент, дистанционно... Так что не только ваши сведения вели нас. Гопник шел на явку к Фюнфу, Саррот шел за Гопником, а мы — за Сарротом... Но вы оказались незаменимы, Агент. И для мсье Клода, и для нас — полчаса назад сигнал от зондов как в воду канул. В буквальном смысле этого слова. И нам-бы долго пришлось кружить по Ржавой Пойме, если бы не вы...

— Видимо, адвокат... — начал Ким.

— Дьявол поймет его, этого адвоката! — в сердцах воскликнул майор. — Сейчас мы снова слышим сигнал. Если аппаратура не врет, он бредет сейчас точно навстречу остаткам банды Саррота. Именно поэтому наши люди там не помешают...

— Будьте осторожны... — прервал его Яснов. — Вокруг портала — кольцо... «Пушистые призраки» объявились здесь... Целых шестеро.

Это произвело на Свирского должное впечатление. Светящиеся малыши, надо полагать, также входили в сферу компетенции его подразделения.

— Вам лучше знать, что это означает, — вздохнул Ким. — Если надо, можете проконсультироваться у академика Аркадьева... Я не шучу, вон он стоит у сломанных деревьев... Не упускайте возможность...

Майор посмотрел удивленно на массивную фигуру дока. Прежде чем он пришел к какому-либо решению, из тьмы, со стороны Чертовой Лысины, трижды просигналили фонарем...

А затем взорам сгрудившихся вокруг боевых вертолетов людей предстал довольно странный кортеж: в сопровождении пятерки вооруженных десантников из Ржавой Поймы, торопясь, очень торопясь, спускались двое высоких сутуловатых людей, тащивших на импровизированных носилках третьего. Следом за ними легко, но в то же время как-то скованно шагал четвертый — очень высокий, по-мальчишески угловатый. За его спиной отсвечивала серебристым блеском рукоять меча. Ким и Свирский, а за ними и все, кто мог, сначала неуверенным шагом, а затем переходя на бег устремились к ним. опередил всех, как ни странно, увесистый Аркадьев.

— Я вижу перед собой господина Адельберто Фюнфа? — с волнением в голосе спросил он и властно отстранил подоспевшего сержанта: — Подождите вы со своими наручниками!

Заросший курчавыми черными волосами носатый тип, придерживавший носилки сзади, ответил лаконично и горестно:

— Увы!

О чем доктор Аркадьев расспрашивал Мепистоппеля, какие вопросы они задавали друг другу и какие ответы получали, осталось неизвестным для Кима. Он стоял перед Пером, который держал носилки и молча улыбался.

— Все в порядке, Агент... — наконец произнес он. — Займитесь Тором — у него беда. Кажется, он потерял Харра. Навсегда...

И только тогда Яснов, как и все остальные, кинулся к долговязому типу с мечом. Тот приветливо вскинул руку:

— Здравствуйте, я Тор... Тор Толле... Кто главный у вас? Командуйте, срочно командуйте: пусть ваши люди бегут оттуда...

Свирский уже сориентировался и скомандовал отбой. Не стоило рисковать людьми, когда главная цель операции уже была достигнута.

— Что с ним? — спросил он, направив фонарь на распростертого на носилках Гопника. — Они налетели на боевиков Саррота?

— Никак нет, — тяжело дыша после торопливого марша по ночным буеракам, отрапортовал сержант, командовавший отрядом сопровождения. — Мы, похоже, разминулись... Раненого нес он... — Сержант кивнул на Тора.

Гонсало тихо застонал.

— Вы можете говорить? Что с вами произошло? — нагнулся над ним Свирский.

— Долго рассказывать, мистер... — не без труда выдавил из себя покалеченный адвокат. — Уносите ноги... бога ради, поскорее уносите ноги... И меня тоже...

Но его совет запоздал.

— Смотрите!!! — громко, перекрыв голоса всех окружающих, воскликнул док Аркадьев. — Звезды!..

Ким вскинул голову и оторопело замер: словно какой-то потусторонний озорник бросил камень в темную заводь, опрокинутую над Рекой и Степью, — в кристальной бездне неба над Ржавой Поймой вечные и неподвижные звезды на его глазах двинулись со своих Господом определенных мест, словно норовя уйти прочь от какой-то Чертом означенной метки — прямо над их головами...

Происходящее не уместилось в сознании.

— Ложись! — страшным голосом скомандовал Свирский. — Всем закрепиться на месте! Все держитесь за что-нибудь!

Для Кима этим «чем-нибудь» оказался торчащий из земли корень какого-то местного дерева — огромный и корявый. Для адвоката Гопника «что-то» были ботинки самого Яснава.

Ким, да и большинство людей ожидали чего-то вроде взрыва, удара молнии или землетрясения. Но последовало нечто совсем иное.

Агенту показалось, что он оказался на крышке какого-то гигантского люка, которая именно сейчас надумала открываться. Почва под ним наклонилась, вздыбилась и стала вдруг вертикальной стеной. Оглянувшись, Ким с ужасом понял, что висит — висит, отчаянно вцепившись в нелепую корягу, над безмерной бездной, в которую превратился горизонт Поймы. И в эту бездну, торопливо обгоняя друг друга и поднимая стену пыли, летело все, что не смогло зацепиться за эту невероятно отвесную, безжалостно вставшую над ними стену. Вдали — сорвавшиеся с шасси вертолеты, слои почвы, а рядом — камни, пласты мокрых,

прелых листьев, сучья, чья-то каска. Весь мир обрушивался в бездну, весь мир... и выскользнувшие из-под Гонсало носилки... А сам он, мертвой хваткой обхвативший ноги Агента, становился все тяжелее и тяжелее, словно наливался свинцом... ртутью... нет, чем-то еще несравненно более тяжелым...

«Он сломает мне позвоночник!.. — в отчаянии подумал Ким. — Попросту разорвет меня пополам-Идиотская смерть... И где чертова девчонка? Она же ведь в наручниках — не сможет ни за что уцепиться!.. Глупый у нас конец».

Но если его и ожидал конец, то совсем другой. Идиотская коряга не выдержала первой. Она вырвалась из слоя почвы, обрушивающегося вниз, руки Кима сорвались с корня. Увлекаемый собственным весом и весом нечеловечески заверещавшего Гонсало, он стремительно полетел в бездну. Разбивая лицо и руки о выступы скальной стены, обрывая какие-то сучки породы, в которую превратилась почва, ветви, Ким падал все быстрее, быстрее и быстрее...

Дикий, запредельно оглушительный скрежет разнесся над вставшей дыбом Поймой. Словно заорала сама планета. И глухой удар обрушился на нее, словно ставя точку на всем.

И все кончилось.

По инерции Ким, по-прежнему влекомый вцепившимся в него адвокатом, пролетел еще с десяток-другой метров. Но уже — по горизонтали. И остался лежать. На земле, которая снова стала землей. Где-то вокруг что-то трещало, стонало, с грохотом рушилось, но он понял: все... представление окончено.

И Гонсало тоже понял, что все. И наконец отпустил его.

Поднимаясь на ноги, Яснов почувствовал нечто вроде разочарования: как-никак такое падение в пропасть, не закончившееся свернутой шеей, — это что-то вроде невыполненного обещания...

Он не сразу сообразил, куда его занесло: местность была застлана столбом пыли. Глянув в небо, он не увидел звезд. Только пыльный мрак. Но они снова были на месте — в этом можно было быть уверенным. Нагнувшись над Гонсало, Ким спросил:

— Как вы там, господин адвокат?

Они собирались с трудом, плутая в оседающих фонтанах пыли, проваливаясь в разверзшиеся в земле трещины, без конца пересчитывая друг друга. Как-то так получилось, что центром, вокруг которого собирались все они, порядком побитые, увешанные оружием, оказался Тор, присевший на вывернутую из почвы железобетонную плиту и отрешенно замерший. Он почти не реагировал на происходящее вокруг.

Откуда-то из темноты вывалился, сопровождаемый крашеным Бинки, Счастливчик и опустился рядом с Кимом. Никто не думал брать его под арест. Угроза кошмарной смерти и чудесное спасение, пришедшее на смену гибели, примирили всех. Надолго ли?

«Как он-то уцелел, Господи? — подумал Ким. — Впрочем, им везет, пьяным. Ни Бог их в рай не пускает, ни Черт к себе не забирает... Должно быть, просто застрял в той чащобе дикой вместе с псиной своей... А вот господину Сарроту и его людям повезло меньше — до самого конца пролетели, надо полагать... Только что там было, в конце пропасти этой?»

— Судя по тому, что творится в эфире, — сообщил майор Свирский, — в Столице все стоит на ушах... Думаю, не только там. Мы были свидетелями настоящего микроколлапса... Неужели «призраки» действительно способны на такое?

— Все как в Апокрифе Лоуренса, — подтвердил Аркадьев, подходя к нему. —

«Пушистые призраки», почуяв выход «червя» из портала, строят кольцо и сшивают пространство... Все, что внутри, уходит туда — в подпространство... в полость... в Тартар.

Смотрите, как изменилась местность...

Теперь, когда облака пыли начали рассеиваться, в свете ярких мини-лун Колонии, невозмутимо продолжающих свое вращение в потревоженном гравитационном поле Прерии, стал виден ставший неестественно близким противоположный берег Реки. Ким только сейчас понял, что не стало огромного куска Поймы. В Тартар ушла Чертова Лысина.

Пер присел рядом с Тором. Тот колдовал над лишившимся сознания Гопником. Так и не взятый под арест Мепистоппель о чем-то толковал с постепенно трезвеющим Тони, неспешно разводя костерок. Подсевший к ним академик вовсе не смотрелся в этой компании инородным телом...

— Ты думаешь, он не успел уйти? — спросил Пер. — У него было время, если... Я не верю, что Харра втянуло в Тартар. И что эти... могли с ним справиться, тоже не верю...

Тор поднял на него отрешенный взгляд и впервые после того, как на них обрушился коллапс, заговорил:

— Пока я не видел его мертвым, он жив. Харр жив для меня... Ты знаешь — это наш закон... Он всегда будет... всегда будет где-то рядом...

Пер вяло улыбнулся. Поднялся. Пошел в темноту. Потом остановился, рассеянно похлопал себя по карманам и вынул свисток. Коротко помолился — не своему богу кальвинистов, а так — Богу вообще — и поднес свисток к губам. Сзади него Тор вздрогнул, восприняв неслышимый звук. Но не сказал ничего.

Они оба долго слушали тишину. Пер снова поднес свисток к губам. Но не успел дать повторный сигнал: над Поймой разнесся тихий, словно рыдающий вой...

Естественно, Тор первым достиг цели. И разумеется, ни до чего, кроме Харра, ему дела не было. Он склонился над Псом и принялся торопливо объясняться с ним, одновременно врачую глубокую рану слева на шее. Харру вообще досталось основательно — рассечено ухо, лапы разодраны в кровь. Сам он был мокрый и предельно вымотанный. Рядом, словно перед иконой, застыл, прижавшись к земле, не обращавший никакого внимания на посвистывания хозяина Бинки. И еще какой-то пес, явившийся из темноты, невероятно шелудивый, с порванным ухом. А чуть поодаль на траве сидела и пыталась плечом счистить кровь и грязь с разодранной щеки тонкая, угловатая китаянка... Быть в центре событий было все-таки очень характерно для Энни. Ким присел рядом и стал помогать ей как мог.

— Да снимите с меня эти чертовы наручники! — сердито распорядилась девушка. — Я все-таки не Гудини!

— Он разделался с мерзавцами? — спросил запыхавшийся Пер, кивая на Пса. Густавссон почти вместе с Кимом подоспел к этому странному кратеру на вершине горы хлама, образовавшейся на том месте, где пространство сомкнулось над Чертовой Лысиной.

— Нет, — ответил Тор. — Он почувствовал, что будет... это. И бросился в воду. Ушел подводным туннелем. Так что те люди... и нелюди... они живы и здоровы — там, в Тартаре... Если там можно остаться живым и здоровым...

«Господи, да там больше километра под водой, туннелем, если судить по схеме Пера...» — подумал Ким. Но уже не смог заставить себя удивиться чему-либо еще...

Зато академик и Мепистоппель были поглощены совсем другим. На самом дне кратера, который охранял раненый Харр, еле заметные, почти погасшие, лежали, прижавшись друг к другу, словно щенята, все шестеро «пушистых призраков»..

— Дьявол! Надо уходить отсюда как можно скорее! — с тревогой воскликнул Свирский, разглядев, на что засмотрелись двое специалистов по неземным созданиям. — Пусть ими занимаются саперы...

— Ни в коем случае! — возмутился Аркадьев. — Их необходимо покормить и доставить в город. Теперь это просто обычные живые существа... Нуждающиеся в пище и в уходе...

— И никаких саперов! — гневно добавил Адельберто. — Это — моя законная собственность!

Небо над Космотерминалом могло сравниться только с творениями древних живописцев. «Что-то из Рериха...» — определил для себя Ким, рассматривая диковинно завитые облака, окрашенные восходящим светилом в гамму невероятно чистых тонов. Но саму Звезду все еще скрывал горизонт.

— Я же говорил, что рассвет будет прекрасен! — воодушевленно констатировал господин секретарь.

— Я думаю, — Агент позволил себе толику добродушной иронии, — он вам таким представляется в свете благополучного завершения приема столь важного Гостя.

Лицо господина Азимова омрачилось.

— Относительно благополучного... Относительно... сказал бы я... Хотя вы очень выручили нас и Федерацию, господин Яснов. К вам в этом отношении претензий быть не может... Тем не менее успех визита господина Оружейника весьма сомнителен. Господин Толле сомневается, может ли он доверить свои знания столь ненадежным партнерам... Господин Торвальд вынесет этот вопрос на обсуждение Круга Оружейников Чура...

— Он так и выразился в беседе с Президентом? — поинтересовался Ким.

— Не думаю... — Секретарь пожал плечами. — Политесу он все-таки обучен. Но вид у Всенародно Избранного после беседы с Гостем с глазу на глаз был прекислый... Да и пресса находится в состоянии некоторого... э-э... помрачения. Добро, понимаете ли, не то чтобы восторжествовало, а зло — не то чтобы наказано...

— Кстати, о наказании зла... — вспомнил Агент. — Надеюсь, слово, которое Президент дал в отношении господ Пайпера и Фюнфа...

— Можете быть спокойны, господин Яснов. Обоих жуликов теперь и пальцем не тронут... И даже проклятого проходимца Гопника не удалось исключить из Гильдии Адвокатов. Тем более что Гость публично утверждает, что пребывал в компании господ Фюнфа и Пайпера вполне добровольно. Из чистого любопытства... А пострадавшие получили компенсацию от заведения этих господ... Под разведение «пушистых призраков» дают неплохие кредиты... — Азимов с видимым сожалением возвел очи вверх. — Что, в конце концов, только справедливо. Страшно подумать, что случилось бы, если бы эти двое не спутали все карты в этой игре... Если бы Гость не был уведен из-под носа сразу нескольких охотников, то, боюсь, главный приз достался бы тем джентльменам, что уволокли в Тартар любезного господина Магирова с компанией...

— На вашем месте, господин секретарь, — снова улыбнулся Ким, — я бы все-таки записал себя в победители. Обстоятельства могли сложиться куда хуже...

Тот пожал плечами, словно желая сказать: «Да, это странно, но признаю, что напортачил и что спасло нас только чудо...» Потом выпрямился и со словами «Мне пора...» протянул Киму руку.

Ему действительно было пора присоединиться к небольшому кортежу высокопоставленных лиц, провожающих Гостя. Агенту на Контракте места среди них не было. Кортеж уже готов был начать свое движение от причалившего к стоянке для Особо Важных Персон «ройялфлайта» к эскалаторам Космотерминала.

Правда, вынырнувший из роскошного лимузина Гость чуть подпортил протокольную церемонию. Он издали махнул притулившимся в сторонке Роше и Киму своей длиннющей

рукой и в своей обычной непосредственной манере хотел было двинуться к ним, но комиссар осторожным жестом предотвратил нарушение этикета. Тор чуть смутился и махнул еще кому-то — совсем вдалеке. Ким обернулся: на балкончике второго уровня, стараясь держаться незаметными, стояли двое. И как можно более незаметно тоже махали покидающему их Гостю. Счастливчик сиял как новый пятиалтынный. Мепистоппель утирал слезу. На плече его устроилось что-то серое, пушистое, тоже разделяющее горечь прощания. Тор еще два или три раза обернулся на поднявших руки в прощальном жесте Яснова и Роше. И Харр, следовавший за ним шаг в шаг, тоже обернулся. Как показалось Киму, Пес улыбнулся им на прощанье.

— Тор неплохо вылечил свою собачку, — меланхолично заметил комиссар, глядя на возносящихся по эскалатору человека и Пса. — Никого, говорят, не подпускал к ней все эти две недели...

— У него есть основания не доверять людям, — пожал плечами Агент.

Роше задумчиво рассматривал свою предусмотрительно погашенную в присутственном месте трубку. Трубка тоже была прекрасно исцелена своим заботливым хозяином.

— А все-таки он был прав, тот чех, — задумчиво сказал комиссар.

— Это вы про кого? — недоуменно повернулся к нему Ким.

— Да про того, который писал, что результат расследования всегда будет точно таким, как тот, кто расследование это ведет. Вот я — всю жизнь провел, гоняясь за городским жульем. И что же? И в этот раз всему виной оказались мелкие прохиндеи. Шантажисты-неудачники. Это — для меня. А для господина Свирского дело, верно, представляется как сложнейшая комбинация, — тут комиссар повел над головой трубкой, — сразу нескольких разведслужб. Страшно законспирированных. А еще для кого-то, — Роше исподлобья взглянул на Кима и закусил погашенную трубку, — вся эта канитель упирается в проблемы контакта с подпространственным разумом, конфликтом цивилизаций и со всякой прочей чертовщиной в этом духе... И вот что забавно: все мы оказываемся правы! Агент улыбнулся:

— Нет, вы все-таки философ, комиссар... Вам надо излагать свои мысли на бумаге. Жаль, что мы уже простились с господином академиком: ему ваши идеи, наверное, тоже пришлось бы по душе...

Роше вздохнул:

— Пора и нам прощаться, господин Яснов... — Он протянул руку к шляпе, не обнаружил ее и, пожав плечами, заменил церемонный жест простым рукопожатием. — Мне пора к себе, на Козырную, а вам еще есть кого провожать... Спасибо за прекрасный кофе... Заходите перед отъездом.

Киму действительно было кого провожать. В притулившемся на полупустынной общей стоянке «тендрессе» Энни Чанг заканчивала приводить в порядок свою коротенькую прическу.

— Очень любезно, Агент, что ты нашел время подойти на пару минут к своей подопечной... — приветствовала она Яснова.

Улыбка Энни была и оставалась улыбкой вороватого мальчишки из Чайна-Тауна. Ким попытался вспомнить, когда они перешли на «ты», но этот момент был неуловим.

— Впрочем, прощаю вам пренебрежение служебными обязанностями... — Девушка прихлопнула дверцу кара, и тот послушно покатился к выезду.

Автопилот торопился вернуть подвижную единицу в парк проката.

— Вы специально устроили так, что до «Транзита» мы с Гостем — попутчики?..

— Старался соблюсти ваши профессиональные интересы...

Ким подхватил нетяжелый кейс Энни, и они зашагали к оскалившемуся жерлу ближайшего звена эскалаторов.

— У тебя это получается. Спасибо тебе, Агент... — Собкор «Гэлэкси ньюс» одарила Кима благодарным взглядом. — И за то, что ты затащил дока Аркадьева на чашку чаю, тоже спасибо... Я после этого перечитала о «пушистых призраках» все, что успела заказать по сети... Пожалуй, продам здоровенный очерк нашему научному приложению...

— Так что, теперь на Прерии их будут разводить на фермах? — иронически поинтересовался Ким. — Дюжинами дюжин?

— По крайней мере, Академия Специсследований выбила под этот проект основательные фонды. «Пушистые призраки» — естественный враг «червей». И Нелюди. Хотели конфисковать весь приплод, что вывел Фюнф, или купить у него, но ваш Аркадьев убедительно доказал, что нельзя разрушать сложившуюся систему. Да и сами «призраки» расставаться со старым жуликом вроде не захотели. Так что он теперь — субподрядчик... Большая величина... А вообще, неверно говорить «призраки» во множественном числе... Аркадьев говорит, что есть такая гипотеза, что есть только один «призрак» — такой сверхорганизм... Как бы дерево или сеть, раскинувшаяся в подпространстве... А на поверхность сюда, к нам, выходят только его какие-то специализированные отростки... Они и есть то, что люди встречают на Шараде, на Чуре и на Харуре... И теперь — на Прерии... И действительно, — Энни остановилась, увлекшись темой, — их, наверное, никогда не встречают случайно... Понимаете, эта штука — сверхорганизм — существует сразу в разных местах пространства и в разные моменты времени... И сам выбирает, где ему «выйти на поверхность»... Так что и Фюнфу его «призрак» достался не случайно...

Вообще-то после разговоров с доком Аркадьевым и бесед с майором Свирским Ким ощущал даже некоторое пресыщение информацией о «призраках» и «червях», но ему просто не хотелось так скоро прощаться с Энни. Поэтому он стоял на бетонном покрытии Космотерминала под начинающими греть лучами восходящей Звезды и слушал рассказ маленькой китайки о ее удивительных открытиях в области подпространственной экзобиологии. Скорее всего, они виделись последний раз — Тридцать Три Мира редко сводят людей дважды...

— Это как бы плоды этого «дерева»... — увлеченно продолжала Энни. — Они почти изолированы от своих «веток»... Обмениваются с ними только информацией... Приспособлены существовать в обычном пространстве — на поверхности некоторых планет, где есть подходящие условия. Но вот размножаться, как обычные обитатели пространства, они не могут. У них — все по-другому... Под действием каких-то соединений — вроде тех, что содержатся в хвое сосны Мураямы, — они возобновляют обмен энергией с материнским организмом. Это у них сначала вызывает глубокий шок, транс — их можно принять за мертвых, а затем это «плодовое тело» тедепортирует себя в несколько разных мест одновременно... И возникает несколько уменьшенных по массе его копий... Это с нашей точки зрения. А с их — происходит разветвление такого четырехмерного щупальца, протянутого в трехмерное пространство... Все эти шесть малышей, которые морочили вам голову, это все проекции одного и того же организма в наши измерения... Но при этом организм этот теряет ориентацию и на какое-то время становится беспомощным... Ему требуются уход и забота...

— Выходит, что они не случайно сошлись на Прерии, — спросил Ким, — «призрак», «червь» и Адельберто Фюнф? «Призрак» использовал Мепистоппеля, чтобы размножиться и победить «червя»?

Энни пожалала худенькими плечами и вдруг махнула рукой:

— А бес с ними! Поцелуйте лучше меня на прощанье, Агент. Имеете право — как-никак спасали мне жизнь... Когда еще встретимся...

До ступеней эскалатора они дошли молча. Потом Ким вспомнил:

— Вы не склеили трон вашего Невери? Несуществующего бога счастья? Энни улыбнулась:

— Придется заказать новый талисман. И освятить его. Но это уже где-нибудь на Квесте... Не удастся мне надолго задержаться ни в одном Мире...

Девушка поежилась. Ей и в самом деле показалось сейчас, что громадные каменные шары планет стряхивают с себя почти невесомую плоть спецкора «ГН» и отправляют ее все в новые и новые странствия...

— Возьмите это на память... Пусть позаботится о вас до той поры... И вообще, говорят, эта штука помогает... — Ким протянул Энни старый как мир талисман — кроличью лапку на цепочке с кольцом для ключей.

Та подкинула ее на ладони и снова улыбнулась грустной улыбкой.

— Спасибо. Надо и мне оставить вам что-то на память.

— Это будет неплохо. — Ким тоже улыбнулся чуть-чуть через силу. — У меня собирается целый музей на память о Прерии... Комиссар Роше положил начало экспозиции — забыл свою шляпу у меня в машине... Ни за что не отдам.

— Знатоки будут устраивать паломничество к этому предмету. Будьте уверены, — заверила его Энни. — Но я не стану дарить вам головных уборов...

Она достала из сумки и протянула Киму небольшой потрепанный томик.

— Книга — лучший подарок, Агент... А такая — особенно. Настоящая книга — на бумаге. Напечатана в двадцатом веке, в начале... Семейная реликвия... Отец меня по ней учил читать. А я по ней гадаю на прошлое...

— Как это гадают на прошлое? — спросил Ким, вертя в руках бумажный кирпичик.

— Да так же, как и на будущее... Загадываешь страницу и строку. Или просто открываешь наугад. И читаешь. Надо только спросить Судьбу не о том, что с тобой будет, а что это с тобой было... Это иногда очень важно бывает понять — что на самом деле с тобой случилось. Даже важнее того, что будет потом... А на будущее гадать я не люблю. Лучше пусть все будет неожиданно — ненависть, любовь, жизнь... И смерть... Когда захочешь... Когда что-нибудь у тебя, в жизни закончится... совсем... Открой наугад и прочитай. Поможет...

Она ступила на эскалатор, и бегущие ступени понесли ее вверх — в пределы таможи и санитарного контроля. А дальше ее ждал гром разгонных движков шаттла и немая тишина межзвездной бездны. За секунду до того, как темное жерло поглотило легкую фигурку, Энни сложила руки в молитвенном жесте предков.

«Оммани-падма-хумм...»

Ким повернулся и зашагал к стоянке. Что-то закончилось в его жизни. Совсем. Пора было гадать на прошлое.

Он наугад открыл книжку, опустил глаза на страницу и прочел: «Мы с тобой одной

крови, ты и я...»

Расплавленная сталь восхода залила горизонт.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

